ЕЎРАПЕЙСКІ ГУМАНІТАРНЫ УНІВЕРСІТЭТ

ЦЭНТР ЯЎРЭЙСКІХ ДАСЛЕДАВАННЯЎ

ЦАЙТШРЫФТ

ЧАСОПІС
для даследавання яўрэйскай гісторыі, дэмаграфіі і эканомікі, літаратуры, мовы і этнаграфіі

ТОМ 8 (3)

МЕНСК – ВІЛЬНЯ
2013

ЕВРОПЕЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЦЕНТР ЕВРЕЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ЦАЙТШРИФТ

ЖУРНАЛ
по изучению еврейской истории, демографии и экономики, литературы, языка и этнографии

ТОМ 8 (3)

МИНСК – ВИЛЬНЮС
2013

Ежегодник основан в 2011 году

The annual has been founded in 2011

В левом нижнем углу обложки
фрагмент картины Сальвадора Дали
«Постоянство памяти»

There is a fragment of the work by
Salvador Dali “The Persistence of Memory”
on the bottom right hand corner of the cover

ISSN 2029-9486

Европейский гуманитарный университет
ул. Тауро, 12, LT-01114
Вильнюс, Литва

European Humanities University
12 Tauro str., LT-01114
Vilnius, Lithuania

Printed by “Petro Ofsetas”
Savanorių pr. 174D, LT-03153
Vilnius, Lithuania

Содержание

Ад рэдакцыі

Рэдакцыйная калегія штогодніка «Цайтшрыфт» («Часопіс») рада прадставіць чытачу трэці том нашага выдання. Тры гады існавання часопіса – добрая нагода, каб падвесці вынік нашай справы. З гэтай мэтай Цэнтрам яўрэйскіх даследаванняў Еўрапейскага гуманітарнага універсітэта разам з нашымі партнёрамі з Цэнтра «Сэфер» на ХХ міжнароднай канферэнцыі па іудаіцы ў Маскве (3–5 лютага 2013 г.) быў арганізаваны «круглы стол» рэдактараў яўрэйскіх навуковых перыядычных выданняў. Гэтае мерапрыемства паказала запатрабаванасць акадэмічных выданняў па іудаіцы. Як выявілася, з усяго мноства навуковай перыёдыкі па яўрэйскай тэматыцы ў постсавецкіх дзяржавах з пэўным пастаянствам выходзяць толькі два выданні: зборнік «Сходознавчі студії» («Усходазнаўчыя даследаванні») Харкаўскай дзяржаўнай акадэміі дызайна і мастацтваў (пад рэдакцыяй Я. А. Катляра) і наш «Цайтшрыфт», які мы лічым найбольш паспяховым і перспектыўным праектам як Цэнтра, так і універсітэта.

Спадзяёмся, што той фармат, які мы абралі з самага пачатку, – штогоднік – быў правільны. Выданне якаснага рэцэнзуемага часопіса часцей, чым адзін раз на год, патрабуе вялікіх і фізічных, і фінансавых, і маральных выдаткаў, да таго ж ва ўмовах дэфіцыту здатных матэрыялаў гэта практычна немагчыма. Падобныя навуковыя выданні павінны фінансавацца універсітэтамі: гэта дазваляе рабіць удалы навуковы часопіс, а таксама прытрымлівацца цвёрдай рэдакцыйнай палітыкі. Сталася так, што «Цайтшрыфт» ужо зрабіўся пэўнай пляцоўкай, што аб’ядноўвае даследчыкаў Цэнтральнай і Усходняй Еўропы, а таксама постсавецкіх дзяржаў. Захаванне часопіса з цягам часу ўмацуе гэту тэндэнцыю. Мы вельмі ўдзячны ўсім нашым аўтарам, якія даверылі нам свае матэрыялы, а таксама нашым калегам з розных куткоў свету за ўсе добрыя і крытычныя водгукі, якія атрымалі два мінулых тома. Хацелася б падзякаваць за падтрымку нашай справы кіраўніцтва Еўрапейскага гуманітарнага універсітэта.

Асноўнай тэмай гэтага нумара мы зрабілі гісторыю антысемітызму і гісторыю Халакосту. Падборка артыкулаў па актуальнай тэме адкрываецца матэрыяламі, прысвечанымі 110-годдзю Кішынёўскага пагрому: артыкулам ізраільскага філолага Б. Вальдман «Кішынёўскі пагром. Па старонках руска-яўрэйскага друку (1903–1904 гг.)» і артыкулам В. Міхедзька аб пагромах на Беларусі на пачатку ХХ ст. У восьмым (трэцім) томе таксама друкуюцца некаторыя архіўныя матэрыялы: лісты яўрэйскага савецкага гісторыка С. Я. Баравога беларускаму гісторыку У. І. Пічэце, былому рэктару Беларускага дзяржаўнага універсітэта (1939–1945), а таксама матэрыялы калекцыі па вывучэнні гісторыі Вялікай Айчыннай вайны з Ар-

хіва Інстытута расійскай гісторыі Расійскай акадэміі навук. Мы таксама прадстаўляем частку матэрыялаў міжнароднай навуковай канферэнцыі «Нацысцкая палітыка генацыду на акупаваных тэрыторыях СССР», што адбылася 7–8 снежня 2012 г. у Брэсце: пра малечскае гета (А. Кенда), польскую гістарыяграфію падзей 1939–1941 гг. у Заходняй Беларусі (С. Струнец), нямецкія падручнікі гісторыі і адлюстраванні ў іх вайны з Савецкім Саюзам (А. Ермакоў). Адмыслова для гэтага нумара нашай чэшскай калегай П. Дамахорскай напісаны артыкул аб зменах у яўрэйскай літургіі пасля Халакосту.

Прыемна, што нават па фармаце новы «Цайтшрыфт» усё больш нагадвае стары: з'яўляюцца лінгвістычны і літаратуразнаўчы аддзелы. Літаратуразнаўчы аддзел утрымлівае работы аб паэце М. Ц. Манэ, ураджэнцы Вільна (В. Брыо), і Зм. Бядуле (З. Гімпелевіч); лінгвістычны аддзел адкрываецца артыкулам І. Якаўлевай (Расія). У раздзел «Даследаванне Палесціны» уключаны артыкул Л. Якімавай (Расія) аб прынцыпах «газавай дыпламатыі» Ізраіля. У часопісе прадстаўлены не толькі традыцыйны мастацтвазнаўчы аддзел (артыкул украінскай даследчыцы Т. Паўлавай) і рубрыка «Агляды і рэцэнзіі», але і падборка кароткіх паведамленняў пад назвай «Падзеі», што прысвечана яўрэйскаму навуковаму жыццю, у якім так ці інакш прымала ўдзел рэдкалегія зборніка. Да таго ж, пачынаючы з гэтага нумара, мы даём рэзюмэ ўсіх артыкулаў на ідыш.

Чацвёрты том плануецца прысвяціць дзвюм юбілейным датам 2013 г.: 65-годдзю стварэння Дзяржавы Ізраіль і 95-й гадавіне абвяшчэння Беларускай Народнай Рэспублікі. Рэдакцыя чакае ў новы нумар выдання артыкулы па ізраілезнаўстве, палесціназнаўстве, а таксама любыя матэрыялы, што датычацца беларуска-яўрэйскіх стасункаў у першай трэці XX ст.

От редакции

Редакционная коллегия ежегодника «Цайтшрифт» («Часопіс») рада представить читателю третий том нашего издания. Три года существования ежегодника – хороший повод подвести промежуточный итог нашей деятельности. С этой целью Центром еврейских исследований Европейского гуманитарного университета совместно с нашими партнерами из Центра «Сэфер» в рамках XX ежегодной международной конференции по иудаике в Москве (3–5 февраля 2013 г.) был организован «круглый стол» редакторов еврейских научных периодических изданий. Мероприятие показало востребованность академических изданий по иудаике. Как оказалось, из всего множества научной периодики по еврейской тематике в постсоветских государствах постоянно выходят два издания: сборник «Сходознавчі студії» Харьковской государственной академии дизайна и искусств (под редакцией Е. А. Котляра) и наш «Цайтшрифт», который мы считаем наиболее успешным и перспективным проектом и Центра, и университета.

Надеемся, что формат, который мы избрали с самого начала, – ежегодник – оказался верным. Издание качественного рецензируемого журнала чаще одного раза в год требует огромных и физических, и финансовых, и моральных затрат, что сейчас, в условиях дефицита необходимых материалов в Восточной Европе, практически невозможно. Подобные научные издания должны финансироваться университетами: это позволяет делать добротный научный журнал, а также придерживаться твердой редакционной политики. «Цайтшрифт» уже стал некой площадкой, объединяющей исследователей Центральной и Восточной Европы, а также постсоветских государств. Сохранение журнала со временем укрепит эту тенденцию. Мы благодарны всем авторам, которые доверили нам свои материалы, а также весьма признательны нашим коллегам из разных стран мира за добрые и критические отзывы, которые получили два предыдущих номера. Хотелось бы поблагодарить за поддержку руководство Европейского гуманитарного университета.

Основная тема этого выпуска – история антисемитизма и история Холокоста. Подборка статей по актуальной теме номера открывается материалами, посвященными 110-летию Кишиневского погрома: статьей израильского филолога Б. Вальдман «Кишиневский погром. По страницам русско-еврейской печати (1903–1904 гг.)» и статьей В. Михедько о погромах в Беларуси в начале XX в. В восьмом (третьем) томе публикуются также некоторые архивные материалы: например, письма еврейского советского историка С. Я. Борового своему старшему коллеге В. И. Пичете (1939–1945), а также материалы коллекции по изучению истории Великой Отечест-

венной войны из Архива Института российской истории Российской академии наук. Мы представляем также часть материалов международной научной конференции «Нацистская политика геноцида на оккупированных территориях СССР», прошедшей 7–8 декабря 2012 г. в Бресте: о малечском гетто (А. Кенда), польской историографии событий 1939–1941 гг. в Западной Беларуси (С. Струнец), немецких учебниках истории и отражении в них войны с Советским Союзом (А. Ермаков). Специально для этого номера нашей чешской коллегой П. Дамохорской написана статья об изменениях в еврейской литургии после Холокоста.

Отрадно, что даже по формату новый «Цайтшрифт» все больше напоминает старый: появляются лингвистический и литературоведческий отделы. Литературоведческий отдел предлагает вниманию работы о поэте М. Ц. Мане, уроженце Вильно (В. Брио), и Зм. Бядуле (З. Гимпелевич); лингвистический отдел открывается статьей И. Яковлевой (Россия). В раздел «Исследование Палестины» включена статья Е. А. Якимовой (Россия) о принципах «газовой дипломатии» Израиля. В журнале представлены не только традиционные искусствоведческий отдел (статья украинского искусствоведа Т. Павловой) и рубрика «Обзоры и рецензии», но и новая рубрика – «События», посвященная основным мероприятиям еврейской научной жизни, в которых так или иначе была задействована редколлегия сборника. Кроме того, начиная с этого номера, мы снабдили резюме всех статей переводом на идиш.

Четвертый том планируется посвятить двум юбилейным датам 2013 г.: 65-летию образования Государства Израиль и 95-й годовщине провозглашения Белорусской Народной Республики. Редакция принимает в новый выпуск ежегодника статьи, посвященные израилеведению, палестиноведению, а также любые материалы, касающиеся белорусско-еврейских отношений в первой трети XX в.

Editors' notes

The editors of *Tsaytshrift / Ĉasopis* are delighted to present the third volume of the annual. Three volumes of the Belarusian journal of Jewish studies have been already published. This is a good reason for observing the results of our work. Bearing in mind the aim, the Center for Jewish Studies of the European Humanities University and our partners from Moscow Center for University Teaching of Jewish Civilization "Sefer" held the round table of editors of academic journals for Jewish studies. The event took place during the 20th international conference devoted to Jewish Studies in Moscow (3–5 February, 2013). The round-table discussion showed the relevance of academic publications on Jewish studies. Today there are only two academic journals which come out regularly in the states of the former Soviet Union and Eastern Europe, along with other Jewish periodicals: they are *Skhodoznavchi studiyi* (*Eastern studies*) edited by Evgeni Kotlyar from Kharkiv State Academy of Design and Arts and our *Tsaytshrift*. We consider *Tsaytshrift / Ĉasopis* to be the most promising and successful project of the Center for Jewish studies at the European Humanities University.

We chose the following right format of the journal from the very beginning: we publish the journal annually, and it addresses the current needs since the humanities are in crisis now. We are proud that our journal is funded by the European Humanities University. We believe such academic journals should be funded by universities because it allows publishing a good academic journal as well as having firm editorial policy.

Tsaytshrift / Ĉasopis has become a platform uniting researchers from Central and Eastern Europe, as well as from the former Soviet Union. If we keep publishing the journal, this trend will continue. We should like to thank the European Humanities University for the support of our project. Also, we are very grateful to our colleagues from around the world for their reviews of the volumes 1 and 2.

The main issues of the third volume are the history of anti-Semitism and the history of the Holocaust. The first material on the issue is the article devoted to the 110th anniversary of the Kishinev pogrom: it is the work by the Israeli philologist Dr. Batya Valdman who studies the Russian-Jewish press and the way it eliminated the Kishinev event in 1903–1904. Another work revealing the issue of massacres on the Belarussian territories in the early 20th century is the article by the Belarusian historian V. Mikhedzka.

Furthermore, we publish several archival records. The letters written by the Soviet Jewish historian Saul Borovoy to his instructor Vladimir Picheta in 1939–1945 are published in the eighth (third) volume (by Dz. Shavialiou), as well as some materials from the collection for the study of the Great Patriotic War from

the Archives of the Institute for the Russian History, the Russian Academy of Science (by E. Rozenblat).

We present some interesting studies, namely materials of the international conference "Nazi policy of genocide in the occupied territories of the USSR", which took place 7–8 December, 2012 in Brest. Among them is the article about the Ghetto in Malecz (by A. Kenda), the article about the Polish historiography of interethnic relations in Western Byelorussia in 1939–1941 (by S. Strunets), the overview of German history textbooks (by A. Yermakov), etc. Our Czech colleague Dr.Th. Pavla Damohorská has written the article "Jewish Liturgy after the Shoah" thus contributing to this volume of *Tsaytshrift* / *Ĉasopis.*

This new volume of *Tsaytshrift* has become similar to the old one in terms of the format: we have reopened the linguistic and literary sections of the journal. This part of our journal features the paper by Dr. Valentina Brio (Jerusalem) on the Jewish poet Mordkhe Zvi Mane who was born in Vilna, the article by Prof. Z. Gimpelevich on Zm. Biadulia as well as the article by the Russian linguist Irina Yakovleva on the speech act verbs of in Yiddish. Also, there is an article devoted to the principles of Israeli "gas diplomacy" by E. Iakimova published in the part called "The study of Palestine". The journal presents the conventional part which focuses on the history of arts (the article by the Ukrainian artist T. Pavlova) and the Reviews. Additionally, this volume includes the new part named "Events" which covers the major events in Jewish academic life.

The fourth volume is planned to be devoted to several anniversaries of the year 2013: the 65th anniversary of the creation of the State of Israel and the 95th anniversary of the Belarusian People's Republic. Thus the editorial board is expecting materials on Israel studies, Palestine studies, and also materials related to the coexistence between the Belarusians and Jews and their relationships in the early 20th century.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ
Тема номера: 110-летие Кишиневского погрома. Погромное движение на территории Российской империи в начале XX в. История Холокоста

Б. Вальдман

Кишиневский погром. По страницам русско-еврейской печати (1903–1904 гг.)

Еврейская периодика на русском языке возникла в Одессе в 1860 г. Первым изданием был еженедельник «Рассвет». В XIX в. значительная волна погромов прошла на юге России в 1881–1882 гг. Эти трагические события в жизни российских евреев занимали значительное место в русско-еврейской периодике, причем и в публицистике, и в беллетристике. Писатели не только рассказывали о страшных эпизодах погромных дней, но и стремились осмыслить причины и последствия погромов. Гершон Баданес (псевдоним Г. Гуревича) в «Записках отщепенца» («Восход», 1884, кн. 3, 5–6) писал о том, что погромы отражают государственную политику и стали возможны только благодаря ей. Рассказывая о жертвах, некоторые писатели показывали воздействие погромов на тех, кто непосредственной жертвой не являлся. Один из пионеров русско-еврейской прозы Лев Леванда в «Летучих мыслях недоумевающего» («Восход», 1881, кн.6; 1882, кн. 2), написанных в стиле сатиры Салтыкова – Щедрина, характеризовал погромы как «молотьбу тупым орудием по голове, спине и смежным с нею частям тела» («Восход», 1882, кн.2, с. 27). Леванда употребил понятие «самозащита» и критиковал пассивность евреев, которые не оказывали сопротивление погромщикам. В этом отношении он оказался предшественником Х. Н. Бялика, написавшего подобное позднее в поэме «Сказание о погроме» (См.: Вальдман, 2008).

В начале XX в. разразилась новая национальная трагедия еврейского народа – погром в Кишиневе. Как сообщал «Правительственный вестник» от 23 (10) апреля 1903 г. «6-го и 7-го апреля в Кишиневе местное еврейское население подверглось нападению толпы рабочих. Беспорядки начались с разграбления еврейских лавок и квартир и весьма быстро приняли характер сплошных бесчинств. Несмотря на усилия полиции, а затем и призванных

в помощь ей воинских частей, рассыпавшиеся по городу буяны били стекла в окнах еврейских домов (при чем случайно были разбиты стекла и в нескольких квартирах христиан), уничтожали и расхищали имущество. Возобновившиеся во второй день беспорядки против евреев приняли, несмотря на призыв войск, угрожающий характер: произошло несколько побоищ, были пущены в ход не только камни и палки, но даже железные ломы и револьверы…По распоряжению министра внутренних дел город Кишинев и его уезд объявлены на положении усиленной охраны» («Газетные “старости”», 1903).

Погром начался на седьмой день Песаха, который совпал с первым днем православной Пасхи. Как известно, идеологом погрома был министр внутренних дел Плеве, а подготовил его П. Крушеван, издававший при поддержке казны две антисемитские газеты – «Бессарабец» в Кишиневе и «Знамя» в Санкт-Петербурге.

Первыми о погроме сообщили беженцы из Кишинева в Одессе. Из-за празднования Пасхи газеты не выходили. Как пишет В. Кельнер, «случившееся стало неожиданностью для всех, даже для такого исторически «настороженного» человека, как Дубнов. В эти дни он записал в дневнике: «Я забросил всякую работу, мечусь, волнуюсь и не могу ни о чем думать, кроме этого… Юдофобская травля сверху привела к убийству снизу. Русский народ много вынес из 22-летней школы юдофобии: начал с погромов и теперь дошел до резни»» (Кельнер, 2008, с. 325).

Ведущими русско-еврейскими изданиями в России в начале XX в. были выходящие в С.-Петербурге с 1900 г. ежемесячный журнал «Книжки “Восхода”» и газета «Восход» (выходила два раза в неделю). Они продолжали традиции журнала «Восход» (1881–1899) и его приложения «Недельная хроника “Восхода”» (1882–1899). В №16 «Восхода» была опубликована небольшая корреспонденция о погроме. А в следующем 17-м номере этой же газеты была уже большая подборка разных материалов. Известный еврейский историк и публицист С. Цинберг в «Обзоре еврейской печати», подписанном его псевдонимом Z, писал: «Старые средневековые, полные ужасов и предсмертной муки, «кинот» и «слихот»[1], читаемые в печальную годовщину страшной хмельничины – перестали быть простым печальным воспоминанием далекого прошлого; они ожили, эти «кинот», и страшные кровавые деяния, о которых они повествуют, вдруг предстают перед нами, обступают нас, бьют по истерзанным нервам, леденят нашу душу» («Восход», 1903, №17, стб. 6). Как отмечает российская исследовательница

[1] *Кина – кинот* (мн.ч., иврит) – скорбная песнь в память о трагических событиях еврейского народа или по случаю смерти близких. *Слихот* (мн.ч., иврит) – мольба о прощении грехов, заступничестве Бога.

Г. Элиасберг в своем исследовании о Цинберге, он не только с гневом писал о погроме, но и призывал к самообороне: «Стыд и позор тому, кто не умеет, не пытается даже, отстоять свою личность, и безропотно отдает и себя, и своих ближних на растерзание людям – зверям» (Элиасберг, 2005, с. 259). Через некоторое время газета «Восход» (1903, №21) ознакомила своих читателей с реакцией Толстого на Кишиневский погром. В разделе «За неделю» был перепечатан из «Одесских новостей» текст телеграммы, полученной в Кишиневе от группы русских писателей и ученых, в том числе и Л. Толстого. Вот этот текст: «Глубоко потрясенные совершенным недавно в Кишиневе злодеянием, мы выражаем наше болезненное сострадание невинным жертвам зверства толпы, наш ужас перед этими зверствами русских людей, невыразимое омерзение и отвращение к подготовителям и подстрекателям толпы и безмерное негодование против попустителей этого ужасного дела» («Восход», 1903, №21, стлб. 7). Тут же приведено письмо Л. Толстого от 27 апреля 1903 г. профессору Н. Стороженко, который подготовил текст телеграммы. В этом письме, первоначально опубликованном в газете *«Ѓа-зман»* («Время»)[2], писатель благодарил за то, что к нему обратились. Он соглашался подписать текст при условии замены выражения «жгучий стыд за христианское общество» словами «сочувствие горю невинных жертв, ставших добычею хищного зверя, живущего в душе толпы, и чувство ужаса перед зверскими поступками, совершенными русскими людьми» («Восход», 1903, №21, стлб. 8). В этом же номере «Восхода» опубликован текст письма великого русского писателя от 6 мая 1903 г., адресованного Шолом-Алейхему. Еврейский писатель обратился к Л. Толстому по поручению еврейского книгоиздательства в Варшаве, которое готовило сборник на идише в пользу пострадавших в Кишиневском погроме. В этом письме русский писатель заверял: «Я очень рад буду содействовать вашему сборнику и постараюсь написать что-либо соответствующее обстоятельствам» («Восход», 1903, №21, стлб. 8).

Этим произведением стал рассказ «После бала», над которым писатель работал в августе 1908 г., однако в сборник он не был отправлен и впервые издан после смерти Л. Толстого В. Чертковым в 1911 г.[3]

В мае 1903 г. Дубнов, возглавлявший в то время Еврейское историческое общество, отправил делегацию, в составе которой был поэт Хаим Нахман Бялик, (Дубнов и Бялик жили тогда в Одессе) в Кишинев для сбора свидетельств о погроме. В Кишиневе Бялик начал работу над поэмой *«Бе–‘ир ѓа-ѓарига»* (в русском переводе «Сказание о погроме»). Оно было опубли-

[2] Газета *«Ѓа-зман»* (на древнееврейском языке) выходила в С.-Петербурге в 1903–1904 гг. и в Вильно в 1905–1906 гг.

[3] См.: Толстой Л. Н. Собр. соч. в 20 тт. М., 1960–1965, т. 14, с. 535–536.

ковано на иврите в *«Ѓа-зман»* в ноябре 1903 г. Поэма по цензурным соображениям была опубликована на русском языке под названием «Сказание о Немирове», в котором использовано название города в Подолии, где в 1648 г. казаки Б. Хмельницкого вырезали около 6 тыс. евреев. Замечателен перевод З. Жаботинского предисловия Бялика к русскому переводу «Сказания о Немирове», опубликованный в 1904 г. в сионистском журнале «Еврейская жизнь». Упругий ритм стиха вселяет в читателей веру и бодрость: «Все друзья нам изменили,/мы одни в бою со злом…/Дружно, братья, – напролом!/В нас одних у нас опора» («Еврейская жизнь», 1904, №11, с. 161). Бялик внушает еврейскому народу необходимость быстрее изжить психологию раба «Слушай, племя Израэля…/злей и горше нет позора,/чем насилье перенесть.../выходите на арену,/чтоб отныне наша доля…стала делом наших рук!» («Еврейская жизнь», 1904, №11, с. 161). Предисловие заканчивается строками: «Однажды в сорной куче,/*в том городе* (выделено автором. – *Б.В.*) заметил я клочок/пергамента – изорванную Тору./Я взял его, и вынул свой платок,/и бережно стряхнул пылинки сору,/и прочитал…»в чужой земле»./Его прибил я дома:/в тех двух словах из книги Бытия/рассказана история погрома» («Еврейская жизнь», 1904, №11, с. 162).

Этот образ поруганной Торы встречаем и в других произведениях. Так, в балладе известного еврейского поэта Семена Фруга *«Хасан Тора»* («Мощь Торы»), опубликованной в «Сборнике «Будущности»» (1903, т. 4), речь идет о поруганных «разорванных свитках». Они приобретают в балладе символический характер: на чтение этих свитков чутко реагируют тени стариков, женщин, детей. Скорее всего, это был отклик поэта на Кишиневский погром.

Откликом на погром был и рассказ Мирона Рывкина «Поруганная святыня», опубликованный в журнале «Еврейская семейная библиотека» в июле 1903 г., то есть через несколько месяцев после случившейся в Кишиневе бойни. Журнал выходил в С.-Петербурге в течение 1903 г. (12 выпусков), его редактировал М. Рывкин, который затем был одним из редакторов «Хроники “Еврейской жизни”». По сюжету рассказ напоминает балладу Фруга. Действие рассказа (скорее очерка) относится к периоду разрушения Храма. Его герой рассказывает, как увидел знакомые ему свитки Торы «в день неожиданно разразившейся Божьей кары. Это был страшный день слез, скорбей, крови… У порога храма, над грудой разорванных свитков лежал растерзанный храмовый служитель… Кругом валялись большие и маленькие кусочки пергамента, на которых черные ряды букв смешивались с бесформенными пятнами человеческой крови» («Еврейская семейная библиотека», 1903, июль, с. 53). Изорванная Тора с пятнами крови приобретает значение символа: события далекого прошлого перекликаются с погромом в Кишиневе.

В дни пребывания в Кишиневе Бялик познакомился с уроженкой города Эстер Слепян (урожд. Иоселович). Она более известна по своему псевдониму – Ира Ян. Талантливая художница и литератор, она также переводила с иврита и идиша. В частности, перевела на русский язык поэму Бялика *«Мегилат ха-Эш»* («Огненная хартия»). Ян иллюстрировала многие произведения Бялика. В «Книжках “Восхода”» за 1903 г. (8, 9, 10) была опубликована повесть Иры Ян «По еврейскому паспорту». Главный герой, христианин по происхождению, по стечению обстоятельств начинает жить по еврейскому паспорту. Раньше он жил вне черты оседлости, в центре России. Теперь он – Сруль Меерович, живет среди евреев и открывает для себя новый необычный мир, сталкивается с преследованиями и сам оказывается преследуемым. На еврейской свадьбе встречает красавицу, изнасилованную во время погрома, которая теперь не может выйти замуж. Здесь же он узнает, что еще одна изнасилованная девушка не смогла пережить унижения и утопилась. В этом эпизоде явно намек на события Кишиневского погрома, поскольку Ира Ян родилась и жила в Кишиневе, и повесть опубликована в 1903 г.

Оперативно и подробно реагировала на трагические события в Кишиневе редакция еженедельника «Будущность», который выходил в С.-Петербурге с 1899 г. и имел литературное приложение. Основателем еженедельника был бывший критик «Восхода» С. Грузенберг (1854–1909). Первые сообщения о погроме публиковались в №16 «Будущности» за 1903 г. В №17 несколько страниц было посвящено подробностям погрома, публикациям из русской прессы, сообщениям о сборе пожертвований пострадавшим. Печатались имена жертвователей в разных городах России и суммы пожертвований. Под заглавием «Кишиневский погром» публиковались подробности о погроме из «С.-Петербургских новостей»: «Вся губерния встревожена зверским избиением евреев, изнасилованием их жен и дочерей в Кишиневе… Евреев убивали в домах, погребах и на улице, срывали с конки и тут же на глазах публики топтали ногами и умерщвляли» («Будущность», 1903, №17, с. 328). В этой информации говорится о подстрекателях погрома, во главе которых «по мнению благомыслящих христиан и евреев» стоит издатель «Бессарабца» Крушеван, «уже 6 лет проповедующий крестовый поход против евреев». Есть сообщение корреспондента «Русских ведомостей», который приехал в Кишинев 9 апреля. Он писал: «Кишинев имеет такой вид, как будто он опустошен неприятелем. Почти все еврейские дома и лавки на протяжении всего города – в центре и на окраинах – разбиты и ограблены…» («Будущность», 1903, №17, с. 328). Его статья полна жутких натуралистических подробностей издевательств над беззащитными людьми, включая детей и стариков. Такие же подробности сообщает и корреспондент «Новостей» от 23 апреля и, завершая свою корреспонденцию, он пишет: «Пока нищета

среди местного еврейского населения достигла апогея. Около 4000 семейств остались без крова и пристанища. Приток пожертвований из других городов крайне незначителен, а местные средства крайне скудны, так что вся помощь несчастным евреям со стороны временного комитета выражается в раздаче плохо испеченного хлеба с горсточкой чая и сахара на каждое семейство» («Будущность», 1903, №17, с. 329). Интересно «Письмо в редакцию» М. Усышкина, опубликованное в «Будущности», в котором он обращается «к братьям-сионистам» с предложением собрать пожертвования и основать фонд «для сирот, убитых во время погрома. Сироты будут отправлены на нашу старую родину, в Палестину…» («Будущность», 1903, №17, с. 329) [4].

Последовательным и активным защитником евреев в конце XIX – начале XX вв. был русский писатель и публицист В. Г. Короленко. Сын уездного судьи, он выступал против всякого рода беззакония и бесправия. Уже в детстве и юности он видел бесправное положение евреев, поскольку жил в городах еврейской «черты оседлости»: родился в Житомире, курс реального училища окончил в Ровно. Евреи являются героями ряда его произведений. 15 июля 1903 г. в Полтаве отмечался 50-летний юбилей Короленко, и в «Будущности» было несколько сообщений о том, что целый ряд поздравлений ему послали евреи. Так, группа еврейской молодежи из Ровно писала: «…Мы приветствуем Вас как неустанного и бесстрашного борца за правду и гуманность, искреннее и честное слово которого неоднократно раздавалось и за еврейский народ» («Будущность», 1903, №30, с. 587).

После погрома Короленко приехал в Кишинев, чтобы на месте ознакомиться с происшедшей трагедией. В дневниковых записях писатель посвятил несколько страниц антисемитским изданиям «Бессарабец» и «Знамя», Их пропаганда, в частности по «дубоссарскому делу», и явилась непосредственной причиной погрома. В записи от 10 июня Короленко писал: «Незадолго перед этим (погромом. – *Б.В.*) в газете Крушевана было сообщено, что в Дубоссарах, произведено ритуальное убийство. В течение недели в газете прибавлялась черта за чертой… Затем было кратко сообщено, что все эти слухи не оправдались и что в этом случае нельзя видеть даже при желании ничего подобного ритуальному убийству. Но эта небольшая заметка, лаконичная и не повторенная более, прошла мало замеченной» (Короленко, 1928, с. 317). Короленко прибыл в Кишинев 9 июня. 13 июня он записал в своем дневнике: «4-й день я в Кишиневе и чувствую себя, точно в кошмарном сне. То, что с полной психологической несомненностью выясняется передо мной действительно похоже на дурной сон. И как в кошмаре, –

---

[4] Бялику в октябре – ноябре 1903 г. предложили преподавать в Эрец-Исраэль иврит сиротам из Кишинева, которые учились в сельскохозяйственной школе, но он отказался (см.: Х. Н. Бялик. Стихи. Под ред. А. Хольцмана. Изд-во «Ор Иехуда», 2004 (на иврите), с. 540.

более всего мучит сознание бессилия…» (Короленко, 1928, с. 324). В этих же записях Короленко с удовлетворением отмечает, что «евреям надоело служить приниженными жертвами» и во время Кишиневского погрома уже были группы, названные в правительственном сообщении «кружки самообороны». 4 июня Короленко пишет, что молодой еврей совершил покушение на Крушевана. «По-видимому, Дашевский – интересный и новый тип среди еврейской интеллигенции», – записал в дневнике Короленко (Короленко, 1928, с. 316–317)[5].

И хотя покушение на Крушевана было не слишком удачным, сам поступок Дашевского вызвал бурную реакцию среди молодежи. Известно воззвание, подписанное «Варшавские рабочие-сионисты», которое распространялось достаточно быстро после покушения. В нем были такие строки: «И еврейский мститель за пролитую еврейскую кровь явился! Мы приветствуем тебя, дорогой брат, твой дух несется по еврейским улицам и будит новые силы… Твой подвиг ясно доказывает, что прошло уже то время, когда еврей сгибался в три погибели, когда его забрасывали грязью… Мы реагируем уже на каждое явление нашей жизни и реагируем, как истинные дети здорового народа, стремящегося к свободе»[6]. После Кишиневского погрома у российских евреев происходит новый всплеск национального самосознания. Многие покинули Россию и в составе Второй алии прибыли в Эрец-Исраэль. Они и их потомки заложили основы будущего еврейского государства.

Библиография

«Будущность». СПб., 1903.

Вальдман, Б. Русско-еврейская журналистика (1860–1914): литература и литературная критика / Центр изучения иудаики Латвийского университета. Рига, 2008.

«Восход»: [Журнал]. СПб., 1881–1884.

«Восход»: [Газета]. СПб., 1903.

«Еврейская жизнь». СПб., 1904.

«Еврейская семейная библиотека». СПб., 1903.

Кельнер, В. Е. «Миссионер истории»: Жизнь и труды Семена Марковича Дубнова. СПб.: Мир, 2008.

«Книжки “Восхода”». СПб., 1903.

Короленко, В. Г. Полное собр. соч.: В 5 тт.: Харьков, 1922–1929. Т.4: Дневник.

Элиасберг, Г. «…Один из прежнего Петербурга». С. Л. Цинберг – историк еврейской литературы, критик и публицист. М.: РГГУ, 2005.

«Газетные “старости”». [Электронный ресурс] <http://starosti.ru/archive.php?m=4&y=1903>

---

[5] Дашевский Пинхас Израилевич (1879–1934?) – участник сионистского движения в России. Петербургский окружной суд приговорил его за покушение на Крушевана к пяти годам каторжных работ. Но он был освобожден досрочно через 3 года. Свою жизнь он закончил в советской тюрьме.

[6] Эту телеграмму публикует И. Маор в книге «Сионистское движение в России» (Иерусалим, 1977).

В. Михедько

Власть, революция и погромы в Беларуси в начале XX в.

Проблема антиеврейского насилия на территории Российской империи в XIX – начале XX в. все еще остается предметом активного обсуждения. Осознана необходимость его «переосмысления» и, в том числе, выявления региональной специфики (Anti-Jewish Violence…, 2011). Уже современники событий отмечали существенные отличия в интенсивности антиеврейского насилия на пространстве «черты оседлости». В начале XX в. «Еврейская энциклопедия» (статья «Погромы в России», т. 12, стб. 616, 618) отмечала отсутствие погромов в 1880-х гг. на территории Северо-Западного края – т.е. современной Литвы и Беларуси. Помещенные в этом же издании сведения о 7 антиеврейских погромах, произошедших в белорусских губерниях в октябре 1905 г. – разительно контрастируют как с их общей показанной численностью – 690, так и с количеством погромов в украинской части «черты оседлости».

Сравнение уточненных данных, позволяющих говорить о 23 случаях погромов, произошедших в октябре 1905 г. на территории Беларуси (Михедько, 2004) и 292 погромах в это же время в пределах всей «черты оседлости» (Степанов, 1992, с. 55), поэтому очевиден значительно меньший уровень антиеврейского насилия в белорусских губерниях. Учитывая, что и по количеству еврейского населения, и по территории они составляли значительную часть «черты», подобная «диспропорция» обращает на себя внимание.

Имеющиеся в литературе объяснения этой ситуации немногочисленны. Дж. Клиер (Klier, 1992, p. 14) указал только, что отсутствие в Беларуси и Литве «казацких традиций», возможно, обусловило здесь низкий уровень антиеврейского насилия в 1880-х гг. К. Ле Фоль (Le Foll, 2011) достаточно убедительно объясняет низкий уровень антиеврейской агресии замедленным характером модернизационных процессов. Однако в объяснении нуждается не только факт отсутствия либо малочисленности погромов, но – вполне традиционно – и факт их появления. Таким образом, контекст антиеврейских погромов, произошедших в начале XX в. на территории Беларуси, и прежде всего причины и механизмы их возникновения требуют дополнительного изучения и осмысления.

Рассматривая предпосылки возникновения на территории Беларуси в начале XX в. антиеврейских погромов, следует в первую очередь назвать

действие системы «ограничительного» законодательства. При общности его на территории белорусско-литовских и украинских губерний, специфика влияния на местную жизнь все же отличалась. Во многом это определялось особенностями экономического развития белорусско-литовского края – преобладанием сельскохозяйственного сектора, практически полным отсутствием крупной промышленности. Каждая этноконфессиональная группа занимала свою нишу и свой уровень в социальных и экономических отношениях. Система иерархических взаимоотношений, социально-экономического и профессионального распределения населения, в значительной степени освященная и укрепленная властью, в условиях Беларуси была достаточно устойчива. Евреям в этой системе социально-экономических отношений традиционно принадлежало место мелких торговцев и ремесленников. В этих условиях конкуренция между основными этноконфессиональными группами была минимальной. Кроме того, вряд ли возможно не учитывать особенности менталитета белорусского населения, на что указывает и К.Ле Фоль (Le Foll, 2011, pp. 167–170).

Введение «Временных правил» 3 мая 1882 г. («майских законов») оказало крайне деформирующее влияние на урбанизационный процесс и в целом на социальную модернизацию в белорусских губерниях. Как отмечал виленский генерал-губернатор П. Д. Святополк-Мирский, образовавшаяся в результате правительственных мер «крайняя скученность... населения в городах понизила ценность... труда». Результатом этого стала «бедность, граничащая с полной нищетой общей массы еврейского населения» (РГИА, ф.1284, оп.194, д.136, л.92 об.). Уже с конца XIX в. в городах наблюдался значительный избыток трудоспособного еврейского населения (Біч, 1972, с. 38). Нищета, бесправие и отчаяние запертых российским законодательством в перенаселенных городах и местечках еврейских рабочих и ремесленников создали условия для широкого рабочего движения. Правительственный запрет сионистских организаций, запрет деятельности легальной «Еврейской независимой рабочей партии», преследовавших экономические и национально-культурные цели, также способствовали политизации и радикализации рабочего движения. Росло количество столкновений еврейских рабочих с полицией и войсками (см.: Бич, 1983; Драпкин, 1925). Улицы белорусских городов и местечек превращались в арену боевых действий. Уже к 1902 г. проявилась и далее становилась все более очевидной неспособность местных властей противостоять быстрому развертыванию революционного движения.

В этой ситуации в особенно уязвимом положении оказались местная администрация, особенно ее низовые уровни, и жандармско-полицейские структуры, на которых и лежала повседневная ответственность за сохра-

нение «порядка». Именно этот фактор, как представляется, был основным в эскалации антиеврейского насилия на территории Беларуси в начале XX в. Здесь документально подтверждается участие в актах насилия либо в их организации представителей чиновничества и жандармско-полицейских структур во всех случаях, когда результатом погрома были значительный материальный ущерб (разрушения, разграбление) и/или человеческие жертвы.

Следует заметить, что со времени подавления восстания 1863 г. чиновнический корпус в крае целенаправленно формировался имперским режимом. В результате, по свидетельству современника, к началу XX в. значительная часть местных чиновников считала себя «господами, а евреев и иноверцев – врагами... себя аристократами – белой кожей, а евреев – черной» (Гомельский процесс…, 1907, с. 903). В отчетах и донесениях виленского, минского, витебского, могилевского губернаторов за 1901–1903 гг. представлена крайне негативная характеристика еврейского населения. Евреи обвинялись в экономической эксплуатации местного христианского населения и организации антиправительственного движения (РГИА, ф.1284, оп.194, д.46, л.9; РГИА, ф.1284, оп.194, д.52, л.3об.; РГИА, ф.1284, оп.194, д.92, л.5-5об.; РГИА, ф.1284, оп.194, д.98, л.6-7). Наиболее ярким представителем консервативной части местной администрации являлся могилевский губернатор Н. М. Клингенберг, занимавший эту должность с июля 1902 по декабрь 1905 гг. На протяжении своей карьеры он проявил себя сторонником жестких, в буквальном смысле «палочных» методов управления (Зайончковский, 1970, с. 179). Н. М. Клингенберг убеждал правительство, что проводившаяся в крае политика не требовала кардинального пересмотра. Причину обострения общественно-политической ситуации в крае Н. М. Клингенберг видел в том, что «все еврейское население крайне враждебно настроено по отношению к русскому». При этом, по мнению Н. М. Клингенберга, принятие правительством мер, «направленных хотя бы на смягчение национально-религиозной розни», представляло задачу «едва ли… выполнимую» (РГИА, ф.1284, оп.194, д.121, л.20об.).

В местной администрации и полиции формировалась презумпция «коллективной вины» евреев. По свидетельству директора Департамента полиции МВД, «всю причину крамолы видели в инородцах: поляках... и обывателях черты еврейской оседлости» (Лопухин, 1908, с. 426). В сложном комплексе причин обострения общественно-политической ситуации в этих кругах видели лишь национально-религиозные противоречия. Деятельность революционных организаций в этих кругах воспринималась как оскорбление национальных чувств русского народа и выступление против российского владычества в крае: «такого кощунства над русской властью и национальностью, мы, русские мозыряне, еще никогда не видывали! О, нет

М. Н. Муравьева!...» (НИАБ, ф.295, оп.1, д.7509, л.558). В крае была жива память подавления восстания 1863–1864 гг., когда администрация использовала против повстанцев отряды стражников из числа крестьян-белорусов и русских старообрядцев.

С другой стороны, деятельность революционных партий и организаций среди нееврейского населения в 1902–1904 гг. находилась на зачаточном уровне (Бригадин, 1994, с. 44–62; Біч, 1994, с. 379). В условиях сегрегированного общества деятельность революционеров встречали с недоверием: «на тех русских товарищей, которые стали вести агитацию среди рабочих масс… часто смотрели, как на людей, “продавшихся жидам”» (Шкловский, 1925, с. 243–244). Антиправительственные мероприятия – манифестации, забастовки, террористические акты – все это нарушало рамки привычного и дозволенного, что само по себе вызывало раздражение; а часто и наносили ущерб материальному благополучию населения. В то же время, с 1902 г. в белорусские города и местечки значительно увеличился приток крестьянской молодежи из страдавшей аграрным перенаселением белорусской деревни (Шыбека, 1997, с. 151). Однако и в городах возможности получить постоянную работу и наладить свой быт были крайне невелики. Для многих переселенцев естественный психологический дискомфорт, порожденный проблемами социально-экономического характера, усугублялся также межкультурным конфликтом. Социально-экономическая, культурная, психологическая неустойчивость городского населения Беларуси в начале XX в. создавала предпосылки для развития социальной и национальной агрессии. Антисемитские элементы административно-полицейского аппарата видели в еврейских погромах единственное эффективное средство борьбы с революцией и находили поддержку в полупатриархальных кругах нееврейского торгово-ремесленного населения, для которых антиеврейское насилие представлялось способом избавиться от конкуренции и повышения собственного статуса. Благоприятную почву для воздействия антисемитской пропаганды представляли массы фрустированного крестьянского и городского населения. Реакционеры искали и находили поддержку и среди русского старообрядческого населения. Старообрядцы традиционно рассматривались администрацией как одна из надежных опор российской власти в крае (РГИА, ф.1284, оп.194, д.136, л. 43). В силу особенностей вероучения и экономической конкуренции для торгово-промышленного старообрядческого населения было характерно негативное отношение к евреям.

Кишиневский погром и, главное, – последовавшая на него реакция со стороны императора и министра внутренних дел В. К. Плеве, – стали обнадеживающим сигналом сторонникам жестких мер и в белорусских губерниях.

Первой масштабной погромной акцией в Беларуси стал еврейский погром в Гомеле 1–2 сентября 1903 г. Анализ судебно - следственных материалов, донесений полиции и жандармов, сообщений печати, позволяет утверждать, что погром был подготовлен и организован совместными усилиями представителей военно-полицейских и жандармских структур, чиновничества государственных ведомств, железнодорожных служащих и мелкой городской буржуазии. Их взаимное сближение и создание нелегального сообщества произошло в предыдущие весеннее-летние месяцы 1903 г. под влиянием Кишиневского погрома. Сам процесс непосредственного сговора и организации погрома достаточно полно восстанавливается свидетельскими показаниями. Он занял всего около двух суток, когда были поставлены конкретные задачи и распределены функции организаторов и участников (Гомельский процесс… 1907; НАРБ, ф.60, оп.3, д.256). Следственные документы показывают, что уровень антиеврейской агрессии в Гомеле был недостаточен для спонтанного возникновения конфликта. Все рядовые погромщики принадлежали к группам населения, которыми в силу социально-правовых, психологических и экономических причин было возможно манипулировать.

Основную массу рядовых погромщиков составляли рабочие Либаво-Роменских и Полесских железнодорожных мастерских, крестьянская молодежь, занятая в городе на поденных и сезонных работах, в основном на железной дороге и строительстве, а также «босяки-золоторотцы» – представители городского люмпен-пролетариата. В ходе погрома к ним присоединились крестьяне пригородных деревень. В результате погрома погибли не менее 12 человек – 7 евреев (по другим данным – до 12) и 5 христиан. Жертвы среди христиан были вызваны действиями войск, обстрелявших скопления людей. Тяжелые увечья получили 8 человек, всего же было ранено около 50 человек. Значительный материальный ущерб был нанесен не менее чем 400 еврейским семьям, около 250 жилых и торговых помещений были повреждены и разрушены, при том, что наиболее сильно пострадала еврейская беднота (Гомельский процесс… 1907; Михедько, 1998). Показателен состав представших перед судом погромщиков. Среди них, по сословному признаку, был 1 дворянин, 5 мещан и 38 крестьян из деревень Могилевской губ. Все обвиняемые были заняты на железной дороге и строительных работах; крестьяне, в большинстве своем, были поденными и сезонными рабочими. Средний возраст представших перед судом погромщиков составлял 24,5 года (Гомельский процесс… 1907, с. 45–47). Таким образом, антисемитская пропаганда прежде всего нашла отклик в среде маргинализированной крестьянской молодежи, представлявшей поколение, выросшее в белорусской деревне уже после выхода «Временных правил»

1882 г. и не имевшее длительного опыта повседневного общения с еврейским населением.

По следам погрома могилевский губернатор выступил перед представителями еврейской общины Гомеля. В своей речи он обвинил самих евреев в провоцировании беспорядков и утере «уважения к власти» (Речь могилевского губернатора Н. Клингенберга 1903). Тогда же, в рапорте, поданном императору, Н. Клингенберг утверждал: «…хотя происшествию этому придается характер еврейского погрома, но считаю своим долгом свидетельствовать перед Вашим Императорским величеством, что главными виновниками события являются сами евреи. Подпольной антиправительственной пропагандой они возмущают рабочий класс, подстрекая к беспорядкам, которые при первом подходящем случае отражаются на них же самих вследствие их вызывающе дерзкого и пренебрежительного отношения к христианам» (ГАРФ, ф.102, оп.231, д.555«А», л.56-56-об.). Вплоть до конца 1905 г. взгляды Н.М. Клингенберга, как свидетельствуют его рапорты и донесения, остались неизменными. При этом следует отметить, что в этот период именно Могилевская губ. со значительным отрывом лидировала на территории Беларуси по количеству и тяжести погромов.

Гомельский погром 1903 г. положил начало целой серии погромных инцидентов, распространившихся на значительную часть территории Беларуси и продолжавшихся, по крайней мере, до середины 1906 г. Погром, угроза погрома становится для местной администрации – прежде всего низовой ее части – способом повседневного управления.

Русско-японская война открыла новый этап в развертывании антиеврейского насилия. Осенью 1904 г., главным образом, 9–18 октября 1904 г., по белорусским губерниям прошла волна так называемых «мобилизационных» погромов. Они произошли, преимущественно, на территории Витебской, Могилевской и, частично, Минской губерний. Произведенные подсчеты показывают, что на территории Могилевской губ. имели место не менее 14 погромов. На территории Витебской губ. зафиксированы 6 погромов. В Минской губ. отмечены 6 погромов. По Гродненской и Виленской губ. данные о наличии погромов в этот период не выявлены.

Мобилизованные на русско-японскую войну крестьяне концентрировались на сборных пунктах в селах, городах и местечках. Из-за несовершенства мобилизационного механизма длительное время они были предоставлены самим себе, без надзора и без питания, пьянствовали и хулиганили. Происходил своего рода «праздник непослушания». Достаточно многочисленные случаи уклонения евреев от мобилизации способствовали усилению антиеврейских настроений среди белорусских крестьян-резервистов. Под влиянием пропаганды, объяснявшей неудачи России в войне

с Японией «предательством» евреев, мобилизованные крестьяне громили и грабили еврейские дома и имущество. Часть отмеченных погромных акций, очевидно, не имела заранее запланированного характера. Длительная антисемитская пропаганда оказывала негативное воздействие на массы крестьянства и мещан и способствовала стихийному возникновению части погромов. Не вызывает, однако, сомнений факт сознательного использования «погромного потенциала» крестьян-резервистов, по крайней мере, в уездных и губернских городах, где у администрации были возможности предотвратить погромы, опираясь на военно-полицейские силы. Демонстративно карательный характер имел самый масштабный из «мобилизационных» погромов, произошедший 10–11 октября 1904 г. в Могилеве (Міхедзька, 1998).

Летом 1905 г. резко активизировались революционные организации в уездных городах, местечках, где власти не располагали значительными военными и полицейскими силами (История рабочего класса…, 1984, с. 223–224). Особенно сложным было положение администрации в Могилевской и Минской губерниях. В то же время Департамент полиции МВД неоднократно требовал от губернских властей ужесточения карательной политики (ГАРФ, ф.102, оп.233, д.1350 ч.40, л.109; 1905 год у Беларусі, 1926, с. 28). В этой ситуации в среде местной администрации происходило усиление экстремистских тенденций: общественно - политический кризис интерпретировался как этноконфессиональный конфликт «евреев» и «русских».

Так, в донесении о бундовских демонстрациях в м. Толочин Могилевской губ. указывалось: «циркулируют слухи, что... будет еще одна последняя грандиозная демонстрация с целью вызвать полицию или мирное население на сопротивление, а если этого не последует, то демонстранты все-таки будут бить и громить мирных жителей. Христианское население... находится в удрученном состоянии... нахальство еврейской молодежи... переходит всякие границы» (1905 год у Беларусі, 1926, с. 211–212). Горецкий уездный предводитель дворянства докладывал: в Горках «шайка демонстрантов держит город на осадном положении… Демонстрации... остаются всегда безнаказанными... Полиция... состоит всего из шести человек городовых... Что могут сделать эти шесть городовых с толпой демонстрантов, и как они могут отвратить нападение на чиновников?» Могилевский вице-губернатор в донесении Д. Ф. Трепову прибавлял к этому: «разнузданность толпы дошла до того, что задевают и дергают за платье... жен высших чиновников города; ночью же перед их квартирами начинается стрельба из револьверов, доводящая напряженные нервы до истерики» (1905 год у Беларусі, 1926, с. 216–217). В это же самое время горецкий исправник ходатайствовал перед губернатором Клингенбергом о проведении служеб-

ного расследования деятельности полицейского надзирателя и помощника исправника, организовавших из крестьян «добровольную дружину» и подстрекавших к нападению на евреев. Однако, рапорт исправника был оставлен губернатором без последствий (1905 год у Беларусі, 1926, с. 213, 216; 1905 год на Аршаншчыне, 1926, с. 25).

Чрезвычайного накала достигло противостояние властей и революционных организаций в Гомеле. Акты террора, вооруженные столкновения стали здесь повседневным явлением. Гомельский полицмейстер, после серии покушений на его жизнь, публично объявил, что приблизившегося к нему «всякого еврея, принадлежащего к отбросам еврейского общества и называющего себя демократом», будут расстреливать казаки конвоя (Драпкин, 1925, с. 178). Ситуация резко изменилась в пользу власти. Могилевский губернатор, признав «совершенную бессмысленность» этого объявления, тем не менее с удовлетворением отмечал, что в результате «в Гомеле водворилось... полное спокойствие» (1905 год у Беларусі, 1926, с. 224). Докладывая о произошедшем в Могилеве столкновении полиции с манифестантами, повлекшем человеческие жертвы, губернатор Клингенберг демонстрировал характерный образ мышления: «Евреи..., так называемые здесь демократы, ...доходят до такой наглости, что... христианину буквально нет прохода..., полиция, конечно, не церемонится, так что всегда бывают пострадавшие..., но в городе водворяется спокойствие» (ГАРФ, ф.102, оп.233, д.1350 ч.17, л.40). Начальник минских жандармов убеждал Департамент полиции МВД, что деятельность революционных организаций и бессилие полиции «вызывают озлобление русских», что может привести к погромам (ГАРФ, ф.102, оп.233, д.1350 ч.40, л.78). Даже факт нападения на полицейских агентов он рассматривал как проявление «враждебности» евреев к русским: «стреляли не потому, что приняли их за агентов, а в силу какой-то неприязни к русским» (ГАРФ, ф.102, оп.233, д.2000 ч.9, л.16).

О. В. Будницкий (Будницкий, 2005) отвергает заинтересованность правительства в организации погромов, поскольку они еще более дестабилизировали и так крайне напряженную обстановку в стране. С этим доводом можно согласиться лишь отчасти. Действительно, активизация погромных настроений весной – летом 1905 г. вызвала недовольство части высшей петербургской бюрократии, усматривавшей в этом прежде всего непозволительную «самодеятельность» на местах. Отражением такого недовольства стал циркуляр министра внутренних дел А. Г. Булыгина, который предписывал губернаторам белорусских губерний не допускать формирования «тайных патриотических организаций для борьбы с революционным движением», поскольку «эти тайные кружки такие же незаконные, как и антиправительственные» (НИАБ, ф.295, оп.1, д.7509, л.378, 380).

Однако, по свидетельству крупного чиновника МВД, сторонники жестких мер из среды местной администрации не воспринимали всерьез такого рода распоряжения, полагая, «что это так делается для виду, для приличия, но что им лучше известны истинные виды правительства. Они, не веря ...приказам, прислушивались к какому-то голосу издалека, которому... более верили» (Лопухин, 1908, с. 427). В правительственных верхах были влиятельные силы, проявлявшие явные симпатии идее «наказать евреев» несмотря на нестабильность ситуации, а скорее – именно благодаря ей. Современники видели эту силу в лице В. К. Плеве, Д. Ф. Трепова, И. С. Щегловитова и ряда других влиятельных царедворцев и сановников.

Именно на таких людей и ориентировались представители местной администрации – могилевский губернатор Н. Клингенберг и, отчасти, минский губернатор П. Курлов. В донесениях и рапортах местных властей лета 1905 г., прежде всего могилевского губернатора Н. Клингенберга и минского губернатора П. Г. Курлова, отчетливо присутствует зондирование реакции высших властей на возможность погромов, которые преподносились как «естественное следствие» развития антиправительственного движения.

Товарищ министра внутренних дел, командир корпуса жандармов Д. Ф. Трепов в середине лета 1905 г. на донесении могилевского губернатора Н.Клингенберга о том, что «...вызывающий образ действий евреев возбуждает христианское население к погромам», наложил вполне красноречивую резолюцию «Пора» (ГАРФ, ф.102, оп.233, д.1350 ч.17, л.8 об.).

Следует заметить, что местные чиновники прежде всего руководствовались местными задачами подавления революционного движения в конкретном местечке, городе, уезде. В этих условиях любые действия, в том числе погромные акции, несмотря на их кратковременный и достаточно относительный эффект, представлялись в 1903 – начале 1906 гг. вполне допустимыми. Понимая это, П. А. Столыпин, добивавшийся «успокоения» страны прежде всего военно-бюрократическим путем, летом 1906 г. грозил губернаторам «черты оседлости» персональной тяжелой ответственностью за каждое проявление пресловутой погромной «стихии», которой традиционно оправдывались местные власти (ГАРФ, ф.102, оп.236, д.550, л.33,36).

Новая мощная вспышка антиеврейского насилия произошла в октябре 1905 г. и была связана с обострением кризиса российской самодержавной системы. Подсчеты, основанные на сообщениях губернских властей, документах Департамента полиции Министерства внутренних дел, материалах уголовных департаментов Министерства юстиции и материалах печати, показывают, что за этот период на территории Беларуси произошло не менее 23 погромов. Наибольшее количество погромов – 13 – произошло в Моги-

левской губ. На территории Минской губ. зафиксировано 8 погромов. В Витебской губ. произошло 2 погрома – в Витебске и Полоцке. На территории Гродненской и Виленской губерний погромы не выявлены.

Таким образом, основная масса погромов произошла в Могилевской губ., где особенно выделяется Оршанский уезд, а также в Речицком уезде Минской губ. Локализацию основной массы погромов в Могилевской губ. и зависевшем от нее в оперативном военно-полицейском отношении Речицком у. Минской губ. следует рассматривать как подтверждение зависимости от политических позиций губернской администрации. Донесения могилевского губернатора Клингенберга о погромах в губернии отражают эти позиции вполне определенно: «Евреи, поддерживаемые частью русской интеллигенции, действуют возмутительно, постоянное оскорбление самых заветных чувств русского народа вызывает погромы... меры прекращения погромов христиане объясняют покровительством евреям» (ГАРФ, ф.102, оп.233, д.2000 ч.10, л.9). Губернатор пытался представить погромы как стихийное проявление «народного гнева», убеждая Д. Ф. Трепова, что «христианское население действительно возмущено революционерами» (ГАРФ, ф.102, оп.233, д.1350 ч.17, л.135об.).

Свидетельские показания и следственные материалы позволяют достаточно уверенно предполагать и наличие полицейских, «специализировавшихся» на карательных акциях, в т.ч. и на организации погромов. В Могилевской губ., очевидно, такую функцию исполнял помощник могилевского полицмейстера С. В. Мизгайло. Его присутствие и активная деятельность отмечены во время погрома в Гомеле 1903 г., при погроме в Могилеве в 1904 г., в вооруженных разгонах демонстраций в Могилеве летом 1905 г., во время погрома в Орше в октябре 1905 г. Назначенный летом 1906 г. гомельским полицмейстером, он покровительствовал местным черносотенцам и получил скандальную известность издевательствами и избиениями местных жителей.

В 1903–1905 гг. на территории белорусских губерний оформляются монархические черносотенные группировки, в значительной мере с ведома и при содействии полицейско-жандармских структур, ставшие впоследствии основой для легальных крайне правых организаций (Михедько, 2001).

Погромы 1903–1905 гг. в Беларуси были завершены состоявшимся 13–14 января 1906 г. погромом в Гомеле. Этот погром стал финальным актом в жестком противостоянии властей и революционных организаций, развернувшемся на протяжении июля – декабря 1905 г. Он продемонстрировал отход от прежней тактики, рассчитанной прежде всего на запугивание массы еврейского населения. Её карательный эффект оказался явно недостаточен для сдерживания протестного движения. Стратегической целью

погрома являлась ликвидация источников финансирования революционных организаций и их боевых отрядов. Актуальной оставалась и традиционная цель погромщиков – запугивание массы еврейского населения. Ущерб, нанесенный погромом, достигал беспрецедентной для Беларуси суммы 4 млн руб. Хотя официальные данные упоминают лишь об 1 погибшем, произведенные на основе донесений полиции, рапортов командиров армейских команд и показаний очевидцев подсчеты показывают, что в ходе погрома были убиты не менее 4 человек и 11 человек получили ранения. Анализ развития политической ситуации в Гомеле с октября 1905 г., деятельности гомельского жандармского офицера ротмистра М. А. Подгоричани-Петровича, а также самих погромных событий, позволяет утверждать, что погром был организован совместными усилиями этого жандармского офицера, местных чиновников, служащих и мещан (Міхедзька, 1996). Председателем Совета министров С. Ю. Витте по результатам проведенного расследования обстоятельств погрома был составлен и представлен царю меморандум, в котором высказывалась необходимость наказания организаторов погрома. Однако Николай II оставил его без последствий (Совет министров Российской империи, 1990, с. 283–285).

Безусловный интерес представляет рассмотрение состава погромных группировок и мотивация их участия в акциях насилия. В большинстве рассмотренных случаев основную часть погромщиков составляли крестьяне и мещане, как белорусы, так и представители русского старообрядческого населения, особенно активные в Витебске и Полоцке. Участие в крупнейших погромах приняли и солдаты расквартированных частей. Зафиксировано также участие в погромах представителей почтово-телеграфных и железнодорожных служащих и рабочих, в наибольшей степени проявившееся в Орше. Сравнение сословного состава гомельских погромщиков 1903 г. и оршанских 1905 г. показывает, что доля присутствовавших среди них крестьян уменьшилась, соответственно, с 96% до 55%. Из 58 представших перед судом погромщиков 26 являлись мещанами г. Орши. 30 человек были крестьянами Оршанского и Горецкого уездов Могилевской губ. Возраст оршанских погромщиков колебался широко, от 15 до 66 лет, распределение по возрастным группам было достаточно равномерным. Средний возраст погромщиков составлял 33 года. Если среди гомельских погромщиков в 1903 г. лишь 11,6% было старше 30 лет, то среди оршанских погромщиков они составляли 50% (Дело о погроме в Орше, 1908, с. 47–49). Таким образом, в Орше в большей степени были представлены старшие возрастные группы, более консервативные и более зависимые от администрации. Многодневные избиения в Орше сопровождались митингами и молебнами, шествиями,

публичными увещеваниями толпы вице-губернатором, пьяным куражом вожака погромщиков полицейского писаря И. Синицкого. Дж. Клиер характеризовал погром как «карнавал», как действие, призванное «поставить евреев на место» (Klier, 2002, p. 167). Наряду с гомельскими событиями 1903 г. именно погром в Орше наиболее близко соответствует данному образу.

Мотивация действий основной массы погромщиков была разнообразной. Очевидно, что различные группы погромщиков могли находиться под воздействием различных мотиваций, либо их сочетаний.

Основная масса крестьян и мещан, участвовавших в погромах, была движима мотивами мести. Эта мотивация формировалась под влиянием провокационных слухов, приписывавших евреям мнимые убийства христиан, разрушение христианских церквей. Прослеживается также влияние на эту группу погромщиков, и особенно на солдат, распространявшиеся в годы русско-японской войны обвинения евреев в «измене» России. Следует отметить, что благоприятную почву для воздействия антисемитской пропаганды и формирования мотивации «мести евреям» создавали и экстремистские действия революционных организаций.

Среди крестьян, участвовавших в погромах, практически повсеместно были сильны мотивы грабежа еврейского имущества. Корыстные мотивы наиболее проявлялись в ходе погромов в сельской местности и местечках, где, очевидно, играли первенствующую роль. Присутствовало и стремление крестьян избавиться от долговой зависимости от еврейских торговцев, ростовщиков и лавочников. Наконец, следует отметить и наличие прямого принуждения к участию в погроме со стороны ряда чиновников полиции и сельской администрации.

Среди мотиваций действий всех групп погромщиков следует особо отметить страх, что уравнение евреев в правах с христианами ухудшит положение христианского населения. Это, безусловно, было следствием долговременной сегрегации местного общества. Если в 1903 г. такие опасения были характерны лишь для привилегированной чиновнической среды, то осенью 1905 г. они распространились и на социальные низы. Эта фобия отчетливо присутствовала в мотивации действий погромщиков как в крупных погромах – в Орше, Полоцке, так и в незначительных по масштабам погромах в сельской местности.

В то же время, отмеченные мотивации не были устойчивы для основной массы рядовых погромщиков. Антисемитская агрессия требовала постоянного поощрения и подталкивания со стороны чиновников и полиции. Именно в этой среде антиеврейское насилие рассматривалось как исполнение «патриотического долга», как «пробуждение долго «дремавшего»

русского национального самосознания» (Дело о погроме в Орше…, 1908, с. 21; Александров, 1911, с. 996).

Возможности дальнейшего продолжения погромной деятельности были существенно ограничены не только изменениями в конце 1905–1906 гг. общественно-политической ситуации. В это же время из местной администрации и жандармско-полицейских структур были удалены наиболее явные покровители правых экстремистов. Кроме того, стремительно сокращалась поддержка погромных инициатив со стороны масс городского и сельского населения. Реальные социально-экономические проблемы все меньше ассоциировались у них с антисемитской погромной риторикой. В письме А. И. Дубровину председатель Лунинец-Дятловичского отдела «Союза русского народа» летом 1907 г. с горечью признавал: «крестьяне наши темны... слушают евреев» (ГАРФ, ф.116, оп.1, д.286, л. 5 об.).

Таким образом, отсутствие агрессивного антисемитизма у белорусского населения позволяет объяснить относительную малочисленность погромов, произошедших на территории Беларуси в период 1903–1906 гг. Анализ обстоятельств погромов позволяет утверждать, что источник антиеврейской агрессии, а так же первоначальный и основной «погромный» импульс исходил все же не от масс белорусского населения, а от представителей местной администрации и жандармско-полицейских структур.

Библиография

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), фф.102, 116.

Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ), ф.295.

Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ), ф.60.

Российский государственный исторический архив (РГИА), ф.1284.

1905 год на Аршаншчыне. Орша: Выд.газеты «Камуністычны шлях», 1926.

1905 год у Беларусі. Зборнік архіўных дакументаў. Пад рэд. С. Агурскага, Б. Аршанскага, І. Барашкі. Менск: Дзяржвыд Беларусі, 1926.

Александров, Н.А. «Оршанский погром (в октябре 1905 г.)» в ж-ле: *Исторический вестник*, 1911, т.125, с. 988–1001.

Бич, М. О. Рабочее движение в Белоруссии в 1861–1904 гг. Минск: Наука и техника, 1983.

Біч, М. В. «Нацыянальны склад прамысловага пралетарыяту Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX ст.» у час.: *Весці Акадэміі навук Беларускай ССР*. *Сер. грамадскіх навук*, 1972, № 4, с. 34–40.

Біч, М. В. «Станаўленне буржуазнага грамадства» у кн.: *Нарысы гісторыі Беларусі*. *У 2-х ч.* Ч. 1. Мінск: Беларусь, 1994, с. 303–379.

Бригадин, П. И. Эсеры в Беларуси (конец XIX – февраль 1917 г.). Минск: Згода, 1994.

Будницкий, О. В. 2005. «Евреи и революция 1905 года в России: Встреча с народом». [Электронный ресурс] <http://magazines.russ.ru/nz/2005/6/>

Гомельский процесс: Подробный отчет / Сост.: Б. А. Кревер. СПб., 1907.

Дело о погроме в Орше 21–24 октября 1905 г. Обвинительный акт и судебное следствие. СПб., 1908.

Драпкин, Я. «1905 в районе Полесского комитета РСДРП» в сб.: *1905 год в Гомеле и Полесском районе*: *Материалы по истории с.-д. и рабочего движения в 1898–1906 гг.* Гомель, 1925. с. 63–245.

Зайончковский, П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (Политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М.: Мысль, 1970.

История рабочего класса Белорусской ССР: В 4 т.: Т. 1. Минск: Наука и техника, 1984.

Лопухин, А. «Письмо бывшего директора Департамента полиции А. Лопухина П. А. Столыпину» в кн.: *Материалы к истории русской контрреволюции. Т. I. Погромы по официальным документам*. СПб., 1908, с. 425–431.

Майзель, Л. Н. 1905–1907 гг. на Беларусі. Хроніка падзей. Мінск: Партыйнае выдавецтва, 1934.

Михедько, В. А. «Антиеврейские погромы в Беларуси в начале XX века: генезис, мотивы, исполнители» в сб.: *Евреи в Гомеле: История и культура (конец XIX – начало XX веков)*: *Сб. материалов научно-практической конференции*, 21 сентября 2003 года. Гомель, 2004. с. 82–90.

Михедько, В. А. «Гомельский погром 1903 г.: Этнический конфликт или гражданская война?» в сб.: *Евреи Беларуси: история и культура*: *Вып. 3/4*. Минск: Арти-Фекс, 1998, с. 35–48.

Михедько, В. А. Крайне правые организации в Беларуси: формирование и деятельность (1903–1914 гг.): Автореф. дис. … канд. ист. наук, Минск, Бел. гос. ун-т, 2001.

Міхедзька, В. А. «Гомельскі пагром 1906 года», у кн.: *Гомельшчына: Старонкі мінулага: Нарысы: Ч. 2*. Гомель, 1996, с.70–78.

Міхедзька, В. А. «Трагічная старонка гісторыі: Магілеўскі пагром 1904 года» у зб.: *Старонкі гісторыі Магілева.* Магілеў, 1998, с. 172–175.

«Речь могилевского губернатора Н. Клингенберга», *Восход*: [Газета]. 1903, № 37, с. 14–15.

Степанов, С. А. Черная сотня в России (1905–1914 гг.). М.: Изд-во ВЗПИ А/О «Росвузнаука», 1992.

Совет министров Российской империи. 1905–1906 гг. Документы и материалы. Л.: Наука, 1990.

Шкловский, Г. Л. «Бобруйск накануне 1905 г.» в ж-ле: *Пролетарская революция*, 1925. № 11. с. 236–249.

Шыбека, З. В. 1997, Гарады Беларусі (60-я гады XIX – пачатак XX стагоддзяў), Мінск: Эўрафорум, 1997.

Anti-Jewish Violence; Rethinking the Pogrom in East European History / Ed. by J. Dekel-Chen [et al.]. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2011.

Klier, J. D. "Christians and Jews and the 'Dialogue of Violence' in Late Imperial Russia" in: Anna Sapir Abulafia (ed.), *Religious Violence between Christians and Jews: Medieval Roots, Modern Perspective*s. Palgrave, Houndmills, Basingstoke. 2002.

Klier, J. D. "The Pogrom Paradigm in Russian history" in: J. D. Klier, Sh. Lambroza (eds.), *Pogroms: Anti-Jewish Violence in Modern Russian History*. Cambridge: Cambridge University Press. 1992.

Le Foll, C. "The missing pogroms of Belorussia, 1881–1882: Conditions and motives of an absence of violence" in: Dekel-Chen, J. [et al.] (eds.), *Anti-Jewish Violence: Rethinking the Pogrom in East European History*. Bloomington, USA, Indiana University Press, 2011, p. 159–173.

С. Струнец

Евреи на территории Западной Беларуси накануне Великой Отечественной войны в освещении современной польской историографии

Особое место события 1939–1941 гг. на территории западных областей БССР занимают в польской исторической науке. В начале 90-х гг. XX в. проблема получила официальное признание новых польских властей. В это время велась целенаправленная работа по сбору документов, как в архивах Польши, так и за рубежом. Характер исследований долгое время определяли антисоветские настроения значительной части польского общества, а также фактологический материал и методические приемы, накопленные в рамках польской эмигрантской исторической школы, основанной на принципе безусловной лояльности ко II Речи Посполитой (далее – II РП) и замалчивании проблем национальных меньшинств межвоенной Польши. Эмоциональный всплеск в значительной мере объяснялся тем, что в социалистической Польше исследование событий периода 1939–1941 гг. на территории бывших восточных воеводств II РП почти не велось. Исключением был полулегальный сбор воспоминаний очевидцев отдельными историками. Последовавший крах социалистической системы в Восточной Европе вызвал взрыв интереса к событиям сентября 1939 г.

Продолжительное время в современной польской историографии событий 1939–1941 гг. доминировал отрицательный образ национальных меньшинств II РП как активных пособников советской власти, стремившейся всеми способами уничтожить все польское в регионе. Полной противоположностью этому был образ поляка-патриота, переживавшего трагедию государства и свою собственную, ставшего первой жертвой советского репрессивного аппарата (Mironowicz, 2006, s.118). Общая тональность польских исследований де-факто представляла «черно - белый» срез ситуации, где поляки выступали жертвами агрессии со стороны белорусов и евреев, а события осени – зимы 1939/1940 гг. пропускались сквозь призму видения наиболее пострадавшей от советской власти части польского населения и экстраполировались на весь период 1939–1941 гг. При этом итоговые выводы зачастую имели достаточно сдержанное звучание и избегали негативных обобщений и обвинений в адрес всех белорусов или евреев.

Иные оценки действий национальных меньшинств в рассматриваемый период были выработаны в рамках польско-еврейского дискурса. Еще в 1-й половине 1990-х гг. израильские историки Б.-Ц. Пинчук и Д. Левин об-

ратили внимание на многовариантность поведения еврейского населения во взаимоотношениях с советской властью, которое далеко не сводилось к сотрудничеству. В основу их книг положен огромный массив воспоминаний евреев – очевидцев событий. В этих работах артикулируются тезисы неоправданно враждебного отношения поляков к евреям как пособникам советской власти и страданий еврейского населения региона от действий советской власти если не в большей, то никак не в меньшей степени, чем польское (Pinchuk, 1990; Levin, 1995). Впоследствии данная интерпретация получила развитие в книгах американского исследователя польского происхождения Я. Т. Гросса (Gross, 1998, s. 61–92). Своеобразным рубежом нового этапа развития зарубежной историографии исследуемой проблематики стала публикация очередной его книги «Соседи. История геноцида еврейского местечка» – о массовом добровольном участии поляков в уничтожении еврейского населения на территории Белостокской области в начальный период Великой Отечественной войны (Gross, 2001). Данный вопрос автор тесно увязал с польско-еврейскими отношениями в 1939–1941 гг. при советской власти. Фактически к полякам в ракурсе событий лета 1941 г. и начала немецкой оккупации, уже на основе еврейских воспоминаний, был применен принцип, к которому часто де-факто прибегали некоторые польские исследователи относительно национальных меньшинств II РП при характеристике событий сентября 1939 г., а именно: коллективная ответственность представителей всех национальных меньшинств за все происшедшее в этот переломный момент. Фактически польское общество оказалось в своеобразной ловушке: с одной стороны, в сознании укоренились обвинения в адрес национальных меньшинств за тотальное сотрудничество с советскими «оккупантами», с другой – на лицо был факт участия поляков в самом кровавом в истории человечества преступлении – Холокосте – совместно с немцами; это была месть за «преступления» евреев в советский период.

Часть польского общества, как и польских историков, восприняла это исследование как провокационное. Чистота героического нарратива, представлявшего поляков одновременно и «героями», и «жертвами», своеобразными идеальными участниками войны, была поставлена под сомнение (Struve, 2007, s. 54). По мнению некоторых авторов в результате развернувшейся острой полемики выделилось несколько «теоретических» направлений, среди них: «(этно)-национальная школа» и «новая критическая школа» (Michlic, 2007, s. 81, 85). В первой по-прежнему доминируют вопросы мартирологии и жертвенности поляков относительно других национальных групп. Польско-еврейские отношения в межвоенный период в рамках данного подхода рассматриваются как относительно нормальные.

Антисемитизм части польского сообщества не отрицается, в том числе в таких радикальных формах, как погромы. Но при этом артикулируется взаимная жестокость как характерная часть того времени. Более того, даже с учетом специфики польской внутренней политики 2-й половины 1930-х гг. якобы антисемитизм никогда не был государственной идеологией в Польше, а евреи во II РП имели несравнимо больше возможностей для развития, относительно сородичей в нацистской Германии и СССР. В итоге евреям удалось создать среди всех польских национальных меньшинств самый богатый по содержанию культурный и политический сегмент жизни. Представители этого направления также увязывают события 1939–1941 гг. в контекст послевоенного развития Польши, а именно участия евреев в советизации страны. Выстраивается хронологическая обусловленность участия поляков в погромах летом 1941 г., в значительной мере снимающая претензии к ним. Это участие представляется маргинальным событием: несколько человек, которых заставили немцы. Вспыхнула якобы сиюминутная ответная реакция на террор против поляков во время советской оккупации. При этом параллельно гипертрофируется помощь этнических поляков прятавшимся от нацистов евреям. Проблема низкого социального одобрения внутри местных сообществ той спасательной миссии поляков, что составляет малоизученный аспект межнациональных отношений, не стала составной частью этого нарратива. В этой интерпретации вина евреев превышает вину поляков за лето 1941 г., т. к. евреи были виновны и в 1939, и в 1945 гг., и позднее (Michlic, 2007, s. 86–100). Так, один из пионеров исследований событий 1939–1941 гг. на территории восточных земель межвоенной Польши – Т. Стшембош – не отрицает участия поляков в погромах. Однако подчеркивает тот факт, что коллаборационизм евреев с Советами в 1939 г. был несравнимо масштабнее, чем участие поляков в еврейских погромах летом 1941 г. В своей последней книге о польском подполье в районе Едвабно он уже не повторил тезис о маргинальной роли поляков в погроме. Более того, привел факты о центральной роли членов польского антисоветского подполья в погромах. Правда, эту проблему осветил косвенно. Гораздо обширнее описана роль евреев в создании милиции и просоветских органов власти (Struve, 2007, s. 56, 57).

Другой польский историк М. Вежбицкий, автор монографий о польско-белорусских и польско-еврейских отношениях в 1939–1941 гг. на территории западных областей Беларуси, признает определенную односторонность утверждений авторов некоторых польских реляций и воспоминаний, однако считает их вполне достоверным источником. Он также соглашается, что поляки и евреи по-разному воспринимали происходившие в этот период события, в то же время подчеркивая, что этносоциальное обострение,

случившееся осенью 1939 г., сильно повлияло на польскую память и отразилось в польско-еврейских отношениях во время советской оккупации, как и депортация польских граждан в 1940–1941 гг. Тогда одновременно с падением роли поляков происходил социальный рост еврейского населения, по крайней мере, его части. Память об этих событиях осложнила отношения вплоть до конца советской оккупации и даже после начала советско-немецкой войны (Wierzbicki, 2007, s. 133–145). Несмотря на то, что число евреев, принявших непосредственное участие в уничтожении поляков, было очень небольшим, не достигая процента еврейского населения в том или ином населенном пункте, доля пассивно сочувствующих евреев уже была значительно большей, особенно, в начальный период. Просоветские настроения, нелояльность к Польше в тот период поляки замечали чаще, чем доброжелательность и патриотизм. Они выхватывали из событий самые негативные эпизоды, которые больше всего бросались в глаза и запоминались. Исследователь объективно отмечает, что случаи негативного отношения к Польше были тогда достаточно частыми. В этих условиях довоенный антисемитизм поляков, присущий до этого определенным кругам, необычайно окреп и распространился практически на все слои поляков, проживающих на территории, занятой Советами (и не только). Евреи ассоциировались с советской системой, а ненависть к этой системе стала отождествляться с ненавистью к евреям. В результате под влиянием советской оккупации 1939–1941 гг. одним из элементов проявления патриотизма многих кресовых поляков в определенной степени стал антисемитизм, понимаемый как борьба с советской властью за независимость Польши, которую, в представлении большинства поляков, предали евреи (Wierzbicki, 2001, s. 104, 198, 227).

С данными выводами солидарен один из старейших польских исследователей этого периода М. Гнатовский. Он признает, что ни евреи, ни белорусы не играли определяющей роли в действиях советской власти, однако участие некоторой, достаточно значительной их части в реализации советской политики, прежде всего репрессивной, самым существенным образом повлияло на отношения с поляками. Историк признает определенную деградацию национальных настроений части польского населения. Вину за это автор возлагает на советскую власть, при которой «навязываемый коммунизм как коррозия, привнося враждебность и ненависть, уничтожал здоровую ткань общественной жизни и наносил удар традиционным принципам морали. Это в итоге привело к войне всех против всех» (Ganatowski, s. 201).

Во многом схожие оценки дает и Д. Бочковски. Он воспроизводит ставший традиционным для польской историографии тезис о «колониальном» характере советской власти в Белостокской области, где факти-

чески до конца 1940 г. поляки, как автохтонное население, были фактически сведены до уровня париев. Далее исследователь транслирует некоторые элементы «этнонационального» подхода, подчеркивая, что поляки не пошли на сотрудничество с Советами. Их численность в различных советских органах была меньше, чем представительство других национальностей, более того, польские выдвиженцы занимали малозначительные должности, но равно как и все остальные, ничего не решали в советской системе. Бочковски подчеркивает, что период 1939–1941 гг. был одинаково трагичен для представителей всех национальностей. Он акцентирует в данном вопросе не проблему «вины» одних национальностей перед другими, а проблему «общей трагедии»; например, отмечает факт уничтожения немногочисленной белорусской национальной интеллигенции. Фактически от имени белорусов руководили направленные с востока чиновники. Значит, на фоне формально привилегированного статуса положение белорусов было едва ли не хуже, чем поляков (Boćkowski, 2005, s. 74–84).

Оппоненты «этнонационального» подхода признают важность межвоенного периода для характеристики отношений между проживающими здесь народами. Например, ломжинский регион заметно отличался от других территорий, впоследствии оказавшихся в составе СССР. У местного польского населения были специфические социальные настроения и политические взгляды. Здесь в сложных внутриполитических условиях развития Польши, начиная с 1933 г., стали своеобразной нормой жизни антиеврейские эксцессы – от экономического бойкота до погромов (Milewski, 2002, s. 65–73). На Ломжинщине отмечался существенный численный рост поляков с отрицательными установками по отношению к национальным меньшинствам. Тут сложилось не маргинальное сообщество националистов – националистами было, возможно, большинство поляков. Подтверждается тот факт, что накануне войны среди значительной части местного польского населения уже был выработан ряд шовинистических стереотипов и накоплен опыт активных действий по их реализации.

Для представителей «новой критической школы» характерен пересмотр причин и следствий ряда явлений, происходивших в 1939–1941 гг. в западных областях БССР. Так, польский исследователь К. Ясевич отмечает, что необходимо иное описание событий этого периода. Нужен отход от травматического и мартирологического измерения в пользу интерпретации с точки зрения т. н. «черной дыры», суть которой в том, что на основе используемых сегодня источников достоверно и полно реконструировать происходившее практически невозможно, а любая интерпретация событий требует огромной осторожности. Автор отмечает, что польский нарратив данной проблематики был выстроен на основе нескольких тысяч свиде-

тельств, оставленных депортированными бывшими польскими гражданами. Эти свидетельства пронизаны мессианством, ксенофобией, чувством превосходства и т.п.

Впервые в практике исследований этого периода К. Ясевич предпринял попытку количественного анализа польских свидетельств (Jasiewicz, 2001, s. 51–150). Основываясь на штатах ряда советских органов в начале 1940 г., он приблизительно очертил число представителей местного населения, которые потенциально активно участвовали в событиях 1939–1941 гг. на стороне советской власти. По его оценкам, на территории «кресов» такой актив насчитывал от 4 до 7 тыс. человек. Принимая в расчет максимальные данные польских очевидцев, исследователь предположил, что среди активных сторонников евреев было от 2 до 3,5 тыс. (Jasiewicz, 2001, s. 162–164).

По мнению историка, в 1939 г. евреи выставили счет полякам, а также их государству. У них были на это причины. Позиция евреев, что не замечается другими польскими исследователями, не имеет ничего общего с падением или сохранением польского государства. Для народа, проживавшего в диаспоре, без собственного государства все это не имело особого значения. Более того, для них война – всегда беспорядки и погромы, этого надо было избегать и договариваться с любой властью, которая позволяла жить. То же равнодушие к Польше присутствовало и ранее, когда у поляков было все даже очень хорошо, когда II РП была независимой и даже европейской «сверхдержавой» (Jasiewicz, 2001, s. 209–212). В то же время исследователь не отрицает влияния советской политики 1939–1941 гг. на динамику польско-еврейских отношений. При этом он отмечает необходимость введения новой методологии и нового определения антисемитизма, которое должно стать более четким и не блокировать исследований, содержащих критические замечания в отношении евреев (Jasiewicz, 2009, s. 105–113).

Другой польский историк А. Жбиковски также отмечает бесперспективность подхода к рассматриваемым событиям с точки зрения «предательства» нацменьшинств в межвоенной Польше. По его мнению, интерес представляют следующие вопросы: что изменилось в жизни кресового еврейского сообщества, как на изменения отреагировали отдельные его сегменты, и что это дало для последующих отношений с другими этническими группами (Žbikowski, 2006, s. 20).

Исследователь также много внимания уделяет еврейскому видению этого периода. Он отмечает, что в еврейском дискурсе доминируют воспоминания беженцев из этнической Польши, которые отличались от кресовых евреев, несмотря на их общую судьбу. Евреи из этнической Польши в своем большинстве были более полонизированы, моложе, лучше образованы. Среди них было много довоенных политических активистов различных ев-

рейских партий и организаций, в основном среднего и низшего уровня. В их свидетельствах большое внимание уделялось тому напряжению, которое возникло в результате введения на «кресах» новой системы социальных отношений. В этих рассуждениях проявляются два противоположных направления – «левое» и «буржуазное». Первому присущ акцент на успехи и достижения новой власти и относительное повышение социального уровня еврейского населения. А для бывших «капиталистов» жизнь в республике Советов виделась цепью сплошных преследований. Немногочисленные свидетельства местных евреев, в отличие от воспоминаний беженцев, более скупы на информацию и менее критичны в отношении новых порядков. Однако они подчеркивают, что советская власть достаточно легко внесла хаос в традиционный ритм жизни еврейской общины, где главным идеологом была синагога. Еврейская «отличительность», ранее сильно связанная с синагогой или молитвенным домом, скрылась в частных квартирах, а суббота перестала быть днем отдыха и молитвы. Вероятно, вмешательство в сакральную сферу наиболее оттолкнуло большинство евреев от Советов. Депортированные евреи отмечали в основном репрессии и экономический упадок. Они признавали, что приход советской власти встретили «радостно», отмечали облегчение по поводу того, что не попали в руки к немцам. Те же, кто прожил в регионе два предвоенных года, отмечали развитие образования и социальной сферы, определенное экономическое улучшение, в общем, наблюдали малую стабилизацию. Такой позитивный, ностальгический образ, прежде всего, типичен для Книг памяти. Во всем еврейском дискурсе отсутствует один элемент: какой-либо интерес к судьбе нееврейских соседей. В отличие от поляков, свидетельства которых полны информации о поведении евреев, последних практически не интересовал образ мыслей и переживания поляков. (Žbikowski, 2006, s. 233–234).

В последнее десятилетие наблюдается эволюция польской историографии в части критического переосмысления ряда событий и явлений периода 1939–1941 гг. Эти события все меньше рассматриваются как составная часть второй мировой войны и чаще анализируются как самостоятельная тематика в рамках истории довоенного и послевоенного периода Польши. В более широком измерении дебаты ведутся о роли непольских национальных групп в истории польского народа, об устойчивости польского национального исторического мифа.

Согласно «традиционной» точке зрения агрессивное поведение евреев осенью 1939 г. представляло реальную угрозу полякам «кресов» и было достаточно массовым. Усиленный тяготами советской оккупации (мероприятиям которой содействовала значительная часть белорусов и евреев), этот опыт зафиксировался в массовом сознании польского населения и стал ло-

комотивом ответной, спровоцированной нацистами мести небольшой части местных поляков в отношении представителей других национальностей, прежде всего евреев, летом 1941 г. Представители данного подхода соглашаются с тем, что многие из сформировавшихся представлений поляков того времени были обусловлены их травматическим восприятием факта ликвидации польской государственности, а не изменившимся статусом и действиями различных национальностей при советской власти. Участие поляков в уничтожении еврейского населения они минимизируют, в некотором плане рационализируют, не оправдывая напрямую.

Представителям «критического» подхода осень 1939 г., равно как и весь период до лета 1941 г., скорее не видится определяющим фактором трансформации межнациональных отношений в регионе. В качестве главной причины обострения межнациональных противоречий выводится не политика советской власти, а традиционные комплексы поляков относительно национальных меньшинств II РП. С их точки зрения антисемитские стереотипы благодаря специфике исторического развития Польши стали частью культурного кода местных поляков. Именно это, а не суровость советской действительности, с которой местные евреи имели мало общего, обусловила жестокость поляков летом 1941 г. К тому же это не была жестокость единиц, отбросов общества. Это стала реакцией достаточно большого числа поляков.

«Соседи» Я. Т. Гросса во многом ограничили изучение проблематики межнациональных отношений рамками центральных и западных районов бывшей Белостокской области и польско-еврейских контактов. Специфичность данного региона на фоне остальной Западной Беларуси того периода достаточно очевидна. Белорусы здесь фактически не проживали. Таким образом, для исследователей представился «удобный» случай еще раз рассмотреть всю остроту польско-еврейских отношений, что называется, в чистом виде. Однако, по мнению представителей разных исследовательских направлений, давно назрела необходимость выработки интегрального подхода к этой проблеме, а именно рассмотрения межнациональных отношений с точки зрения проживавших в Западной Беларуси этнических групп: поляков, белорусов, евреев в комплексе, а не через бинарное взаимодействие отдельных наций.

Библиография

Boćkowski, D. «Władza radziecka wobec Polaków, Żydów i Białorusinów na Białostocczyźnie 1939–1941 w świetle dokumentów partyjnych” w: *Polacy – Żydzi – Białorusini – Litwini na północno-wschodnich ziemiach Polski a władza radziecka (1939–1941).*

W kręgu mitów i stereotypów: Praca zbiorowa. Białystok: Uniwersytet w Białymstoku, 2005, s. 61–84.

Gnatowski, M. Polacy – Sowieci – Żydzi w regionie Łomżyńskim w latach 1939–1941: W 2 t.: Tom I: Studia. Łomża: Łomżyńskie towarzystwo naukowe im. Wagrów, 2005.

Gross, J. T. Sąsiedzi. Historia zagłady żydowskiego miasteczka. Sejny: Pogranicze, 2001.

Gross, J. T. Upiorna Dekada. Trzy esej o stereotypach na temat Żydów, Polaków i komunistów. 1939–1948. Kraków: Universitas, 1998.

Jasiewicz, K. Pierwsi po diable. Elity sowieckie w okupowanej Polsce. 1939–1941 (Białostocczyzna, Nowogródczyzna, Polesie, Wileńszczyzna). Warszawa: Rytm, 2001.

Jasiewicz, K. Rzeczywistość sowiecka 1939–1941 w świadectwach polskich Żydów. Warszawa: Rytm, 2009.

Levin, D. The lesser of two evils. Eastern European Jewry under Soviet rule, 1939–1941. Philadelphia – Jerusalem: Jewish Publication Society, 5755/1995.

Michlic, J. B. "Anti-Polish and Pro-Soviet? 1939–1941 and the Stereotyping of the Jew in Polish Historiography" in: *Leipziger Beiträge zur Jűdischen Geschichte und Kultur* / Simon Dubnow Institut fűr jűdische Geschichte und Kultur an der Universität Leipzig. Band V: E. Barkan, E. A. Cole, K. Struve (eds.). Shared History – Divided Memory. Jews and Others in Soviet-Occupied Poland, 1939–1941. Leipzig, 2007, s. 66–101.

Milewski, J. J. "Polacy i Żydzi w Jedwabnym i okolicy przed 22 czerwca 1941" w: *Wokół Jedwabnego*: W 2 t.: T. 1: Studia. Warszawa: IPN, 2002, s. 63–81.

Mironowicz, E. "Dekada oczekiwania na zmiany. Białorusini wobec zmieniających się systemów politycznych w latach 1939–1949" w: *Wspólne dziedzictwo ziem północno-wschodnich dawnej Rzeczypospolitej*, t. V: Wyzwolenie czy okupacja? Stosunek społeczności zamieszkujących pogranicze polsko-litewsko-białoruskie do zmieniających się w XX wieku systemów państwowych. Białystok, 2006, s. 115–119.

Pinchuk, B.-C. Shtetl Jews under Soviet rule. Eastern Poland on the eve of the Holocaust. Oxford: Basil Blackwell, 1990.

Struve, K. "Eastern experience and Western memory – 1939–1941 as a paradigm of European memory conflicts" in: *Leipziger Beiträge zur Jűdischen Geschichte und Kultur* / Simon Dubnow Institut fűr jűdische Geschichte und Kultur an der Universität Leipzig. Band V: E. Barkan, E. A. Cole, K. Struve (eds.). Shared History – Divided Memory. Jews and Others in Soviet-Occupied Poland, 1939–1941. Leipzig, 2007, s. 43–66.

Wierzbicki, M. "Western Belarus In September 1939 – Polish-Jewish Relations In the kresy" w: *Leipziger Beiträge zur Jűdischen Geschichte und Kultur* / Simon Dubnow Institut fűr jűdische Geschichte und Kultur an der Universität Leipzig. Band V: E. Barkan, E. A. Cole, K. Struve (eds.). Shared History – Divided Memory. Jews and Others in Soviet-Occupied Poland, 1939–1941. Leipzig, 2007, s. 135–146.

Wierzbicki, M. Polacy i Żydzi w zaborze sowieckim. Stosunki polsko-żydowskie na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej. 1939–1941. Warszawa: Fronda, 2001.

Żbikowski, A. U genezy Jedwabnego. Żydzi na Kresach Północno-Wschodnich II Rzeczypospolitej (wrzesień 1939 – lipiec 1941). Warszawa: ŻIH, 2006.

А. Кенда

Политика немецких властей в отношении еврейского населения в м. Малеч в июне – октябре 1941 г.
(по воспоминаниям местных жителей)

В настоящее время немецкой политики геноцида в отношении населения оккупированных территорий бывшего СССР, и в частности Беларуси уделяется достаточное внимание. Как в общеисторических, так и в локальных исторических исследованиях важную роль играют воспоминания очевидцев. В локальной истории они становятся едва ли не основным источником информации в виду недостатка или полного отсутствия источников иного характера. Кроме того, воспоминания, несмотря на субъективный характер, более подробны и эмоционально окрашены, чем выгодно отличаются от других типов источников. В данной работе делается попытка выявить основные аспекты немецкой политики в отношении еврейского населения на примере местечка Малеч Пружанского района Брестской области (по административному делению до 20 августа 1941 г.) на основании воспоминаний очевидцев и участников событий.

С началом Великой Отечественной войны на территории Западной Беларуси в небольших городах и местечках практически сразу же начала реализовываться немецкая политика геноцида, в первую очередь по отношению к мирному еврейскому населению. Эта политика развёртывалась в несколько основных этапов:

1) создание «гетто» как районов ограниченного проживания еврейского населения;

2) использование населения гетто как источника материальных и рабочих ресурсов;

3) ликвидация гетто после выработки таких ресурсов.

Первый вопрос, который можно поставить, заключается в том, насколько правомерен сам термин «гетто» в отношении небольших населенных пунктов с населением до 1,5 тыс. чел. Ни в одном из воспоминаний местных жителей, как евреев, так и белорусов такой термин в отношении Малеча и его еврейского населения не встречается. Не упоминается малечское гетто также в списке гетто Европы, составленном группой ARC (*Action Reinhard Camps*) (см.: Action Reinhard Camps Getto List, 2006).

В воспоминаниях местного населения однозначно указано на существование гетто в некоторых крупных местечках и городах:

«Тем временем в Малече стали распространяться слухи, что нацисты массово организовывают гетто. Молодой человек из местечка Хомск, у которого была семья в Малече, принес страшную новость, что всё еврейское население Хомска было убито, и он сам чудом спасся. Все более-менее знающие люди предупреждали, что нас ждет такая же судьба» (По воспоминаниям Шмуэля Хомского, ок. 1923 г.р.)[1];

«Было приказано всем евреям оставить свои дома и…они пешим ходом двинулись в сторону Березы, где было организованно гетто (принудительное поселение для евреев)» (По воспоминаниям Дмитрия Чижа, 1929 г.р., жителя д. Хойники) (Чиж, 2007, с. 31);

«К нам прибыло много беженцев из Белостока. Ранее они были в Пружанском гетто вместе с сотнями других семей… Наша работа состояла в том, чтобы заполнять вагонетки песком. Мы не знали, что готовили братские могилы для гетто Картуз-Березы и других евреев» (По воспоминаниям Шмуэля Рубинштейна, члена малечского юдената) (Jewish Brethren..., 1994).

Общим для всех воспоминаний является то, что ни сами члены малечской еврейской общины, ни очевидцы из местного белорусского населения не определяли то положение, в котором оказалось еврейское население в Малече, как «гетто», тогда как ситуация в больших городах и местечках (Пружаны, Береза-Картузская) соответствовала этому определению.

Однако воспоминания очевидцев прямо указывают на существование в Малече гетто в современной трактовке этого понятия:

«Нацисты запретили людям находиться на улице после 21.00. Ещё они приказали пометить еврейские дома звездой Давида. Каждый еврей обязан был носить жёлтую звезду на рукаве; также все должны были сдать имеющиеся у них радио» (По воспоминаниям Ш. Хомского);

«…Появились белые ленты 10 см шириной с желтой шестиконечной звездой, которые носились на рукаве… Немедленно пришел приказ о формировании «юденрата» – еврейского комитета по еврейским делам… Первый приказ потребовал от нас сдать армии 10 коров в обмен на определенную денежную сумму… Кроме того, к нашему местечку привязался один из солдат. Он приезжал каждую неделю за курицами и яйцами. Каждый раз мы собирали для него 20–30 яиц, и он уезжал. Время шло, и начали поступать приказы, чтобы евреи

[1] Опубликовано в: *Pinkes fun finf fartilikte kehiles: Pruzshene, Bereze, Maltsh, Shershev, Selts: zeyer oyfkum, geshikhte un umkum, tsum fuftsntn yortsayt nokh zeyer akhzoryes diker likvidatsye* (Red.: M. W. Bernstein, D. Forer. Buenos Aires, 1958). Здесь и далее цитата по английскому тексту воспоминаний, присланный автору организацией PURO (*Pruzhany Uezd Research Organization*) в Аргентине 30.07.2009 г. – А.К.

выходили на работу… В нашем регионе не было военных баз и не было дорог, которые нужно было бы восстанавливать, или какой-то другой принудительной работы для армии – всё то, что выполняли люди в других местах. Они нашли нам работу с землевладельцами и крестьянами…: выкопать картофель на поле, обмолотить зерно и т.д.» (Из воспоминаний Ш. Рубинштейна) (Jewish Brethren…, 1994).

Таким образом, несмотря на отсутствие в доступных нам воспоминаниях малечских жителей указаний на существование в местечке гетто, организация жизни еврейского населения по форме и содержанию соответствовала понятию «гетто» в его общепринятом понимании.

После организации гетто вторым этапом немецкой политики в отношении евреев являлось активное использование ресурсов его населения. По воспоминаниям жителей малечского гетто, приведенным выше, немецкие власти выдвинули довольно умеренные требования по сдаче населением продуктов питания, которые к тому же первоначально обменивали на определенную денежную сумму. Не слишком тяжелыми были и виды принудительных работ, в которых было задействовано еврейское население. В то же время, в Пружанах условия были хуже:

«…Мы должны были платить немецким властям большие налоги. На первый раз мы должны были дать 5 кг золота, 20 кг серебра, 1 млн рублей и другие вещи, имеющие какую-то ценность. На второй раз налог представлял собой 1000 метров ткани и 300 кг кожи. На третий раз мы должны были отдать все запасы меха» (По воспоминаниям Ш. Рубинштейна) (Jewish Brethren..., 1994).

Воспоминания Ш. Рубинштейна говорят и об условиях, существовавших в Березе-Картузской: «Первое, что от них (членов малечского юденрата после переселения общины в Березу – *А.К.*) потребовали, был список людей, имеющих деньги, золото, товары и другие ценности».

До выселения малечского гетто в Березу-Картузскую немецкими властями и местной полицией не производилось расстрелов еврейского населения. Жительница Малеча Евдокия Мойсюк, 1928 г.р. вспоминала: «Немцы и полицаи не зверствовали. Никого не расстреливали, ни нас, ни евреев. Иногда немец зайдет в хату и просит: "Матка, яйка!". Один раз я не хотела ему яйца отдавать, сгребла в подол и бежать хотела, то тогда он винтовку наставил, пришлось отдать» (По воспоминаниям Евдокии Мойсюк, жительницы Малеча 1928 г.р. Записано мною. – *А.К.*).

Причины такой «лояльности» оккупационных властей и полиции к местному населению сводятся к следующему: немецкие власти не хотели

заранее создавать панику среди еврейского населения, хотели усыпить их бдительность, что и произошло. «Немцами было также приказано, чтобы юденрат способствовал предотвращению пожаров и слухов о возможном аресте евреев», – вспоминал Ш. Хомски.

Фраза «Евреи не верили, что их расстреляют» часто употребляется в воспоминаниях многих из очевидцев – жителей Малеча. Она также подтверждает, планы немецких оккупационных властей удачно скрывались от населения.

Можно предположить, что определенную роль в лояльной политике нацистов по отношению к малечским евреям в первое время сыграл начальник полиции Василий Августинович. Ярый антикоммунист, до войны он занимался производством колбас, за что был раскулачен, а его семья сослана в Сибирь с приходом советской власти в 1939 г. (Jewish Brethren..., 1994). Скорее всего, в прошлом у него были налажены деловые связи с местными евреями, что и повлияло на отношение нацистов и полиции к еврейскому населению. Шмуэль Рубинштейн, живший по соседству с Василием Августиновичем, так характеризовал начальника полиции: «Он был проницательным человеком, который неистово ненавидел коммунистов».

Помогал начальник полиции, хотя и не безвозмездно, белорусскому населению.

> «Софья, соседка, она была из «восточниц», попала в список на расстрел, когда расстреливали активистов, бывших депутатов сельского совета и других… Так её муж сходил к начальнику полиции, взял с собой большой кусок сала, и тот у него на глазах вычеркнул Софью из списка» (По воспоминаниям Евдокии Мойсюк, подтвержденным словами жительницы Малеча Галины Кузьмич).

Ни один из жителей малечского гетто не упоминает факты помощи начальника полиции евреям и агрессию по отношению к ним. Все подчеркивают его ненависть к бывшим советским активистам и представителям местной власти:

> «Я видел его (начальника полиции. – *А.К.*) посреди улицы напротив моего дома, избивающего председателя моего кооператива сапожников. На его гнев было страшно смотреть… Гражданская полиция была назначена из тех, кто выступал против коммунизма: гоев, кто пострадал при коммунистах и ненавидел их. Главные активисты сбежали, но младшие члены остались и скрывались, где только могли… Множество коммунистов было схвачено и расстреляно».

Более того, Ш. Рубинштейн вспоминал о событиях накануне выселения:

> «…Те, кто ненавидел большевиков, произвели в домах обыски. Я возвратился домой, чтобы найти его полным «друзей», которым было известно, что у меня дома находится; они были моими друзьями, потому что во время коммунистического режима я… помогал, насколько мог, всем гоям, а теперь я начал делить между ними своё имущество».

Без сомнения, автор воспоминаний имеет в виду членов местной полиции, так как простым обывателям местечка брать еврейское имущество запрещалось под страхом смерти. После депортации малечской еврейской общины в 1941 году были известны факты мародерства со стороны местного населения, но все пойманные на месте преступления, жители были расстреляны. По воспоминаниям Дмитрия Чижа, были убиты две женщины (Чиж, 2007, с. 33); со слов жительницы Малеча Галины Кузьмич, гестапо расстреляло 4 человека.

Говоря о воспоминаниях членов малечской еврейской общины, не следует забывать, с какой задачей они записывались: указать на факты немецкой политики геноцида, в том числе и совершенные местным населением, состоявшим на службе у нацистов. Отражение в воспоминаниях помощи либо даже малейшего сотрудничества евреев с представителями местной полиции разрушило бы всю идеологическую структуру данных воспоминаний. Позже, с прибытием гестапо накануне выселения малечской общины в октябре 1941 года в Березу-Картузскую в воспоминаниях отражены случаи расстрелов еврейского населения, но про участие в них местной полиции не упоминается.

В октябре 1941 г. немцы начали депортацию малечских евреев в Березу-Картузскую, что свидетельствовало о начале подготовки к ликвидации местного еврейского населения.

> «В тот день, рано утром местечко было окружено гестапо и местной полицией. Еврейское население выводили из их домов и собирали посреди рыночной площади. Евреи в страхе от того, что может произойти повторение трагедии в Хомске, начали разбегаться. Но, к сожалению, меч врага настиг их. Те, кому не повезло, погибли в тот день. Сима Померанец, дочь Шмуэля Лейбки, Тейбель Каплан, Авраам Бухгалтер, Бейбель Черняк, Меир Рабинович (схвачен на рынке и расстрелян, Сима была убита в лесу на Самаровке). Молодой человек из Хомска, который выжил, был ранен в палец… Группа гестаповцев ушла по направлению к Хойникам. Там они нашли старого Матвея Мишкина и его дочь Марьяшу. Они оба были убиты. Над стариком палачи издевались. Они усадили его на табурет и стреляли в него в таком положении. В том же самом доме они нашли Шмуэля Мальчера из Лодзи, у которого была семья в Малече. Он приехал сюда сразу после нацистского вторжения в Польшу в 1939 году.

Этот последний оставшийся в живых, заметив палачей, быстро выпрыгнул через окно и смог убежать.

Некоторые из сбежавших евреев смогли добраться до усадьбы Коты, которая находилась на Селецкой дороге, но избежать смерти они не смогли. Те же самые палачи из Хойник достигли Котов и убили впоследствии молодого Якова Винограда и Израэля Шейнберга. А здоровый и сильный Иосиф, сын портного Моисея, был подстрелен двумя пулями, до вечера пролежал в грязи и после смог добраться до Березы, где и погиб в резне, которая там вскоре произошла» (По воспоминаниям Ш. Хомского).

За сутки до выселения еврейское население было разделено. Среди еврейского населения Малеча было около 200 беженцев из Белостока, местечка Шерешево и других населенных пунктов. Всех их собрали в синагоге. Малечских евреев собрали в христианской школе на Пружанской улице, за границами местечка. Такое разделение, скорее всего, было обусловлено не только нехваткой единого помещения для временного содержания такого количества заключенных, но также желанием оккупантов предотвратить распространение нежелательных слухов, т.к. среди беженцев находились жители местечек, уже попавших под ликвидацию. Их рассказы могли спровоцировать панику и бегство местного населения.

«…На следующий день, в воскресенье, всем евреям были выданы документы, позволявшие покинуть пределы местечка, а также был отдан приказ прибыть в Березу…», – утверждали местные жители. Очевидцы не помнят, была ли в сопровождении уходивших евреев колонна охранников. Ш. Хомский вспоминал: «Удивительно, но палачи были настолько уверенны, что евреи не станут отклоняться от намеченного пути, что даже не послали группу сопровождения и охранников».

В свою очередь, житель д. Хойники Дмитрий Чиж, пасший в то время скот неподалеку от дороги, ведущей к Березе, заявлял:

«Издали мы увидели движущуюся колонну людей в сопровождении немцев. Колонна уже подходила к имению Кабаки, как изо ржи к нам выползла девочка. Это была Хана, наша сверстница и ученица нашей школы. Она дрожала, плакала, то поднималась, то приседала и все время посматривала на удаляющуюся колонну…

– Как ты сумела уйти из колонны, Хана?

– Попросилась у немца в рожь по нужде.

…Хана с родителями следовали в хвосте колонны, а он был последним из охранников. Немец отпустил её, а сам следовал с колонной, не обращая на неё внимания» (Чиж, 2007, с. 31).

В воспоминаниях Д. Чижа можно встретить некоторые неточности: во-первых, он писал, что переселение евреев произошло в 1942 г. (Чиж, 2007, 2, с. 33) и, во-вторых, указывал на то, что «между пастбищем и дорогой Малеч-Кабаки поле было засеяно рожью, к этому времени были уже высокие посевы» и «изо ржи к нам выползла девочка» (Чиж, 2007, с. 33). Но воспоминания практически всех выживших членов малечской еврейской общины сходятся на том, что она переселялась в октябре 1941 г., когда рожь должна быть уже убрана, притом в её уборке участвовали и жители малечского гетто, как можно понять из воспоминаний Ш. Рубинштейна. Вызывает сомнение и то, что немецкий солдат дал разрешение девочке-еврейке выйти из колонны. Вряд ли ученица 5-го класса настолько хорошо знала немецкий язык, чтобы спросить разрешения покинуть колонну. Скорее всего, если и были сопровождающие, то всего несколько человек из местных полицейских в начале и конце колонны. Случай переселения еврейской общины в более крупный населенный пункт был далеко не первым в этом районе. Так, в июле 1941 г. были высланы евреи из Шерешева. Им необходимо было добраться в Антополь, находящийся примерно в 70 км от Шерешева (Jewish Brethren, 1994). Евреи двигались туда также без сопровождения. Учитывая неточности в воспоминаниях Д. Чижа касательно депортации евреев, можно предположить, что сам он либо не являлся очевидцем переселения, либо просто спутал момент депортации евреев с проходом обычной рабочей колонны, который он мог наблюдать ранее (Д. Н. Чиж записывал свои воспоминания спустя много лет по прошествии событий).

Депортация малечских евреев проходила в два этапа. В первый день, в воскресенье, были высланы все жители малечского гетто, за исключением кузнецов и евреев, проживавших вне гетто в соседних деревнях. На следующий день прошел второй этап переселения. Все евреи-ремесленники, проживающие в Малече, а также евреи, проживающие вне местечка, были доставлены с помощью местной полиции в Березу-Картузскую. (Чиж, 2007, с. 32). Депортация малечской еврейской общины была закончена.

Таким образом, несмотря на отсутствие в воспоминаниях указаний на существование в Малече гетто, жизнь еврейского населения была организована по схожим принципам, как и в гетто других более крупных городов и местечек. Отношение немецких властей и местной полиции к малечскому гетто в июне – октябре 1941 г. было достаточно лояльным. Этому во многом способствовали личные отношения между евреями и местными полицейскими.

Депортация малечского гетто была во многом схожа с подобными переселениями в других городах и местечках Западной Беларуси, когда жители гетто принудительно собирались в центре местечка (как правило, на ры-

ночной площади), на непродолжительное время заключались под стражу, в то время как местной полицией и гестапо проводились обыски. Воспоминания местных жителей как нельзя более наглядно демонстрируют те стороны и особенности повседневной жизни маленьких еврейских общин в период создания и деятельности гетто, которые практически невозможно почерпнуть из архивных источников.

Библиография

Воспоминания Мойсюк Евдокии Григорьевны, 1928 г.р., жительницы д. Малеч. Записаны А. Кендой 07.11.2012 г.

Воспоминания Пустовой Софьи Никифоровны, 1918 г.р., жительницы д. Малеч. Записаны А. Кендой со слов её дочери, Кузьмич Галины 07.11.2012 г.

Чиж, Д. Н. Школа, институт, работа: рассказы из жизни учащегося, студента, инженера, пенсионера. Мн., Амалфея, 2007.

Action Reinhard Camps Getto List [Электрон. ресурс] <http://www.deathcamps.org/occupation/ghettolist.htm>

Jewish Brethren, Hold Stead Fast! The personal memoirs of Shumel Mordechai Rubinstein. [Электрон. ресурс] <http://cpsa.info/malch/jewish_brethren_A.htm>

А. Ермаков

Война на уничтожение против Советского Союза в немецком школьном курсе истории

Память о Великой Отечественной войне и освобождении Европы от фашизма имеет очень большое значение для исторического сознания российского общества. В ходе недавнего опроса общественного мнения 80% респондентов назвали самым большим достижением, которым могла бы гордиться Россия, победу над гитлеровской Германией. По мнению немецких историков, ни одно другое событие не накладывало такого глубокого и продолжительного отпечатка на коллективное сознание граждан России, как Великая Отечественная война. Одновременно негативные, трагические страницы советской истории все больше вытесняются из общественного сознания. Современное российское руководство чувствительно реагирует на попытки поставить под вопрос исторические мифы, сформировавшиеся вокруг победы Советского Союза над нацистской Германией, старается не упоминать об ошибках советских государственных и военных деятелей, военных потерях, коллаборационизме, депортациях народов СССР и миллионах военнопленных (Stelzl-Marx, 2012, s. 692).

На иной исторической картине второй мировой войны базируются национальная идентичность и идеология немецкого общества. Неотъемлемым компонентом политической культуры ФРГ является антитоталитарное согласие, неразрывно связанное с «преодолением прошлого» – сложным процессом общенационального извлечения уроков из истории Третьего рейха, призывом к моральному очищению, к восприятию и осмыслению правды о нацизме, к выработке иммунитета по отношению к тоталитарным идеям, расизму и милитаризму. Российские исследователи подчеркивают важность изучения сложного и противоречивого германского опыта преодоления тоталитарного прошлого, извлечения уроков из истории нацистской диктатуры (Борозняк, 1999a; 1999b). Поскольку большую роль в формировании мировоззрения будущих граждан играет школьное образование, постольку анализ освещения в школьном курсе ФРГ нацистской политики геноцида на оккупированной советской территории представляется весьма актуальным.

Именно в школе общество и государство стремятся передать следующим поколениям уроки прошлого и правила поведения на будущее. Кроме того, школьное историческое образование играет роль связующего звена между обществом и исторической наукой. В германской историографии война Германии против Советского Союза характеризуется термином

Vernichtungskrieg – «война на уничтожение». Этот термин был введен в 1963 г. берлинским историком Эрнстом Нольте, писавшим о «самой чудовищной войне ради порабощения и уничтожения, которую знает современная история» (Nolte, 1984, s. 451) (в русском переводе – «новая история») (Нольте, 2001, с. 368). Вскоре немецкий историк Андреас Хилльгрубер доказал, что решение Гитлера о нападении на СССР было принято по расово-идеологическим мотивам и что заранее планировалось уничтожение «еврейско-большевистского руководящего слоя», евреев, подчинение и децимация славянского населения, завоевание «жизненного пространства на Востоке». Позднее он охарактеризовал войну со стороны Германии как «расово-идеологическую войну на уничтожение». В 1960-е – начале 1980-х гг. в ФРГ было опубликовано несколько важных работ на эту тему, в том числе статья Ганса-Адольфа Якобсена *Komissarenbefehl und Massenexekutionen sowjetischer Kriegsgefangener* («Приказ о комиссарах и массовые казни советских военнопленных») (1965), монографии Манфреда Мессершмидта *Die Wehrmacht im NS-Staat* («Вермахт в национал-социалистическом государстве») (1969), Кристиана Штрайта *Keine Kameraden* («Они нам не товарищи») (1979), Гельмута Краузника и Ганса-Гельмута Вильгельма *Die Truppe des Weltanschauungskrieges* («Войска мировоззренческой войны») (1981).

Однако информация о нацистской политике геноцида на оккупированных территориях СССР появилась в западногерманском школьном курсе истории с отставанием и в небольшом объеме. В ФРГ в первые послевоенные десятилетия велась «борьба за память», пишет немецкий историк Норберт Фрай. В результате этой борьбы «категорически поставленный в Нюрнберге и получивший по приговору зарубежных стран довольно однозначный ответ на вопрос о преступном характере немецкой агрессии, о ее заведомом варварстве и сумасбродстве» был вытеснен из общественного сознания (Frei, 1999, s. 405). Уже в середине 1950-х гг. в Западной Германии сложилось убеждение в том, что немецкий народ был «совращен» нацистами, сам являлся жертвой войны. Нацистские преступления на Востоке отрицались или же вменялись в вину опергруппам полиции безопасности и СД, а также Ваффен-СС. В обществе господствовало представление о «чистом вермахте», который честно и храбро сражался на всех фронтах войны. Долгое время определяющее влияние на историческую память западных немцев оказывали мемуары германских генералов, подкрепленные образом второй мировой войны, созданным кинофильмами и художественной литературой. Важным для немецкого общественного сознания был и тот факт, что Нюрнбергский трибунал не признал генеральный штаб и Верховное главнокомандование вермахта (ОКВ) преступными организациями. После

войны в западных зонах оккупации были вынесены обвинительные приговоры тысячам офицеров вермахта, но в условиях «холодной войны» и ремилитаризации ФРГ сроки их тюремного заключения сокращались, многие были амнистированы. Западногерманские суды за 10 лет (1949–1958) вынесли лишь 89 обвинительных приговоров бывшим офицерам вермахта (Sauer, 2011, s. 7).

В 1960–1970-е гг. в связи с судебными процессами против Адольфа Эйхмана в Иерусалиме (1961) и против шестнадцати эсэсовцев из концентрационного лагеря Майданек в Дюссельдорфе (1975–1981) темой оживленного публичного обсуждения в ФРГ стал Холокост. В 1996 г. ожесточенную дискуссию о роли «обыкновенных немцев» в уничтожении европейских евреев вызвала книга Дэниэла Голдхейгена «Добровольные исполнители Гитлера».

В результате высокой степени вовлеченности немецкой общественности в обсуждение и осмысление темы Холокоста в школьном курсе истории именно уничтожение европейских евреев в годы второй мировой войны стало феноменом, на примере которого молодое поколение изучает нацистские преступления. Нацистскому антисемитизму и истории Холокоста в учебниках отводятся специальные параграфы, связанные с Катастрофой даты являются обязательной составляющей хронологических таблиц, а термины «антисемитизм» и «Холокост» входят в глоссарии и поясняются в учебных макротекстах. Школьники работают с текстовыми и визуальными источниками по этой теме, мнениями историков, выполняют проблемные задания. Учащиеся получают основную информацию об идейных истоках, причинах, этапах и последствиях Холокоста, мотивах поведения исполнителей преступных приказов и сторонних наблюдателей Катастрофы, степени причастности «обычных немцев» к истреблению евреев, степени вины отдельных преступников.

По сравнению с этим нацистская политика геноцида на оккупированных территориях СССР, расово-идеологическая война на уничтожение в содержании школьного курса истории нашли весьма скромное отражение. Традиция краткого освещения нацистской оккупационной политики в школьных учебниках сложилась в ФРГ еще до объединения Германии. Например, в учебнике для учащихся выпускного класса федеральной земли Бавария (1987) содержался небольшой, объемом менее пяти страниц, параграф «Немецкая оккупационная политика и движения Сопротивления». В нем рассматривались действия оккупантов в странах Северной и Западной Европы, на Балканах, в отдельном пункте раскрывались основные черты оккупационной политики в Польше и Советском Союзе.

Авторы отмечали, что политика немецких властей в странах Северной и Западной Европы отличалась от оккупационной политики в СССР, про-

водившейся с «нечеловеческой жестокостью». В учебнике говорится, что положения расистской идеологии во всех оккупированных странах реализовывали подразделения СС и полиция безопасности, в то время как вермахт конкурировал с ними, пытаясь ввести «идеологически нейтральное военное управление». Однако ниже сказано, выступление Гитлера перед офицерами 30 марта 1941 г. и приказ о комиссарах от 6 июня 1941 г. разрушили «действующее военное право и традиционные моральные представления», устранили разделение между сферами ответственности военных инстанций и СС, что «военные стали исполнителями нацистской политики в России», которая «достигла своего апогея с помощью оперативных частей СС». Школьникам рассказывается, что население западных областей Советского Союза поначалу приветствовало приход немцев, но потом нацистская политика «подчинения, искоренения и эксплуатации» побудила его к борьбе с захватчиками. Война Германии против Советского Союза с самого начала определялась Гитлером как «политическая и расовая война на уничтожение». По итогам рассмотрения нацистской оккупационной политики авторы делали вывод: «Акции переселения, уничтожения и эксплуатации в духе политики жизненного пространства и расизма привели к беспримерному партизанскому движению, в котором участвовали даже враждебные советской системе части населения» (Berg, 1987, s. 225–227).

Немецкие школьные учебники истории ориентированы на активную познавательную деятельность учащихся, поэтому в них авторский нарратив занимает от одного абзаца до двух-трех страниц и значительно уступает по объему рабочим материалам – текстовым и визуальным источникам, которые на уроке чаще всего рассматриваются в ходе работы по парам или групповой работы. Так, авторы баварского учебника использовали приказ о комиссарах, приказ об убийстве заложников на советской территории от 16 декабря 1941 г., высказывания Гитлера о нацистской политике на Востоке от 16 июля 1941 г., выдержки из отчета айнзацгруппы «А» от 15 октября 1941 г., один из документов генерального плана «Ост» от 27 апреля 1942 г., директивы Геринга об эксплуатации Советского Союза («Зеленая папка») от июня 1941 г. Вопросы к этим документам призваны подвести учащихся к выводам о расовом и мировоззренческом характере войны со стороны Германии, противоправности действий оккупантов на советской территории, спорах между СС и вермахтом, бедственном положении советского населения: какие последствия могли иметь приказы о комиссарах и об убийстве заложников, какие мотивы стоят за таким способом ведения войны, как мотивируется преследование коммунистов и евреев, в чем проявляется противоречие между вермахтом и опергруппами СС, какова цель переселений, каковы могли быть для советского населения последствия

экономической эксплуатации Советского Союза, из какой конечной цели относительно советского населения исходит Геринг (Berg, 1987, s.228-230)?

Отметим, что отдельный параграф, посвященный нацистскому антисемитизму и Холокосту, – «Расовая политика: лишение прав, преследование, уничтожение» – в два раза больше, чем параграф об оккупационной политике. Тем не менее, авторы написали его и весь учебник, ни разу не употребив терминов «Холокост» и «геноцид». В параграфе и предметном указателе используются только понятия «преследование евреев» и «геноцид евреев». Для макротекста учебника характерна еще одна черта, унаследованная в объединенной Германии, – у читателя формируется представление о том, что уничтожение европейских евреев осуществлялось только в концентрационных лагерях, а массовые расстрелы в Польше и Советском Союзе были лишь эпизодом, этапом на пути перехода от «территориального окончательного решения» к «физическому». Баварские авторы рассказывают об убийствах евреев вне концлагерей двумя фразами: «Еще во время завоевания Польши оперативные части СС за линией фронта предприняли массовые расстрелы еврейской интеллигенции Польши с целью искоренения этой группы населения. Эта практика была возобновлена при нападении на Советский Союз в июне 1941 г.» (Berg, 1987, s. 154–155).

Уже в 1980-е гг. историки-исследователи считали недостаточным столь краткое освещение в учебной литературе «расовой и мировоззренческой войны на уничтожение», которую нацистская Германия вела против Советского Союза. В 1986 и 1988 гг. в ФРГ издавалась монография Вигберта Бенца «Русский поход Третьего рейха: истоки, цели, последствия. О преодолении геноцида, принимая во внимание урок истории» (Benz, 1986) и несколько его статей на эту тему. Однако внимание общественности к политике национал-социалистов на оккупированной территории СССР было привлечено только в рамках дискуссии, вызванной выставкой «Война на уничтожение. Преступления вермахта» (1995–1999 гг.). В ходе ожесточенных споров подверглись обсуждению и новому осмыслению не только преступления вермахта, но и война на уничтожение против Советского Союза. По-видимому, именно этим было вызвано увеличение объемов и изменение содержания материалов о нацистской политике на Востоке в школьном курсе истории.

В учебнике федеральной земли Тюрингия для учащихся второй ступени I (5–10 классы основной школы, реальной школы или 5–9 классы гимназии) появился специальный пункт «Незабываемые преступления». Школьникам сообщается: «Народы Восточной Европы по сей день помнят немецкие военные преступления. Эсэсовцы, а также солдаты вермахта убивали миллионы военнопленных и гражданских лиц – как им было приказано их начальниками. Например, изданный командованием вермахта “Приказ о

комиссарах" требовал немедленно расстреливать взятых в плен советских офицеров, а всякое подозрение на сопротивление со стороны гражданского населения могло караться смертью. 3,3 из 5,7 млн советских военнопленных не пережили принудительного труда, недоедания, эпидемий в немецких лагерях. Только из Советского Союза более 20 млн человек потеряли свои жизни на войне» (Geschichte und Geschehen…, 1997, s. 904).

Среди документов, с которыми предлагается работать школьникам, находятся выдержки из приказа генерал-фельдмаршала Вальтера фон Райхенау «О поведении войск в восточном пространстве» и сообщение о событиях в СССР начальника полиции безопасности и СД от 11 декабря 1941 г., в котором говорится о расстрелах эсэсовцами евреев по требованию коменданта лагеря военнопленных в Борисполе. К документам ставится вопрос: «Что имел в виду приказ вермахта под "задачами, которые выходят за рамки традиционного солдатского поведения"? Какие последствия он имел для людей, к которым применялся?» (Geschichte und Geschehen…, 1997, s. 905–906).

В параграфе о Холокосте внимание учащихся концентрируется на лагерях уничтожения, а расстрелы евреев в Польше и Советском Союзе не упомянуты. Школьникам лишь сообщается, что в нацистских лагерях «преступники убили миллионы евреев, синти и ромов, "славянских недочеловеков", "большевиков", гомосексуалистов – всех, кого они на почве расизма объявили "неполноценными"» (Geschichte und Geschehen…, 1997, s. 912).

В параграфе, посвященном антифашистскому Сопротивлению, отсутствуют сведения о партизанском движении в СССР и мотивах его участников, но в макротекст включена картина Сергея Герасимова «Мать партизана» (1943). Ученикам дается пояснение и ставятся вопросы: «Немецкие оккупанты реагировали на освободительную борьбу партизан расстрелами женщин, стариков и детей – в Лидице в Чехословакии, в Орадуре во Франции, в Калаврите на Пелопоннесе, в Аногии на Крите, в Варшаве и *бесчисленных населенных пунктах в СССР*. Что изображено на картине? Как можно ее интерпретировать? Какое воздействие была призвана оказывать картина?» (Geschichte und Geschehen…, 1997, s. 918).

Аналогичные учебники, отличающиеся от тюрингского лишь фрагментами регионального материала, были изданы во второй половине 1990-х гг. для федеральных земель Рейнланд-Пфальц, Саарланд, Нижняя Саксония (Geschichte und Geschehen…, 1998; Geschichte und Geschehen…, 1999).

Больший объем материала о нацистской политике геноцида на оккупированных территориях СССР содержат некоторые учебники для второй ступени II (10–12 или 10–13 классы гимназий). Например, в книге «Веймарская республика и национал-социализм» нацистской оккупационной политике посвящен отдельный параграф. В авторском тексте раскрываются идеоло-

гическая обусловленность действий нацистов на оккупированной советской территории, причины возникновения партизанского движения, говорится о судьбе советских военнопленных и «восточных рабочих».

Учащимся поясняется, что нацистская расовая идеология, объявлявшая славян «недочеловеками», и жажда наживы, свойственная гитлеровцам, стали причинами «неприкрытой и беспощадной эксплуатации в оккупированных районах России». Вследствие этой политики симпатия, с которой часть населения западных областей относилась к оккупантам как к освободителям от сталинской диктатуры, «быстро превратилась в разочарование и ненависть». «В этих условиях партизанское движение, которому благоприятствовали обширные русские пространства, приобрело большие масштабы. Взаимные акты возмездия партизан и немецкой оккупационной власти раскручивали спираль насилия. Сталин, который в 1930-е гг. привел страну в ужас кровавыми "чистками", в этой ситуации смог мобилизовать не только коммунистические, но и национальные силы». Текст сопровождается фотографией казни Маши Брускиной и комментарием: «Казнь русских гражданских лиц немецкими военными в Минске, 1941 год. Не только борьба против советских партизан, но и намерение превратить русский народ в эксплуатируемый народ рабов привели к тому, что произвольные казни были в порядке дня» (Weimarer Republik…, 1992, s. 219).

В учебнике констатируется, что «плен и принудительный труд означали для части советского населения систематическое уничтожение голодом и непосильным трудом». Условия, в которых жили и работали в Третьем рейхе граждане разных стран, разительно отличались друг от друга. С французскими рабочими обращались почти так же, как с немецкими, и это обстоятельство позднее способствовало вытеснению из общественного сознания немцев чувства вины за бесчеловечное обращение с «восточными рабочими». «Здесь новые открытия принесли локальные исследования, проведенные в 1980-е гг., – говорится в учебном тексте, – оказалось, что прибыль из труда принудительных рабочих извлекали очень многие фирмы. Иностранные рабочие очень строго отделялись от немецкого населения. Но жестокое обращение с ними во многих случаях осуществлялось отнюдь не по приказу сверху, а круг виновников из числа немецкого населения и представителей экономики был значительно больше, чем долгое время хотелось допускать». Учебник не сообщает, сколько советских военнослужащих попало в плен и сколько пережило его, сколько советских граждан было угнано на принудительные работы в Германию. Школьники могут узнать только то, что «за время войны в Германию было принудительно депортировано из оккупированных областей 6 млн рабочих» (Weimarer Republik…, 1992, s. 220–221).

Комплект документов, сопровождающий учебный текст, состоит из меморандума экономического штаба «Ост» об экономической политике на оккупированных территориях СССР от 8 ноября 1941 г., фронтовой листовки Ильи Эренбурга (1943), воспоминаний Эренбурга и двух документов об обращении немцев с «восточными рабочими». К источникам ставится вопрос о том, можно ли объяснить немецкую политику по отношению к русскому населению только потребностями военной промышленности. Кроме того, учащимся предлагается обсудить «долговременное воздействие, которое жестокость войны оказывала на советско-германские отношения в течение десятков лет после 1945 г.», и вопрос о вине за бесчеловечное обращение с «восточными рабочими» (Weimarer Republik…, 1992, s. 221–224).

Если учебник «Веймарская республика и национал-социализм» посвящен только немецкой истории и охватывает ограниченный хронологический период 1918–1945 гг., то большинство других учебников для второго концентра географически охватывают весь мир, а хронологически – историю всего XX в. Их авторы тщательно выбирают конкретные темы и предпочитают рассматривать нацистскую политику геноцида на примере Холокоста. Удачно преподнесен материал о геноциде на оккупированных территориях СССР в учебнике для гимназий «Мы делаем историю». Авторам удалось в очень краткой форме показать цели нацистской Германии, соучастие генералитета вермахта и преступные действия эсэсовских опергрупп, трагедию советских военнопленных и гражданского населения: «Когда Гитлер 22 июня 1941 г. отдал приказ о нападении на Советский Союз, генералы вермахта очень хорошо знали, что эта война имеет целью эксплуатацию России, уничтожение и искоренение большой части ее населения... За линией фронта разыгрывалась непостижимая человеческая трагедия. Миллионы русских солдат умерли от голода в плену германского вермахта, только до февраля 1942 г. – 2 из 3,35 млн. Вслед за вермахтом по стране прокатывалась вторая волна террора – сформированные СС оперативные группы. Под предлогом борьбы с партизанами они по своему произволу расстреляли сотни тысяч гражданских лиц, уничтожали целые деревни и небольшие города» (Wir machen Geschichte, 1998, s. 138). Из таблицы «Жертвы второй мировой войны» школьники могут почерпнуть данные о советских военных потерях (13,6 млн человек) и гибели мирного населения (7 млн человек), сравнить эту статистику с показателями по другим странам и объяснить различия (Wir machen Geschichte, 1998, s. 141).

Авторы учебника «История и события» для второй ступени II обходят нацистскую политику геноцида на советской территории молчанием. В параграфе «Подавление и преследование, террор и геноцид – жертвы национал-социализма в Европе» они рассматривают антисемитскую политику

нацистов в 1933–1939 гг., эмиграцию немецких евреев, «окончательное решение еврейского вопроса», преподносимое как уничтожение евреев в концентрационных лагерях. В параграфе выделены отдельные пункты об истреблении синти и ромов, преследованиях «асоциальных элементов», гомосексуалистов, свидетелей Иеговы, о программе эвтаназии. В пунктах, освещающих эксплуатацию оккупированных европейских территорий и депортации населения, Советский Союз отдельно не рассматривается и специфика нацистского геноцида на оккупированной территории СССР не показывается. Школьники могут прочитать лишь то, что «на Востоке война с самого начала велась как “расовая война”», и получить минимальные сведения о генеральном плане «Ост». Среди выбранных авторами источников нет ни одного, касающегося Советского Союза (Geschichte und Geschehen…, 1995, s. 345–351].

Разрыв между состоянием научных исторических знаний и освещением войны на уничтожение в школьном курсе истории осознается немецкими учеными. В 2000 г. новую попытку показать учителям значимость изучения нацистской оккупационной политики на территории СССР предпринимал Вигберт Бенц (Benz, 2000). За последнее десятилетие в Германии было издано несколько значимых монографий, посвященных войне на уничтожение. Хотя после окончания работы второй выставки Гамбургского института социальных исследований «Преступления вермахта. Масштабы войны на уничтожение» (2001–2004) интерес немецкой общественности к этой проблематике стал угасать, интенсивное изучение историками нацистской оккупационной политики на территории СССР продолжается и даже считается приоритетным среди других аспектов истории Третьего рейха.

В мае 2011 г. в связи с 70-летием нападения Германии на Советский Союз один из номеров методического журнала «Учить историю» был посвящен войне на уничтожение. Коллектив авторов ознакомил учителей истории с современным научным видением войны Третьего рейха против СССР, предложил документальный материал и методические рекомендации для проведения нескольких уроков в средних и старших классах. В базовой статье журнала, написанной специалистом по дидактике истории Михаэлем Зауэром, констатируется, что в преподавании школьного курса истории тема войны на уничтожение не находит достаточного освещения. В программах для учащихся гимназий второй ступени I половины федеральных земель не упоминается понятие «война на уничтожение» и не содержится никаких методических разработок по его истолкованию (Sauer, 2011, s. 8).

При этом знакомство с нацистской политикой геноцида на оккупированной территории СССР значимо для преподавания истории в школе. Во-первых, понятие «война на уничтожение» охватывает различные виды

преступлений, жертвами которых стали миллионы людей. «Речь идет об одном из величайших преступлений человеческой истории, – пишет М. Зауэр, – преступниками были, главным образом, немцы». Во-вторых, геноцид советского населения, как и Холокост, характеризуется сложным переплетением различных уровней принятия решений и действий, начиная от стратегического планирования и кончая преступлениями отдельных лиц. Кроме преступников в войну на уничтожение были вовлечены «помощники, наблюдатели, уклоняющиеся, вмешивающиеся». Необходимо знать их ментальность, мотивы, размышления и оправдания, «чтобы понять, как могли совершаться такие преступления». В-третьих, немцам, как «в определенной степени исторически виновным перед жертвами», нужно знать об их судьбах и страданиях. «К этому относится также история исторической памяти. Например, “Великая Отечественная война” и по сей день занимает важное место в структуре памяти российского населения и по-прежнему используется в политических целях». В-четвертых, «историческим уроком» является фактическое отсутствие в ФРГ судебного преследования преступников.

Наконец, радикализация войны и уничтожения в 1939–1945 гг. «оказала серьезное влияние на характер боевых действий и военных преступлений в последующее время». По мнению М. Зауэра, «безграничное применение насилия вплоть до мотивированных расовыми и религиозными соображениями массовых убийств», имевшее место в ходе недавнего балканского конфликта, было возможно задумать и осуществить благодаря тому, что были «сняты табу во время немецкой войны на Востоке». Это означает, что люди ощущают последствия нацистской войны на уничтожение до сегодняшнего дня (Sauer, 2011, s. 9).

Журнал «Учить историю» предлагает учителям исторический нарратив, подборки документов и методические рекомендации по следующим темам, на изучение каждой из которых отводится по 3–4 урока: «Этническая “консолидация земель”. Генеральный план “Ост”»; «Гражданское население как жертва. Немецкая продовольственная политика и политика голода»; «Блокада Ленинграда. Ленинград в 1941–1944 гг.: обычная осада?»; «Борцы за свободу или бандиты? Сопротивление и “борьба с бандами” на Восточном фронте Второй мировой войны»; «Фронтовые письма немецких солдат 1941–1943 гг. Образы врага, готовность к насилию и воля к уничтожению»; «“Европа работает в Германии”. Советские принудительные рабочие в Германском рейхе»; «“Война на уничтожение имела место, но в ней никто не участвовал?” Спор о выставках “Преступления вермахта”».

Учителям рекомендуется, как и при изучении Холокоста, рассматривать войну на уничтожение не только с точки зрения общей перспективы, но и

таким образом, чтобы в поле зрения учащихся попадали вопросы: как могли совершаться преступления такого неслыханного масштаба, как «вполне нормальные люди» могли в этом участвовать, какую роль играли настроения, идеологические убеждения, процессы в группах, какое давление, какие пространства для принятия решений были у отдельных солдат или командиров, что чувствовали жертвы преступлений? «Конечно, важно, чтобы учащимся были известны значимые преступные приказы и они были в общих чертах информированы о количестве жертв. Но главными вопросами о преступниках учащиеся занимаются только тогда, когда с ними рассматриваются частные случаи, касающиеся отдельных лиц, групп преступников, частей и соединений», – говорится в журнале. С этой целью преподавателей побуждают использовать не только официальные документы, но и источники личного происхождения: письма полевой почты, дневники, мемуары, высказывания современников. Учителям рекомендуется не навязывать школьникам свое мнение, соблюдать баланс рационального анализа и эмоционального соучастия. Следствиями методических ошибок, как убеждает опыт преподавания темы Холокоста, могут стать пресыщение, эмоциональная перегрузка учащихся и, в конечном счете, падение интереса к теме и ее отторжение (Sauer, 2011, s. 9).

Таким образом, особенности освещения в немецком школьном курсе нацистской политики геноцида на оккупированных территориях СССР связаны с исторической памятью немцев о второй мировой войне и с состоянием германской историографии. Долгое время немецкое общество игнорировало утвердившиеся в странах-победительницах оценки гитлеровской агрессии как преступления. Когда изучение подрастающим поколением нацистских злодеяний было, наконец, признано в ФРГ важным аспектом образования и гражданского воспитания, в школьном курсе истории стала играть важную роль тема Холокоста. История Катастрофы еврейского народа к тому времени вызвала в Западной Германии большой общественный резонанс и была исследована учеными лучше, чем нацистская политика геноцида в отношении советских граждан.

Война на уничтожение против Советского Союза заняла в немецком школьном курсе истории незначительное место, разместившись в тени темы Холокоста. Убедительное опровержение немецкими историками легенды о «чистом вермахте», преступления которого совершались, в основном, на восточных театрах войны, почти не повлияло на содержание школьного курса. Маргинальное значение темы войны на уничтожение проявляется в небольших, порой граничащих с полным отсутствием, объемах материала в учебниках истории, в предоставлении школьникам только самых общих сведений. В хронологических таблицах учебников нет дат, значимых для

данной темы, к главам и параграфам о второй мировой войне и нацистских преступлениях не ставятся проблемные вопросы о нацистской политике геноцида на территории СССР. Во многие программы и учебники федеральных земель не включено само понятие «война на уничтожение». Следствием этого являются расхождения между картиной нацистского прошлого, предлагаемой школьникам, и состоянием научных знаний о расовой и мировоззренческой войне. Немецкие специалисты по дидактике истории убеждены, что в преподавании этой темы в школьном курсе заложены не меньшие возможности формирования исторической компетентности учащихся и воспитания граждан правового демократического государства, чем в теме Холокоста.

Библиография

Борозняк, А. И. Искупление: Нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого? М.: Пик, 1999. (a)

Борозняк, А. И. ФРГ: опыт становления антитоталитарного согласия. Проблема «преодоления прошлого». М.: Интердиалект+, 1999. (b)

Нольте, Э. Фашизм в его эпохе. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001.

Benz, W. Der Russlandfeldzug des Dritten Reiches. Ursachen, Ziele, Wirkungen. Zur Bewältigung eines Völkermords unter Berücksichtigung des Geschichtsunterrichts. 2. Auf. Frankfurt am Main: Haag & Herchen, 1986.

Benz, W. Das „Unternehmen Barbarossa“ 1941. Vernichtungskrieg und historisch-politische Bildung in: *Informationen für den Geschichts- und Gemeinschaftskundelehrer*. 2000, H. 60, s. 5–28.

Berg, R., Selbmann, R. Grundkurs deutsche Geschichte. Ein Lehr- und Arbeitsbuch für die Kollegstufe in Bayern. Bd. 2. 1918 bis zur Gegenwart. 13. Jahrgangsstufe. Frankfurt am Mein: Cornelsen Verlag Hirschgraben, 1987.

Frei, N. Vergangenheitspolitik. Die Anfänge der Bundesrepublik und die NS-Vergangenheit. München, 1999.

Geschichte und Geschehen. Geschichtliches Unterrichtswerk für die Sekundarstufe I. Niedersachsen. Leipzig: Ernst Klett Schulbuchverlag, 1999.

Geschichte und Geschehen. Geschichtliches Unterrichtswerk für die Sekundarstufe I. Rheinland-Pfalz, Saarland. Stuttgart: Ernst Klett Schulbuchverlag, 1998.

Geschichte und Geschehen. Geschichtliches Unterrichtswerk für die Sekundarstufe I. Thüringen. Leipzig: Ernst Klett Schulbuchverlag, 1997.

Geschichte und Geschehen. Oberstufe, Ausgabe A/B. Stuttgart: Ernst Klett Schulbuchverlag, 1995.

Nolte, E. Der Faschismus in seiner Epoche. Action francaise-Italienischer Faschismus – Nationalsozialismus. München: Piper, 1984.

Sauer, M. Vernichtungskrieg im Osten. Die deutsche Kriegsführung in der Sowjetunion 1941–1944 in: *Geschichte lernen*. 2011, Mai, Nr. 141, s. 2–9.

Stelzl-Marx, B. Stalins Soldaten in Österreich. Die Innensicht der sowjetischen Besatzung 1945–1955. Wien, München: Böhlau Verlag, Oldenbourg Verlag, 2012.

Weimarer Republik und Nationalsozialismus. Demokratie und Diktatur in Deutschland 1918–1945. Kursmaterialien Geschichte. Sekundarstufe II / Kollegstufe. Stuttgart: Ernst Klett Schulbuchverlag, 1992.

Wir machen Geschichte. Bd. 4. Vom Ende des Ersten Weltkreiges bis zur Gegenwart. Frankfurt am Main: Verlag Moritz Diesterweg, 1998.

В. Матох

Антисемитизм в медицинских учреждениях в БССР в довоенный период (по материалам Государственного архива Минской области)

Антисемитизм в довоенной Советской Беларуси представляет собой широкую исследовательскую проблему. В ряде отечественных и зарубежных авторов затрагивалась проблема антисемитизма, представлены многочисленные случаи антисемитских акций и выступлений. Богатый фактический материал содержится в сборниках документов (Книга погромов, 2007, Перед крутым поворотом, 2001). Исследовано проявление антисемитизма в некоторых регионах республики, например в Витебске и некоторых местечках (Зельцер, 2005). В то же время малоизученными остаются вопросы антисемитских настроений среди различных групп населения республики, как и в отдельных сферах производства, в том числе системе здравоохранения. В данной статье, на основании информации из докладных записок органов НКВД и газетных статей, предпринята попытка рассмотреть некоторые аспекты антисемитизма в медицинских учреждениях в довоенной Советской Беларуси.

В качестве источников были использованы периодические издания и документы, хранящиеся в Государственном архиве Минской области (ГАМО). Фонд ГАМО 164П «Минский городской комитет КП(б)Б» содержит документы за 1930–1941 гг., т.е. за период деятельности Минского горкома партии до начала Великой Отечественной войны. Среди прочих документов в нем встречаются докладные записки органов НКВД БССР, включающие в себя самые разнообразные сведения о повседневной жизни столицы БССР и ее населения, в том числе о явлениях, которые считались «негативными», например, о фактах дискриминации по национальному признаку.

В упомянутых докладных записках НКВД часто присутствует раздел «*Шовинизм*» с подразделами «*Великодержавный шовинизм*», «*Белорусский шовинизм*», «*Антисемитизм*», «*Еврейский шовинизм*» (ГАМО, ф.164П, оп.1, д.38, л.269–280, 708–729, 748–781; ГАМО, ф.164П, оп.1, д.132, л.593–594, 598–621; ГАМО, ф.164П, оп.1, д.146, л.287, 542). Эти разделы информационных справок были посвящены описанию фактов национальной вражды самого различного характера. Под «*великодержавным шовинизмом*» подразумевались проявления русского национализма, отрицательные высказывания о «*белорусизации*», негативные высказывания о белорусском языке

и культуре. Как проявления «*белорусского шовинизма*», трактовались негативные высказывания белорусов о русификаторской политике государства в области образования и культуры, осуждение советских репрессий в отношении «*национал-демократов*», деятелей белорусской культуры и науки. Под «*еврейским шовинизмом*» понималось враждебное или скептическое отношение евреев к «*белорусизации*», оскорбление не-евреев, подчеркивание евреями своего национального превосходства.

Характерно, что в описании фактов национальной вражды на первое место выводится отношение людей к тем или иным мероприятиям, проводимым советскими властями в сфере национальной политики, т.е. власти интересовались, прежде всего, «*политическим*» аспектом национальных противоречий – тем, как люди относятся к официальной национальной политике государства. «*Бытовой*» аспект – т.е. наличие в обществе национальных противоречий, предрассудков и предубеждений, интересовал власти во вторую очередь. При перечислении фактов «*шовинизма*» в первую очередь показывались примеры негативного отношения к мероприятиям партии и государства, например, «*белорусизации*» или репрессиям в отношении национальной интеллигенции в Беларуси.

Возвращаясь к докладным запискам НКВД, отметим, что раздел «*Еврейский шовинизм*», как правило, был самым небольшим по объему и конкретные высказывания там цитировались редко. Составители справок чаще всего ограничивались фразой «*зафиксировано… случаев проявления еврейского шовинизм*а» и их общим описанием. Либо это проявление национальной вражды имело гораздо меньшие масштабы, чем прочие, либо оно интересовало партийные органы в последнюю очередь. Чаще всего самым большим и информативным был раздел «*Антисемитизм*». Антисемитские проявления фиксировались во всех слоях довоенного общества БССР – среди интеллигенции, служащих, рабочих, студентов и даже учащихся школ (ГАМО, ф.164П, оп.1, д.135, л.149; ГАМО, ф.164П, оп.1, д.134, л.246). Проявления были самыми различными, от распространения антисемитских песен и анекдотов, высмеивания еврейского языка, употребление оскорбительных слов вроде «*жид*» и др. до физических издевательств над евреями и одобрения еврейских погромов в Польше (ГАМО, ф.164П, оп.1, д.38, л.748–781). Цитата из докладной записки НКВД: «*Лейтмотивом большинства антисемитских проявлений является выпячивание того, что, мол, «евреи позалезали везде», «позанимали лучшие места», «пользуются преимуществами и живут лучше всех» и т.п. Причем, в отдельных случаях, ненависть к евреям связывается с неполучением стипендии, неполучением желательной службы, непринятием в партию, не сдачей зачетов и т.п.*» (ГАМО, ф.164П, оп.1, д.38, л.767).

Местные партийные организации в январе 1933 г. сообщали в Минский горком, что на одной из минских фабрик 60% рабочих составляли белорусы, а все партийные и административные руководители фабрики были евреями (ГАМО, ф.164П, оп.1, д.136, л.51–52). В результате среди рабочих на фабрике обострились антисемитские настроения. По решению горкома в состав руководства фабрики был срочно введен один белорус. Отметим, что такая ситуация на промышленных предприятиях встречалась достаточно редко, а вот среди врачебной интеллигенции процент евреев был гораздо более высоким, чем среди интеллигенции технической. По аналогии с фабриками, можно предположить, что это провоцировало антисемитские настроения среди преимущественно русского и белорусского вспомогательного и младшего медицинского персонала лечебных учреждений.

Подобные настроения часто фиксировались в прессе и докладных записках НКВД. Причем антисемитизм в медицинских учреждениях всегда рассматривался отдельно от остальных учреждений и предприятий (ГАМО, ф.164П, оп.1, д.38, л.124–127, 772). Повара, кочегары, бухгалтеры, санитарки, фельдшеры (т.е. обслуживающий, младший и средний медицинский персонал) медицинских учреждений неоднократно были замечены в оскорблении пациентов, коллег по работе и врачей еврейской национальности. Такие случаи были зафиксированы в Могилевской психиатрической больнице, в 1-й и 3-й советских больницах в Минске (Рабочий, 04.07.1928, №152, с. 3; Рабочий, 25.07.1928, №170, с.5; ГАМО, ф.164П, оп.1 д.38, л.124–127; ГАМО, ф.164П, оп.1, д.134, л.419–422). В Гомельской железнодорожной больнице были зафиксированы случаи антисемитизма со стороны пациентов больницы по отношению к пациентам-евреям («Полесская правда», 08.01.1930, №7, с. 5). В Гомельском Доме грудного ребенка были выявлены случаи жестокого обращения кормилицы с грудными детьми, особенно еврейскими. В результате один ребенок умер («Полесская правда», 17.01.1930, №15, с. 4). Последний случай показывает, к каким печальным последствиям мог привести антисемитизм в медицинских учреждениях, где от действий одного человека зависит здоровье или жизнь пациента.

Можно предположить, что одним из проявлений антисемитизма в лечебных учреждениях было то, что врачей еврейской национальности подозревали и обвиняли в более внимательном и чутком отношении к пациентам-евреям. В докладных записках НКВД такие факты не отмечены, но можно вспомнить случаи враждебного отношения вспомогательного персонала медучреждений к врачам-евреям и пациентам-евреям. Характерно, что ни в прессе, ни в докладных записках НКВД не зафиксированы факты антисемитизма со стороны старшего медицинского персонала (врачей и специалистов) к коллегам еврейской национальности.

В белорусской довоенной советской прессе было несколько публикаций о примечательном явлении, связанном с врачами-евреями. Речь идет об обряде обрезания, которое делалось еврейским детям якобы по «*медицинским показаниям*». Причем обрезания могли делаться как по инициативе родителей, требовавших у врачей справку, что их ребенку необходимо обрезание, так и по инициативе врачей, уверявших родителей в необходимости такой операции. В прессе эти случаи освещались по указанию КП(б)Б, с предупреждением, что те члены партии, которые будут замечены в совершении подобных «*религиозных обрядов*» над своими детьми, будут из партии исключены («Рабочий», 30.09.1928, №226, с. 4).

В прессе освещались и судебные процессы над антисемитами из медучреждений. В сентябре 1928 г. Минским окружным судом разбиралось дело об антисемитизме в Минской детской клинике («Рабочий», 19.09.1928, №216, с. 5). Несколько медицинских сестер этой клиники были обвинены в антисемитизме по отношению к пациентам-евреям, врачам-евреям и евреям в целом.

Обвиняемые на процессе категорически отказывались признать себя антисемитами, несмотря на то, что на процессе были оглашены многочисленные примеры оскорбительного обращения медсестер с евреями – пациентами клиники и коллегами по работе («Рабочий», 22.09.1928, №219, с. 5; «Рабочий», 25.09.1928, №221, с. 5). Дискриминация проявлялась как в виде прямых оскорблений по национальному признаку, так и в виде слухов, распространявшихся медсестрами. Например, в клинике проходила лечение еврейка – эмигрантка из Польши с ребенком. Ребенку выдавались сливки для усиленного питания. Однажды сливок не хватило, и администрация распорядилась снять сливки для ребенка с молока, выдаваемого его матери. Медсестрами был пущен слух о том, что у русских детей отнимают сливки, чтобы кормить еврейских. Родителям одного из заболевших в клинике детей одна из медсестер заявила, что ребенок заболел потому, что за ним ухаживала медсестра-еврейка (Рабочий, 23.09.1928, №220, с. 5).

Редакция официального издания ЦК КП(б)Б – газеты «Рабочий» – обвинила медсестер не только в «*бытовом*» антисемитизме, но и антисемитизме «*политическом*» («Рабочий», 26.09.1928, №222, с. 5). Основанием для этого послужил тот факт, что антисемитские высказывания медсестер, распространявшиеся посетителями клиники, получили широкий резонанс. Как утверждала газета, было зафиксировано несколько случаев, когда на деревенских собраниях в Минском округе крестьяне отказывались вносить деньги на постройку больниц, так как там, по слухам, лечили только еврейских детей. Источниками этих слухов крестьяне назвали медсестер детской клиники («Рабочий», 23.09.1928, №220, с. 5).

После нескольких дней судебных слушаний Минский окружной суд огласил приговор – все обвиняемые были оправданы, за исключением одной медсестры, приговоренной к одному году заключения условно («Рабочий», 26.09.1928, №222, с. 5). Против нее, очевидно, сыграло ее «*чуждое*» социальное происхождение, на котором акцентировала внимание и газета «Рабочий». Следует отметить, что в белорусской советской прессе того времени довольно часто ставился знак равенства между антисемитизмом и «*старым режимом*», старой, царской Россией. В публикациях, посвященных антисемитским проявлениям в БССР, часто повторялся тезис о том, что антисемиты – это, преимущественно, «*бывшие*» люди, ныне лишенные избирательных прав и не являющиеся частью нового, советского общества, т.е. антисемитизм расценивался как демонстрация политической неблагонадежности, признак «*чуждого*» происхождения человека. Считалось, что советские рабочие и крестьяне не могут быть антисемитами. Но в данном случае желаемое выдавалось за действительное, т.к. антисемитизм был распространен среди всех слоев советского общества.

Прокуратура в ответ на оправдательный приговор потребовала тюремного заключения для всех обвиняемых и обжаловала приговор суда, настаивая на том, что обвиняемые заслуживают более сурового наказания, т. к. они сеяли национальную рознь и дискредитировали национальную политику советского государства («Рабочий», 27.09.1928, №223, с. 5). Адвокаты подсудимых, в свою очередь, заявляли, что ничего экстраординарного в выявленных фактах антисемитизма нет. Судя по приговору, их точку зрения разделял и суд.

К сожалению, в газетных публикациях, посвященных процессу об антисемитизме в Минской детской клинике, не было указано, по какой статье Уголовного Кодекса обвинялись медсестры. Уголовный Кодекс БССР 1928 г., вступивший в действие через полтора месяца после окончания процесса, в разделе «Преступления против порядка государственного управления» содержал статью 84 «Пропаганда или агитация, направленные к возбуждению национальной или религиозной вражды или розни», предусматривавшую в качестве наказания лишение свободы на срок до двух лет (СЗ БССР, 1928 г., №30, ст.288).

Борьба с антисемитизмом в довоенной БССР была частью советской национальной политики этого времени. Биробиджанский эксперимент, еврейские национальные районы, еврейские школы, идиш как один из государственных языков БССР – все осуществлялось в рамках лозунга 1920-х гг. о праве всех народов на национальное самоопределение. В 1930-е гг. советская национальная политика изменилась – произошел поворот от интернационализма к великодержавности и тезису о русском народе как о

«*старшем брате*». В этот период начинается постепенный процесс русификации всей системы образования и культуры в СССР. Борьба с антисемитизмом в 1930-х гг. становится менее активной и демонстративной, антисемитские проявления стали просто замалчиваться.

Но, тем не менее, на протяжении 1930-х гг. некоторые проявления антисемитизма, имевшие «*политический*» характер, осуждались на самом высоком уровне. Например, в сентябре 1938 г. Витебский горком КП(б)Б рассмотрел дело о «*политической ошибке*», допущенной в рекламном буклете нового звукового кинофильма Ленинградской киностудии. Фильм назывался «Профессор Мамлок» и представлял собой остросюжетную драму о трагической гибели берлинского врача-хирурга, еврея, профессора Мамлока от рук германских нацистов (ГАМО, ф.164П, оп.1, д.488, л.254–256 об.). В рекламном буклете, выпущенном одним из белорусских кинотеатров, была употреблена следующая фраза: «*Мамлок – еврей. Несмотря на это, весь персонал клиники безмерно уважал профессора*». Эта фраза была расценена партийными органами, как скрытое проявление антисемитизма и поддержка антисемитской политики нацистов. Чтобы исключить подобные случаи в будущем, Витебский горком КП(б)Б постановил изменить систему выпуска рекламных буклетов и поставить ее под более жесткий цензурный контроль.

Упомянутый фильм интересен и другими деталями. Он являлся экранизацией пьесы немецкого писателя-антифашиста Фридриха Вольфа, который наряду со своей общественно-политической и литературной деятельностью долгое время был практикующим врачом. В 1934 г. он эмигрировал из Германии в СССР, где написал пьесу «Профессор Мамлок». Характерно, что в качестве главного героя пьесы был выбран именно врач. Очевидно, предполагалось, что сцены жестокого преследования нацистами еврея-врача, спасшего многие жизни, посвятившего свою деятельность служению людям, вызовут у советских зрителей особенное неприятие нацистской идеологии и ее антисемитской составляющей.

Режиссером фильма стал австрийский еврей Герберт Раппапорт, работавший в Голливуде. В 1936 г. он переехал в СССР и сразу приступил к съемкам. В сценарий были внесены определенные идеологические изменения, в частности, в первоначальном варианте профессор Мамлок в невыносимой атмосфере нацистского государства кончает жизнь самоубийством. В фильме же он погибает от рук нацистов. Эта кинолента стала интернациональным антифашистским манифестом, показывавшим, как даже далекий от политики врач-еврей приходит к осознанию необходимости активной борьбы с нацизмом. В советском прокате фильм находился недолго – после заключения пакта Молотова – Риббентропа он, как и прочие антифашист-

ские ленты, был снят с экранов. Борьба с антисемитизмом в Советском Союзе в 1930-е гг. была частью борьбы против германского нацизма. Как только нацисты в 1939 г. стали политическими союзниками Сталина, еврейский вопрос снова был снят с повестки дня.

Оценивая в целом национальную политику в БССР до войны, можно утверждать, что наиболее явные антисемитские проявления преследовались властями. В белорусской прессе конца 1920-х – начала 1930-х гг. часто публиковались статьи об антисемитских проявлениях, которые карались в административном, и, в некоторых случаях, в уголовном порядке. Правда, это не дает нам представления об истинных масштабах антисемитских настроений в довоенной Беларуси. В прессу и в докладные записки НКВД попадали лишь наиболее явные случаи антисемитизма, связанные с нарушением уголовного законодательства или имевшие «*политический*» характер (угрожавшие национальной политике советского правительства). «*Бытовой*» же антисемитизм можно считать частью белорусской довоенной повседневности.

Следует задаться вопросом, насколько довоенный антисемитизм в БССР был связан с общими антисоветскими настроениями в белорусском обществе. Иначе сложно объяснить тот факт, что в Беларуси во время Великой Отечественной войны нацистам не удалось организовать еврейские погромы. В целом уровень антисемитских настроений в оккупированной Беларуси нацистами оценивался ниже, чем в соседней Украине или государствах Прибалтики (Радлінг, ARCHE, 2008, №5, с. 47; Гартэншлегер, ARCHE, 2008, №5, с. 145; Фрыдман, ARCHE, 2010, №7–8, с. 554).

Можно предположить, что в определенной степени «бытовой» антисемитизм в довоенной Беларуси был частью антикоммунистических настроений. Если это так, то тогда его интенсивность могла изменяться вместе с изменением уровня антикоммунистических настроений в обществе. Но следует при этом избегать отождествления антисемитизма и антикоммунизма.

Подводя итог, можно сказать, что в белорусской довоенной медицине антисемитизм был вполне обыденным явлением, как и в белорусском обществе того времени в целом. Но частью государственной политики, как в послевоенное время, антисемитизм не являлся. В довоенной БССР антисемитские проявления разделялись на «*политические*» и «*бытовые*», причем внимание государства уделялось, прежде всего, «*политическим*» случаям. Явные случаи «*бытового*» антисемитизма обычно наказывались в административном порядке, например, увольнением с работы.

Проявления антисемитизма в медучреждениях отслеживались властями отдельно, так как здравоохранение являлось важной частью советской социальной политики. Антисемитизм в медучреждениях мог угрожать жизни

и здоровью людей, а антисемитские слухи, распространявшиеся медицинским персоналом, могли иметь широкий резонанс, как показало дело медсестер Минской детской клиники. Кроме того, в медучреждениях БССР до войны существовала ситуация, когда значительный процент старшего врачебного персонала был еврейским, а младший и обслуживающий персонал – преимущественно нееврейским (белорусским, русским и польским), что могло привести к национальному антагонизму между этими группами.

В данной статье были рассмотрены лишь такие аспекты как проявление антисемитизма внутри медучреждений – отношения между пациентами и врачами, младшим и старшим медицинским персоналом, реакция государства на антисемитизм в медицинских коллективах. Однако проблема общения еврейского и нееврейского населения в сфере медицины в довоенной БССР является более широкой. Она охватывает такие вопросы, как антисемитизм в медицинских академических кругах, антисемитизм в учебных заведениях, готовивших врачей и средний медицинских персонал, репрессии в отношении врачей-евреев. Эти и другие аспекты темы требуют дальнейшего изучения.

Библиография

Государственный архив Минской области (ГАМО), ф. 164П «Минский городской комитет КП(б)Б (1930–1941 гг.)», оп.1, д.38, 132, 134, 135, 136, 146, 488.

Гартэншлегер, У. "Горад Менск пад нямецкай акупацыяй" у: *ARCHE*, 2008, №5.

Зельцер, А. Евреи советской провинции: Витебск и местечки. 1917–1941. М.: РОССПЭН, 2006.

Книга погромов: Погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны. 1918–1922 гг.: Сб. документов. М.: РОССПЭН, 2007.

Перед крутым поворотом: Тенденции в политической и духовной жизни Беларуси (1925–1928 гг.). Отражение времени в архивных документах. Минск, 2001.

«Полесская правда»: [Газета]. Гомель, 1930.

«Рабочий»: [Газета]. Минск, 1928.

Радлінг, П. "Вялікая Айчынная вайна ў сьвядомасьці беларусаў" у: *ARCHE*, 2008, №5.

Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства Белорусской Социалистической Советской Республики (СЗ БССР). 1928, № 30.

Фрыдман А. "Перасьлед і зьнішчэньне габрэяў у Беларусі летам 1941 г." у: *ARCHE*, 2010, №7–8.

ThDr. P. Damohorská

Jewish Liturgy after the Shoah

The Shoah, together with the creation of the State of Israel, represents new elements in the Jewish liturgy. The extent of the incorporation of these elements and the manner of incorporation vary in different Jewish communities and depend on the attitudes of a community towards these issues. The article discusses the impact of the Shoah on the Jewish liturgy within the framework of the liturgy‘s historical development.

The Jewish liturgy has developed for thousands of years. It began with the sacrificial cult and prayer. The synagogue might have been created in the Babylonian captivity, where the first informal gatherings with reading of Scripture started. After the destruction of the second Jerusalem Temple, the synagogue worship with blessings, prayers and reading from Scripture was created. The new ritual – the sacrifice of the lips – (prayer) – was set up. The principles of the synagogue service were established in the era of tanaim and amoraim. Although the geonic age is designated as the era of cannonization of the synagogue service, each historical epoch affected, to some extent, the Jewish liturgy.

The medieval Ashkenazi communities under the influence of the Crusades created a special kind of prayer texts stressing the deepened awareness of the deceased (Böckler, 2002, p. 174). The Kabbalists of Safed enhanced the Jewish liturgy with Kabbalat Shabbath. They also incorporated Kabbalistic prayers into the Jewish prayer books. The Hassidic liturgy was created as a blend of the Ashkenazi and Sephardi rites based on the reworking by Isaac Luria, Peri Etz Hayim (Nosek, Damohorská, 2005, p. 18).

The Haskalah started in the 18th century and led to a shift in Jewish history. The changes in the Jewish liturgy were enormous. Omitting the Kabbalistic texts or synagogue poetry as well as the elimination or re-formulation or re-interpretation of traditional liturgical texts are the most famous aspects of the liturgical reform of that time.

The historical, political, sociological, and economic developments have always had an impact on the Jewish liturgy. How did the Shoah and its consequences influence the Jewish liturgy? We turn now to this question.

The synagogue service, the roots of which can to be found in the antiquity, was cannonized during the geonic age. It involved finalizing the texts of Jewish synagogue worship. Although the content of synagogue liturgy had been com-

pleted, there was still room for inserting some other liturgical texts.[1] The texts commemorating the tragic events in Jewish history have long been part of the liturgy. A special liturgy was created for the Ninth of Av in the geonic period.[2] Some of the oldest kinot which are recited today on the Ninth of Av date back to the 7th century (Weinberger, 2000, p. 61).

The medieval Ashkenazi communities started to recite special texts of kinot after the 11th century commemorating the Jewish martyrs. It was obviously a reaction to the Crusades and the massacres of Jewish population caused by them. The liturgical texts comprised special prayers commemorating the tragic death of the Jews. Many of these victims – Jewish martyrs – made a decision to be killed rather than to be baptised (See: Einbinder, 2002). A special type of Franco-German kinot called gezerot came to be used during the fast days in these communities. This was a direct reaction to the Crusades in the Rhineland (Weinberger, 2000, p. 185).

The Shabbath service also contains a special prayer for the Jewish martyrs *who died to sanctify G-d´s name* (Elbogen, 1993, p. 162. Siddur Kol Yaakov, 2004, p. 810). The Av Harachamim prayer – Father of Mercy – was originally recited twice a year on the Shabbaths before the anniversaries of the massacres that had happend in the German cities Cologne and Mainz[3], which are before Shavuot and the Ninth of Av.[4] This text is recited in the Ashkenazi communities every Shabbath now (Hammer, 1994, s. 286).[5] Probably the prayers mentioning deceased relatives – around the time of their Yahrtzeit – were introduced later (Elbogen, 1993, p. 162).

There are also other texts commemorating Jewish martyrs. The so-called Yizkor service appeared in the Middle Ages on Yom Kippur in order to recall martyrs killed by the Crusades. As part of this special service the names of Jewish martyrs were inscribed in the death scroll of Jewish communities and were commemorated in the memorial prayers (Encyclopaedia Judaica, 2007).[6] Later on

1 The most famous example is the liturgical poetry.

2 The Ninth of Av occupies a special place among other fast days, underlining its mourning character. The difference is also obvious in the liturgy. The liturgical changes or insertions made on the other fast days are not so extensive. Special liturgy for fast days is already introduced in Seder Rav Amram Gaon. In: Elbogen, 1993, p.106-108.

3 The pogroms in both cities happened in 1096 during the First Crusade.

4 This prayer, which A. Idelsohn calls *elegy over the persecuted Jewish communities*, utilizes some Biblical pasages such as II Samuel 1, 23; Det 32, 43, Psalms 79, 10; 9, 13 and 110, 6-7. In: Idelsohn, 1995, p.142.

5 According to Levush, Ch. 284 Shabbath also represents a day of rest for the souls of the deceased when they rest from judgment and punishment. Therefore, the prayers for their peace should be recited. In: Munk, 2004, p. 49 and Siddur Kol Yaakov, 2004, p. 810.

6 Encyclopaedia Judaica, 2007. Later the death scroll came to commemorate also other deceased members of Jewish community and the custom of memorial prayers for individuals was established. Ibidem. Yizkor service or Hazkarat Neshamot service contains besides the Yizkor prayers also Psalm 91, or El Male Rachamim prayer. It is necessary to point out that roots of the faith that the departed soul should enjoy the eternal life in G-d's presence are to be found in II. Macc. 22,39-45. *The belief that the meritious deads*

the Ashkenazi communities started to recite the Yizkor service before Av Harachamim on Yom Kippur, on the second day of Shavuot, on the last day of Sukkot, and on the eighth day of Pesach. It was probably the time of massacres, when the Crusades killed and slaughtered many members of the Jewish communities. Yizkor, dedicated to the Jewish martyrs, also commemorates the victims of the Shoah in some congregations (Hammer, 1994, p. 286).[7]

In addition, the Crusades influenced the everyday service. J. M. Cohen sees in the Crusade's consequences the transition of Aleynu prayer from its original position in the Rosh Hashanah liturgy to a place of honour at the end of the daily service (Cohen, 1986, p. 78).

But there are even older texts than the medieval slichot and kinnot, they are dedicated to the tragic destiny of Jewish people. The texts for the Ninth of Av and for other fast days commemorate the destruction of both Temples in Jerusalem. In the 7th century E. Kallir wrote kinot *longing for Israel's restoration in its native land and amenting the abolition of the Temple cult* (Weinberger, 2000, p. 61). Later on, with the expulsion of the Jews from various European countries, remembrances of massacres and pogroms were added. The Orthodox communities commemorate the destruction of the European Jewry during these days.

Since antiquity there have been liturgical texts which have commemorated the tragic destiny of Jewish people. The question which was raised after the Second World War was whether it was possible to commemorate the incomparable events of the Shoah within the framework of the "classical texts" that were mentioned above, or – regarding all aspects of the tragedy of the Shoah – to introduce special liturgies.

This question can be dealt with in different ways. The answer to this question also depends on a particular Jewish community and its attitude towards the

---

of the descendants can atone for the departed apperas in Hor. 6a, Sanh. 10,4, etc. Historically, these beliefs gained its significance during the Crusades. Ibidem. Another source of Yizkor, which underlines the meaning of charity that is given in the name of a deceased, is *Midrash Tanchuma*, Haazinu which *cites the custom of recalling the departed and pledging charity on their behalf on Yom Kippur.* This is the time to remember the deceased and pray *that the generosity of the living should be a source of merit for their souls*. In: Siddur Kol Yaakov, 2004, p. 810–811.

7 There is a question, if it is possible to designate the six million victims of the Shoah as Jewish martyrs. This question was discussed by, for example, Teutsch in Machzor Leyamim Noraim, p. 897: *Teutsch's commentary at the beginning of the Martyrology section speaks of the six million uwilling/involuntary martyrs who died not out of a heroic choice, but merely because they were Jews.* In: Caplan, 2002, p. 237–239. I would see the main difference in the oportunity of decision. The Jewish martyrs of Middle Ages might have had the option to decide wether they would be baptized or killed. Many of them decided to die for the sanctification of the G-d's name. The victims of the Shoah did not have any other option. J. Petuchowski makes this distinction within the frame of the usage of the term holocaust and the Shoah. According to him the medieval Jewish martyrs decided to bring an olah. In: Petuchowski, 1998, p. 132nn. I think it is possible to use it for the distinction between the essence of the medieval martyrdom and the victims of the Shoah.

question of the Shoah.[8] Some Orthodox communities prefer to commemorate the victims of the Shoah within the framework of the traditional liturgical texts for various reasons. One of them is Yom Hashoah which is observed on the 27th of Nisan[9], it occurs in a month when no fasting is allowed. Another reason is that the Jewish liturgy has traditional days when the events connected with the Shoah can be commemorated together with other tragic events of the Jewish nation, for instance, the Ninth of Av or the Tenth of Tevet. Some of the Orthodox rabbis composed special kinot for these days that are dedicated to the victims of the Shoah.

But Conservative, Reform, Reconstructionist, and Liberal communities have been looking for other ways to emphasize the necessity of remembering the Shoah and preventing its repetition. In addition to the changes in the formulations of existing prayers and the return to some classical fomulation, for example, the return to Zion[10], special liturgies were established. As J. Harlow in his commentary to Siddur Sim Shalom writes: *We preferred a liturgical statement to an essay or footnote* (Harlow, 1991, p. 133). The first Shoah liturgy was introduced in the Gates of Prayer prayer book published in 1975 (Trepp, 1992, p. 259). The following sections are going to present some other liturgical and ritual ways of commemorating the Shoah.[11]

One way is presented within the framework of the Passover Seder. The Seder Ritual of Remembrance prepared by R. Learsi incorporates a text of remembrance compiled and edited by Rabbi M. Silverman. Silverman's words of remembrance of the Shoah's tragedy are inserted into the Passover Seder after the prayer Shefokh Hamatekhah. This special text mentions the cruelties of Pharaoh, Haman, Nebuchadnezzar, and Titus which are incomparable with the Shoah. This text contains the names of the most famous concentration camps and places of Shoah's tragedies, such as Auschwitz, Bergen-Belsen, Buchenwald, Dachau, Majdanek, Treblinka, Theresienstadt, and the Warsaw Ghetto. The text emphasizes

[8] By *question of the Shoah* I mean the whole complexity (theological, historical) of this issue.

[9] The 27th day of Nisan was declared as the Holocaust Day (*a day of commemoration of the Jews who perished and for those who showed resistance and heroism*) by the Israeli Knesset in 1951 <http://knesset.gov.il> Some other Jewish communities adopted this date as Holocaust Remembrance Day as well. The date marks the anniversary of the Warsaw ghetto uprising.

[10] See, for example, The Colombus Platform from 1937 which reacts, not only to other events, but also to the events of 1933 in Germany, when the plan of the total destruction of the European Jewry began. It expresses the Jewish right to aid in the upbuilding of Israel as a Jewish homeland by endeavoring to make it not only a haven of refuge…*but also a centre of Jewish culture and spiritual life*. In: Lundgren, 2001, p. 114-122.

[11] It is possible to speak about some general elements of the Yom Hashoah remembrance, such as lighting of a candle, reciting the Mourner's Kaddish, and the testimonies of survivors. Fasting is held in some Conservative or Reform communities. Reading the names of Shoah's victims represents one of the most common elements of the remembrance service in many communities. The practice of reading names dates back to the Middle Ages, when the names of the Jewish martyrs were read during the synagogue service. Hammer speaks about the practice of Nurmberg Jewish community to recite the names of Jewish martyrs during the Yom Kippur service in the 13th century. In: Hammer, 1994, p. 286.

that the blood of the innocent who perished in the Shoah will not be forgotten (Silverman, 1972, in: *Pesah Manual*, 1982, 18ff).

M. Silverman's text also appears in *Likrat Shabbat* prayer book under the title *We Remember the Holocaust*. It reveals the brutal killing performed by "civilized men". The text further emphasizes the *heroism of those who, in the face of unprecedented and overwhelming force, maintained Jewish culture and values* (Silverman, 1978, in: *Likrat Shabbat*, 1978, p. 57). The final prayer of Silverman's text asks for remembrance of those who gave their lives for the sanctification of G-d's name. The second part of this prayer remembers other nations who saved some of the Jews. *The righteous of all nations have a share in the world to come* (Ibidem). The final paragraph prays for the day without violence and war (Ibidem).

J. Harlow presents another format of remembrance. The awareness of the Jews who were not redeemed but perished during the Shoah is incorporated into the evening service recitation of the Song of Sea of Reeds that praises G-d for redeeming Israel. This text that consists of different biblical verses as well as of some modern ones mentions the tragedy of the people, slaughter and destruction, but it also – despite all these tragic events – reaffirms the hope of humankind *sustained by the certainty born of faith*, despite G-d‘s silence.[12] For Yom Hashoah Harlow introduces the mourner's Kaddish designated for this day. This is a modification of the traditional mourner's Kaddish mentioning the destiny of millions of the Jews during the Sho‘ah. The names of the extermination and concentration camps as well as the names of other places of Jewish suffering are incorporated into the text. After each Aramaic word comes the name of one such place, such as Auschwitz, Lodz, Maidanek, etc. (Harlow, 1991, p. 134). Within the framework of suggested readings for Yom Hashoah there are also eye-witness testimonies of the survivors (Caplan, 2002, p. 334).[13]

Siddur Lev Chadash by A. Goldstein and the Union of Liberal and Progressive Synagogues also presents the liturgy on Holocaust Remembrance Day – Yom Hashoah. The first part of this liturgy emphasizes in English the necessity of Holocaust remembrance and the need to prevent such an event from happening to Jewish people or to any other people in the future. It is followed by a special English-Hebrew prayer stressing the importance not to forget all these cruelties. This prayer is followed by an English text expressing mourning for six million

[12] This is based on the ancient homily to Exodus 15,11. In: Harlow, 1991, p. 132ff. J. Harlow adds*: I have been haunted by the memory of those Jews of the Holocaust who were not redeemed*. In: Harlow, 1991, p. 133.

[13] Caplan writes about this section dedicated to Yom Hashoah in Siddur Sim Shalom following lines: *As in Gates of Prayer, the horror of the Shoah is experienced as a serious challange to Jewish faith, one that must be articulated liturgically, even as the validity of the Jewish way of life is utlimately affirmed.* In: Caplan, 2002, p. 334.

of Jewish people. This prayer shows the uniqueness of each person who died and says that each person is remembered and loved. The liturgy contains the El Male Rachamim prayer with an English translation and a final, very impressive prayer begging for peace and for healing human pains and the pain of the world (Siddur Lev Chadash, 1995, p. 369ff).

J. Magonet introduces a Prayer for Yom Hashoah in *Seder ha-Tfillot*. This prayer recalls victims of the Shoah and expresses mourning for them. The text says that the world became poorer with the loss of these people and it reminds the non-Jews who were courageous and stood by the Jews. As well as in other similar texts, the desire not to repeat such events is expressed here (Seder ha-Tfillot, 2001, p. 188, in: Galley, 2003, p. 169).

But there are also other ways how the victims of the Shoah can be commemorated. Sometimes only footnotes or small changes in the liturgical text are made. Siddur Kol Yaakov in the text El Male Rachamim says about the German oppressors whose hands caused the death of Jewish women and men. This mention of the German opressors also appears in other ArtScroll editions (Siddur Kol Yaakov, Nusach Ashkenaz, 2004, p. 814; Siddur Simchas Yehoshua, 2003, p. 810-811, and in Siddur Etz Hayim. Nusach Sefard, 2002, p. 860).[14] Kol Haneshamah Reconstructionist prayer book omits the word *all* in the sentence *the G-d who delivered us from the grasp of all the tyrans*, which appears in Emet Veemunah passage (Kol Haneshamah, Shabbat Vehagim, 1994, p. 75, in: Caplan, 2002, p. 201).

Many Reform, Conservative or Liberal prayer books stress the theological connection between the Shoah and the creation of the Israeli state. I woud like to quote the words of A. S. Dreyfus to show this connection. Dreyfus in his article about the Gates of Prayer book writes that the Shoah as well as the establishment of the State of Israel have *brought Jews to a new awareness and a consciousness of mystery. We have tried to see in destruction and rebirth both warning and oportunity, not only for ourselves, but for all G-d's children* (Dreyfus, 1991, p. 152).

One of the newest formats of remembrance is presented in Magillat Hashoah. In 2004 Megillat Hashoah was published by The Rabbinical Assembly. This is a project which brought together many respected rabbis and professors of Hebrew and Judaic studies such as professors R. Hammer, J. Harlow and D. Golinkin. It is another format for commemorating the six million victims of the Shoah that highlights some of the ways of remembrance mentioned above. This scroll, which is

[14] On the other hand, there are many prayer books which do not introduce any special liturgies or ceremonies for Yom Hashoah, although they introduce them for some "modern festivals (or important days)". See, for example, Rinat Yisrael prayer book, Nusach Sefarad, 1992, that contains some special prayer texts for the Israeli Independence Remembrance Day and liturgical instructions for Yom Yerushalayim but not for Yom Hashoah.

devided into six parts, describes the Shoah events and their consequences as well as the creation of the State of Israel. It also contains an elegy for the victims of the Shoah.[15]

Conclusion

The impact of the Shoah on Jewish litrugy can be both direct and inderect. The direct impact is to be seen in the liturgical changes. There are small textual changes and insertions made in the wording of the traditonal liturgical texts as well as special prayers and liturgies that were added. Commemorating the Shoah's victims within the frame of the texts originally composed for the Jewish martyrs is one of the remembrance's format, though this way of remembrance, reveals the difference between the medieval martyrs who might have had an option of decision and the Shoah's victim who did not have any one (compare: Petuchowski, 1998, p. 132nn). Some of the kinot which are recited on the Ninth of Av can also depict the destruction of the European Jewry.[16] This destruction can be also commemorated on other fast days.

Some Conservative, Reform, Reconstructionist, and Liberal communities introduced special liturgies held on Yom Hashoah. The prayers and readings of these liturgies[17] very often emphasize the need to commemorate this event and to prevent its repetition in the future. Such liturgies can consist of the re-formulated traditional prayers, but there are also new prayer texts. The eye-witness testimonies of the survivors very often accompany these services.

The indirect impact of the Shoah and the consequences of the Second World War can be seen in the return to some more traditional texts of Jewish liturgy, including, for example, the pleas for the return to Israel.

Most liturgies of the Jewish communities are influenced by the Shoah, although the attitude towards the question of the Shoah varies among them. The Jewish communities commemorate the destruction of the European Jewry in many different ways.[18] The form and frequency of this remembrance vary from one Jewish community to another and are the subjects of many discussions. It should be noted that some Christian communitites also inserted the commemoration of Shoah's victims in the liturgy on the Sunday closest to Yom Hashoah (Gurrieri, 1991, p. 61).

---

15 Golinkin's commentary on <www.schechter.edu>. One if its authors, rabbi D. Golinkin supports the way of observance for the Yom Hashoah, including fasting. His opinion on this question is presented on <www.schechter.edu>.

16 See, for example, Eli, Eli, Nafshi Bekhi by Y. L. Bialer.

17 The liturgies established for Yom Hashoah can be also held, for example, on the Ninth of Av. See, for example, Gates of Prayer, 1975, p. 573ff. In: Caplan, 2002, p. 316.

18 One of the most common ways is the recitation of the names of Shoah's victims in particular place or state. This special ceremony can be held in the synagogue as well as in other places.

Bibliography

Böckler, A. Jüdischer Gottesdienst. Berlin: Jüdische Verlagsanstalt, 2002.

Caplan, E. From Ideology to Liturgy. Cincinnati: Hebrew Union College Press, 2002.

Cohen, J. M. Horizonts of Jewish Prayer. London: The United Synagogue Woburn House, 1986.

Donin, H. L. Jüdisches Gebet heute. Zürich: Morascha, 2002.

Dreyfus, A. S. "The Gates Liturgies: Reform Judaism Reforms Its Worship" in: *The Changing Face of Jewish and Christian Worship in North America.* Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1991, p. 141–156.

Einbinder, S. Beautiful Death. Princeton: Princeton University Press, 2002.

Elbogen, I. Jewish Liturgy. Transl. from the German original *Der jüdische Gottesdienst in seiner geschichtichen Entwicklung, 1913* by R. Scheindlin. The Jewish Publication Society, 1993.

Encyclopaedia Judaica. Jerusalem: Keter Publishing House, 2007.

Gurrieri, J. "The Perception of Jews in Christian Liturgy: Then and Now" in: *The Changing Face of Jewish and Christian Worship in North America.* Ed. by P. Bradshaw and L. A. Lawrence. Notre Dame, University of Notre Dame Press, 1991. p. 46–65.

Hammer, R. Entering the Jewish Prayer. New York: Schocken Books, 1994.

Harlow, J. Revising the Liturgy for Conservative Jews, in: The Changing Face of Jewish and Christian Worship in North America. Ed. by P. Bradshaw and L. A. Lawrence. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1991. p. 125–140.

Idelsohn, A. Z. Jewish Liturgy and Its Development. New York: Dover Publication, 1995.

„*Kol Haneshamah, Shabbat Vehagim*, 1994" in: Caplan, E. *From Ideology to Liturgy*. Cincinnati: Hebrew Union College Press, 2002. p. 75.

Likrat Shabbat. Com. and transl. by S. Greenberg. Bridgeport: The Prayer Book Press, 1978.

Lundgren, S. Particularism and Universalism in Modern Jewish Thought. Binghamton: State University of New York, 2001.

Munk, E. Die Welt der Gebete. Zweiter Band. Basel: Victor Goldschmidt Verlag, 2004.

Nosek, B. and Damohorská, P. Úvod do synagogální liturgie. Praha: Karolinum, 2005.

Seder Rinat Yisrael. Ed. by Shlomo Tal. Yerushalayim: Morasha, 1992.

Siddur Etz Hayim. Nusach Sefard. Transl. and com. by R. N. Scherman, ed. by R. M. Zlotowitz. New York: Mesorah Publications Ltd., 2002.

Siddur Kol Yaakov. Transl. and com. by R. N. Scherman, ed. by R. M. Zlotowitz. New York: Mesorah Publications Ltd., 2004.

Siddur Lev Chadash. Ed. by A. Goldstein. London: Union of Liberal and Progressive Synagogues, 1995.

Siddur Simchas Yehoshua. Nusach Sefarad. Ed. by R. Menachem Avis. New York: Mesorah Publications Ltd., 2003.

Petuchowski, J. Studies in Modern Theology and Prayer. Philadelphia: The Jewish Publication Society, 1998.

Seder ha-Tfillot. Ed. by J. Magonet. Berlin: W. Homolka 2001, in: Galley S. *Das jüdische Jahr*. München: C. H. Beck, 2003.

Sidur Sfat Emet. Übersetzt von Rabbiner Dr. S. Bamberger. Basel: Victor Goldschmidt – Verlag, 1999.

Silverman, M. Ritual of Remembrance. The Passover Haggadah. Bridgeport: Prayerbook Press, 1972, in: *Pesah Manual*. Women's League for Conservative Judaism, 1982.

Silverman, M. We Remember the Holocaust, in: *Likrat Shabbat*. Com. and transl. by S. Greenberg. Bridgeport: The Prayer Book Press 1978. p. 57.

The Changing Face of Jewish and Christian Worship in North America. Ed. by P. Bradshaw and L. A. Lawrence. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1991.

Trepp, L. Der jüdische Gottesdienst. Stuttgart: W. Kohlhammer GmbH, 1992.

Weinberger, L. Jewish Hymnography. Oregon: The Littman Library of Jewish Civilization, 2000.

In the shadow of the Shoa: Peripheral repercussions of the Moscow *Doctors' Plot*

Hrodna lost half its population in the course of the Shoa. On 1 November 1941, more than 20,500 Jewish inhabitants of the town in the north east of the Polish Republic were interned in two ghettos in the town centre. The gradual liquidation of the ghettos began exactly one year later as part of the so-called *Aktion Reinhardt.*[1] By March 1943 all the remaining Jews had been deported to Auschwitz or Treblinka. Fewer than 200 survived. Almost all the survivors who returned after 1944 decided to emigrate to Poland. Under the Polish-Soviet ‚repatriation' treaty, and together with thousands of ethnic Poles, their Polish citizenship enabled them to leave the Soviet Union. As a result of the resettlement, Hrodna lost another 15,000 inhabitants. The fate of the former inhabitants was unknown to the incomers; Soviet policy suppressed remembrance of either the Shoa or the resettlement of the Poles. However, both these processes resulted in a dissolution of the local ties that had linked Jews and Poles before 1939. One of the consequences of this was an almost complete nationalisation of local remembrance.

The survivor Felix Zandman, who had spent 14 months in a dugout under his nanny's house outside the town, described his return to Hrodna in the following words:

> We were taken to the prison. The big gate opened. In the courtyard we were told to sit down on the cobblestones and wait. I looked at the grey brick walls and barred windows. I'd never seen a prison from the inside. [...] After a while a Soviet officer approached, who asked us questions and immediately grasped our situation. He was a Jew himself, he told us. "I'm sorry," he added and offered each one of us his hand.
>
> From the prison we went to Brygidzka Street. Our house was empty. [...] As there was nothing for us to unpack, we immediately went back out and wandered round the town – in the hope of seeing familiar faces, meeting other survivors. We didn't find anyone at first. But they gradually emerged-fearful eyes here and there which glanced around furtively. (Zandman, 1999, s. 173)

[1] The planned mass murder of remaining Jews carried out between July 1942 – October 1943 by SS, police and other German forces. Most of the more then 2 million victims were murded in special deathcamps such as Treblinka, Sobibor and Belzec. In the case of the Bezirk Bialystok, which was formally included into the Reich, the Aktion Reinhard accured from autumn 1942 and was officially completed in September 1943. See: Anders, Kutscher, Stoll, 2003, s. 12–20.

Since the Jewish community had already been destroyed, the Soviet takeover of the region meant only a temporary cessation of persecution. As the survivors returned from hiding, from the liberated concentration camps and later from the demobilised Red Army units and the eastern Soviet Union, some still cherished the hope of learning something of their relatives in Hrodna and perhaps even finding family members. While in most cases no trace of family remained, the familiar streets, houses and apartments awoke memories of a lost world. For the survivors, Hrodna itself became a metaphorical necropolis. After the *Aktionen*, the corpses of murdered Jews were buried both in the historic cemeteries on the hillside above Horodniczanka and in the large necropolis on the road to Grandicze (Yad Vashem Archives, sig. 03/1645). However, most of the victims had no grave as they were murdered in Auschwitz and Treblinka. Instead of locating burial sites, as late as summer 1944 survivors found photos in the mud at the site of the former ghetto no. 1 of relatives and acquaintances who had been transported to Kiełbasino, Treblinka and Auschwitz (Int. with Liza Czapnik).

Aside from property, the material remains of the victims included furniture, which was either in the hands of the state or continued to be used by the new tenants. Confrontations between new occupants and returning owners gave rise to very differing situations.[2] Particularly in the beginning, when the fate of the survivors in the Soviet Union was still uncertain and emigration to Poland became an option, confrontations arose between the new proprietors or users, who were in some cases so confident of their position that they refused to surrender mementoes. As in central and southern Poland, the return of survivors was perceived by their former neighbours as a threat, because they feared that they would demand their property back. In summer 1944, Chasja Bielicka, who had acted as an intermediary in Białystok between the ghetto and the Soviet partisans, returned to her parents' house on *ulica Podolna* with some Soviet comrades to try to reclaim some furniture, having been unsuccessful the first time (Int. with Chasja Bielicka). Hirsz Chossid was never given access to his family's house on the same street, despite the fact that it was taken over by collaborators in 1941 and that, after escaping transportation to Treblinka, Chossid had fought as a Soviet partisan in the Jewish unit of the Bielskibrüder (See: Eckmann and Lazar, 1977; Tec, 1995). After the end of the war, Chossid and other Jewish survivors found jobs in the Bolshevik security forces because they had fought in Soviet partisan units and were unable to find another position. The Soviet apparatus had no intention of supporting Jewish survivors after their return.[3] So Felix Zandman,

[2] Jan Szumski suggests that as no written accounts of these events in the BSSR have yet been found, it is probable that they were destroyed after the emigration of the survivors. See: Szumski, 2010, s. 128.

[3] In: Eckmann and Lazar, 1977; Tec, 1995. Also, conversation with Hirsz Chossid as part of the project on forced workers, where the Soviet form of his first name, *Grigori*, is used: Chossid, Grigori Nesselewitsch, Archiv Zwangsarbeit 1939–1945, Sg. za034.

along with others, established a type of private reception centre for survivors in an appartment. A few Jews from Hrodna were reunited there, many knew no one and were only brought together by their shared situation. Not a single Jewish institution remained in the Soviet town (Int.with Hirsz Chossid).

Daniil Klovskij states in his memoirs that the Soviet town administration offered no support to former ghetto inmates. Food coupons were only given to those in employment. However, his description of the property disputes indicates that the situation changed with the first wave of resettlements of formerly Polish citizens. When he returned to Hrodna in 1947, his cousin had already settled by court order the return of his aunt's house. In 1941, a Catholic family whose apartment was in the area of ghetto no. 2 moved into Klovskij's apartment. He describes his encounter with them:

> They were kind-hearted, reasonable and decent people. Six years earlier, when their house was in the area of the ghetto, they moved into our house with bowed heads and sympathy. Now, when father said outright that he wanted to take his property back, they saw it as the restoration of justice. [...] When they learnt that we had nowhere to stay, they asked us to move into the smaller of the two rooms. The Poles also said that they had kept the six Viennese chairs which we had left in the ghetto when we moved out and they would give them to us as soon as we asked for our old house back (Klovskij, 1994, s. 268–269).

Klovskij's father found the family's hidden Singer sewing machine safe under the floor boards. He had soon secured the return of the family's only residence and was able to move back into it with his son. Anatol' Vanjukevič, who could not find any relatives after his return to Hrodna in 1947, gives a similar account. The housekeeper at his family's house recognised him. A neighbour, who was a Jewish officer in the Red Army, arranged with the help of his wife who worked for the town administration, for the transfer to Vanjukevič of part of his parents' appartment and found him a position as apprentice chef in the restaurant *Neman* (Yad Vashem Archives, VT.1743, p. 17). The return of property depended therefore not only on encountering well-meaning Christians, but also on having an advocate among the Soviet cadres that were again flooding into Hrodna. As they also included Jewish members of the army and secret services, confrontations developed as early as 1939 between these widely differing Jewish identities, with some Jews accusing others of having provoked the Poles. Although one and a half thousand cadres of Jewish nationality had been moved into Hrodna during the town's Sovietisation after 1944, the manifestation of Jewish ethnicity was restricted to private spaces. Despite his protective status as Soviet partisan, Hirsz Chossid did not mention his fate in public. And like others, he was not asked about it. The war had placed a burden on all involved, which often caused individuals to focus on the fate of their own family or group. Moreover, the Soviet

narrative of the war excluded both the Jews and Poles (See: Gitelman, 1994). They were officially subsumed within the totality of the Soviet nation, in which the Russian people held the dominant position. The state-propagated anti-Semitismof the late Stalin era was already making its mark on everyday life. So party members, doctors and workers from Jewish families behaved cautiously. In the early years, those who had, despite everything, retained their faith in God, could gather to pray in private spaces. From late sumer 1944, they could no longer use the synagogues as they had become municipal buildings.

In the late 1940s, amidst the increased persecution of alleged dissenters, spies and other traitors, the anti-Jewish undertones of Stalin's cultural and cadre policies became a driving force within the Hrodna branch of the Communist Party. At a municipal party meeting on 11 October 1947, the secretary of the regional organisation spoke out against two lecturers at the Pedagogical Institute:

> "As you know, since the war the American „uncles" have begun to provide – under the guise of deep sympathy and condolence for the great destruction inflicted on our Socialist homeland by the Great Patriotic War and the German - Fascist occupiers – all sorts of packages disguised as humanitarian help for Jewish communities. Since there does not exist, nor has there ever been a Jewish community in Hrodna, the named comrades have decided, with their party membership card in their pockets, to set up a new community in order to receive these parcels. [...] When the parcels arrived, I suggested that they be given to the house for war invalids, which is what happened. When the second load arrived, the comrades decided not to share the opinion of the party executive commitee and they accepted the parcels themselves. And what was in these parcels? Rags from the American bourgeoisie, matzo and a bottle each of shoddy, sour wine. So you see what piddling things these party members were getting excited about as they were taking the path against the party (GAOOGO, f.1, op.2, d.116, l.6-7)".

The excerpt reveals the attitude of the cadres who were not native to Hrodna but only settled there since 1944, who had never known an existing Jewish community in the town and for whom the former existence and destruction of such a community had no relevance. The critical notion of kosher food was turned into an attack on the westernisation of certain cadres, who would rather hang stolen German paintings on the walls of their appartments than portraits of the leader of the revolution (GAOOGO, f.1, op.2, d.116, l.1-43). The anti-Jewish undertone was initially only one among a broad range of rhetorical devices used to denounce general wrongs in the party and it drew on Stalinist practices of the 1930s. Jewish lecturers, like the dean of the mathematics faculty, were viewed with suspicion in the Soviet Union as they had been academically socialised in a free country. Jakov Rifkind had studied at the University of Vilnius and openly praised the teaching at the Pedagogical Institute. He was accused of giving pref-

erential treatment to students from the western regions of the BSSR. The wave of repression which swept Hrodna in 1947 was aimed at Jews as supposed aliens and potentially dangerous provocateurs – charges which in Stalinistofficialese came under the heading of *Cosmopolitanism*.

This form of late Stalinist anti-Semitism intensified in early 1953 when, following the Moscow lead compaign and without concern for the fragile state of the town's Jewish life, a fusion of cultural and religious notions of ethnicity and biological descent was employed to stigmatise doctors and portions of other professions as Jews (See: Grüner, 2008). The americansim plot of the alleged doctors' conspiracy, which was disclosed in *Pravda* on 13 January 1953, accused prominent Moscow doctors of collaborating with Israel's secret service and the USA to plan a poison attack on the Soviet leader. The *Grodnenskaja Pravda* published the lead article in full the following day, indicating that the move was sanctioned by Moscow and that western BSSR was not treated in a separate way, otherwise regional circumstances might have been considered.[4] Ten days later, an article entitled *Under the banner of kin and clan* was published in the regional party publication *Grodnenskaja Pravda*. Without once using the word *Jews*, it publically denigrated the director of the bicycle factory, Boris Vajneronok, for appointing unqualified favourites to management positions in his firm. The surnames mentioned would have made it unmistakably apparent to contemporary readers what was implied by *clan*. Old Testament names like Moses, Isaak and Abraham were at that time quite unusual in Christian homes in the region. Although the employees involved were in no way related, it was implied that they comprised a clan on account of their shared background and that, masterminded by Vajneronok, they contrived to sabotage the fulfillment of production quotas, renovation and construction work. Vajneronok was also accused of establishing a network of homeworkers, which included his wife. Doubting the group's loyalty, he was alleged to have sent the former forced worker Obuchovič from the village Obuchoviči to gather a number of potential henchmen to conceal his mismanagement from the security services. According to the *Grodnenskaja Pravda*, order was restored by a new party secretary named Obrazcova, or "exemplary one" in English. Her arrival caused, in the words of the article, a *storm*. This terminology would have evoked violent associations in contemporary readers, because the Russian word for storm, *grom,* is the etymological root of the term *pogrom,* which only came into common usage at the end of the 19th century. The manager of the bicycle factory in Hrodna was publically suspended and, in the tradition of anti-Semitic conspiracy theories, the author of the inflammatory article noted that

4 "Podlye špiony i ubijcy pod maskoj professorov-vračej", *Grodnenskaja Pravda*, 14.1.1953, s. 1.

the *tendrils of kinship, friendship and clanship nurtured* (by Vajneronok) *grow rampant in the firm to this day* (*Grodnenskaja Pravda*, 24.2.1953, s. 3).

With the charges validated and confirmed, the *Niemen* factory (formally owned by the Starowolski family and nationalised by 1939) once again became the scene of persecutions which – apart from a handful of Christian labourers – predominantly targeted the Jewish workforce. What connected them in the eyes of the party cadres was their perseverance under German occupation, whether as prisoners of war, forced labourers, minor collaborators or concentration camp survivors (GAOOGO, f. 2, op.11, d.118, l. 23–30). A link was made to the collectivisation and the resulting migration from the countryside. Three days after the exposure of the alleged Jewish networks in the bicycle factory, the local party newspaper published a text (termed a feuilleton in Soviet officialese) about conditions in the railway hospital. Entitled *"The master of dark machinations"*, the text accused doctors at the state railway hospital of denying railway workers treatment whilst making money from illegal abortions. Furthermore, the senior gynaecologist was accused of collecting a war-veteran's pension, to which he was not entitled. Again the pattern was the same. The surnames Klejn, Glouberman, Kuperman, Brodskaja and Chejfec conveyed to the reader that *the Jews* were meant as the imaginary group. The ritual of unmasking abuses and enemies, which had developed in Stalinist society before the war, was part of the fabric of the plot. And perhaps the sanitary conditions in the bicycle factory were just as questionable as the working conditions in the railway hospital. But the fact that a small group of Jewish survivors and returnees from the front were held responsible for it, publically villified and disiplined, must be interpreted as state anti-Semitism (See: Ramanava, 2008).

The escalation of the situation only confirmed the experiences of Hrodna's old inhabitants, who now felt compelled to conceal as far as possible their ethnic and national identities. They had quickly learnt that life in the Soviet town was not organised along religous or ethnic lines, and that the manifestation of such attributes in ones everyday life was not merely sidelined, but could also result in disciplinary action. Even though everyone knew which parts of town Jewish families had moved to and a few survivors like Hirsz Chossid or the teacher Salomon Żukowski had remained in Hrodna and represented, therefore, a thin link to the pre-war town, there was no possibility of representing elements of Jewish ethnicity in public in the now Soviet town (Grodnenskaja Pravda, 27.2.1953, s. 3). Here the parallels between the stigmatisation of the Christian and the Jewish populations are once again evident. Even when the ratios had switched completely and anti-Jewish attacks were more prevalent, there were parallels with a constant and agressive propaganda war against the *catholic priests and their nationalist agenda,* which similarly excluded a whole population group.

While Soviet policy did not pay special tribute to Jewish survivers from the very end of the war and the relations worsened strongly after 1948 and a purge like atmosphere occured in 1953, the timing of Soviet anti-catholic action was quiet different. As far as Catholics where not just a small group of returnees, but a constituent part of the local population, their priests where perceived as a major threat to the establishment of Soviet power after the war (Kaštaljan, 2006; Szumski, 2010, s. 207–208, 228). This was partly linked to the perception of Catholics as Poles. But there was also some strategic thinking among the so called *second Soviets.* They started to sharpen the policies against priests and other parts of the Catholic population not right after the takeover in summer 1944. And still in 1945 it was rather calm, but in 1946 and 47 a highly hostile policy is noticable – even the central Minsk based Communist organs of BSSR reacted to complainments and asked their local staff to treat Poles in a better way (GAOOGO, f.2, op.1, d.21, l. 51). While timing and scope where different, there was a common feature: The perceived thread of nationalism from both: Catholics and Jews.

Bibliography

Archiv Zwangsarbeit 1939–1945, Sg. za03.

Grodnenskikj Arkhiv Obshchestvennykh Organizacji Grodnenskoj Oblasti (GAOOGO).

Yad Vashem Archives.

Author's interview with Liza Czapnik, conducted on 30.11.2004 in Ber Sheba (Israel).

Author's interview with Chasja Bielicka, conducted on 28.11.2004 in Lehavot Habashan (Israel).

Author's interview with Hirsh Grigori Nesselewitsch Chossid, conducted on 17.9.2005 in Hrodna (Belarus).

Grodnenskaja Pravda, 1953.

Anders F., Kutscher, H.-H., Stoll, K. Bialystok in Bielefeld. Nationalsozialistische Verbrechen vor dem Landgericht Bielefeld 1958–1967. Bielefeld, 2003.

Eckmann, L. Lazar, Ch. The Jewish Resistance. The History of the Jewish Partisans in Lithuania and White Russia during the Nazi Occupation 1940–1945. New York, 1977.

Gitelman, Z.Y. "Die sowjetische Holocaust-Politik" in: Young, J. E. (hg. von), *Mahnmale des Holocaust. Motive, Rituale und Stätten des Gedenkens*. Munich, 1994, s. 115–125.

Grüner, F. Patrioten und Kosmopoliten. Juden im Sowjetstaat 1941–1953, Cologne, 2008.

Kaštaljan, I. "Stanovišča intėlegencyi BSSR ŭ 1947–1953 gg. pa matėryjalach Asobaha sektara CK KP(b)B" u: *Belaruski histaryčny časopis*, 2006, #3, s. 28–32.

Klovskij, D. Doroga iz Grodno, Samara, 1994.

Ramanava, I. „Adaptacyja bylych rėprėsiravanych da vol'naha žyccja" in: *Homo Historicus*, 2008, s. 105–128.

Szumski, J. Sowietyzacja Zachodniej Białorusi 1944–1953. Propaganda i edukacja w służbie ideologii. Krakow, 2010.

Tec, N. Defiance: The Bielski partisans. New York, 1995.

Zandman, F. Niemals Die Letzte Reise. Munich, 1999.

И. Вавренюк

Торговая школа Артура Ашера в Пинске

Цель данной работы – охарактеризовать деятельность торговой школы Артура Ашера в Пинске. Эта школа являлась примером профессионального торгового образования. В основу данного небольшого исследования положены статистические источники и материалы фондов Государственного архива Брестской области.

По условиям Рижского мирного договора в 1921 г. территория Западной Беларуси вошла в состав Польского государства. Все национальные меньшинства в Польше декларативно находились под защитой двусторонних международных договоров: Малого Версальского трактата от 28 июня 1919 г., Рижского договора от 18 марта 1921 г., Женевской конвенции от 15 мая 1922 г. Права национальных меньшинств декларировались и в соответствующих статьях Конституций Польского государства (Черепица, 1996, с. 125).

Польскую политику по отношению к национальным меньшинствам в межвоенный период можно охарактеризовать как политику национальной ассимиляции. Она предусматривала рецепцию национальными меньшинствами культуры, языка, религии титульной нации с последующей самоидентификацией с ней (Цымбал, 2008, с. 83).

В своде законов, регулирующих деятельность непольских школ, затрагивались все сферы функционирования учебных и воспитательных учреждений: условия открытия, работы, закрытия, организация занятий, условия содержания школьных зданий (санитарно-гигиенические и технические требования), школьные программы, условия принятия на работу, условия контроля за деятельностью учебных и воспитательных учреждений со стороны польских школьных властей, условия получения частным еврейским учебным заведением права выдавать диплом государственного образца по окончании курса обучения и др. Необходимо отметить, что законы, которые регулировали деятельность частных учебных учреждений, были более строгими по сравнению с государственными. Сами законы по организации частного школьного дела в Польше появились лишь в 1932 г. До этого, как правило, представители школьных властей на местах руководствовались распоряжениями министра. Первый закон, касающийся деятельности частных учебных заведений, вышел 11 марта 1932 г. Согласно ему, открытие частной школы допускалось только после того, как в министерство образования поступят точные данные относительно материально-техниче-

ской базы будущего учебного заведения и лояльности основателей школы. Этот же закон позволял закрывать школы национальных меньшинств по несоблюдению хотя бы одного требования. Учебное заведение подлежало закрытию, если, во-первых, учебный процесс в школе был прекращён более чем на три месяца без достаточной на то причины; во-вторых, педагогический состав школы не соответствовал государственным требованиям; в-третьих, руководство школы не было согласно с государственной политикой, или, если в среде учеников наблюдалось влияние политических радикальных идеологий. Последующие законы лишь уточняли некоторые положения, изданные ранее (Иванюк, 2006, с. 89–91), в целом отражая политику полонизации.

Довольно сложные условия не являлись препятствием для открытия частных учебных учреждений, некоторые из которых явились образцом для подражания. Одним из них была торговая школа Артура Ашера в Пинске.

Артур Ашер для межвоенного Пинска – личность неординарная, вписавшая свою значимую страницу в историю образования как еврейской общности, так и всего города. Тем не менее, вклад этого человека в развитие образования вообще не нашёл никакого отражения в историографии. Большая часть архивных дел о деятельности торговой школы Артура Ашера автором данной статьи исследовалась впервые.

Артур Ашер получил довольно хорошее для того времени образование. Родился он в польском городе Саноке Подкарпатского воеводства. После окончания гимназии в родном городе А. Ашер пошёл служить в польскую армию. Проходя службу добровольцем во II полку стрельцов подголландских, в 1920 г. Ашер был зачислен на академический курс. В 1921/1922 г. он учился на одногодичном курсе для абитуриентов средних школ при государственной Академии торговли, получив на выпускных экзаменах по обязательным предметам хорошие (50%) и очень хорошие результаты (50%). Среди необязательных предметов Артур Ашер изучал машинопись и сдал этот предмет на «отлично». В свидетельстве об окончании курса отмечалось, что Артур Ашер учился старательно, отличался соответствующим поведением и очень хорошим прилежанием.

По окончании обучения А. Ашер занялся профессиональной деятельностью на должности административного чиновника в нефтяном товариществе *«Limanowa»*. Как было отмечено в свидетельстве дирекции 1925 г. Артур Ашер все обязательства исполнял с удовольствием, работал ответственно, честно и старательно (ГАБО, ф.59, оп.3, д.3314, л.5–6).

Следующим этапом в карьере А. Ашера была учёба на факультете гуманитарных наук Университета Яна Казимира во Львове с 1924 по 1928 гг. По окончании ему было присуждено право преподавания, которое он стал

реализовывать, открыв торговые курсы *«Commercium»* в Саноке. 25 июля 1931 года А. Ашер сдал экзамены и получил лицензию и диплом коммерции в Варшаве международного образца (на французском языке) (ГАБО, ф.59, оп.3, д.3314, л.7–24). В том же году он переехал в Пинск и занялся образовательной деятельностью, учредив торговую школу.

Открытие в Пинске профессионального торгового образовательного учреждения было обусловлено социальными, демографическими, экономическими причинами. В этноконфессиональной структуре жителей города доминировали евреи. По состоянию на 1921 г. в Пинске проживало 24468 человек, из них 17513 были евреями (74,6% от общего количества жителей) (Wasiutyński, 1930, s. 84). Согласно официальным данным в январе 1931 г. в Пинске проживали 31927 человек, из них 63,4% были евреями (Гісторыя Пінска, 2012, с. 430–431). В 1935 г. в городе насчитывалось 31743 жителя, в основном иудеи и православные (Marczak, 1935, s. 77).

Структура занятости населения по состоянию на 7 сентября 1930 г. выделяла среди прочих 704 торговца, 414 купцов и ремесленников. Евреи составляли абсолютное большинство среди ремесленников и торговцев (Гісторыя Пінска, 2012, с. 430–431). В Пинске евреи в торговле занимали 95% (Klugman, 2003, s. 96). В целом по Полесскому воеводству по состоянию на 1931 г. среди 38672 торговцев евреями были 31420 человек (81,2%) (Drugi powszechny spis..., 1938, s. 268). В городах восточных воеводств Польши в 1933 г. еврейские торговые предприятия составляли 76,3%, по всей территории государства – 52,5% (в городах – 58,5%) (Еврейский мир, 1939, с. 380).

Торговля в межвоенный период в Западной Беларуси являлась одной из важнейших сфер жизнеобеспечения населения. Именно в этой сфере исконно были заняты евреи. Как отмечал автор «Проводника по Полесью» Михал Марчак в межвоенный период Пинск являлся экономическим и культурным центром Полесья. Город был пунктом вывоза изделий из страны, к которым относили сырьё, полуфабрикаты и готовую продукцию (Marczak, 1935, s. 77). Деревообрабатывающая промышленность Полесья имела экспорто-ориентированный характер. Изделия с Полесья отправлялись в страны Южной Америки, Азии, Европы. Только в 1933 г. в этой отрасли было продано за границу продукции деревообработки на 9,5 млн злотых (ГАБО, ф.1, оп.3, д.760, л.3). Отдельные торговцы из Пинска имели обороты, вызывающие зависть современников. Например, Самуйло Х. Найдич из Пинска специализировался на продаже готовых меховых изделий в Германию. Причём мех закупал в СССР (Ленинграде). Некоторые из пинских торговцев имели магазины не только в родном городе, но и в Бресте-над-Бугом, Варшаве и других городах (ГАБО, ф.1, оп.3, д.744, л.23–75).

Несмотря на высокую урбанизацию еврейского населения и доминирование их в торгово-ремесленной сфере региона, профессиональных учебных учреждений в Полесском воеводстве было сравнительно мало: I ступени и частные платные. В Брестском школьном округе в 1933 году было 11 частных ремесленно-промышленных школ и курсов (ГАБО, ф.59, оп.3, д.307, л.1–23). В 1937 г. всего частных школ в Полесском воеводстве было 166, что от общего числа школ составляло 12,5% (Polski stan posiadania…, 1939, s. 34), но по территории воеводства с 1931 года работала лишь одна торговая школа – в воеводском городе Бресте-над-Бугом (ГАБО, ф.1, оп.1, д.117, л.13).

Специфический этносоциальный состав населения региона, рост конкуренции среди торговцев, который усилился во время экономического кризиса 1929–1932 гг., и отсутствие профессиональных учебных заведений в регионе подтолкнули открыть в Пинске торговую школу.

Свою образовательную деятельность в городе Артур Ашер начал в 1931 году с открытия Пинской частной образовательной торговой школы. Согласно п.3 Статута частной коэдукационной (для обоих полов) торговой школы Артура Ашера учебное заведение преследовало следующую цель: подготовить квалифицированных профессиональных работников для экономической жизни путём теоретического и практического обучения (ГАБО, ф.59, оп.3, д.294, л.8).

В целом, в образовательной работе Артура Ашера в Пинске можно условно выделить 2 направления (согласно специфике учебной деятельности учреждения):

1) работа Пинской частной торговой школы Артура Ашера для детей обоих полов всех религий I ступени с польским языком преподавания (1931–1937 гг.); в 1937–1939 гг. в силу проблем материального обеспечения торговая школа работала как одногодичная только для мальчиков иудейского вероисповедания с польским языком преподавания при материальной поддержке Центрального союза купцов в Варшаве (его отдел в Пинске);

2) в 1933–1937 гг. работали вечерние торговые курсы профессионального совершенствования для купцов и торговых работников, которые в 1937–1939 гг. действовали при поддержке пинского отдела Центрального союза купцов в Варшаве.

Для открытия учебного заведения были подготовлены все соответствующие документы, которые требовались Министерством вероисповеданий и народного образования, а именно: 1) статут учебного заведения (ГАБО, ф.59, оп.3, д.294, л.8–11), 2) учебная программа, утверждённая соответствующим министерством, 3) свидетельство попечителя (в данном случае – отца Артура Ашера – Маркуса Ашера, управляющего нефтяного товарищества в

Саноке, 4) свидетельство нотариуса о месте проживания владельца школы в Пинске, 5) нотариально заверенное свидетельство о платёжеспособности и состоянии попечителя Маркуса Ашера и его супруги Амелии Ашер, 6) свидетельство с места работы попечителя о постоянном доходе и уплате налогов попечителем (ГАБО, ф.59, оп.3, д.299, л.4–18), 7) обязательство о соблюдении санитарно-гигиенических требований (ГАБО, ф.59, оп.3, д.374, л.3).

Учебное заведение Артура Ашера по своим характеристикам являлось профессиональным торговым учебным заведением I ступени, ярким примером традиционной благотворительности как культурной традиции еврейского народа; оно существовало за счёт меценатов – семьи Ашеров. Школа была предназначена для образования детей обоих полов независимо от вероисповедания. Претендовать на обучение могли дети, имеющие свидетельство об окончании шестиклассной начальной школы и двух классов гимназии или равнозначного учебного заведения. Кроме этого, к кандидатам предъявлялось требование умственного и физического соответствия условиям совместного обучения. Обучение было рассчитано на 4 года, велось на польском языке по четвертям. Программа включала как общеобразовательные предметы, так и специальные (факультативные). К предметам по выбору относились: военная подготовка (2 часа в каждом классе) и иностранный язык (по 2 часа на каждый класс). Обязательная программа включала 25 предметов. Из них предметами, изучавшимися во всех классах были: религия (согласно вероисповеданию ученика), польский язык, немецкий язык и корреспонденция, гимнастика, торговая арифметика, ведение торговых книг и счетов, торговая корреспонденция, польская стенография (ГАБО, ф.59, оп.3, д.299, л.4). Нагрузка на учеников школы, в зависимости от класса, была разной: в 1 классе она составляла 30 часов, во 2-м – 30–31, в 3-м – 32, в 4-м – 32–33, из них на общеобразовательные и специальные предметы отводилось разное количество учебных часов (см. Табл.1)

Таблица 1

Количество учебных часов в торговой школе Артура Ашера

Класс	1	2	3	4
Общее количество учебных часов	30	30–31	32	32–33
Количество общеобразовательных учебных часов	15	14	15	11
В %	50	46,7	46,9	34,4–33,3
Количество специальных учебных часов	15	16–17	17	21–22
В %	50	53,3	53,1	65,6–66,7

Анализ данных таблицы позволяет сделать вывод о преимущественном изучении общеобразовательных предметов в первых трёх классах, специальных – в четвёртом. Согласно учебной программе, только в 4-м классе изучались такие предметы, как хозяйственное право (2 часа), наука о чеках (1 час), переговоры хозяйственные (1 час), хозяйственная экономия (3 часа), наука о сбережении (1 час), реклама и продвижение товара (1 час), техника мировой торговли (2 часа), организация бюро и магазина (1 час), немецкая стенография (2 часа) (см. Табл. 2).

Список учебных предметов соответствовал профилю школы. Разнообразие специальных предметов говорит о серьёзном подходе к организации обучения учащихся.

Министерство вероисповеданий и народного образования Польского государства предъявляло довольно жёсткие требования к материальному содержанию частных учебных заведений. В связи с этим ежегодно необходимо было предоставлять в соответствующее управление образования кураториум (в данном случае – в кураториум Брестского школьного округа) нотариально заверенные свидетельства о доходах и недвижимости попечителя, обязательство о дальнейшей материальной поддержке учебного заведения, предварительный бюджет на каждый учебный год. Вышеперечисленные документы необходимо было предоставлять ежегодно до 15 августа. Без одобрительного ответа кураториума школьного округа учебное заведение не могло открывать традиционный учебный год 1 сентября (ГАБО, ф.59, оп.3, д.374, л.1).

Маркус Ашер, отец Артура Ашера, как попечитель обязался в 1931 г. выделять на содержание торговой школы в Пинске ежемесячно до 400 злотых (ГАБО, ф.59, оп.3, д.299, л.5–10). К этому документу прилагались документы, подтверждающие платёжеспособность семьи Ашер:

1) юридически заверенное свидетельство о доходах родителей Артура Ашера – Амелии Ашер (1/5 часть нефтяной компании + 1% дохода ежегодного) и Маркуса Ашера (1/8 часть компании + 1% от ежегодного дохода);

2) свидетельство о заработной плате Маркуса Ашера, административного начальника в размере 1000 злотых ежемесячно, 100–150 злотых в месяц премиально, 150–300 злотых ежемесячно от продукции (ГАБО, ф.59, оп.3, д.299, л.11–18). Средства поступали регулярно вплоть до 1937 г. В связи с возникшими материальными проблемами, Ашер вынужден был обратиться к Центральному союзу купцов в Варшаве (отдел в Пинске), который с 1937 г. до 1939 г. содержал торговую школу (ГАБО, ф.59, оп.3, д.294, л.4).

Таблица 2

Перечень учебных предметов в торговой школе Артура Ашера (ГАБО. ф.59, оп. 3, д.299, л.4)

Название предмета	
1. Религия 2. Польский язык 3. Немецкий язык и корреспонденция 4. История 5. Гигиена 6. Каллиграфия 7. Гимнастика 8. Торговая арифметика 9. Книжность и кантор 10. Польская торговая корреспонденция 11. Наука о торговле 12. Наука о векселях 13. Экономическая география 14. Товароведение и химия 15. Стенография польская 16. Машинопись 17. Хозяйственное право 18. Наука о чеке 19. Общение хозяйственное Польши 20. Экономия общая 21. Наука о сбережении 22. Реклама и продажа 23. Техника мировой торговли 24. Организация бюро и магазина	Обязательные предметы
1. Иностранный язык 2. Военная подготовка	Факультатив-ные предметы

Торговая школа Артура Ашера представляла собой в 1931–1937 гг. поликонфессиональную среду. В учебном заведении учились иудеи, католики, православные, евангелисты, цвинглиане (см. Табл. 3), с 1937 г. школа была предназначена только для мальчиков иудейского вероисповедания.

Таблица 3

Вероисповедание учащихся торговой школы Артура Ашера (1931–1936 гг.)

Вероисповедание	%
Иудеи	22-52
Католики	21-57
Православные	26-35
Протестанты	14-20

Составлено по: ГАБО, ф.59, оп.3, д.634, л.1–25об., ГАБО, ф.59, оп.2, д.638, л.1–24, ГАБО, ф.59, оп.2, д.639, л.1–25, ГАБО, ф.59, оп.2, д.640, л.1–31.

Предмет «Религия» в Торговой школе преподавали представители различных конфессий: ксёндз Величко, раввин Тозиберг, православный священник Мальталиш (ГАБО, ф.59, оп.2, д.638, л.1), с 1935 года христианских учителей сменили ксёндз Тадоровский и православный священник Селецкий (ГАБО, ф.59, оп.3, д.251, л.33-43), с 1936 по 1939 гг. вместо раввина в школе преподавал сам Артур Ашер (иудей по вероисповеданию) (ГАБО, ф.59, оп.3, д.643, л.1).

Организация учебного процесса в торговой школе была довольно высокого уровня. Свидетельством этого являются сохранившиеся журналы, протоколы экзаменов и экзаменационные листы. В классном журнале на каждого ученика отводилась отдельная страница, где записывались: порядковый номер ученика (по алфавиту), дата и место рождения, вероисповедание, фамилия и имя, список изучаемых предметов, оценки по предметам, поведение и прилежание, количество пропущенных часов, общий результат за полугодие (год) (ГАБО, ф.59, оп.2, д.638, л.1об.). Общий результат обучения выражался в оценке «хорошо», «очень хорошо», «удовлетворительно» (ГАБО, ф.59, оп.2, д.639, л.16). Результат за каждое полугодие обязательно удостоверялся подписью учителя-предметника. По окончании учебного года каждый ученик на основании подведения итогов педсоветом: допускался к продолжению учёбы, рекомендовался к повторному году обучения или отчислялся. По окончании обучения в школе сдавались итоговые экзамены. К каждому экзамену ученик должен был получить допуск. Причем допуск к экзамену выражался оценкой «очень хорошо», «хорошо» или «достаточно» (ГАБО, ф.59, оп.2, д.638, л.1об.-4). Отчисляли учащихся по следующим причинам: длительное заболевание, пропуски по неуважительной причине, либо же за антигосударственную деятельность. Например, за пропуски по неуважительным причинам из торговой школы были отчислены в 1931/1932 учебном году 3 ученика (ГАБО, ф.59, оп.3, д.633, л.1об.-16об.), в 1935/1936 – 1 (ГАБО, ф.59, оп.2, д.640, л.1-10). По разным причинам ушли сами в 1932/1933 11 учеников (ГАБО, ф.59, оп.3, д.634, л.1–25об.),

1934/1935 – 2 (ГАБО, ф.59, оп.2, д.639, л.1-15), 1935/1936 – 3 (ГАБО, ф.59, оп.2, д.640, л.1-31). По причине заболевания экзамены за год могли быть перенесены (ГАБО, ф.59, оп.3, д.651, л.1-17).

Итоговые экзамены проходили в несколько этапов. Первый этап включал в себя подготовку документов за все годы учёбы по каждому ученику и рассмотрение их специальной комиссией (ГАБО, ф.59, оп.3, д.615, л.5). В результате рассмотрения ученика либо допускали к итоговым экзаменам либо нет. В журнал вносили соответствующую запись – «допущен» / «не допущен к сдаче итоговых экзаменов» (ГАБО, ф.59, оп.2, д.638, л.15–24об.). Следующим этапом являлось формирование групп для сдачи экзаменов и составление расписания экзаменов. Итоговые экзамены сдавались в устной и письменной форме. По каждому экзамену вёлся протокол. Например, протокол устного экзамена включал фамилию и имя экзаменуемого, название предмета, дату экзамена, вопросы экзамена и запись ответа. В 1934 году на устном экзамене по товароведению экзаменуемые характеризовали мел, топливное дерево, оцинкованные ступени, белую краску как товары (ГАБО, ф.59, оп.3, д.599, л.4). Протоколы письменных экзаменов включали в себя: общие протоколы группы, план рассадки учеников на экзамене, письменные работы учащихся, итоговый протокол заседания экзаменационной комиссии. Например, 9 июня 1937 года к письменному экзамену по товароведению были допущены 17 человек из 21, из них сдали экзамен 14, не сдали 3. Вопрос был один – «Мука: состав, производство, хранение, исследование» (ГАБО, ф.59, оп.3, д.613, л.1-4).

Экзамены проходили в две смены: 1 смена – с 8.15 (ГАБО, ф.59, оп.3, д.615, л.1) или с 11.00 (ГАБО, ф.59, оп.3, д.621, л.6), вторая – с 14.00. В состав комиссии входили председатель и два учителя. Вначале экзамена председатель собирал всех учащихся, приветствовал их и желал высоких экзаменационных результатов. После экзамена председатель комиссии поздравлял всех учащихся со сдачей экзамена и выступал о значении труда и науки для блага государства и общества (ГАБО, ф.59, оп.3, д.621, л.2-6). По окончании всех экзаменов по одному предмету собиралась итоговая комиссия, по результатам заседания которой учащийся допускался или не допускался к следующему экзамену. Сначала сдавали письменные экзамены – по стенографии, машинописи, польской корреспонденции и немецкому языку, потом – устный по товароведению.

Совершенная организация учебного процесса, высокий уровень профессиональной подготовки учителей давали должный уровень подготовки учащихся. Всего 3 ученика за все годы работы учебного заведения сдали выпускные экзамены на «неудовлетворительно» (ГАБО, ф.59, оп.2, д.638, л.1-24об.; ГАБО, ф.59, оп.2, д.639, л.1-25).

Согласно п.5 Статута частной общеобразовательной торговой школы Артура Ашера выпускники этого учебного заведения получали свидетельство государственного образца (ГАБО, ф.59, оп.3, д.299, л.1), что являлось редким исключением в частном образовании Западной Беларуси.

В 1930-е гг. в связи с изменением внутренней политики Польского государства усилилось давление на частные учебные учреждения, которое выражалось в ужесточении требований к их открытию, увеличении количества документации, усилении контроля за учителями и учащимися. Значительно усилился надзор за преподавательским составом и учащимися школы. В итоге 1 декабря 1931 г. был отчислен из школы Ёзеф Хрсицки, учащийся 1 класса, за антигосударственную деятельность (ГАБО, ф.59, оп.3, д.633, л.1об.). Идеологическое давление на образовательные учреждения отразилось на всём процессе образования и ярко просматривается на примере экзаменов. Например, итоговый экзамен в 1935 г. по польскому языку включал два вопроса, чётко отражавших государственную идеологию и национальную политику Польского государства этого периода: 1) Жизнь и деятельность Ю. Пилсудского как пример для польского общества и будущих поколений; 2) Какое из начинаний позитивистов необходимо было бы реализовать в современной Польше для укрепления её мощи (ГАБО, ф.59, оп.3, д.605, л.4). Экзамен по стенографии в 1939 г. содержал текст по истории борьбы польского народа за независимость (ГАБО, ф.59, оп.3, д.621, л.5).

«Здоровьесбережение» являлось иудейской традицией, которую чтили и воплощали в учебном процессе торговой школы. В школе работал свой врач – Маудбаум (ГАБО, ф.59, оп.3, д.634, л.1). Преподавательский состав ежегодно был обязан предоставлять справки о здоровье с отметкой о допуске к работе в школе (ГАБО, ф.59, оп.3, д.251, л.4). Справки о состоянии здоровья требовали и от каждого претендента на учёбу в торговой школе (ГАБО, ф.59, оп.3, д. 374, л.5). Ежегодным являлось также согласование школьного расписания и нагрузки с врачом (ГАБО, ф.59, оп.2, д.640, л.1). Соблюдение всех санитарно-гигиенических требований Министерства вероисповедания и народного образования (соответствие максимального количества учеников в классах и количества учеников на площадь помещения государственным нормам и т.п.) (ГАБО, ф.59, оп.3, д.299, л.1) дополнялось постоянным контролем со стороны городских властей за пропусками занятий по причине заболеваний и изоляции (по необходимости) учеников, обязательном соблюдении режима дня и питания, деятельностью молодёжных спортивных организаций, организацией стирок, купален и т.п. (ГАБО, ф.59, оп.3, д.241, л.6). В учебном расписании занятий был обязательный предмет «Гигиена» (ГАБО, ф.59. оп.3, д.643, л.41). В целом, необходимо отметить тот факт, что за весь период работы торговой школы

Артура Ашера в Пинске не наблюдалось ни одного случая карантина или эпидемий среди учащихся.

На базе школы Артура Ашера действовали торговые курсы (1933–1939 гг.). Курс обучения был рассчитан на один год. Само обучение велось в помещении 2 класса школы по адресу: Пинск, ул. Бутримовича. В процессе образования изучались следующие предметы: польский язык, введение в делопроизводство, торговая арифметика, польская арифметика, наука о торговле, наука о векселе. По окончании обучения сдавались 4 экзамена по следующим предметам: делопроизводство, корреспонденция, польский язык, торговая арифметика. По итогам 1933 года обучения лишь один человек не сдал экзамены, остальные сдали с результатами «хорошо» и «очень хорошо» (ГАБО, ф.59, оп.3, д.310, л.6–31). С 1936 г. стали проводиться и двухдневные курсы делового оборота в торговле. В 1936 году их слушателями стали 30 человек (ГАБО, ф.59, оп.3, д.241, л.10).

В торговой школе Артура Ашера проводилась постоянная методическая работа. На основе анализа архивных документов можно выделить её следующие направления: работа с педагогическими кадрами по самообразованию, проведение педсоветов, повышение квалификации педагогических кадров школы, проведение открытых мероприятий. Заседание педсоветов проходило один раз в квартал. Главой педагогического совета являлся руководитель школы Артур Ашер (ГАБО, ф.59, оп.3, д.294, л.10). Педсовет работал над повышением эффективности преподавания предметов, совершентствованием педагогического мастерства, улучшением оснащения кабинетов и др. Педсовет принимал решения о зачислении (отчислении) учеников, оценивании учеников, о выдаче документов об окончании школы и т.п.(ГАБО, ф.59, оп.3, д.374, л.10об.).

Высокий уровень подготовки в торговой школе Артура Ашера подтверждался данными о трудоустройстве выпускников. Архивные данные за 1934–1937 гг. свидетельствуют о востребованности таких кадров на рынке труда. Например, выпускники 1935 года были трудоустроены на 81,88%, 1936 г. – на 100%, 1937 г. – на 64,35%. Сферы деятельности выпускников соответствовали профессиональной подготовке: недвижимость, торговля, лесопильное дело (ГАБО, ф.59, оп.3, д.622, л.2–4).

Традиции, заложенные торговой школой, продолжались выпускниками, которые являлись членами Центрального товарищества выпускников торговых школ Польского государства с центром во Львове. Данное товарищество пропагандировало распространение идей легальной торговли, объединяло выпускников для дальнейшего общения, поддержки контакта, распространения труда, организации профессиональных советов, распространения идей торговли и т.п. В кружок входили, в основном, проживающие в Пинске вы-

пускники торговой школы Артура Ашера (93%). С 1933 по 1936 гг. в кружке выпускников числились 27 членов (ГАБО, ф.59, оп.3, д.622, л.1–31).

Выводы

Образовательная деятельность Артура Ашера являлась примером благотворительности в частном еврейском профессиональном образовании. Открытие торговой школы в Пинске было обусловлено этносоциальной и экономической спецификой региона, а также нехваткой соответствующих учебных заведений. Учреждение торговой школы и торговых курсов являлось попыткой решения экономических и культурных проблем региона. По своим характеристикам торговая школа была частным профессиональным учебным светским заведением I ступени (средняя торговая школа). Преподавание проходило исключительно на польском языке, что давало возможность выпускникам включаться в торговые отношения на территории Польского государства. Артур Ашер внёс значительный вклад в решение образовательного вопроса профессиональной подготовки торговых кадров региона.

Библиография

Государственный архив Брестской области (ГАБО), ф.1, оп.3; ф.59, оп.2, 3.

Гісторыя Пінска. Ад старажытнасці да сучаснасці: да 915-й гадавіны з першага летапіснага ўпамінання / А.М. Літвін [і інш.]. Мінск: Вышэйшая школа, 2012.

«Еврейский мир». Париж, 1939. Т.1.

Иванюк, А. Ю. «Законодательство Польши и школьное еврейское образование (1921–1939 гг.)» в сб.: *Моладзь Берасцейшчыны: Зборнік студэнцкіх навуковых прац*. Брэст: Акадэмія, 2006, с. 89–91.

Цымбал, А. Г. Палітыка польскіх улад у адносінах да праваслаўнай царквы ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.). Дыс. на суісканне вуч. ступені кандыдата гіст. навук. БДПУ імя М.Танка. Мн., 2008.

Черепица, В. «Национальные меньшинства и национальный вопрос» в ж-ле: *Беларуская думка*. 1996, №2, с. 125–128.

Wasiutyński, B. Ludnosć żydowska w Polsce w wiekach XIX i XX. Studium statystyczne. Warszawa: Wydaw. Kasy im. Mianowskiego, Instytutu Popierania Nauki, 1930.

Marczak M. Przewodnik po Polesiu. Brzesc, Nakladem oddzialu Polskiego Towarzystwa Krajoznawczego w Brzesciu nad Bugiem, 1935.

Klugman A. Źyd – co to znaczy? Warszawa: Wydawnictwo Wiedza Powszechna, 2003.

Drugi powszechny spis ludności z dn. 9 XII 1931. Drugi powszechny spis ludności z dn. 9 XII 1931. Mieszkania i gospodarstwa domowe, lidność, stosunki zawodowe. Województwo Poleskie. Warszawa, 1938.

Е. Якимова

Принципы «газовой» дипломатии Израиля в отношении стран СНГ и Балтии[1]

Одним из главных трендов современных межгосударственных отношений является использование энергоресурсов в качестве инструмента внешней политики. Некоторые страны, обладая значительными запасами нефти или газа, стремятся использовать их для оказания влияния на партнеров, другие же, в поисках источников поставки ресурсов, вынуждены согласовывать позиции поставщиков с собственными интересами.

В последнее время к числу тех государств, которые пытаются использовать газовый фактор в международных отношениях, присоединился Израиль, где после обнаружения крупных месторождений природного газа, правительство приняло решение акцентировать внимание на сотрудничестве с зарубежными партнерами, способными помочь в строительстве газотранспортных сетей и добыче «голубого топлива» на территории страны.

Однако необходимо принять во внимание такой факт: некоторые из постсоветских государств могут принимать участие в разработке израильских газовых месторождений и инвестировании в отрасль, при этом такие страны будут должниками за поставки газа России и, одновременно, ее конкурентами на перспективном израильском рынке.

Так формируются группы противоречий, связанные со столкновением интересов Израиля и его возможных партнеров в процессе выхода страны на мировой газовый рынок, что и будет рассмотрено в данной статье.

Ресурсная база

В первую очередь необходимо дать оценку газовых ресурсов, которыми располагает Израиль. Долгие годы государство не значилось в списке стран, претендующих на роль поставщиков энергоресурсов. Кемп-Дэвидское соглашение 1979 г. предусматривало переход газоносного района Эль-Ариш

[1] Статья подготовлена в рамках реализации гранта РГНФ № 12-03-00399 по теме «Международные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в XXI веке: тенденции, проблемы и перспективы развития».

Египту, а в 1999 г. была заключена палестино-израильская сделка, согласно которой право на использование месторождения, расположенного на береговом шельфе между Ашкелоном и Газой, с запасами около 1 трлн куб. м, было передано палестинской стороне. В том же году близ Ашдода было обнаружено месторождение Ям-Тесис, но тогда добыча газа там не считалась перспективной.

Ситуация изменилась в конце 2000-х гг. Ведущие израильские и мировые СМИ стали все чаще сообщать о положительных результатах геологоразведки. Наиболее известными месторождениями считаются «Тамар», «Далит» и «Левиафан». Первое из указанных («Тамар-1») стало разрабатываться в 2008 г. Всего в 2011 г. бурение там велось на трех скважинах; компанией *Noble Energy* было сообщено о наличии четвертого газоносного пласта. Запасы газа на месторождении «Тамар» (без учета «Тамар-4») составляют 246 млрд куб. м (Компания Noble обнаружила…, 16.06.2010), что позволяет ему считаться вторым по величине.

Месторождение «Левиафан» является крупнейшим в Израиле. Оно было открыто в 2010 г. По оценкам *Noble Energy*, запасы здесь составляют 453 млрд куб. м, при пятидесятипроцентной достоверности оценки (Компания Noble обнаружила…, 16.06.2010).

Месторождение «Далит» расположено в акватории Средиземного моря в 54 км от берега и включает в себя две скважины («Далит-1» и «Далит-2»), содержащие около 14 млрд куб. м газа. Его освоение началось в 2009 г. В том же году представители компании-оператора *Noble Energy* заявили, что на месторождении планируется получать около 5,7 млрд куб. м газа в сутки (Проведены испытания…, 17.06.2009).

В 2011 г. геологоразведочный консорциум в составе компаний «Рацио», «Авнер» и «Делек Кидухим» заявил о наличии 15 млрд куб. м газа с вероятностью в 73% (Израиль продолжает прирастать газом…, 6.11.2011) в районе скважины «Дельфин-1» в ста десяти километрах от Хайфы. В том же году Министерство инфраструктуры дало разрешение на разработку месторождений «Сара» и «Мира», расположенных примерно в 40 км к западу от Хадеры. Согласно предварительным оценкам, в месторождениях может быть 184 млрд куб. м природного газа с вероятностью 54% (Пробное бурение месторождений…, 8.08.2011).

В 2012 г. были открыты два новых месторождения: «Танин-1» и «Пелагик», запасы которых составляют 31,5 млрд куб. м и 190 млрд куб. м соответственно. Важно отметить, что данные о геологическом строении и основных особенностях залежей постоянно уточняются с целью перевода запасов месторождения в более высокие категории. Так, «Танин-1», расположенное в 120 км от берега, долгое время считалось бесперспективным,

интерес же к его разработке связан с успешным бурением в районе «Левиафана», находящегося севернее.

Следует подчеркнуть, что, согласно оценкам компаний, получивших лицензии на геологоразведку и добычу, газ левантийского бассейна, куда территориально относятся открытые в Израиле месторождения, имеет высокое качество. Некоторые трудности могут быть связаны с относительно большой (порядка 2 км) глубиной залегания, но этот недостаток может быть компенсирован за счет качества выполнения работ. Также следует упомянуть о близости средиземноморского газа к европейским потребителям, которые все чаще задумываются о необходимости диверсификации поставок энергоресурсов.

Соотношение интересов

Имея в своем распоряжении ресурсы, краткая характеристика которых дана выше, Государство Израиль неизбежно должно решить, как ими распорядиться. Премьер-министр Б. Нетаньяху изложил позицию правительства по данному вопросу в ходе однодневного рабочего визита на Кипр 16 февраля 2012 г. Б. Нетаньяху заявил: «Израильтяне все еще не понимают значения изменений, которые вызовет природный газ. Очевидно, что мы нацелены на экспорт. У нас достаточно газа для наших внутренних потребностей, и, даже если предположить рост ВВП, мы будем иметь очень большие излишки. Газ – наш стратегический интерес. Он также является экономическим инструментом для развития Израиля и дипломатическим инструментом для заключения новых союзов, в первую очередь в нашем регионе, а также с великими державами, Индией и Китаем. США уже вовлечены через газодобывающую компанию *Noble Energy*, но у нас есть возможность думать об отношениях с другими влиятельными государствами» (Barkat, 2012).

Такая позиция Израиля говорит о согласовании собственных интересов в области добычи газа с зарубежными партнерами. Рамки сравнительно небольшого исследования не позволяют детально изучить все направления «газовой» составляющей дипломатии Израиля. В настоящей статье сделана попытка дать оценку принципам сотрудничества государства только со странами СНГ и Балтии по данному вопросу.

На постсоветском пространстве можно выделить две группы стран, с которыми Израиль может сотрудничать: во-первых, те, кого планируется привлечь к добыче, и, во-вторых, те, кто в будущем станут вероятными потребителями ресурсов. К первой группе относится Россия и Украина, ко второй – прибалтийские государства.

Будучи страной, закупающей газ за рубежом, Израиль укрепил связи с государствами, имеющими опыт в сфере добычи и транспортировки «голубого топлива». Так, участие ОАО «Газпром» в создании газовой инфраструктуры Израиля обсуждалось во время визита в Израиль делегации российского концерна во главе с председателем правления А. Миллером в марте 2006 г. и поездки тогдашнего премьер-министра Израиля Э. Ольмерта в Москву в декабре того же 2006 г. (Кобызев, 2006) Израиль и страны Балтии объединяет стремление к энергетической независимости и возможность использовать сходные технологии в газовой сфере ввиду небольших размеров территорий (Израиль делится опытом…, 16.11.2011). Перейдем к характеристике аргументов «за» и «против» сотрудничества с каждым из названных выше государств-партнеров Израиля.

Мотивы израильской стороны в пользу взаимодействия с Россией в газовой сфере могут выглядеть следующим образом. Во-первых, страна заинтересована в накопленном российскими специалистами опыте и технологиях, в таких областях как бурение скважин и строительство инфраструктуры. Это, в свою очередь, позволит ускорить освоение месторождений, а, значит, приблизить получение прибыли. Во-вторых, израильское правительство рассчитывает на помощь «Газпрома» в выходе на зарубежные рынки. Кроме того, нельзя забывать и о далеко идущих политических последствиях газовых сделок. Израилю важен сам факт споров ведущих мировых компаний за право участия в консорциумах по разработке газа на шельфовых месторождениях Средиземного моря. Особую остроту этим спорам придает возможность для Израиля столкнуть потенциальных партнеров – участников ближневосточного Квартета со своими арабскими соседями. Таким образом, пусть и в весьма своеобразной форме, израильская сторона имеет шанс взять реванш за нефтяные кризисы прошлого, когда страна, поддерживавшая Тель-Авив, лишалась арабской нефти.

Однако в Израиле немало и критиков сделок с Россией. Оппоненты в большей степени опасаются не России вообще, а «Газпрома», при этом, как-будто забывая, в чьих интересах действует газовая компания. Скептики есть как в академических кругах, так и в бизнес-сообществе. К примеру, доктор Авиноам Идан из Хайфского университета считает, что сотрудничество с «Газпромом» сопряжено для Израиля с риском оказаться в зависимости у более влиятельного партнера, который получит возможность контролировать как газоснабжение страны, так и экспорт израильского «голубого топлива» (Опубликованы подробности визита…, 01.08.2012).

Также от отношений с российской компанией предостерегает израильский бизнесмен Зенон Клугер, который долгие годы работал в России и, как он сам утверждает, по вине «Газпрома» был вовлечен в длительные су-

дебные разбирательства. По его словам, российский газовый гигант не заслуживает доверия, а контракты, заключенные с ним, хоть и сулят хорошую прибыль, но в итоге не оправдывают надежд. Также он отметил, что Россия очень коррумпирована, и в стране часто нарушаются правила ведения бизнеса (Израильский бизнесмен предостерег от сделок…, 27.06.2012).

Однако в целом сотрудничество с Россией в газовой сфере рассматривается в Израиле как выгодное. Участие российских компаний в добыче ресурсов и строительстве инфраструктуры позволит ускорить создание газотранспортной сети страны и способствовать выходу Израиля на мировой газовый рынок в качестве поставщика. В настоящий момент стороны хорошо знакомы с экономическими реалиями друг друга, что позволяет им трезво оценивать риски ведения бизнеса в каждой из стран и давать необходимые юридические гарантии выполнения контрактов. Фактором же, ограничивающим сотрудничество, может являться репутация российского газового гиганта, который, после нескольких случаев срыва поставок газа европейским потребителям, перестал восприниматься в качестве надежного партнера. Этим и объясняется желание Израиля сотрудничать с Россией, при этом, не предоставляя стране исключительных прав. Россия нужна Израилю, но не будет единственным партнером этой страны.

Украино-израильские отношения последних лет также не лишены «газовых» акцентов. Так, в марте 2011 г. в рамках официального визита в Израиль глава украинского правительства Николай Азаров встретился со своим коллегой Б. Нетаньяху. В ходе беседы было заявлено, что Украина заинтересована в участии в добыче газа на шельфе Средиземного моря.

У израильской стороны есть основания принять предложение Киева. Несмотря на то, что опыт работы на глубоководных скважинах у украинских газовиков практически отсутствует (исключением является «Черноморнафтогаз», с 1978 г. предприятие осваивает месторождения Черного и Азовского морей), Израилю выгодно иметь несколько партнеров.

Допуская на свой газовый рынок различные иностранные компании, израильские власти заявляют, что каждая из них будет иметь равные права при участии в тендере. Это превращает Израиль в своеобразного «честного брокера», ставящего в один ряд как мелкие, так и крупные газодобывающие предприятия, чем последние часто бывают недовольны. Следовательно, достижение договоренностей между Украиной и Израилем по вопросу сотрудничества в сфере разработки газовых месторождений позволит Израилю привлечь дополнительные инвестиции, при этом, защитив себя от риска оказаться в зависимости у зарубежных газовых монополий.

Среди государств, которых не планируется привлекать к добыче израильского газа, можно назвать Азербайджан. Незадолго до объявления о

первых крупных успехах геологоразведки в исключительной экономической зоне Израиля была достигнута договоренность о долгосрочных поставках азербайджанского газа в страну. Проект, обсуждение которого началось в 2008 г., включал в себя строительство многофункционального трубопровода *Medstream* по дну Средиземного моря от Джейхана до Ашкелона и контракт на закупку 12 млрд куб. м газа в течение десяти лет. Предполагалось, что строительство газопровода займет три года, а сам проект, согласно планам сторон, рассчитывался на тридцать лет. Таким образом Израиль намеревался включиться в сеть Азербайджан – Грузия – Турция в двух качествах – потребителя и пункта дальнейшего транзита. Тогдашний министр инфраструктуры страны Б. Бен-Элиэзер заявил в одном из интервью: «У меня есть видение – Израиль в строю ведущих энергетических держав мира. Этого можно добиться, используя наше стратегическое расположение на перекрестке трех континентов – Азии, Африки и Европы, на берегах двух морей – Средиземного и Красного» (Израиль хочет подключиться…, 14.11.2006).

Из позиции министра следует, что ставка была сделана на выгодное географическое положение Израиля. Однако начало реализации проекта с Азербайджаном совпало с кардинальными изменениями в энергетической стратегии Израиля. На 2012 г. было намечено и завершение строительства инфраструктуры, предусмотренной азербайджано-израильской инициативой, и начало использования газа из месторождения «Тамар», запасы которого, по оценкам компании *Noble Energy* смогли бы обеспечивать Израиль на протяжении 20 лет. Таким образом, Израиль оказался перед выбором: какой из альтернативных планов следует притворить в жизнь и возможно ли продолжение взаимодействия с Азербайджаном, но уже в ином качестве.

В настоящий момент нельзя с полной уверенностью сказать, как будут развиваться отношения Израиля и Азербайджана в данной сфере. Стороны не делают официальных заявлений относительно будущего их совместного проекта. Ситуация серьезно осложняется тем, что Турция и Иран может оказать негативное влияние на разработку газовых месторождений в Израиле. Турция, по территории которой прежде планировалось проложить новый маршрут поставок газа из Азербайджана, Туркмении и Ирана в Европу, минуя Россию, столкнулась с конкурентами в лице Израиля и Кипра. Премьер-министр Турции Р. Т. Эрдоган сегодня пытается доказать, что и в Израиле, и на Кипре используют технологии диагонального бурения, выкачивая газ из месторождений соседних государств. Подобные обвинения могут спровоцировать длительные разбирательства и замедлить сроки начала добычи газа на израильском шельфе. Возможность же воен-

ного решения иранской ядерной проблемы грозит Израилю разрушением инфраструктуры, необходимой для газовой промышленности и уходом иностранных компаний из страны.

Среди вероятных импортеров израильского газа среди постсоветских государств можно назвать Литву. Обсуждение такой возможности началось на VI Международной конференции по водным технологиям, возобновляемым источникам энергии и охране окружающей среды – *WATEC*, проходившей в Израиле в ноябре 2011 г. Была организована встреча министра инфраструктуры У. Ландау с его литовским коллегой А. Секмокасом, на которой обсуждалась возможность взаимодействия в сфере поставок «голубого топлива». Как сообщали информагентства, министр Секмокас указал на сходство между Литвой и Израилем, как с точки зрения размеров территории, так и стремления к энергетической независимости. В этой связи он выразил заинтересованность в изучении израильского газового рынка, который стремительно развивался в последние годы (Израиль делится опытом…, 2011). Тогда же Б. Нетаньяху получил приглашение посетить Литовскую Республику.

Визит премьер-министра Израиля Нетаньяху в Вильнюс состоялся в апреле 2012 г. и означал переход к активной фазе развития сотрудничества. Стороны заявили, что на строительство инфраструктуры и подготовительные работы понадобится около шести лет. Пока трудно определить точное количество газа, которое сможет получать Литва. Связано это с тем, что израильская стратегия развития газовой промышленности пока находится в стадии разработки, и, даже когда она будет принята, предполагается сделать ее гибкой: изменять при необходимости, ввиду отсутствия у Израиля необходимого опыта в данном секторе.

Трудности в процессе налаживания контактов связаны также с нерешенностью вопроса о том, как именно осуществлять поставки газа. В настоящий момент Литва потребляет российский газ, поступающий по трубопроводу, проходящему по территории Республики Беларусь. Если ситуация не измениться, Израиль сможет осуществлять транспортировку на основе свопов – соглашений по обмену газом. Кроме этого, в 2014 г. планируется закончить строительство терминала сжиженного газа в Клайпеде. Его возведение поручено АО «Клайпедос нафта». Компания, хотя и не имеет опыта в данной области (прежде она занималась исключительно перевозкой нефтепродуктов), крайне заинтересована в выполнении заказа. В случае удачного завершения проекта Вильнюс, с одной стороны, сможет гарантировать себе большую энергетическую независимость, получая газ не только из России, а с другой – займет свободную нишу в газовом сегменте Балтийского моря, построив свой терминал по сжижению газа.

Эстония находится фактически в тех же условиях: недовольство присутствием на рынке только одного поставщика в лице «Газпрома» и стремление развивать технологии для импорта сжиженного природного газа (СПГ). Немаловажно и то, что, как утверждают представители российской газовой корпорации, эстонский трубопровод имеет для них небольшое значение, т.к. не связан с поставками российского газа в Калининградскую область. В данной связи Эстония могла бы претендовать на условия, аналогичные тем, которые были предложены Литве. Однако этого не произошло. Данных о том, что на официальном уровне велись переговоры по этому вопросу, не имеется. К тому же, на отношения сторон в данной сфере долго будет влиять неверный рекламный ход фирмы *GasTerm*, которая занимается газовой техникой, использовавшей в своей рекламной компании фотографию ворот концентрационного лагеря Освенцим с надписью *Arbeit macht frei* («Труд освобождает») (Коган, Гантман, 2012). Вот как директор организации С. Линрос, кстати, сам сделавший данный снимок, объяснил ситуацию: «Мы часто слышим шутки насчёт того, что Гитлер наложил на себя руки, потому что получил счет за газ» (Коган, Гантман, 2012). Ни в Эстонии, ни в Израиле тонкости этого намека никто не оценил. Несмотря на то, что к сотрудничеству по вопросу поставок газа это действие отношения не имело, израильская сторона, и без того озабоченная ситуацией роста антисемитизма и неонацизма в Эстонии, будет более осторожна в отношениях с этим прибалтийским государством.

Перспективы сотрудничества Израиля с постсоветскими партнерами

Уже сейчас, не вникая в суть стратегии развития газовой промышленности, ясно, что в длительной перспективе Израилю для собственных нужд будет достаточно количества газа, равного запасам на месторождении «Тамар», где планируется начать добычу уже в 2013 г. Следовательно, большая часть ресурсов других месторождений будет предназначена для экспорта, а мировой рынок ждет перераспределения в системе «поставщик-потребитель» в сфере поставки энергоресурсов.

Пока ведущую позицию среди компаний, работающих в Израиле занимает американская *Noble Energy*. Однако между ней и израильской стороной наметились определенные противоречия. Связаны они с вопросом строительства завода по сжижению газа. Как упоминалось выше, разведанные месторождения находятся довольно далеко от берега. Пока только *Royal Dutch Shell* готовит проект по возведению плавучего завода по производству СПГ в Австралии. Учитывая высокие затраты на реализацию такого

проекта, серьезные экологические последствия, которыми грозит малейшая авария, а также риск того, что предприятие может стать мишенью террористических атак, создание аналогичного объекта в Израиле маловероятно. В этой связи *Noble Energy* предлагает совместное сжижение газа с кипрским предприятием, что не встречает поддержки у израильской стороны. Еще одним фактором, который потенциально ограничивает сотрудничество с основной буровой компанией, могут быть действия правительства, направленные на повышение налога на добычу газа в Израиле. Это делает взаимодействие с государствами СНГ и Балтии весьма перспективным.

Есть основания ожидать, что в дальнейшем «Газпром» будет сохранять ведущее положение среди постсоветских государств в добыче газа в исключительной экономической зоне Израиля. Так, швейцарское дочернее предприятие «Газпрома» *Gazprom Marketing&Trading Switzerland AG* 22 марта 2012 г. подписало меморандум о намерениях покупать сжиженный природный газ с израильского шельфового месторождения «Тамар». По условиям этого соглашения «Газпром» планирует ежегодно в течение 15–20 лет закупать 2–3 млн т газа, начиная с 2017 г. Ценовые условия контракта будут основаны на рыночных ценах сырья в Азии или ином ценовом механизме, о котором договорятся стороны (Марьясис, 2012). В качестве сдерживающих факторов следует назвать неоднозначную репутацию «Газпрома», на которой сказались «газовые войны», срывы европейских сделок и зависимость от позиции Кремля. Несмотря на то, что соглашение, касающееся «Тамар», подписано, по-прежнему спорным является вопрос о степени участия российской газовой монополии в добыче израильского газа на других месторождениях.

Сомнения вызывает возможность участия Украины в добыче израильского газа. Разумеется, несомненный плюс взаимодействия заключается в том, что, привлекая новые государства к участию в проектах по разработке природного газа, Израиль, с одной стороны, может обезопасить себя от монополистического влияния крупных компаний, а с другой, – получает дополнительные инвестиции. Вместе с тем, отсутствие у украинской стороны необходимого опыта и достаточно вялые переговоры позволяют предположить, что страна не сможет рассчитывать на заметные позиции в израильском газовом секторе.

В свою очередь Литва представляется перспективным направлением экспорта. В последние годы стороны наращивают товарооборот и стремятся распространить сотрудничество на как можно большее число отраслей. Израиль также может заинтересовать разрабатываемая Литвой система транспортировки газа, позволяющая диверсифицировать поставки энергоресурсов в страну.

Таким образом, по мере приближения начала добычи газа, в исключительной экономической зоне Израиля в Средиземном море, чем займутся израильские и зарубежные компании, самостоятельно или через дочерние предприятия входящие в консорциумы, интерес к исследуемому государству растет. Активнее всего свое желание сотрудничать по вопросам разработки месторождений и закупки израильского «голубого топлива» проявляют страны СНГ и Балтии. Несмотря на то, что данные государства упустили возможность первыми прийти на израильский газовый рынок, сегодня, используя противоречия, назревшие между израильскими властями и американской газодобывающей компанией *Noble Energy,* они способны улучшить свои позиции.

В практическом плане действия израильского правительства сводятся к привлечению партнеров с постсоветского пространства для строительства газотранспортных сетей страны, развития инфраструктуры и налаживания эффективной системы экспорта газа потребителям за рубежом. Наиболее привлекательные для Израиля предложения в указанных областях смогли сделать власти России, Украины и Литвы, а первые трудности наметились с Эстонией и Азербайджаном. Вместе с тем, обнаружение значительных запасов газа на территории Израиля открывает перед страной возможность использовать газовый фактор как инструмент регулирования отношений с партнерами, позволяющий оказать давление на их позицию по другим вопросам.

Пока сложно утверждать, какая именно из совместных инициатив получит развитие в долгосрочной перспективе. На официальном уровне позиция страны сводится к сотрудничеству на основе принципа равных возможностей для всех компаний, желающих участвовать в разработке месторождений. На неофициальном – появились первые предпочтения и опасения. Насколько продуктивными будут действия Израиля, покажет время. Однако очевидно, что израильское правительство будет стремиться использовать газ как важный инструмент регулирования отношений с партнерами, для того чтобы обеспечить признание своего нового статуса в мировой системе «поставщик-потребитель».

Библиография

Компания Noble обнаружила у берегов Израиля и Кипра перспективные структуры с суммарными ресурсами газа около 850 млрд куб.м, 16.06.2010. [Электронный ресурс] <http://www.mineral.ru/News/41159.html> [Дата доступа: 02.09.2012].

Проведены испытания газового месторождения Далит (Израиль), 17.06.2009. [Электронный ресурс] <http://www.mineral.ru/News/36925.html> [Дата доступа: 02.09.2012].

Израиль продолжает прирастать газом: возле «Кита» нашли «Дельфина», 6.11.2011. [Электронный ресурс] <http://txt.newsru.co.il/finance/06nov2011/dolfin306.html> [Дата доступа: 04.09.2012].

Пробное бурение месторождений «Сара» и «Мира» состоится до середины 2012 года, 8.08.2011. [Электронный ресурс] <http://txt.newsru.co.il/finance/08aug2011/gaz8015.html> [Дата доступа: 04.09.2012].

Barkat, A., «Israel's gas reserves worth $130b» [Электронный ресурс] <http://www.globes.co.il/serveen/globes/docview.asp?did=1000725934&fid=1725> [Дата доступа: 23.01.2013].

Кобызев, Д. И. Российско-израильское сотрудничество в топливно-энергетическом секторе. 2006. [Электронный ресурс: Институт Ближнего Востока] [Режим доступа:] <http://www.iimes.ru/?p=5144> [Дата доступа: 22.01.2013].

Израиль делится опытом в сфере энергетики с Литвой и Молдовой, 16.11.2011. [Электронный ресурс] <http://izrus.co.il/dvuhstoronka/article/2011-11-16/16148.html> [Дата доступа: 23.01.2013].

Опубликованы подробности визита Путина в Израиль, 01.08.2012. [Электронный ресурс] <http://cursorinfo.co.il/news/novosti/2012/08/01/putin/> [Дата доступа: 08.09.2012].

Израильский бизнесмен предостерег от сделок с «Газпромом», 27.06.2012. [Электронный ресурс] <http://www.jewish.ru/news/israel/2012/06/news994308831.php> [Дата доступа: 05.09.2012].

Израиль хочет подключиться к трубопроводу, 14.11.2006 [Электронная газета «Энергетика и промышленность России», ноябрь 2006 г., №11] <http://www.eprussia.ru/epr/75/5192.htm> [Дата доступа: 22.01.2013].

Коган, А., Гантман, И. Эстонская реклама: пользуйтесь газом, им уничтожали евреев [Электронный ресурс] <http://izrus.co.il/diasporaIL/article/2012-08-24/18849.html> [Дата доступа: 23.01.2013].

Марьясис, Д. А. Израиль. Экономический обзор: март 2012 г. [Электронный ресурс: Институт Ближнего Востока] <http://www.iimes.ru/rus/stat/2012/27-04-12b.htm> [Дата доступа: 08.09.2012].

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

В. Брио

«И голос музы я услышу…». О литературном творчестве Мордехая Цви Мане

В творческой и личной судьбе Мордехая (Мордхе) Цви Мане (1859–1886) наряду с ярко индивидуальным просматриваются черты того общего, что характеризовало пути и судьбы российских евреев в конце XIX – начале XX вв.

Его имя и творчество не относятся к широко известным, поэтому напомним основные вехи его биографии. Он был поэтом и художником, но таланты его не успели раскрыться в полной мере: в 27 лет он умер от чахотки. Его литературное наследие было издано друзьями спустя 10 лет в 1897 г. в варшавском издательстве «Тушийо» («Тушия»), – небольшой том (разделенный на две части), который включает стихи, письма, статьи, эссе. Это собрание сочинений Мане открывается биографическим очерком, написанным его другом Арье Лейбом Шейнѓаузом (1865–1935). Позднее о Мане писали Яков Фихман, Йосеф Клаузнер, Яков Рабинович, Хаим Торен.

Наиболее известно его стихотворение «Стремление души» (1886 г.), одно из первых силлабо-тонических стихотворений в поэзии на иврите. Оно было положено на музыку, кажется, даже неоднократно, и переведено на русский язык Лейбом Яффе (1898 г.).

Свой самостоятельный путь в жизни и в культуре Мане начинал в Вильне. Он прибыл в этот город семнадцатилетним юношей в 1876 г. из родного местечка Радошковичи, учился в иешиве, затем – в Школе рисования, о которой мечтал и ради которой и отправился в город. Из Вильны он поедет учиться в Петербургскую Академию художеств. Вильна оказала влияние и на творчество, и на формирование личности Мане и определила его судьбу: там он утвердился в своем призвании художника, там проявился его поэтический талант. На протяжении долгого времени этот город был местом сосуществования разных культурных традиций. Пребывание в Вильне дало возможность Мане приобщиться к другим культурам. О типичности такого пути писал Цви Прейгерзон: «Маршрут мой был в то время типичным для многих еврейских душ. Из глухих местечек вела нас эта дорога к вершинам образования» (Прейгерзон, 2010, с. 32).

Мане впервые в жизни попал в большой город. Он увидел его как особый мир. Впечатления поэта нашли отражение в его стихах и письмах; письма представляют собой оригинальную эмоционально-лирическую прозу.

> «Небо скоро прояснилось, и свет дня залил стены города и величаво возвышающиеся дома, крашенные зеленым и красным, крытые жестью великолепные крыши. Кареты и телеги летят, грохочут по мощеным камнем улицам. Веселый многолюдный большой город представился моему взору», – перед нами не зарисовка виленского вокзала, а, скорее, картина большого города. Этот мир поражал поэта вначале движением, шумом, темпом жизни: «…такой большой и шумный город как Вильна… город многолюдный, улицы которого наполнены шумом экипажей и дрожек, снующих во все стороны, город, улицы которого шумят голосами множества суетящихся людей, приезжающих сюда со всех концов, город, в котором нет человека, который бы не трудился целый день без передышки, добывая пропитание…» (Mane, 1897, II, am.140–141)[1].

В дальнейшем в описаниях появляются конкретные, свойственные именно Вильне детали: «Прекрасные дачные домики, утопающие в зелени так, что видны лишь крыши да верхушки благоухающих цветущих яблонь» (Mane, 1897, II, c.152).

Но настоящим открытием для Мане стал не столько город сам по себе с его архитектурой (виленским барокко), сколько его живописные окрестности. Такова Вильна в его стихах: прекрасная природа в красках и запахах, а город общим планом внизу, что соответствует реальной топографии (город расположен в окружении холмов) и восприятию поэта, романтически возвышенному над земным; именно окрестности видятся идеальным пространством для творчества.

В виленские горы вышел я погулять.
Взобрался на высочайшие вершины.
Здесь тишина, и веет легкий ветерок,
И сухие травы.

Я чистый, сладостный воздух вдыхаю,
На крыльях орлиных возносится мысль,
Здесь вся природа мне улыбается.
И Вильна в долине пред взором моим.

---

[1] Перевод с иврита здесь и далее – наш (В.Б.).

«На горах Вильны», 1880 (Mane, 1897, I, с. 26–27).
Al horey Vilno yotsosi loshuakh,
Va-yleys heyfalti ad giv’eys talpiyeys;
Pey sheyket, pey ruach noim yophuakh
Ve-yitsuey deshe pey sakhtay ka-yriyeys.

Mi-yam ruach tsakh shoafti kol meged,
Ki-nshorim la-moreym nis’u rayeynay;
Makhozeys ha-teva li tsokhku mi-neged,
Gam Vilno bo-emeq pey neged eynay[2].

В стихотворении «Души отрада» (Marpe le-rukhi) он писал о силе красоты природы, врачующей душу:

Если все чувства мои немеют,
И душа поражена мрачной тоской,
От дыханья природы я вновь оживаю,
И свет беспечальный лицо озаряет (Mane, 1897, I, с. 26).

Im gam kol rigsheysay neelmu dumiyo,
Nafshi nidhomo al ponay tsalmoves;
Mi-pnei ha-teva khish okum li-skhiyo
U-fonay yinhoru mibli atsoves!

Мане один из первых ивритоязычных поэтов, вслед за Михой Йойсефом (Йосефом) Лебенсоном, обратился в стихах к изображению природы. Мане задался вопросом, почему он «увидел» природу, лишь перебравшись из сельской местности в город, и объяснил это спецификой еврейской местечковой жизни:

> «Окрестности Радошкович чужды мне, как и окрестности Варшавы. Ребенком я никогда не выходил погулять... Мог ли мальчик оставить узкий и мрачный хедер и прогуливаться в садах, любоваться розами, голубым небом, дышать чистым воздухом? ...Но когда величие природы коснулось моего сердца… когда, словно свиток, раскрылись предо мной небеса[3], и все краски

[2] Цитаты из стихотворений в оригинале транслитерируются в соответствии с произношением, которым, скорее всего, пользовался автор. Исторически, фонетическая реализация древнееврейского определялась фонетикой родного языка автора. Родным языком Мане, уроженца Белоруссии, был северный (литовско-белорусский) идиш, и мы воспроизводим ашкеназское произношение и стараемся передать диалектные особенности (комец – как [o], а не [u], шурек – как [u], а не [i], хойлем – как [ey], а не [oy]). При этом недоразличение /s/ и /š/ не передается (Прим. ред.).

[3] Мане цитирует здесь пророка Исайю (Ис 34:4).

земли, и всё, что на ней, и язык творенья, которого я не знал, стал мне внятен, тогда природа вовремя открылась мне в прекрасных виленских окрестностях... дух мой прорвался тяжелой волной, словно сдерживаемые воды излились бурными потоками, и новые чувства – красоты – заполнили душу… В сердце своем я ощутил любовь и райское блаженство, слушая голос соловья по вечерам. Всё это я нашел в Вильне. Природа говорила мне там ясным языком, потому что любимые и верные друзья были со мной, там видел я и чувствовал и красоту, и святость, и любовь» (Mane, 1897, II, с. 192–193).

Письма Мане, подробные (часто многостраничные), написанные выразительным библейским языком и изящные стилистически – не случайно он пишет и о своей любви к ивриту, – легко складываются в своеобразный эпистолярный роман, в единый текст. Из них можно узнать о некоторых чертах повседневной жизни, об особенностях быта их автора, его трудностях и горестях (а всё это в значительной мере типично для молодого горожанина того времени, приехавшего из провинции). Он пишет о своих успехах в учении и в рисовании, о похвалах учителя, директора; о покупке книг, об изучении русского языка; время от времени подводит итоги. Он поражает ранней зрелостью, осознанием ценности своего дарования и предназначения, ясностью представления о своей цели и понимания необходимых усилий и даже лишений. Он поражает силой духа и чистотой помыслов. При этом вполне трезвый взгляд на жизнь принадлежал романтику и идеалисту. Письма Мане содержат обширные описания природы, тонкие по колориту и по стилистике, в которых ярко проявляются оба его дарования: поэта и художника; письма интересны также серьезным и глубоким психологическим самоанализом.

Мане признавал важную роль Вильны в своем духовном развитии:

«В Вильне горнило, в которое излил я сердце и душевные порывы; там источник, в котором сложились и упорядочились мои душевные движения. Свежий ветерок, веющий там на вершинах гор, оживил каждую мою мысль, там впивал я богатство природы, покой и негу её, словно струящуюся холодную воду, успокаивавшую пламень сердца. Там важные события затрагивали мои струны и даже в тяжкие времена пробуждали высокие помыслы» (Mane, 1897, II, с. 158).

И в другом письме:

«…хотя я не люблю больших городов с их толпами, шумом, но Вильна вызывает в моем сердце только любовь, и как ребенок предпочтет корку хлеба из рук матери жирному куску из чужих рук, так и я люблю Вильну со всеми тяготами и горестями» (Mane, 1897, II, с. 158).

В нелегкие дни одиночества в Вильне Мане открыл для себя русскую поэзию. Взявшись за изучение русского (как и немецкого) языка, и сначала видел в этом нелегкую обязанность. После первых нейтральных сообщений информационного характера: «в свободное время надо изучать русский язык», «я изучаю самостоятельно русский язык» (Mane, 1897, II, с. 142), – он дал волю эмоциям в письме к Цви-Ѓиршу и Аврому Сахарам (своим землякам, посоветовавшим ему отправиться в Вильну учиться рисованию):

> «Я вышел из сада иврита, райского сада, где Древо познания и Древо жизни, чтобы срывать листья кустарников в саду русского языка. Вышел? Нет! Нет! Изгнан я из моего райского сада, в котором вскормлен в дни юности, в котором пил живую воду из источников, истекающих из Божьего дома. Изгнан я и вынужден искать пути в русском языке без учителя и наставника… Надеюсь, что еще вернусь в лоно иврита. Этот язык для меня свят. На нем я излил душу мою, с его помощью приобрел друзей навеки, клятву верности дал ему. Что ж, подожду немного, и наступят дни, когда я вернусь к нему и никогда его не оставлю» (Mane, 1897, II, с. 151).

Несмотря на столь драматическое переживание перехода на другой язык, учится Мане со всем усердием, о чем свидетельствует его письмо к другу Шмуэлу Чижу: «Я учу русский язык, записываю все свои мысли на этом языке, – это в ущерб иврриту, но делать нечего…» (Mane, 1897, II, с. 151).

Однако спустя какое-то время юноша вдруг испытал радость, которая вознаградила труд. Теперь он с восторгом пишет Шмуэлу Чижу, что проводит время в библиотеке за чтением русских книг:

> «Я нашел новый источник услады, занятие для души. Всякий день хожу я читать русские книги в публичную библиотеку. Ах! Перо мое не в силах описать царящей там глубокой тишины (расскажу о возвышенных минутах!) …я постоянно читаю русские книги и, кроме писем к тебе, не буду писать ничего на иврите, и все думы, вырывающиеся иногда у меня, буду записывать по-русски. Знай же, Шмуэл, до сих пор был я уверен, что русский язык не способен взлетать на крыльях поэзии и вдохновения, как иврит или немецкий. Но теперь вижу, что этот язык как глина в руках сочинителя, и хороший сочинитель делает из него основание для созидания красоты. И я читаю книги, полные смысла и хорошего вкуса, и величие поэзии звучит в них словно нежная мелодия» (Mane 1897, II, 160).

Это свидетельство юного поэта – как будто иллюстрация к идее Ю. М. Лотмана: «изучение языка невозможно без эстетического переживания этого языка. <…> Хорошо звучащий, красивый текст на том или другом языке имеет прямое отношение к восприятию этого языка» (Лотман 2003, с. 180).

Позднее он будет делиться с корреспондентами мыслями и чувствами, которые рождала в его душе русская поэзия. Например, в письме к другу и земляку Арье Лейбу Шейнѓаузу о стихотворении Пушкина «Эхо» читаем:

> «До сих пор я беспрекословно верил всему, что написано возвышенным поэтом Пушкиным, и не позволял себе ни в чем усомниться. Твое милое письмо, что пришло сегодня, породило у меня сомнение и привело к мысли, что не все, вышедшее из уст его, правильно. Стихотворение «Эхо» заканчивается словами:
>
> Ты внемлешь грохоту громов,
> И гласу бури и валов,
> И крику сельских пастухов –
> И шлешь ответ;
> Тебе ж нет отзыва… Таков
> И ты, поэт!
>
> А ты ответил мне, словно милое эхо, на мое маленькое стихотворение! Нет, подумал я, ведь если слова Пушкина увлекают тебя, – ты, словно эхо, отвечаешь голосом величия на голос любви. Только слепые и глухие сердцем не откликнутся на голос поэта, так же, как горы и холмы, деревья и травы полевые не ответят на голос эха. Эхо – дыхание жизни… И поэт тоже дыхание жизни в мире, и он ответит эхом любви на голос чистого сердца, и только люди бесчувственные будут стоять перед ним и не протянут ему любящей руки… Счастлив человек, когда голос его сердца найдет путь к другому чистому сердцу: тогда ответит эхо на красоту и величие, и с течением дней сольются эти голоса в прекрасный напев на струнах арфы любви, небесный напев, какой лишь серафимам под силу сыграть Царю славы, и который лишь знающие любовь услышат и поймут. А толпа, что движется, спешит вокруг нас, не услышит ни звука из этого, и очень мало избранных, чьи души устремлены ввысь и там находят источник радости вместо суетных удовольствий, которые остаются тем, кто ищет радостей земных» (Mane, 1897, II, с. 193–194; отрывок из стихотворения Пушкина Мане привел в своем переводе на иврит).
>
> Takshiv gam tayzin ba-galgal keyl raam,
> Keyl sufo u-soro, keyl galei zaam,
> Keyl karnei ho-reyim, keyl kheylem paam,
> Gam laynot tis'orer;
> Rak keylkho, heyd horim, yayle ba-teyhu!
> Rak lokh eyn makshiv, eyn eyne… komeyhu
> Gam ato ha-msheyrer!..

В этом коротком вдохновенном высказывании, в котором тема отзвука разработана вариациями, звучат и другие мотивы пушкинской поэзии, как

видно, хорошо усвоенные юношей: поэт и толпа, поэт – избранник, избранный круг друзей.

Мане переводил русских поэтов. Кроме того, русская литература повлияла и на его оригинальное творчество. В 1880 г. он написал стихотворение «Миг счастья моего» («Eys oshri») – импровизацию на тему лермонтовского «Когда волнуется желтеющая нива…». В нем он идентично передал тему, структуру и поэтические приемы оригинала, как пишет в своем анализе этого стихотворения З. Копельман (Копельман, 2000, с. 111–114). Однако в собрание его стихотворений вошел только перевод лермонтовской «Молитвы» (также упомянутый в статье З. Копельман).

Читателем он был внимательным и благодарным, о прочитанном размышлял, произведения русских писателей побуждали его к творчеству, давали пищу для размышлений, которые он мог излагать на любимом иврите. Сочинения в прозе в жанре эссе, возможно, были своего рода упражнениями, как, например, «О любви», или «О воспоминании» – это эссе навеяно, вероятно, статьей Н. М. Карамзина «Мысли об уединении» (1802), цитату из которого Мане приводит. Такие прозаические опыты часто носили дневниковый характер, как, например, эссе «Об одиночестве».

Юноша мечтал стать художником, видел в этом свое призвание. В Петербургскую Академию, после сложного экзамена, он был принят, как и его товарищ по Виленской школе рисования Моисей Маймон. Именно в это время, в 1880-е годы, в Академии художеств стали появляться студенты-евреи (Бейзер, 1990, с. 22–23): там учились также скульптор Илья Гинцбург, живописец Юда (Иеѓуда) Пэн.

Поступив в Петербургскую Академию художеств, Мане много работал – и в рисовальных классах, и для заработка, для пропитания. Жил он, по всей вероятности, на Васильевском острове, где обычно селились студенты Академии. Мане упоминал в письмах Еврейский сиротский приют, где провел праздник Суккот после приезда. Приют, основанный супругой барона Г. Гинцбурга, располагался на Десятой линии, в доме №37 (здание сохранилось) (Бейзер, 1990, с. 110). Опять, как и в Вильно, жилось нелегко, рассчитывать приходилось только на помощь благотворителей. Одним из них был А. Кауфман, который также давал юноше работу (вроде секретарской) и платил за нее. Хватало только на самое необходимое, однако Мане был полон надежд, о чем и писал словами из трактата «Поучения отцов» (*Пиркей овес, Пиркей авот*): «я доволен своей участью» – в письмах друзьям и родителям. От материальных трудностей он уносился в мир мечты и воображения, как это делал еще в Вильне. Стихи становились выражением душевной жизни, в них он изливал душу, искал форму выражения богатых впечатлений:

Не покидай меня, грустная мелодия,
Волнуйтесь, чувства, без устали,
Пролей, око, незаметно слезу,
И голос Музы моей я услышу! (Mane 1897, I, 102).
Lokheyn, yogeyn noim, al no sitsheyni!
Sayru, rigsheysai, mibli kol matloo!
Heyridi va-seyser dim'o, bas eyni,
Akh kol bat shirosi lu oz eshmoo!

«Произведения Мане – повесть его душевной жизни», – как справедливо писал Саул Гинзбург (Гинзбург, 1897, с. 27).

Мане с некоторым недоумением замечал, что от встречи с Петербургом не испытывает воодушевления, подобного тому, какое было в Вильне. Вероятно, прежде всего потому, что ожидание, о котором он бегло упоминал в предыдущих письмах, не оправдалось сразу. Он пытался объяснить это с точки зрения психологии: с возрастом притупляется сила впечатлений. Интересно, что эти раздумья приводили его к вопросу, очень важному для него в то время, которым он неоднократно задавался и делился с друзьями: поэт ли я?

> «Уже три недели я в главном городе, в большой царской столице, но уста мои молчат. Если Вильна извлекала из моего сердца потоки мыслей, которыми я заполнял множество писем, то неужели столица не пробудит в груди моей никаких чувств и мыслей? Признаюсь, что этот город в его красе и величии не воздействует на меня так, как Вильна. Не знаю тому причины, разве что привык я уже видеть прекрасное и таинственное, или оттого, что душа моя вышла уже из границ детства и отрочества, и впечатления окружающего стали многочисленными, ослабела их былая огненная яркость, и такие картины не приводят в возбуждение все чувства мои, не горячат кровь сильными впечатлениями, – и потому на царскую столицу гляжу я холодным взором. Однако так было, пока хлопоты охлаждали меня, но в спокойные минуты узнал я и отраду. В такие минуты покоя каждодневные события предстали передо мною во всем богатстве своей красоты, каждая вещь осветилась светом своего смысла, и я удивился: как же молчала душа при виде этого зрелища во всей красе его?
>
> Прежде, в дни отрочества, я сразу чувствовал огонь вдохновения, пылавший в сердце, когда записывал свои задушевные мысли, и словно речной поток текли из-под пера моего подобающие тому высокие слова. А теперь не знаю: в силах ли я выразить в слове то, что чувствую в душе?..» (Mane, 1897, II, с. 164).

И, тем не менее, в письме передано непосредственное отражение впечатлений. Петербургские письма Мане интроспективны: описывая город,

автор сосредоточивается на собственных ощущениях и мыслях. Вот фрагмент его описания Петербурга:

> «Огромный мост вознесся высоко и соединил два берега очень далеко друг от друга отстоящих. Чудеса! Как человек с его слабыми силами может так много изменить на земле! На каждом шагу только камень и железо, всё крепко и мощно. Целый лес мачт вздымается у берега реки, и огромные пароходы со всех концов земли покоятся на воде. Прекрасный царский дворец во всей красоте и мощи возвышается на берегу реки. Рядом Эрмитаж, хранящий внутри произведения искусства знаменитых мастеров со всего мира. Там все чудеса, всё прекрасное. Но пока он закрыт до первого дня месяца сентября. Так что, с Божьей помощью, пойду и увижу все его сокровища. Парки и сады с высоко взлетающими струями фонтанов тоже располагаются на берегу. А на другой стороне – Академия наук и Академия художеств [рус.], величественные здания высятся прочно и гордо, там музеум, собрание всех чудес и всех ценностей. Но кто сочтет все дворцы, возвышающиеся на берегах этой огромной реки? Кто извлечет из пера своего описание всех красивейших улиц, колоннад и памятников из мрамора и металла великим людям и царям…» (Mane, 1897, II, с. 166).

Петербург для Мане – во-первых и в-главных – «царская столица» (*kiryas meylekh*), резиденция царя, – и в этом смысле он изоморфен Российской империи; а также средоточие цивилизации, отсюда некоторая апология величия, силы, мощи, здесь всё огромно, прочно, «камень и железо», «мрамор и металл». Картина Петербурга в письме Мане может быть соотнесена с произведениями Петербургского текста (Брио, 2006, с. 307–316). В нем легко обнаруживается та «близость разных описаний Петербурга, как у одного и того же, так и у различных авторов», о которой писал В. Н. Топоров (Топоров, 1995а, с. 278).

Неизгладимое и совершенно особенное впечатление произвела на него встреча с морем.

> «На третий день по прибытии ходил я с N. взглянуть на море, лежащее за городом в своей редкостной и величавой красоте. Я утомился от долгого пути, но забыл об усталости, когда впервые в жизни увидел этого великана. Воды его были покойны и тихи, словно затвердели и застыли, а небосвод и берега слились воедино в бесконечном просторе. Солнце садилось в море, золотистые пестрые тучи покрывали небо, а внизу видел я второе солнце в тучах, такое же, как в небе вверху, и это было чудесное зрелище! Мы уселись на берегу отдохнуть и увидеть, как солнце погружается в пучину. Пароходы, крепкие и мощные, покоились на поверхности, гигантские английские корабли, что пролагают в море пути, – и все другие суда против них как саранча рядом с великанами. Мелкие волны касались берега с приятным шумом, и хребты их

сверкали в лучах солнца. Медленно-медленно опускалось солнце всё ниже, ниже, а морское солнце, напротив, поднималось всё выше и выше, пока не соединились они словно близнецы; через мгновение они исчезли из виду. Товарищ мой заговорил с кем-то, а я остался, охваченный своими мыслями. Душа моя опустилась и погрузилась в пучины раздумий. Что воображал я и о чем думал? Не знаю, но есть минуты особенные в жизни человеческой, минуты, что дороже золота – в жизни, наполненной хлопотами и страданиями; мгновения полного счастья и райского блаженства; миг, когда душа сбрасывает с себя житейские одежды; оставляя тело сидеть или лежать безмолвно и неподвижно, безжизненным, словно статуя, – и простирает она крылья к алтарю духа и из этой малой и ограниченной вселенной поднимается и плывет в бескрайние просторы, и мысли тогда тоже без конца и края, и нет границ видимому, когда небеса простираются в Божий простор без теснин.

Много раз уносился я духом в такие воображаемые странствия, и всегда – в минуту, когда новое чудесное зрелище увлекало меня с огромной силой; и особенно потому, что был я впечатлительным мальчиком с минуты, когда начал учиться рисованию. Божий мир обнажил тогда передо мною разные сокровища его красоты, спрятанные и скрытые от глаз других людей. Как прекрасен мир и как приятен для человека зрячего! На каждом шагу увидит он тысячи чудес и прекрасных зрелищ. Даже предметы, не представляющие ценности, в которых нет ничего особенного, – если изобразит их художник киноварью, бросит на поверхность их чистый свет и нанесет мягкие и тонкие тени, и будет каждый предмет на своем месте, – то представит он прекрасную картину, так что изумятся все, кто увидит ее. А отчего же не изумлялись при виде того же в его естественном облике, на его месте, когда солнце, чудесный художник, бросало на него свет свой?» (Mane, 1897, II, с. 167).

Такова взволнованная, эмоционально и интеллектуально насыщенная проза поэта. Это большое письмо – прекрасный ее образец. В этом отрывке хорошо видно уникальное соединение двух дарований Мане. Описание моря в этом тексте передает, как кажется, в точности ту особенность его восприятия и отражения в «морской поэтике», о которой говорил В. Н. Топоров: «описывается не само море, не только оно, а нечто с морем как зримым ядром связанное, но несоизмеримо более широкое и глубокое, чем просто море; скорее – «морское» как некая стихия и даже ỳже и точнее – принцип этой стихии, присутствующий и в море и вне его, прежде всего в человеке, и довольно однообразно семантизирующийся». Этот «морской код», как называет его В. Н. Топоров, связывается с «опытом переживаний, который вернул бы человека к себе» (Топоров 1995b, с. 578, 580).

Академия Художеств – центр описания, под пером Мане ее здания превращаются в грандиозный и величественный храм искусства, не случайно упомянуты и музеи.

> «Но всё это словно ничто в моих глазах в сравнении с Академией. Перо писателя не в силах описать в словах все чудеса, что содержит она. Повсюду беломраморные скульптуры. Длинная бесконечная анфилада из двадцати пяти комнат наполнена отличными гипсами (антики), так что удивляется и трепещет каждый увидевший ее. Но эта галерея только коридор по сравнению с музеем картин (собрание рисунков). Там новый мир, заполненный до предела прекрасными рисунками знаменитых во всем мире людей. Все стены от пола до потолка увешаны картинами. Даже высокие круглые потолки покрыты рисунками. Бесчисленные комнаты, в которых трудно найти путь обратно. И мы с товарищем моим тоже плутали в первый раз, пока отыскали выход. Там начинается галерея архитектуры, вот там мастерство!.. Создания ангелов, а не рук человеческих. Есть там рисунки такими тонкими линиями, что они почти не видны, а в некоторых внутри, в одной точке изображение человека, словно живого, но не буду рассказывать, чтобы не умалять. Это похоже на сон.
>
> И во все эти галереи разрешается любому человеку приходить и рисовать, сколько его душе угодно. И всё это только часть прекрасного здания, и кто знает, что еще находится там, где бывают только ученики. Описать все эти чудеса не хватило бы ни дней, ни лет; но довольно» (Mane, 1897, II, с. 168–169).

Об Академии он пишет и в других письмах: подробно рассказывает о видах и характере занятий, о содержании учебных курсов, о выставках, экзаменах; описывает праздники. Даже если не пытаться сопоставить описание Мане с русской литературой, в определенный момент вспоминается «Прогулка в Академию художеств» К. Н. Батюшкова (1814). Конечно, у них отчасти один предмет описания и, в сущности, одна цель; однако рассказ о самой Академии значительно отличается: адресаты их очень разные, – молодой человек Мане видит впервые не только выставленные в Академии предметы искусства, но и сами здания, и рассказывает о них людям мало сведущим в этом, и так, чтобы быть понятым (то есть, в какой-то степени адаптирует); – в отличие от персонажа Батюшкова – знатока и ценителя искусства.

В Петербурге Мане продолжал свои общеобразовательные и литературные занятия, он познакомился с поэтом Иеѓудой Лейбом Гордоном, его стихи получили признание также А. О. Цедербаума, издававшего газету на иврите *Ѓа-мелиц*.

Мане стал писать статьи о литературе и искусстве, которые публиковались в периодике на иврите в Петербурге и позднее Варшаве: *Ѓа-цфиро (Ѓа-цефира), Ѓо-осиф (Ѓа-асиф), Кнесес Исроэл (Кенесет Исраэль)*; он также иногда рисовал обложки для этих изданий. Это статьи: «Назначение и задачи изящных искусств», «Об искусстве живописи вообще и у евреев в

частности», «Еврейский художник Оппенгейм», «Глаза и наука физиогномика» и др. Среди них и статья «Об искусстве поэзии и о возвышенном», – она является свободным переложением 1-ой части статьи В. Г. Белинского «Стихотворения Лермонтова» (атрибутировано: Копельман, 2000, с. 111–114. Ранее критики называли статью Белинского о Пушкине как источник этого текста).

Интересен подход Мане к статье Белинского. 1-я часть статьи критика (предшествующая анализу лермонтовских стихотворений) представляет собой рассуждения о том, что такое поэзия («Все говорят о поэзии, все требуют поэзии»). Мане использует материал статьи, но по-своему его организует, компонует по-новому, выстраивая в четкую логическую структуру. В начале статьи он ставит три вопроса (обозначив их цифрами): 1) что такое поэзия? 2) кто такой поэт в отношении других людей? 3) какова цель поэзии? – на которые и отвечает далее, стараясь не отступать от обсуждаемой темы, как это постоянно делает Белинский (у Белинского эти вопросы ставятся, но они не выделены). Характер переработки включает части, переведенные полностью и точно, сокращенно или свободно, а также пересказ, перестановку отдельных абзацев, добавление собственных рассуждений. Всё это относится и к многочисленным стихотворным цитатам из русских поэтов: Мане перевел те, что приводятся в статье русского критика, но дополнил их и своими примерами.

Проиллюстрируем способ переработки Мане.

> **Белинский**: «Что же такое поэзия? – спрашиваете вы, желая скорее услышать решение интересного для вас вопроса или, может быть, лукаво желая привести нас в смущение от сознания нашего бессилия решить столь важный и трудный вопрос… То или другое – все равно; но прежде, чем мы вам ответим, сделаем вопрос и вам, в свою очередь. Скажите: как назвать то, чем отличается лицо человека от восковой фигуры, которая чем с большим искусством сделана, чем похожее на лицо живого человека, - тем большее возбуждает в нас отвращение?» (Белинский, 1978, с. 220).
>
> **Мане**: «Что же такое искусство поэзии? Прежде чем ответить на этот вопрос, зададимся другим: чем отличается лицо живого человека от изображения человека, сделанного из воска?» (Mane, 1897, II, с. 76).

Мане взял квинтэссенцию рассуждений Белинского и изложил его мысли очень кратко, но его статья не стала при этом сухим перечнем, она написана возвышенным риторическим стилем. Несомненно, такой реферат – творческая переработка.

В этой статье Мане привел собственные переводы стихотворных отрывков, что свидетельствует об интенсивной работе автора. Это стихотво-

рения (или отрывки из стихотворений или стихотворных драм) Пушкина: «Эхо», «Поэт», «Поэт и толпа», «Разговор книгопродавца с поэтом», «Моцарт и Сальери»; Веневитинова: «Поэт»; Лермонтова: «Не верь себе»; Баратынского: «На смерть Гете»; Некрасова: «Блажен незлобивый поэт…» (написанного в 1852 г. и которого, естественно, не могло быть у Белинского). Мане включил и другие стихи, которых нет у Белинского: Гете (4 отрывка), Шиллера (2), Гейне (1); цитирует он и ивритоязычных поэтов Михаля (Миху Йойсефа) Лебенсона и Нафтоле Ѓерца Вессели (Нафтали Герца Вайзеля) (2). Среди отсутствующих у Белинского – стихотворение Пушкина «Муза». Можно предположить, что Мане добавил его по своему вкусу. Но более вероятно, думается, что он опирается здесь на другую работу Белинского – пятую статью о Пушкине, где «Муза» представлена в сходном контексте: Пушкин «рассказал о своем художественном призвании, почувствованном еще в лета отрочества» (Mane, 1897, II, c. 269). Мане излагает свои размышления о Музе поэта (у Белинского этого тоже нет), приводит стихи Гёте. Его рассуждения о поэте и поэзии обширнее, чем в статье критика, и не случайно, ведь Мане – поэт.

Характер переработки статьи Белинского убеждает в том, что для Мане важны теоретические аспекты (не случайно экскурсы критика в русскую историю и историю литературы поэт, пишущий на иврите, не воспринял). Причем сосредоточился на теории и общей эстетике поэт не только и не столько в целях самообразования. У него появилась просветительская цель, об этом он немало писал в письмах последних лет: он считал очень важным как распространение эстетических знаний и представлений среди молодежи, особенно местечковой, так и пробуждение интереса к таким знаниям. Мане даже планировал написать книгу «для того, чтобы пробудить любовь к этой науке в сердцах нашей молодежи, так как нет до сих пор такой книги на иврите» (Mane, 1897, II, c. 174). Другая причина обращения к теории – в том, что Мане по существу попытался создать теорию для своей родной литературы. У Белинского он взял то, что касалось литературы, поэзии вообще, что годилось для применения к «своему». Есть у него и попытки, как кажется, если не создания целостной терминологической системы на иврите, то, во всяком случае, создания эквивалентов для отдельных терминов. Например, он пишет: לבבו יפעם בשבי ארך «levovey if`am be-shvi-erekh», а в скобках: (הארמוניע – Harmonie); בית-המשחק «beis-ha-miskhok» (טהעאטער – Theater); «rigshei ha-yeyfi ve-ha-noam» (אסטהעטישעס געפיהל – ästetisches Gefühl). Мане приводит в скобках термин по-немецки или дает его транслитерацию еврейскими буквами[4].

[4] Оригинальные термины именно немецкие: Мане изучал также и немецкую литературу и эстетику и усвоил ее термины; немецкие термины употреблялись и преподавателями Академии художеств.

Укажем здесь же другие переводы Мане из русской поэзии: в другой его статье «Глаза и наука физиогномика» в качестве примеров приводятся отрывки из Державина, Вельтмана, Кольцова. О других переводах уже говорилось.

Были у Мане и стихотворные опыты на русском языке. Одно из таких стихотворений хранится в собрании его рукописей в Национальной библиотеке Израиля: это короткое посвящение девушке – стихотворный комплимент в духе русской поэзии начала XIX века, Мане хорошо известной.

Случай Мане – не исключение в истории приобщения начинающих еврейских писателей к русской литературе и культуре. Этот процесс зафиксирован письменно, и мы можем проследить в нем две стадии: 1) открытие для себя, увлечение и 2) творческое усвоение и использование как элементов поэтики и структуры произведения, так и теоретических и эстетических разработок для собственной литературы и культуры.

В 1884 году остро проявила себя болезнь Мане, он лечился в Варшаве, много времени проводил дома, в Радошковичах. И по мере сил продолжал увлеченно работать в разных сферах своих интересов: рисовал, писал стихи и прозу, вынашивал замыслы. Родилась и новая мечта: мысль о переезде в Палестину, в чем его поддерживали друзья и надежда излечиться там от недуга (к сожалению, этой надежде не дано было осуществиться). Эта мечта нашла отражение в стихотворении «Стремление души». Важное свидетельство самого Мане о содержании стихотворения находим в письме к товарищу по Академии художнику И. Пэну от 23 марта 1886 г. (написано по-русски): «…Чтобы Вам яснее представить мое влечение к св. земле, я здесь прилагаю новое стихотворение, которое я наднях написал и послал в «Ѓа-Магид», где верно будет напечатано. Это не фантазия, но изложение настоящих чувств» (ОР НБИ, 1215, Mane, 7; сохранены особенности авторской орфографии). Приведем и текст стихотворения в русском переводе Лейба Яффе (впервые опубликовано в 1898 г. в «Восходе» (СПб.), № 4).

Вечереет, и прекрасен
Солнца вешнего закат;
Свод небесный алым блеском
Догорающим объят.

Тишь и нега, всё застыло,
И в листве движенья нет;
На холме сидит печальный
И задумчивый поэт.

Как хорош ты, праздник вешний,
Несказанных полный чар!
В сердце вновь цветут надежды,
В сердце снова юный жар.

Дух больной опять волнует
Новых, мощных дум прилив;
Скорбь и боль сменяет вера
И к высокому порыв.

Тишь кругом, покой и нега…
Чу!.. в безмолвьи крыльев взмах!
Ветерок в лицо повеял,
Шелест в дрогнувших ветвях…

Это аист чернокрылый
С телом белым, словно снег,
Выше, дальше закружился,
Глубь пурпурную рассек.

Если б силы мне, больному,
Если б крылья мне в удел! –
Из чужбины неприветной
На Восток бы я летел.

В край волшебный, где Галеви,
Сиониду спев, почил;
Там на лицах, вновь расцветших,
Наберусь я новых сил.

Где ты, где ты, край священный?..
Страстно рвусь к твоим полям:
Воздух твой душе отрада,
Он целебен, как бальзам.

Воздух твой душе отрада…
Там из сердца льется стих.
Чудный вид, картин счастья
В грезах вижу я моих;

Нивы, дол, росы алмазы
Отблеск солнца золотит,
Песнь здоровой новой жизни,
Песня пахаря звучит.

Звук свирели… гонит стадо
Там пастух на водопой,
Песня девушки живая
Раздается за спиной…

На полях цветущих с песнью
Я возьмусь за вольный труд –
И, быть может, силы снова
К изнемогшему придут.

Скорбь забуду, гнет душевный
И разбитые мечты;
Там узнаю дни отрады.
Дни любви и красоты.

Где ты, край мой? Я к отчизне
Рвусь, как узник из тюрьмы.
О, когда бы вместе к жизни
Возродились оба мы!..

Нисан 1886, Радошковичи (Антология, 1999, с. 162–163).

Стихотворение в переводе Лейба Яффе публиковалось также и в его сборнике «Грядущее», вышедшем в Гродно в 1902 году. Перепечатано оно только в 1999 г. в «Антологии ивритской литературы».

В заключение приведем письмо Мане на русском языке. Письмо ранее не публиковалось, оно хранится в собрании рукописей Мане в Национальной библиотеке Израиля в Иерусалиме (выше приведена выдержка из другого письма – короткого и, в основном, делового, – которое также находится в этом собрании).

Письмо от 17 марта 1885 г. из Радошкович адресовано товарищу Мане по Академии, будущему известному художнику, основателю «Витебской школы» в живописи И. Пэну. Это краткое письмо очень содержательно: оно дает представление о личности автора, о его трагической судьбе и силе духа; оно рассказывает о целом пласте жизни городка и – косвенно – о куль-

турной жизни России. Речь идет о впечатлении от картины Ильи Репина «Иван Грозный и его сын Иван 16 ноября 1581 года», законченной художником в 1885 г.

«Дорогой друг Ю. Пен!

Действительно, слава Богу, что Пасха наступает. Этот праздник освобождения и вместе с тем праздник весны, с такою радостью встреченный всяким, несравненно более дорог для меня. Я проволочил жалкое существование больного в течение зимы, ожидая весны, от которой, по словам докторов, зависит мое излечение. И вот эта весна наступает, предвестницей которой служит наш праздник, ставший гранью между зимою и весною. И так зима прошла, пусть же пройдут и тяготеющие над моей душою тучи, я хочу проникнуться новою надеждою на будущее, я хочу радоваться случаем быть у родителей в этот радостный праздник. Но когда я припоминаю причины, служившие к моему пребыванию дома, в особенности, когда эти причины, эта болезнь существуют и поныне, то невольно становится грустно. Но довольно об этом! Надеюсь еще провести с моими друзьями радостные минуты.

Вы спрашиваете о моих занятиях, но в большей части времени я не был в состоянии ничем заниматься. Во все время только сделал два портрета, заказы из Варшавы, за которые получил 50 рублей. Вообще я избегаю всякой работы, меня утомляет даже чтение, пишу тоже очень мало, так как мой организм теперь слаб и малейшее напряжение меня ослабляет. Когда наши улицы представляли собою сухопутное сообщение, я делывал визит у католического ксендза, у надзирателя города и т.д. и имел некоторое развлечение; теперь же улицы непроходимы и приходится ожидать благодатного действия солнечных лучей или же проливного дождя, чтобы осушить или смыть эту грязь…

На лето думаю оставаться дома. Я уже советовался и с докторами и со знакомыми. Не нужно ли мне куда-нибудь ехать на лето для лечения и выходит в итоге, что: в гостях хорошо, а дома лучше!

Мой друг Вейхенталь (студент) тоже мне писал о картине Репина и по его словам «впечатление производит потрясающее».

Вы безсомненно будете молиться в приютской синагоге, то прошу Вас передать сердечный поклон гг. братьям Биньяминовичам и г. Йохильсону. Надеюсь, что не откажете мне в этом. Прощайте, дорогой друг, до будущего письма.

Твой вечный друг М. Мане.

Сердечный поклон гг. Гершовичу, Маймону, Гродзенскому, Швабскому и всем остальным. Желаю всем веселого праздника.

Мане» (ОР НБИ 1215, Mane, 6).

Библиография

Отдел рукописей Национальной библиотеки Израиля (ОР НБИ), фонд 1215, Mane, лл. 6, 7. (Письма цитируются с сохранением орфографии автора. – *В.Б.*)

Антология ивритской литературы. Еврейская литература XIX–XX веков в русских переводах / Сост.: Х. Бар-Йосеф и З. Копельман. М., 1999.

Бейзер, М. Евреи в Петербурге. Иерусалим: Библиотека «Алия», 1990.

Белинский, В. Г. «Стихотворения М. Лермонтова» в *Собр. соч. в 9-ти тт. Т. 3.* М.: Художественная литература, 1978, с. 216–277.

Брио, В. «Петербург глазами еврейского поэта: Мордехай-Цви Мане» in: *Jews and Slavs*, 2006, vol. 17, с. 307–316.

Гинзбург, С. «М. Мане», *Восход*, 1897, сентябрь, с. 21–32.

Копельман, З. «Два примера порождающей поэтики: стихи М.Ю. Лермонтова в ивритской поэзии» в ж-ле: *Вестник Еврейского университета*, 2000, № 3(21), с. 110–117.

Лотман, Ю. М. Воспитание души. СПб., 2003.

Mane, M. Ts. 1897. *Kol kisve. 2 krokhim*. Warsho: Tushiyo, 1897.

Прейгерзон, Ц. «Княжна: Рассказ» в газ.: *Окна* (Еженедельное приложение к газете «Вести»), 21.09.2010, с. 32–34.

Топоров, В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) в кн.: Топоров, В. Н., 1995. *Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического*. М., 1995, с. 259–367 (a).

Топоров, В. Н. О «поэтическом» комплексе моря и его психофизиологических основах в кн.: Топоров В.Н. *Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического*. М., 1995 с. 577–582. (b).

Źmitrok Biadulia: A Belarusian Jewish writer who was loved by many

> Biadulia's Jewishness and Belarusianess are two different but undivided parts of his creativity. It is impossible to understand the essence of his life and works without these two notions.
>
> Mikoła Ivanoŭ

> Biadulia was one of the most gifted and original of those writers who made their name in *Naša Niva* but continued to play an active role in the development of literature after the Revolution. With *The Nightingale* (Salavej, 1927) and *Jazep Krušynski* (1928) he made an outstanding contribution to the Belarusian novel, whilst the best of his stories from the years 1912–1914 are unusually fine examples of poetic prose, combining impressionistic, romantic lyricism with a psychological perceptiveness unknown in Belarusian literature of the time.
>
> Arnold B. McMillin

Unlike his more famous counterpart from Russian culture, Boris Pasternak, who was brought up in the cosmopolitan spirit of a Jewish secular family and chose not to be considered a Russian Jew, Biadulia apparently felt that his Belarusian and Jewish heritages did not oppose but rather enriched his life. Pasternak's beliefs of the necessity of Russian Jews to assimilate are well expressed in one of his major characters in *Doctor Zhivago*, Misha Gordon. These sentiments are so genuinely rendered that they leave no doubts about how the author felt himself:

> For as long as he could remember, he had never ceased to wonder how it was that a human thing with arms and legs like everyone else, and with a language and way of life common to all the rest, could be so different – a being liked by so few and loved by no one. He could not understand how it was that if you were worse than other people you could not improve yourself by trying? What did it mean to be a Jew? What was the purpose of it? What was the reward or the justification of this unarmed challenge which brought nothing but grief? (Pasternak, 1992, p. 22)

Indeed, and as we will see from the following, Źmitrok Biadulia knew well what it meant to be a Jew, and he did not have a need to justify or question his origin. Consequently, the major intention of the present study is to present his biography and to examine the writer's least-known works with Jewish Belarusian themes.

Źmitrok Biadulia (1886–1941) is the most commonly used pen-name of Samuel (Šmuel) Plaŭnik, a Belarusian, Hebrew, Yiddish, and Russian poet, writer, essayist, critic, editor, and translator. He was born in the small Belarusian town of Pasadziec, currently just a village. Pasadziec was typical of the Pale of Jewish Settlement.[1] Samuel's mother, known in the village "Princess Hana" (for her exquisite manners and natural benevolence) or "Chajmicha" (her husband's name was Chajm), was a seamstress. The family could not afford a sewing machine so she did by hand her stitching, needlework, embroidery and other sewing every night, sometimes till dawn. His father Jafim (Russified version of Chajm) Plaŭnik's employment ranged from a clerk for various trifling businesses to a small-time commercial traveller. There were seven surviving (out of nine) children in the Plaŭnik family. For many years they rented a room from Pasadzec's only blacksmith, Samuel's grandfather. The family was able to afford their own dwelling when Chajm Plaŭnik got a position as an agent for a local timber merchant. By that time Samuel had turned fifteen and was already two years beyond his Bar Mitzvah; at that age he was seen as an adult by his community and one of the rightful "sons of the commandment."

All the Plaŭnik children remember that even in the most trying times, both parents and grandparents strove beyond their means to educate their offspring. The parents' dream (as with anyone in their community) was to make a rabbi out of their firstborn, Samuel. If this dream was to come true, their son would make the family proud for bringing his people closer to God; at the same time, he would win his bread not through manual labor, the worries of trade, or petty commerce but through knowledge, and his commitment to God and to people. The first step in this heavenly dream was an elementary Jewish school, a local kheyder (five years) that was followed by a yeshiva (an equivalent of middle, high school, and college). Samuel parents' dream was shattered to pieces when, after three years of study, at the age of fifteen, Samuel was thrown out of the yeshiva for writing secular love poetry in Hebrew. Addressed to an imaginary Miriam, these poems became firm proof for his orthodox teachers of this student's inability to become a rabbi. To them, secular and romantic poetry were eccentric and unacceptable habits.

---

[1] The following site supplies all Biadulia's work and most of the worthy criticism and memoir about the author: <http://biadulia.ru/articles/3.htm> This site is recent, well developed, and easy to use. The author of this study is grateful to the site's owners for the access to such excellent sources of primary and secondary materials.

While the Plaŭniks' poverty was typical in the Pale of Settlement, where families had many hungry mouths to feed, individually they differed from most of their neighbors. We should keep in mind that the Plaŭniks could not be considered assimilated Jews by any stretch of the imagination. Their originality was expressed in a variety of hobbies, special artistic curiosity, tolerance, and an interest in others. In short, their outlook and manners were more natural, instinctive, and original compared to their neighbors. For example, the blacksmith grandfather was a bookworm who collected books and kept a small library at home, with mostly religious but also some secular texts. Samuel's father was the best fiddler in the area. Samuel's younger brother, Israel, later also became a writer, and all of their sisters were noted singers of Belarusian, Yiddish, Ukrainian, and Russian folk songs. The Plaŭniks' small dwelling was often a gathering place for locals of all ethnicities and faiths who would come for an impromptu concert where the girls will be singing to the father's accompaniment.

Yet Samuel stood out even in this talented family by his industriousness in self-education. Like his grandfather, he read incessantly; however, unlike his grandfather, Samuel became interested mainly in secular European literature: scholarly, fiction, and non-fiction. According to his younger brother, Macvej, as soon as Samuel discovered a public library in Daŭhinaŭ (now the village of Daŭhinava, 20 km from Pasadziec), he would walk there in order to borrow new books once his previous ones were finished. Samuel's friend and mentor Wolf Sosenski, also a bookworm, recommended this library. Sosenski, a minor writer, was incidentally one of the many and major influences on Samuel's interests in Belarusian language and culture.[2] Daŭhinaŭ's library supplied textbooks that ranged from calculus to self – taught German – language materials and included masters of European, Belarusian, Polish, and Russian literature.[3] At the same time, Samuel took his obligations as the firstborn seriously: he worked at various jobs from the age of thirteen. He started teaching in local schools from the age of fifteen and helped his father with office and outdoors forestry work.

Samuel Plaŭnik stopped writing poetry in Hebrew after 1902, and turned to Russian for his poetic expression (the peak of which happened in 1907) but soon

[2] Information about Wolf Sosenski is hard to find. We know that after WWI and the Russian-Polish war he lived in Poland (Warsaw and former Belarusian territories [western Belaruś]) conceded by Lenin's government to Poland (in accordance with the Treaty of Riga, 1921). Some information about him is published in the Belarusian-Yiddish paper "My jašče tut!" (We are still here!) № 23 (November 2006). Sosenski's infrequent correspondence with his Belarusian friends (mainly, like him, former *Naša Niva's* contributors) are dated as late as the middle and end of the 1930s, and show an impeccable knowledge of the Belarusian language. He also collected Belarusian-Jewish folklore. I am grateful for this reference to A. Astravuch and W. Rubinčyk. Mera Gordon, his cousin, also ignited Samuel's interest "to the possibilities of Byelorussian as a literary language" (Rich, 1971, p. 334).

[3] Macvej Plaŭnik "Memoir about Zmitrok Biadulia", <http://biadulia.ru/articles/3.htm>

after, in 1909, Belarusian became the chief language of the poet's muse.[4] Following the advice of Sosenski, he got in touch with a Belarusian newspaper in Vilnia.[5] The Biadulia scholar I. Navumenka discusses this in the following excerpt:

> Biadulia's countryman, W. Sosenski, also a young man who lived in Daŭhinaŭ, did some work for the Belarusian newspaper *Naša Niva*. Once he gave Biadulia, who frequented Daŭhinaŭ's mail office, a few copies of *Naša Niva.*[6] At the same time he informed the editorial staff about the young writer. The response came in the newspaper column "The Mailbox." "If your poet can write poems in Belarusian, he should send them to us. If they are any good, we will be happy to publish them." Naša Niva. 1910. 18 (31) March (Navumenka, 1999, s. 238).

This connection and immediate collaboration with the paper's editorial staff changed Samuel Plaŭnik into Źmitrok Biadulia.[7] Symbolically (for his nature), Biadulia adopted his pseudonym after a kind fairy-tale character from a folk tale, whose vocation was to console poor and orphaned children.

After 1912, Źmitrok Biadulia lived in Vilnia (Vilnius), which became a cultural heaven for the whole Zapadnyi kraj (one of the Russian Imperial names for the GDL's annexed lands) at that time. Indeed, every national language of the area (Belarusian, German, Hebrew, Latvian/Latgalian, Lithuanian, Polish, Russian, Ukrainian, and Yiddish) had its place in Vilnia's multicultural milieu. In the face of this rich multiplicity of linguistic cultures, Biadulia's most prominent role remains in the twentieth-century renaissance of Belarusian literature (1910–1929), where he is as celebrated as Maxim Bahdanovič, Janka Kupała, and Jakub Kołas. In fact, together they are considered to be a major four-star constellation that created contemporary Belarusian literature.[8] McMillin fa-

---

[4] Samuel Plaŭnik's works in Russian were still published in 1910 in Petersburg and Vilnia. (See: Ivanoŭ, 1995, s. 183).

[5] *Naša Niva* (1906–1915), is one of the oldest Belarusian newspapers. It was published in Vilnia and was closed by the tsarist government. Kupała, Kołas, Bahdanovič, Biadulia, and other classics of modern Belarusian linguistic culture led this paper. *Naša Niva* became one of the major agents of the Belarusian National Renaissance.

[6] At that time all newspapers were available predominantly at a post office.

[7] Amongst his other pen-names are: Jasakar, Volny, Iskra, Marylia, Padarožny, and Symon Pustelnik (Belaruskija piśmenniki, 1992, s. 451–466).

[8] Maksim Bahdanovič (1891–1917) and Janka Kupała (1882–1942) were Biadulia's closest personal friends. Though Biadulia's ethnicity and faith were different from Bahdanovič and Kołas, each of them considered the other to be a close family member. Bahdanovič is one of the founders of modern Belarusian literature. Together with Janka Kupała, Bahdanovič is considered to be a fountainhead of Belarusian lyrical, urban, and landscape poetry. His status in Belarusian literature equals that of Alexander Pushkin and Mikhail Lermontov in Russian. Bahdanovič grew up in a family where Belarusian social ethnography, language, and literature were held in high esteem. His literary debut took place in the Belarusian newspaper Nasa Niva (1907). Janka Kupała (Lucevič Ivan Daminikavič) is the founder (together with Kołas) of contemporary Belarusian language and literature. He is a Belarusian poet, playwright, and political activist. Janka Kupała

vorably compares Biadulia with Kupała and Kołas: “No less a romantic than Kupała, Biadulia was related to Kołas by his linking of prose and poetry and, particularly, by the striking creative use he made of Belarusian vocabulary and syntax – despite the fact that, as a Jew of orthodox upbringing, Belarusian was only his second language.” (McMillin, 1977, p. 290). We would dare to point out here that in fact Belarusian was Biadulia’s fourth written (not spoken) language, after Yiddish, Hebrew, and Russian. The miracle of this phenomenon was how Biadulia inverted this natural order and made Belarusian his chief source of linguistic delivery and poetic inspiration.

Vilna’s main attractions for Biadulia were libraries, theaters, museums, cultural and educational institutions, and clubs but, above all, the editorial staff of the literary, political, and cultural newspaper, *Naša Niva.* Biadulia’s first poems in Belarusian appeared in 1910 in *Naša Niva;* soon his popularity among the Belarusian readership grew immensely: by 1912 he was esteemed as one of the most significant Belarusian poets. Biadulia also excelled in writing short stories, novellas, novels, and criticism, as well as translations in Belarusian that ranged from the Ukrainian Taras Shevchenko (1814–1861) to the iconic Yiddish writer Sholem Alejchem (1859–1916). Biadulia is also one of the founders of modern Belarusian children’s literature. For the variety of genres introduced to the modern Belarusian literature, Biadulia can only be compared to his dear friend Maxim Bahdanovič, with whom he shared a Minsk apartment in 1915.

Biadulia himself was an exceptionally gifted storyteller, who created and wrote fantastic fairy tales that were simultaneously original and enhanced with a very rich layer of Belarusian and Belarusian-Jewish folklore. Biadulia carefully collected both types of folklore during his many ethnographic journeys in Belaruś. His own stories, however, labeled him the Belarusian Hans Christian Andersen (1805–1875). And it is not accidental that the writer’s last work “Siarebranaja tabakerka” (A silver snuff – box, 1940) is also a fairy tale that gracefully and passionately examines the eternal struggle of evil and good.

Every piece of writing and memoir about Źmitrok Biadulia reveals and/or pays tribute to this great literary talent who displayed exceptional personal modesty and kindness. Many reminiscences about the Plaŭnik family members would

is his most famous pseudonym among others: Januk Kupała, Marka Biazdolny, Kupalski, Januk z pad Miensku, and Zdanec. Jakub Kołas (1882–1956), poet, prose writer, playwright, journalist, educator, scholar, and literary critic, is closely associated with Kupała as his comrade-in-arms. Their work in the creation of modern Belarusian language and literature has made them Belarusian classics. Jakub Kołas is known by other pseudonyms: Agarak, Adzinoki, Taras Hušča, Tamaš Bułava, Hanna Hrud, Dziamianaŭ Huz, Hanna Krum, Karuś Łapać, Lesavik, Marcin, Mikałaevič, Stary šut, Svoj čałavek. His real name is Mickievič Kanstancin Michajłavič. Jakub Kołas and Biadulia were also attached to each other but were not as intimate friends as Biadulia was with Bahdanovič and Kupała.

note their special warmth and closeness. Janka Kupała's wife offered her impressions about the family's affairs and interactions:

> During the five years of our living together [the two families shared a house in Minsk], I closely observed Biadulia's relationship with his family. For example, there was a strong bond between him and his brother Lyolik (Israel) who lived with them; also Biadulia had a genuine closeness with his father and sisters. These relations were based on love and mutual respect. Biadulia always took care of his family. The entire Biadulia family held the Belarusian language, literature, and Janka Kupała in the highest respect. Kupała had exactly the same sentiments towards all of them, although Biadulia's younger sister, Genia Čaržynskaja, was his favorite.[9]

Biadulia's significant and at the same time exceptional role in Belarusian national rebirth at the beginning of the twentieth century is often overlooked, misunderstood, or understated. His uniqueness came from the fact that he never betrayed his Jewish origin and, at the same time, he accepted Belarusian language and culture as the leading characteristic of Belarusians of all faiths and ethnicities. There were three major tendencies among the educated Jews of Belaruś while the writer developed his own position and firmly stood his grounds. The first trend represented traditional Jewish views and mostly supported Zionism. Its followers hoped to find happiness for Jews in Palestine and dreamt about an independent Jewish state. The second, and lesser number, of educated Jewish youth put their hopes and bets on revolution; they were adherents of different, often Marxist (but at first not Bolshevik) fashions. The third and even smaller (but no less radical) group of Belarusian Jews stood for Russification of all former tsarists' *Zapadnyj kraj*. Ivanoŭ clearly formulated Biadulia's original position for Belarusian national values:

> A Jew by blood, he became a Belarusian in spirit, and together with Janka Kupała and Jakub Kołas, brothers Ivan and Anton Łuckievič, Vacłaŭ Łastoŭski,[10] and others, he became a symbol of Belarusian National rebirth and fight for independence. Źmitrok Biadulia, who was one of the leaders of Belarusian national rebirth, never forgot his Semitic origin and did not separate himself from Judaism (Ivanoŭ, 1995, s. 185).

9 First published: Uładzisłava Francaŭna Stankievič, "Mae ŭspaminy pra Źmitraka Biadulu (My memories about Źmitrok Biadulia) in: Belaruś, 1946, № 11–12; cited from: <http://biadulia.ru/articles/3.htm>

10 Brothers Ivan Łuckievič (1881–1919), Anton Łuckievič (1884–1941) and their friend and colleague Vacłaŭ Łastoŭski (1883–1938) were ardent Belarusian patriots. Distinguished by exceptionally good educations, all three firmly believed in the Belarusian national idea, dreamt about Belarusian national statehood, and worked incessantly to bring their patriotic feelings into reality. Parts of their programs were Belarusian education, a renaissance of the Belarusian language, literature, and culture, and the development of Belarusian media. Needless to say, their work is considered a starting point of modern Belarusian national rebirth.

In his article Ivanoŭ notes that most of Biadulia's Christian friends wished him to convert to Christianity. These suggestions had two major notions. First, they said that if Biadulia converted to Christianity, he would be "completely" like them. The second reason was more sensitive and sensible: there were six hundred anti-Jewish laws in the Russian empire and the poet's friends did not want him to be subjected to these racist and inhumane treatments (Larin, 1929, s. 7).

> Biadulia, however, would not accept such schemes. Instead, he acquired a firm position of a special Jewish representative in the Belarusian national movement. At the same time he did a lot to propagate Belarusian ideas and affairs in the Jewish community. While working at *Naša Niva*, Biadulia prepared many articles in Yiddish for the Jewish press in Vilnia. He was the only one at the time who talked in the Jewish press about the problems of a Belarusian renaissance. Biadulia became one of the founders, editors, and a major contributor to the Vilnia journal *Unzere Gegend* [Our Country]. This journal was founded with an idea to bring the Jewish community closer to the natives of Belarusian lands. Articles about Lithuanians, Latvians [Latgalians], Poles, and Russian Old Believers were published on its pages. However, most of the publications were dedicated to the ethnic Belarusians. Almost all of them were part of his literary works (Ivanoŭ, 1995, s. 185–186).

Biadulia's lyricism is highly pronounced in his historically and socially themed prose. When the Bolsheviks took over, Biadulia first did not accept their ideology. In fact, he was one of their strongest critics. Like Kupała, Kołas, the Łuckievičs brothers, Łastoŭski, and many others,[11] Biadulia viewed Bolshevism with suspicion and considered its party to be a criminal but dangerously populist political force with a great hunger for unlimited power. Despite the fact that his foreboding came true and the Bolsheviks grabbed and used their power inhumanly, after the Russian-Polish war (1919–1921) and the horrors of the civil war (1918–1922), the Bolsheviks looked more acceptable to most Belarusians of all faiths and origins than other political and military forces. These forces, starting with the Russian and German regular armies, and continuing with all kinds of larger gangs and smaller groups of bandits, had Belaruś and Ukraine as their territories during the Civil and Russian-Polish wars. Bolshevik rhetoric between 1917 and 1920 promised survival to civil rights and national cultural independence. We should also add that although Biadulia put up a fight for the right to freedom in creative writing, he had lost this combat by the end of the 1920s (Bende, 1931, s. 75).[12]

As we mentioned earlier, Biadulia's brilliant poetic start and his three years at *Naša Niva* were unprecedented in the Belarusian literature of that time. Its artistic quality was never matched by anyone, including the author himself, in later

[11] In fact, at first a list of the Bolshevik opponents in Belaruś would have been enormous.
[12] Here Bende called Biadulia an anti-Soviet element.

years. By poetic temperament, natural rhythmic vivacity, polyphonic musicality, vigorous use of symbols, lyricism, mysticism, the utilization of vocabulary and syntax, and much more, Biadulia, if he had continued to write in Russian, would have been the closest to Russian *Mlado* – (Young) – *Symbolists*, led by Andrei Bely and Alexander Blok. *Imaginism* (which included peasant poets Sergej Esenin and Nikolaj Kliuev) and *Clarism* (Mikhail Kuzmin) also have parallels in his poetry. Indeed, the richness of the Russian Silver Age was truly close to his heart and transpired in his work; this alone distinguished Biadulia from the Belarusian prodigies of peasant origin, Kupała and Kołas. The latter could be compared with Kliuev but not Esenin, whose ornamental esthetics was closer to more culturally cultivated writers, the symbolists.

It is worth noting that as soon as he became an Executive Secretary of the paper, Biadulia, to avoid self-promotion, rarely published his work in *Naša Niva*. His first collection, *Abrazki* (Images, 1912), published in St. Petersburg, portrays many themes widely used by symbolists: loneliness and isolation, longing for the eternal feminine, the search for meaning in life, mysticism, nature, and many more. *Abrazki* is enriched with typical symbolist tuneful phraseology, where its sound, lightness, and musicality correspond with the author's sense and sensitivity. McMillin underlines the difference in mode of Biadulia's pre-war prose and poetry, where realism was prevalent in the former genre whilst romantic notions (as a form of symbolism) were prominent in the latter (McMillin, 1977, p. 292).

The year 1915 became a turning point for Biadulia: this year did not fulfill his hope for a quick end of war. Instead it brought more horrors of war and Jewish pogroms. In addition, the forced closure of *Naša Niva* caused him to become depressed, which in turn, shut down the poet's inspiration. A change in Biadulia's state of mind came with the February revolution of 1917. He welcomed it with poems *"Nie les šumić"* (This is not the forest that rustles, 1917) and *"Himn voli"* (Hymn to freedom, 1917). Here is an excerpt in McMillin's translation of the latter:

No more are there gallows or death
No lashes nor neither chains.
There is no Tsar – believe in Truth!
There are no bloodstained, evil gods! (McMillin, 1977, p. 295).

From 1917 to 1919 Belarusian independence became a major, and optimistic, theme for the poet. It was clearly expressed in the poem *"Prysiaha"* (A Vow, 1919) and even more strongly in *"Try ściežki"* (Three paths, 1919). Considering that 1919 also brought the Bolshevik destruction of BNR, and Poles were marauding Belarusian lands, one does not need to decode this poem's thesis, where the poet calls for Belarusian self-determination:

One to the west to Warsaw,
One to the east to Moscow
And the third …
… far off, to the very sun. (McMillin, 1977, p. 295)

Together with Janka Kupała, Jakub Kołas, and other Belarusian national cultural figures, Biadulia was forced to collaborate with Soviet rule by the very end of the 1920s. He joined the Soviet Writers Union in 1934. From that time on, his works, which had been a poetic and passionate expression of the poet's adoration for the people and landscape of his beloved country, became tainted with vulgar socialism. Biadulia's fame, his unassuming character and manners, and association with other icons of the twentieth-century Belarusian renaissance saved him from extermination; he wasn't included in the open repression of his younger and lesser-known colleagues. Also, Biadulia's survival was helped by his genius, his artful and self-invented techniques. Thus, he became a master of confessions of his former "sins." A good example is published by the newspaper *Zviazda*, where Biadulia stated how he re-educated himself (*"Zviazda"* 1930. Dec. 6). "Reformed," Biadulia settled in Minsk. He was gratified that at least the Poles were not a threat to a major part of his beloved country. Biadulia stayed busy while working for two papers, one for children, *"Zorki"* (Stars, 1921–1923), and *"Savieckaja Belaruś"* (Soviet Belaruś, 1921–1926). In 1923, the writer became one of the leading members of Belarusian writers group, called *"Maładniak"* (Youth, or Youngsters, 1923–1928). This was the most vigorous and talented assembly of proletarian artists and writers in Belaruś (ninety percent of them were killed in the 1930s). In 1926 Biadulia joined a literary group, *"Uzvyšša"* (1926–1931), which had an eponymous journal.[13] Both groups were of a modernist orientation; Biadulia's avant-garde, symbolist inclinations fitted well into these affiliations. During his involvement with these literary unions, Biadulia published two major poetic collections: *"Burałom"* (The Tempest, 1924) and *"Paemy"* (The Poems, 1927), and two longer poems: *"Čyrvona-čornaja žałoba"* (Red-Black Grief, 1924) and *"Kaŭkaz"* (The Caucasus, 1926). Neither the collections nor the long poems ever reached the level of Biadulia's *Naša Niva* times and one tends to agree with McMillin: "Much of Biadulia's post-revolutionary poetry lacks the rhythmic vigor and strikingly imaginative language of his earlier verse, and he was probably wise to devote the latter part of his creative life entirely to prose" (McMillin, 1977, p. 297).

13 "Uzvyšša" (hill or rise) [1926–1931] was a Belarusian professional writers association. Some of its members came from its sister organization, Maładniak (Youth, Youngsters; 1923–1928), a group with similar aspirations to develop Soviet Belarusian literature and make it viable and competitive.

Like the Christian-born Kupała and Kołas, he was spared on 29–30 October 1937, the infamous days when many talented representatives of the ethnic Belarusian and Jewish Belarusian intelligentsia were shot by the Soviets. Nevertheless, his morale was mortally wounded by these and many other acts of the Soviets, and we may safely say that by the beginning of WWII, the Soviets had almost broken him into a "good Soviet citizen." All of this resulted in serious heart disease. Indeed, Pasternak expressed well his understanding of the politically enforced and often self-imposed "mimicry" that brought physical illnesses to many:

> Nowadays there are more and more cases of small cardiac hemorrhages. They are not always fatal. Some people get over them. It's the common illness of our time. I think its causes are chiefly moral. The great majority of us are required to live a life of constant, systematic duplicity. Your health is bound to be affected if, day after day, you say the opposite of what you feel, if you grovel before what you dislike and rejoice at what brings you nothing but misfortune. Your nervous system isn't a fiction, it is part of your physical body, and your soul exists in space and is inside you, like your teeth in your mouth. You can't keep violating it without impunity. I found it painful to listen to you, Nicky, when you told us how you were re-educated and grew up in jail. It was like listening to a circus horse describing how it broke itself in (Pasternak, 1992, p. 431–432).

Yury Zhivago's response to his friends, Nicky Dudorov and Misha Gordon, as well as his inner monologue, reveals two major modes in the behavior of the intelligentsia of the former Russian empire in 1926–1929, when the first wave of political prisoners returned home. At that time Soviet political and economic power was strengthened by years without a war and by an increase of forced collaboration within the population. Those who were not exterminated during and after the wars and revolutions and did not emigrate were "re-educated," as were Biadulia and Pasternak's characters, Nicky and Misha. These two characters, blinded by their newfound comfort of slavery, represented the majority of the intelligentsia. They sincerely wished that Yury, who was an independent thinker, and, therefore, their opponent would join them. However, Yury saw the consequences of conformity before his friends got another chance for their "re-education" when in the 1930s and together with millions of other Soviet citizens they served their wretched sentences in concentration camps.[14] Yury Zhivago did not survive to see these times: his heart stopped in 1929, the year when a vicious circle of Soviet rule closed itself around any free thought. We shall not insult Biadulia's memory by equating him with Pasternak's characters and the majority of the Soviet intelligentsia. On the contrary, more like Yury, he felt completely

[14] Pasternak was one of the very first authors of note who spoke strongly against the Soviet concentration camps, blaming the Bolsheviks for establishing these horrid institutions (Pasternak, 1992, p. 451–455).

helpless against the Soviet state's political powers; his response, confirmed in his works that we will consider later, was to work harder and to manage to do more.

At the beginning of WWII, Źmitrok Biadulia was evacuated and died during an attempt to board a train near the city of Uralsk; an overcrowded platform with people pushing and shoving violently, was the last straw for his tired heart. The cause of his death, like Zhivago's, was a heart attack. Biadulia's heart condition had worsened for many reasons, among which were his disappointments with Soviets and moral struggles that resulted in some of his own compliances. In addition, his beloved Belaruś, caught between Stalin and Hitler, bled heavily. Severe wounds, inflicted at the beginning of WWII with the occupation of Poland in 1939, were directed mainly at Jews, and he knew it.

Though political mimicry was a part of Biadulia's survival technique that brought him to an untimely demise, compared to his lifelong friends, Kupała and Kołas (not counting lesser names), he produced only a few propagandistic works. Among them are his *"Hod za hodam"* (Year after year, 1927), *"Try palcy"* (Three fingers, 1927), *"Tavaryš Minkin"* (Comrade Minkin, 1930), and a couple of short stories. Even in these attempts to understand and serve the Soviets, Biadulia showed more art than subordination to their rule. For example, one of his last poems for children, *"Muraška-Palaška"* of 1939 talks about the beauty of collective labor while suavely employing soft and lyrical folk humor and rich fable characters into the narrative. All the inhabitants of Belarusian forests, from an "uncle bear" to a poisonous snake portray positive and negative human features. In terms of his artistic sources and plots, Biadulia claimed the following: "I did not make up a single plot or fable in my stories; all of them are based on real facts" (Smolkin, 1961, s. 43). Yet, depiction and style in this poem reveal, typically for this writer, original and graceful charm and mastery.

The writer did not discriminate against any ethnic group or faith that populated his home country in life or in his literary works. For example, one of his best short stories, written in 1926, is about an unhappy, submissive, and battered Belarusian Tatar woman by the name of Tanzilija. The short story has an eponymous title. Childless because of her abusive husband Muńka, Tanzilija gets pregnant by another man and leaves her unhappy marriage. A dramatic and bloody conflict between her and Muńka over this child ends in Tanzilija's honorable triumph. In this vivid and artful morality tale even a fearful individual like Tanzilija finds freedom from an oppressor.

Most of Biadulia's characters, however, are ethnic Belarusians and Jews, as they were numerically the most prevalent Belarusians and Biadulia knew these communities well. Indeed, there is hardly any prose narrative among the writer's Belarusian work where he missed an opportunity to insert a Belarusian Jew as a character. Even his novella *"Salavej"* (The Nightingale, 1927), a highly romantic

story about a Belarusian artistic prodigy, Symonka (Salavej), who lived during the Russian tsarist serfdom, has one Jewish family in the plot.[15] This novella may be better defined as a short novel due to the number of protagonists and the complicated plot: it belongs to epic literature. McMillin also considers this work to represent the genre of the short novel and notes its theme, tradition, and the direct influence of folklore on this work:

> The main theme of this short historical novel is the relationship of art to life and, in particular, freedom, ideas already touched on in *"Bondar"* (The Copper, 1920) where a craftsman commits suicide after his employer has failed to appreciate and respect his art. The nightingale of the title is a peasant youth, Symonka, an active hero ... owing far more, in fact, to the traditional heroes of folk literature. Various aspects of folk culture play a major role in *The Nightingale*, not least in the episodic, sometimes melodramatic plot where the insertion of songs, tales, charms and spells adds a distinctive and unusual flavor to the narrative. Also reminiscent of folk literature is the idealization of the peasant characters and the rather formalized portrayal of the aristocratic villains, particularly the flighty, selfish Vašamirski and his cat-loving, but inhumane mother (McMillin, 1977, p. 298).

Not a single analysis of this novel includes a close relationship of two neighbors, Michalka (a Christian Belarusian) and Meijer (a Jewish Belarusian). These two characters, although inconspicuously, represent one of the major ideological roles in the novel: lower classes passive resistance to authorities. The writer brings Michalka and Meijer in while he is singing a passionate hymn to the beauty of Belarusian winter. After that the artist draws a landscape with the two neighbors' dwellings and he alludes to the similarities between inhabitants in much the same way as their poor peasant shacks are alike.

> Like two aged housewives in white head shawls, two small peasants' huts stand in front of each other; they look similar, like sisters do. The dirty front doors of these dwellings carefully watch each other. One might think that there is only one little house, and there is a huge mirror in front of it, and you could see it all from its decayed straw roof to the snow-covered entrance (Biadulia, 2006, s. 86).

The first difference is that though both doors are opened at the same time, Michalka lets out his rooster and Meijer, his hen. Both birds are friendly, actually amorous, and after they copulate, they walk together to the river. Michalka and Meijer follow their birds, laughing hard, making jokes about each other and the birds. The only evident difference between these two is visual, a contrast in the

[15] Belarusian peasant serfdom was introduced only with the Russian occupation of Recz Pospolita at the end of the eighteenth century. Russian tsarist serfdom lasted much longer, from 1649 to 1861.

color of their skin, hair, and eyes: Michalka's are typically fair for an ethnic Belarusian, and Meijer's are dark as is typical for a Belarusian Jew. They are, however, psychologically similar, and they seem to be in constant agreement, in particular regarding dealings with their local overlord, Vašamirski, his mother, and henchmen. Both men are fisherman but Michalka, who is a serf of Vašamirski, is obliged to give most of his catch to his master (as a form of serf tax). Meijer sells his own fish and the remnant of Michalka's in a neighboring town. Michalka and Meijer are the best of friends, and spend all their days together, with the exception of Saturday and Sunday, when each of them pays respect to his individual deity. They miss each other even during these two days a week, but both feel that it is necessary for them to acknowledge their differences. At the same time they are passingly cross with one another for that; these friends are more uncomfortable with this temporary separation than they are with their hardly perceptible difference (which is also in a way a part of their inner pride). Even in the village bar these two are joined at the hip. One of the major commonalities of these two friends is their strong sense of self-worth, and, therefore, their mutual respect for each other. Their reactions are exactly the same to any injustice. When Michalka, for example, was ordered by Vašamirski's servant to bring in all the fish he caught, first they talk back to him, and spit at him as soon as servant turned his back. They are also well aware that they are completely at their overload's mercy and can only openly express their indignation to each other. Meijer was forced to sing a psalm in Hebrew for the entertainment of Vašamirski's guests at ball. Spooked by the force of his "little kike's" singing in Hebrew, Vašamirski interrupts him and throws him out. The author underlined Meijer‘s departure as proud and fearless.

Both friends and their wives are compassionate to any underdog and strongly support the peasant rebels. When Symonka (Salavej) escapes from the Vašamirskis, Meijer's home is his first stop for shelter. Meijer's family hospitality was immediately supported and shared by Michalka's. Overall, these two characters show great solidarity, mutual respect, and according to Biadulia, that was always the typical behavior of Belarusian population.

The same theme of Belarusian mutual respect (with a few major variations) is portrayed in Biadulia's epic poem of 1915, called *"Żydy"* (The Jews).[16] Its first

[16] This poem with autobiographical elements was first published in its entirety only in 2002 by a Belarusian-Yiddish paper *"Anachnu kan"* (We are here; issues #7 and #8)), which was replaced by *"My jašče tut!"* (We are still here!) in 2003. Some excerpts of the poem were printed in the poet's anthology of 1937. The poem "disappeared" from Belarusian circulation after 1937 and was not even mentioned in literary criticism or in other of Biadulia's work. The manuscript of the poem was rediscovered by a Belarusian journalist, Ilia Reznik, in the Belarusian Archives. This is published by Marat Gorevoj, *BelaPan* (belapan.com, 05/09/2002). I am grateful to Wolf Rubinčyk (editor and publisher of *"Anachnu kan"* and *"My jašče tut!"*) for this reference.

distinction is that unlike the novel *"Salavej"*, the poem has predominantly Jewish Belarusian characters. The second variance shows events (Jewish pogroms) that took place almost two hundred years after the novel's narration; the third difference is in the personal involvement of the writer: "Žydy" is written as a first-person narration. The main characters are Samuel Plaŭnik (Źmitrok Biadulia) and his family during these tragic events. There are five children in the family: Samuel, Lyolek (Israel), Genia, Renia, and five-year old Sonia.

One of the first surges of pogroms on the Belarusian territories was initiated by the Cossacks from the tsar's army. The poet's family was saved from the tragedy of pogroms and possible extinction by their ethnic Belarusian neighbors. Yet they had to go through many ordeals before the rescue took place. "Žydy" has ten parts (divisions made by the poet), most of which could be considered mini chapters; some are fragments. Those parts considered to be chapters have an opening, climax, resolution, and ending. Fragments predominantly play a supportive role to preceding or following events described in more detail in the chapters. The opening of the first chapter, for example, is written in Biadulia's typical lyrical mode. It starts with a description of nature, but this time there is no joy in the air: "The night is without moon and stars," states the poet and he finish this stanza with information that the family is expecting undesirable guests. This chapter has ten stanzas. Each of the stanzas that follows unwrap new meaning from the previous one's last lines.

Little Sonia is the only one in the family who asks questions. She is interested in "why the family should be afraid?" and "what does it mean to be Jewish?" Chapter 2 (16 stanzas) describes the horrors of the Cossack pogroms. They came to the town with the common anti-Semitic insinuations that Jews are betrayers of Russian interests, German allies and spies. With this popular anti-Semitic slogan, which was used to cover up the truth about the military failure of the Russian army, the Cossacks attempted to get support from Belarusian peasants. While their efforts failed, armed Cossacks demanded the following from captured and helpless Jews: "First bring us the drinks! / Where are your wives and daughters?" In the next stanza they made their intentions even more clear: "Your Life and money/ We will get ourselves." In this chapter, according to the poet, little Sonia's eyes, which observed some of the horrors, aged by a hundred years; she also stopped asking questions. Parts three and four are fragments (five and three stanzas each); they both describe the hardships of the family that escaped to the forest. Chapter five is again fleshed out with ten stanzas. Its lyrical beginning is optimistic and starts and finishes with the joyful song of a woodlark. In the middle, a young shepherd finds them in the forest and offers little Sonia his bread. Chapter six brings another encounter: this time their female neighbor accidently finds the family. At first she is afraid to offer them shelter because of the Cos-

sacks' threat to destroy those peasants who would help Jews. Part seven is also a three- stanzas fragment; it presents an exceptionally powerful interpretation of the primordial physical fear that the narrator experiences in the forest; it is so powerfully rendered that it penetrates the reader's skin. Chapter eight (five stanzas) continues the family's ordeal in the forest. In addition to fear, hunger, and cold, Sonia got sick: the parents and their children listen to the child's feverish delirium and are devastated. The last two chapters describe the change of fortune and there is a happy ending. The Plaŭnik neighbors took them in despite their own fears. These neighbors found the family in the forest and kept them in their own modest dwelling for a whole week, until the Cossacks finally left the town.

Two years later, still in the midst of the civil and Russian-Polish wars, Biadulia wrote another work dedicated mainly to Belarusian Jews: *"Žydy na Belarusi. Bytavyja štrychi"* (Jews of Belaruś: Livelihood).[17] The author wrote a short but compelling preface to his work:

> Forced to do without any material related to the subject matter, I could not provide fundamental and detailed editing of my article, which was commissioned by the editorial staff of *"Belaruski šliach"* (Belarusian way). Up to this day the Belarusian media has not produced a single line about Belarusian Jews; I feel the need to publish this article in the form of a separate brochure. And if this brochure will induce someone to write a scholarly work with detailed historical, economical, ethnographic, and statistical data, I will be satisfied that my purpose has been served (Biadulia, 2000, p. 23).

Structurally, Biadulia's pamphlet is reminiscent of an excellent PhD abstract. Indeed, its seven parts, a solid introduction, four mini chapters and a two-part conclusion, encompass fully "the historical, economical, ethnographic, and statistical" details of the everyday living conditions of Christian and Jewish Belarusians.[18] His work proposes a discourse that advances familiar values; every statement, fact, or description confirms a balance in the relationship between Christians and Jews in Belaruś. Biadulia's successful aspiration to bring a scholarly element into his predominantly literary treatises assures this essay a place in the classical canon of Belarusian self-understanding. In his first chapter, Biadulia also includes and emphasizes the common political history of Christian

[17] *"Žydy na Belarusi. Bytavyja štrychi"* (Jews of Belaruś: Livelihood) was first written in 1917. It was published as a separate edition twice: in 1918 by the publishing house *Hrynblat*, and again in Minsk in 1992 by the publishing house *Adradžeńnie* (sponsored by the International Association of Belarusists (MAB)). The latest edition is in *Habrejski numar* (The Jewish Issue) of ARCHE #3. Ed. by Andrej Dyńko. Minsk, 2000, p. 23–31 (Biadulia, 2000). We follow here the same edition as ARCHE did, a reprint of 1918 publication. <http://arche.itgo.com>

[18] He mentions in passing Belarusian Muslims (Tatars) (Biadulia, 2000, p. 27), but in this work concentrates mainly on ethnic Belarusians and Jews.

and Jewish Belarusians. He notes the influence of Jewish Kahals (an executive council and ancient form of ruling a Jewish community in Diaspora) values on Belarusian Christian livelihoods. The author accentuates the fact that the Russian tsarist system created ghettoes for all ethnicities and faiths in historic Belaruś. This chapter also argues that the country's economic tradition grew out of forced political and economic conditions that the Muscovite occupiers imposed on *Zabrany kraj* (taken-away country).[19] Biadulia also underlined the fact that compared to the whole Russian empire where huge amounts of money were raised to organize Jewish pogroms, the effort was wasted in Belaruś: Belarusians of all the levels of the society showed no interest in tsarist propaganda.

The second chapter of "Žydy na Belarusi" is in the poet's garden, where he himself is a nightingale. There he sings praise to Belarusian nature and concentrates on the richness of Belarusian linguistic cultural differences, but, most of all, he glorifies the mutuality that distinguished Belarusian inhabitants for many generations. In order to strengthen his case, Biadulia gives a number of examples of many mixed and reciprocal Belarusian-Yiddish sayings. He found hundreds of the following type: "Nia dobra *rejdele,* a dobra *mejnele.* Literally: "It is not good to talk, but it is good to think" (talk and think are in Yiddish). A more literate translation might be "you should think before you speak." This chapter also presents a number of Jews who, despite emigration, have always kept their motherland close to their hearts.

In the third part of "Jews of Belaruś," Biadulia remembers that throughout Belaruś, in particular in significantly populated and culturally equipped centers (Vilnia, Minsk, and others), first Jewish religious education and later all kinds of secular art forms (music, literature, visual art and craftsmanship) were blossoming. He also asserts that Belaruś became a cradle for modern Jewish culture and produced many religious leaders who served Jewish religious institutions around the world. Later, in the nineteenth century, he observed, the same service was rendered to the world's secular arts and sciences. Biadulia remarks that since 1863 Belarusian Jews enjoyed more cultural freedom than Christians: while Jewish children were free to study Hebrew and Yiddish, written Belarusian was prohibited in the Russian empire.

Chapter four examines the fact that Belarusian and Jewish journalists and writers rediscovered each other during the first decade of the twentieth century and worked well together for about twenty years until many of editorial offices (including *Naša Niva*) were closed due to the regime's political oppression. This chapter also deliberates on the high intellectual (both religious and secular)

---

19 *Zapadny kraj* (Russian: *Zapadnyi krai*; western end) was simultaneously a pejorative and official name used by Russian administrative system after partitions of *Recz Pospolita*. Belarusians and Poles have called it *Zabrany kraj* (taken-away country).

knowledge that grew out of wholly Jewish Belarusian academic institutions. A Yeshiva (Yešiva) in Valožyn, for example, attracted students from all around the world, one of them being the reputable and talented poet Chaim N. Bialik (1873–1934). The same place is also renowned for originating the most popular form of modern Jewish and Christian mysticism, Cabbala (Kabbalah).

In the fifth chapter Biadulia reminds the reader about cooperation between Jewish and Belarusian intellectuals and workers before and during the short-lived Belarusian Peoples' Republic (*BNR*). He underlines their mutual respect for each other and their common and distinct political and cultural objectives and aims. Among these mutual desires were freedom and national determination, democracy, statehood, multiculturalism, and a multilingual society.

The last two parts of the pamphlet are strongly pro-Belarusian and anti-Bolshevik, as well as against Russian imperial ambitions in Belaruś. In the first of the two-part concluding remarks, Biadulia examines the relationship of the Jewish Belarusian community to the BNR and All-Belarusian Congress. He reminds the reader about the strong support that the Belarusian National movement received from local Jews. He also analyzes the reasoning of those Belarusian Jews who went against Belarusian national independence. In conclusion, Biadulia bitterly mentions that due to historical suffering and the terrible yoke that Jews lived under in the Russian empire, a significant number of them will follow those who have power at any given moment. Thus, he wrote, when the Bolsheviks were first thrown out of Minsk, the Belarusian national movement gained many followers among Jews, and lost almost as many when the victorious Bolsheviks returned. Yet, the writer expresses hopes for a great future for ethnic Belarusians and Jews.

Though most of the critics are extremely attentive to Biadulia's brilliant novel, *Jazep Krušynski,* (a two-part narrative on a larger scale) they rarely mention two biographical short novels, *Nabliženńie* (The approach [of revolution, 1935]),[20] and *U drymučych lasach* (In the dense forest, 1939). This attitude is found in Arnold McMillin's evaluation: "*Jazep Krušynski* is one of the most outstanding novels in all Soviet Belarusian literature" (McMillin, 1977, p. 302). The first part of this novel appeared in 1929, and the second, with significantly more socialist-oriented elements and accents, was published in 1931. Main characters, as is typical for Biadulia, are of all the races and faiths, but predominantly, ethnic Belarusians. In contrast to *Jazep Krušynski*, Professor McMillin is not as well disposed to the autobiographical narrations; while he notices both pieces, they are not examined in his treatise:

20 McMillin translated *Nabliženńie* as "The Approach." Biadulia's metaphoric title means that turbulent events, wars, and revolutions are near and are soon coming to Belarusians.

> Two autobiographical stories may, however, be mentioned: *The Approach* (*Nabliženńie*, 1935), about the years 1914–1917, and *In the dense forest* (*U drymučych lasach*, 1939) dealing with the author's childhood years. Although both show clear evidence of the times in which they were written, the latter story contains some diverting, occasionally humorous material and illustrates Biadulia's good understanding of child psychology (McMillin, 1977, p. 302, 303).

We are interested in these particular novels, *Nabliženńie*[21] and *U drymučych lasach* for three major and closely connected reasons: when they were written, their biographical elements, and the fact that they are both populated mainly by Belarusian Jewish characters. The writing of *Nabliženńie* was rather close to the time of purges, while *U drymučych lasach* was published during that troubled time. Consequently, a claim that these novels are overly simplistic and are written in accordance with some coarse socialist dogma is not satisfactory for obvious reasons. Indeed, there are some Sovietized elements, but they do not overpower the beauty of these multifaceted biographical works. First of all, Biadulia's personal fate, folded into the destiny of his entire generation, is already a notable document in a country, where history was revised and rewritten by too many oppressors. Second, these two novels considerably enriched – we will try to show how – the genre of Belarusian biography. In addition, recognition of the fact that some concessions to the rulers of the socio-political system are made in both works should also be useful for any student of history or literature.

While examining *Nabliženńie*, we will consider this rather complex novel in terms of the years when its action took place: 1914–1917. This time of war and revolution brought considerable controversial notions into Biadulia's fate and that of everyone around him. *Nabliženńie* is a personal reconstruction of these years. Levin, the main protagonist of the novel, sometimes thinks and acts like his creator, Biadulia, did during those years. However – and despite many similarities that include a biography of a typical Jewish town as the place where most of actions takes place – Biadulia should not be closely associated with his protagonist. Levin's most pronounced characteristic is that despite his desire to belong to some worthy cause, he always fails due to his natural indecisiveness. Biadulia, on the other hand, has strongly determined his place in the Belarusian cultural rebirth. The writer dreamt about a future, literate multicultural society with Belarusian as the state language. At the same time, in his scholarly and journalistic writings he propagated the idea that Belarusian minorities – Jews, Latgalians,

[21] We will use the edition of 1935 (Biadulia, 1935). The name of the Belarusian capital was changed from Miensk into its Soviet version, Minsk in 1939; Miensk has been considered "Nationalist" and anti-Soviet ever since.

Tatars, Russians and others – should have their own schools if they so wished.[22] Levin never reached this level of thinking; he represents an average person of the times, whose perceptions, however, are of no less importance because he represents the town's "mind."

Each of the seventeen chapters has its own opening, climax, dénouement, and ending. The reader meets Levin at Vilnia's railway station; he runs from the war to his town. The richness and musicality of Biadulia's language portrays this character in vivid and distinct colors and sounds. Thus, the writer gives the reader the choice of seeing Levin either as "an ascetic from the Middle Ages or a wandering fiddler" (Biadulia, 1935, s. 3). The orchestral and polyphonic sound of the prose describes Levin's impressions of a railway station in Vilnia:

> There is a whole sea of people of different appearances, age, and clothing: military and civilians, rich and poor, are moving here and back as if they are directed by some hand. They scream, push one another, ask for forgiveness, argue, and do not hear each other. There is joy, sorrow, anxiety, concern, fear, impatience, laughter and carefulness in peoples' eyes (Biadulia, 1935, s. 4).

Levin observes it all with the eye of a professional writer. The third-person narrator reveals the feelings of his protagonist(s) and describes their surroundings. He has one or two key phrases on each page that clarify the emotional and psychological state of his protagonist(s) as well as the historical context. The underlined sentence in the last quote "They scream, push one another, ask for forgiveness, argue, and do not hear each other" directly addresses the major problems that evoke grief and misfortune: the inability to communicate. The second key phrase of the plot's opening is found on the next page: "A lot of people will be left behind." And though this phrase seems to be innocent and relates to an overcrowded train that cannot accommodate hundreds of passengers, we cannot avoid its high symbolism. This train most likely represents wars and revolutions and the people left behind with their "hundreds of angry eyes" may represent millions of victims. The climax of this first chapter is an anti-Semitic incident, provoked by a cheat who pretends to be a wounded soldier. This individual chooses Levin as his victim, and tries to turn passengers against him. The pretender engages in a fashionable anti-Semitic rant, based on the tsar's propaganda regarding the defeat of the Imperial Army.

---

22 Ironically, his wish temporarily came through thanks to the Bolsheviks in the Soviet constitution of 1927 (that followed the first Bolsheviks constitution of 1919). Articles 21, 23, and 27 of the Main Law declared the unique and unprecedented equality of the Belarusian, Yiddish, Russian, and Polish languages in education, public, and government services. This law was reiterated in the third Belarusian constitution of 1937. In 1938, however, an amendment took place that deleted the above – named privileges to Yiddish and Polish. I am grateful for a lead to this reference to S. Šupa and W. Rubinčyk. http://www.belkniga.by/pravo.html

> I will tell you why unfortunate Russia is suffering! Spies are ruining it, these Christ -sellers. All Jews are German spies. And our dear and caring father, the tsar, is still too kind to them. If they had been exterminated earlier, we wouldn't be at war now. After all, they speak a Germanic language and through this knowledge they sell out people like us. They encouraged and incited the Germans against us (Biadulia, 1935, s. 11).

This talk, stressing the punishment of Jews, almost provoked a lynch mob, which was stopped by a politically aware laborer. This person pulled away the bandages from the swindler's face and everyone saw that the cheater did not have any wounds. The chapter ends with a statement that Levin cast off his fright only when he came home to his township and family.

A second chapter, despite its clearly socialist direction, brings a curious and heart-wrenching leitmotiv into Biadulia's narrative. New characters, Belarusian landless peasants who are also lumbermen and the major labor force for the local forest owners, are introduced. This industry was very well developed in Belaruś, and most of the peasantry worked in it during the off-season in farming. Biadulia wrote this short novel at the time when a forceful collectivization (a Soviet type of serfdom) was almost complete in Belaruś. From the very beginning, the Bolshevik leaders and later their Soviet epigones suppressed the peasantry throughout the former Russian empire. The reason was political: the peasantry was represented by the enemy of the Bolsheviks, a political party called Social Revolutionaries (SR). Before the Bolshevik coup d'état, SR was the most popular political party, and the Soviets never forgot that: as soon as they destroyed the SR, their oppression of the peasantry was solidified. In fact, the peasantry was as much an underclass in the USSR as was the intelligentsia. Even in 1990, the Soviet Encyclopedia article treats peasants as second class and acknowledges the preference given to industrial labor in the Soviet Union:

> The double nature of a peasant: he is both a landowner and a worker, and this is one of the main factors that determine fluctuation between the proletariat and the bourgeoisie. An overlapping of the fundamental anti-monopoly interests of the peasantry and the working class is the basis of their union (under the leadership of the working class) in a class-liberating struggle (Sovetskii encyklopedicheskii slovar', 1990, s. 661).

The same article promises (in the fifth year of Perestroika!) that someday "changing the organization and pay structure for collective farm labor and including them in the social benefit system that is presently provided for workers and public servants will eliminate the difference in the social status of workers and peasants" (Sovetskii encyklopedicheskii slovar', 1990, s. 661).

With full knowledge of this government-sponsored lack of trust and even contempt towards the peasantry, Biadulia creates a tender and artful twist. The writer makes these peasants, in particular the woodcutter Aleś (who with Levin is the leading character of the second chapter's narration), Bolshevik sympathizers. Aleś does not have Bolshevik party membership yet, but his understanding of class struggle and in particular his lecture to the much better educated Levin about the empire's social structure reveals him as a potential Bolshevik. Levin remembers this peasant, who is about to be drafted into the tsar's army, with respect and wistfulness. This chapter also introduces two local capitalists, the Jew Kantarović and the rich Christian peasant Sakaloŭski. They are partners, and own practically everything of economic value in that township. Kantarovič is not hesitant to keep the local deserters at his place (for a fee, of course). These deserters, one of them Sakaloŭski's son, are the first reminder of the approaching military front. The third chapter brings death notices from the front, and many of those killed are Levin's childhood friends. He is not drafted for health reasons: a damaged eye.

Chapter four is a turning point in Levin's political growth and understanding. He is getting closer to two Bolsheviks, the laborers Šagal (a brother-in law of the evil Kantarovič) and Taras. The rest of the thirteen chapters illuminate the class struggle in the town and the depth of the abyss between the exploiters, partners Kantarovič and Sakaloŭski and the rest of the town's inhabitants of different age and faiths. Thus, we find most of the town's residents on the road, evacuating the township due to the closeness of the military front. Many of the town's inhabitants have, at this point, lost their lives and/or livelihood, while Kantarovič and Sakaloŭski became more prosperous. Another point is expressed at the end of the story; if it not had been painted in Biadulia's soft, watercolor way, it could be considered a bald-faced piece of the party's propaganda: "– It's OK, says lame Makar, – the time will come, and we will take by the throat all the Kantarovičs, the Sakaloŭskis and the rest of them, sons of bitches, and we will tell them: pay for our blood, for our sweat and tears!" (Biadulia, 1935, s. 264). Levin, who had lost his father to bandits during the recent pogrom, hears these words and joins his compatriots with passionate and even fiery words. He assures them that everything they are anticipating is coming closer, approaching, almost running towards them. The narrator's voice is very supportive: "The wheels of refugee carts, and the sound of old and young steps on the dirt road seemed to repeat after him: It's coming." (Biadulia, 1935, s. 265). This ending clearly demonstrates the author's diligent and submissive performance for the Soviet social order, yet one cannot take away his linguistic and imagistic mastery. The novel is enriched with many similes, metaphors, symbols, epithets, synonyms, antonyms, and other poetic and sty-

listic devices that often create a lovely and wistful landscape; this setting, in turn, helps Levin and others to survive ordeals of their circumstance. In the words of I. Navumenka: "The author shows the deft skills of a watercolorist in his *Nabliženńie*. Landscapes and everyday life situations are not over-weighted by long descriptions, yet, they are dazzling and memorable. In its essence, this is impressionistic prose." (Navumenka, 1999, s. 257).

Biadulia's last short novel does not just portray the same autobiographical characteristics as *Nabliženńie* but is clearly an autobiography in its entirety.[23] Also, *U drymučych lasach* (In the dense forest, 1939) shakes off the yoke of Soviet social order that informed his other works of the 1930s. There are three major reasons for this liberty: first, this autobiographical work is about Biadulia's childhood and the events safely end in 1902, when the author was only fifteen years old. Second, the revolution of 1905 was still three years away, and the Soviet social order was more relaxed about writings about that time. Third, there were fewer purges in 1939–1940 compared to 1935–1938. We can safely dwell on this due to the fact that collectivization was already completed and the majority of the intelligentsia in the country was fully liberated from any type of free thinking. We should state that Belarusian literature did not yet have a masterpiece of biography before the appearance of *U drymučych lasach.* Even today, it is the case. In fact, this novel only comes close to two Russian masters of memoir, Leo Tolstoy and Ivan Bunin, differing in that the Russians were writing about the childhood of the nobility to which they belonged, and Biadulia wrote about what he knew best, the childhood of a Belarusian Jewish boy.

U drymučych lasach is divided into several chapters, each with its own title and subtitles. Some of the chapters encompass a rich number of characters and events while others are shorter, concentrating on one event and a limited number of protagonists, rather like a short short story. Biadulia's supreme word imagery is happily married to musicality in his linguistic delivery of a child's psychology. The orchestration of *U drymučych lasach* harmonically transfers to the reader's emotions via sounds, which little Samuel experiences while growing up surrounded by the dense forest.

> All around you, wherever you look, there was forest uproar. One side was covered by towering pines, and the other side of the horizons was pushed into a background by all kinds of leafy trees. When the wind was playing over the spiky tops of the forest, huts in the small town of Pasadziec were deafened by the rumble, as if it was the racket of some peculiar waterfalls. Frames of windows rang. Winds whistled, hissed, howled, sobbed, and laughed in kitchen stoves. Adults looked at the windows,

[23] Though most scholars attribute *U drymučych lasach* to the genre of novella, it may be reconsidered as a short novel. The abundance of characters, its rich and complicated composition with many plots, the first person narration, chapters and fragments, suggest the genre of a short novel.

nodded their heads, talked about hot, dry winds, one of which settled here tens of years ago. It destroyed the harvest. People died like flies (Biadulia, 2006, s. 199).

The stylishness of the story continues, supported by the first-person narrator's unfolding of the plot. Little comments, "I felt scared" or "I am sick," often serve as an opening for another story. There are hundreds of them in this short novel, deftly inserted and revealing the exceptional and joyful emotional memory of the storyteller. Most of the tales picture Samuel's real past, but some have family sources. The most authoritative among these other informants is, of course, the traditional Belarusian and Jewish "babulia" (grandma). Simultaneously, almost all of these individual plots carry elements of the fantastic or of fairy tales. For example, when little Samuel was sick with whooping cough, his mother took him to three different local witchdoctors (healers), which, in a conspicuous way, represented the three major ethnicities of Belaruś besides Jews: Belarusian, Polish, and Tatar). Needless to say, that each of them treated the little boy as if he was a child of their own ethnic background. First it was a Polish woman called Eva; second and third were males: a Belarusian, Karpucha, and a Tatar, Muńka. Because it was natural for the Belarusian Jewess Chana Plaŭnik to seek help from Belarusians of different faiths and ethnicities, the narration lacks affectation. However, the magic is present in the descriptions of dwellings, the healers, their special behavior, and the role of the forest that was a backdrop to each of the events. Despite the beauty of this particular story's fairy tale and fantastic elements that surround each of the three healers and their dwellings, the narrator made sure to contribute to the anti-religious and anti-superstition campaigns of his country with considerable irony aimed at the healers (witchdoctors) and what they represented.

Indeed, in every story, in particular, at the beginning of the short novel, magic realism plays a significant qualitative and quantitative role. Sometimes, like in the story with the history of a train, the core element turns out to be true: trains did exist by the time the visitor told his story to the child. Samuel, who had not seen a train yet, did not believe the visitor and received his story as a fairy tale. Indeed, reality and magic travel to each other's territory and are mixed up in practically every mini-plot of the novel. These plots often concentrate on history, in particular, the history of Belarusian infrastructure or town culture. Thus, Biadulia vividly describes the transportation of people and goods in Belaruś, the culture of which had not changed since the early 1770s. The main characters of this story are coachmen, called in Belaruś by the Yiddish word *balagolas*, and passengers of different social statures, most frequently various levels of tradesmen. In addition, the balagolas' best friends, horses, also play significant roles in the story. This chapter first mentions a Belarusian Robin Hood, called Cichan and

his Jewish friend, Šlemka, who "specialized" in stealing horses. The most lyrical and musically rendered mini-plot of this chapter is dedicated to the Jewish Sabbath (Day of Rest), and it also carries some fairy tale elements. Travelling agents were carrying pistols and other arms, but just in case. In fact, they were afraid of nothing and no one, excluding one entity, whose face, by the way, these people had never seen:

> This individual was female, and she had both ultimate pride and the highest stature. For tradesmen she was a queen. Every week they would meet her with bows and prayers. She kept caravans for an entire twenty-four hours and collected tribute from coachmen and passengers. This queen's name was Sabbath. If it happened that Sabbath would come after the sunset on Friday night in the middle of the forest, a caravan would stay there for the entire twenty-four hours. Devout women, the passengers, would attach candles to branches or stones and would deliver their prayers to the invisible queen, Sabbath (Biadulia, 2006, s. 210).

The only non-lyrical part of this paragraph is its ending, where Biadulia pays tribute to his country's political and anti-religious order, saying: "At that time peoples' religious prejudices were extremely strong" (Biadulia, 2006, s. 210). After this slightly pejorative phrase, Biadulia returns to his joyful descriptions of Sabbath festivities.

Biadulia portrays his childhood as lovely, and his family in grand measures. His grandfather, the smith, is a person of fantastic physical and moral strength. His grandmother is a good friend of the Belarusian Robin Hood, Cichan. His mother is as powerful and beautiful as a queen. The father (as little as the boy saw of him because of his frequent employment outside of the township) is a true gentleman. But this vision belongs not only to his immediate family; Biadulia's early universe portrays Belarusians of all origins, faiths, and ethnicities as his extended family. And all of them, mostly illiterate dwellers of typical Belarusian minor towns, are generous and able people. Some of them are original philosophers, others are skillful tradesmen or workers, but predominantly they are moral and decent people (at least those of the dwellers who are impoverished). The socialist order definitely has a place in this novel, but the brilliant humor and ability of Belarusians to live together without major upheavals, confusion, or disrespect plays a much stronger role. This novel also exercises Biadulia's Belarusian and Jewish spirits because it is impossible to tell which side he is on, simply because these boundaries do not exist for him. Belarusian Christians, Belarusian Muslims, and Belarusian Jews belong to the same universe for this writer, whether he writes his own biography or a chronicle of his country.

A story entitled "Colonel" is hard to classify as fantastic, mystic or fairy like, despite its unusual plot and happy ending. This tale has historic roots and is

based on tragedies that many poor Jewish kids from the Pale of Settlement had to endure. The heartbreaking fate of the *cantonists* (young soldiers from eight to twelve years of age were often abducted from poor Jewish families) was one of the tragic forms of the tsarists' serfdom. The institution of juvenile military schools (cantons) was introduced in the Imperial army in 1805 and at first was intended for children of Russian soldiers only. This system saved the rest of Russian, Ukrainian, Polish, and other Christian communities from additional drafts of their capable young males to the long slavery of military service that, for survivors, lasted for twenty-five years. The cantons started to target Jewish communities of the Pale in 1827. Boys of destitute parents were forcefully taken from the families, baptized, and thrown into a canton's barracks. Many children were raped and physically crippled during the process; others died of harsh conditions. The Jewish community, on the other hand, didn't take these converted crippled soldiers back for they had changed their faith. The cantons were eliminated only in 1856, and after that, Jewish youth were drafted by the unified rules for all the populace (before that, Jews had a double, and, sometimes, a triple quota) (Evrei v Rosii…, 2000).[24] Abram Izraelevich Paperna (1840–1919), one of the three memoirists of Kelner's publication, describes these horrors as they happened in his beloved Belarusian town, Kapyl (Evrei v Rossii…, 2000, s. 65–71). He tells the story of this tragedy in detail, stating that not a single person drafted in the army since the first conscription of 1827 had ever returned home until the late 1850s. These events left a heavy mark on the Jewish psyche:

> It is not surprising that Kapyl's inhabitants considered each of these recruits a lost soul and mourned him as a dead person. The institution of the canton became the pinnacle of evil: Jewish babies were taken from mothers and sent during winter time to Russia's interior provinces; there they were placed in peasants' huts in order to be brought up in the "Christian spirit," and, later, enlisted in the army. No matter how far these children were cast away, news about merciless beatings and tortures they were subjected to in order to force them to change their faith, traveled to the Pale of Settlement. It is easy to imagine how this information affected Jews of those times, descendants of martyrs, who during the Middle Ages were marched to the Inquisi-

[24] In his foreword, comments, and Hebrew-Russian dictionary, V. Kelner has provided well-researched data. One of the serious drawbacks, however, is that Kelner calls all three contributors to his compilation "Russians" or "Russian Jews," while by origin they were Belarusian Jews. This misrepresentation can be easily explained by the common notion (attributed mainly to Napoleon) that "history is written by the conqueror" (in the case of Belaruś those victors were intermittently Russia and Poland). On the one hand, a more comprehensive approach is chosen when familiar names, Russia or Poland (instead of the Grand Duchy of Litva (Belaruś) or Recz Pospolita, are used. However, it is still not an academically sound method. On the other hand, Kelner's study and compilation of the three memoirs is much less notable for general shortcomings than most. Kelner occasionally mentions Belaruś and one of its old names, Litva, as well as the Commonwealth of Poland and Litva.

> tion's blazing fires and with their own hands killed their babies in order to save them from forced baptism (Evrei v Rossii…, 2000, s. 66).

Alexander Herzen spoke with pain about this phenomenon in one of the episodes of his celebrated legacy, *Byloe i dumy* (Bygone days and thoughts).[25] The most democratic man of all time in Russia, Herzen met a group of *cantonists* during his travel to Viatka, the place of his first exile. An officer who accompanied these Jewish boys was really not an evil person. In fact, he felt empathy and compassion towards his charges, which were poorly equipped and fed and senselessly marched ten to twelve hours daily during the winter.[26] The officer told Herzen that they had already lost a third of the company and he expected another half to die before they reached their destination. He complained to Herzen that even his charges' route was thoughtlessly changed several times, and the children's sufferings were needlessly prolonged, but he saw himself merely as the executor of idiotic orders. Then Herzen saw these children:

> They [soldiers] collected the kids and put them into a unit in formation; it was one of the most terrifying sights I had ever seen in my life – poor, poor kids! Boys of twelve, thirteen years were holding on somehow, but the little ones of eight, ten years old… Not a single black brush is able to portray this terror.
>
> Colorless, emaciated, frightened, they were dressed in clumsy, thick soldiers' coats with stand-up collars, directing some kind of helpless, pitiful glances at the garrisons' soldiers, who crudely formed them up; white lips and blue circles under their eyes indicated cold or malaria. And these sick children without care or kindness, blown round by a wind that was freely gusting from the Arctic Ocean, were marching to their graves (Herzen, 1956, s. 233).

Needless to say, the reader will not find anything of these horrors in Biadulia's "Colonel" because his story is told from the point of view of a child. In his story Biadulia concentrates first, and mainly, on his immediate family, where everyone encompasses the most typical traits of the "Jewish character," which, according to Boris Gorev, were: "idealism, religious inspiration and martyrdom."[27] If one adds endurance and tolerance, we will get a complete picture of positive ethnic Belarusian features. Indeed, even the family's poverty is given some kind

---

25 Alexander Herzen (1812–1870), a renowned Russian thinker is known as "the father of Russian Socialism." Born to a most privileged family, even in his youth Herzen, a person with a sensitive and talented soul, could not accept the injustices of Imperial Russia. As a teenager he promised himself that he would fight the unjust regime, and he kept his promises.

26 They were most probably from Belaruś; the officer mentioned with darkly humorous intent, the Belarusian city of Mahilyoŭ to Herzen. The root of this name means "grave" in Belarusian and Russian.

27 Boris Gorev, introd. to V. Lvov-Rogachevsky's "A History of Russian-Jewish Literature" (Ann Arbor: Ardis, 1979) (Lvov-Rogachevsky, 1979, p. 15).

of an unexpectedly appealing nuance. The story exposition starts with a statement: "Our family's cloth turned into rugs to the point that it became a source of shame for us all" (Biadulia, 2006, s. 266). Of course his mother went into action, and the boy lovingly describes how his mother span yarn all night long, and how musical the sound produced by her spinning wheel was to his ear. When his mother produced enough yarn, she invited a well-known weaver, Jazepicha, from the neighboring village. Jazepicha happened to be a Belarusian folk singer who sang while she was working. In addition to her hard work and singing, the writer noted Jazepicha's beauty, which as he recalled, was like that of Italian women in Renaissance portraits. All of this work resulted in real suits for Samuel and his father, and as soon as these two started to look "decent," they went to Daŭhinaŭ (where young Samuel was supposed to attend a kheyder), and stay with their relatives, the Libermans. The opening of the story merged with the appearance of an old army colonel, who happened to come to the city a few days before Samuel and his father did. The colonel's appearance initiated real havoc into the slow and quiet life of a provincial city. Everyone was scared, in particular the "God and tsar" of the place, the local chief of police, who took the colonel for a government auditor. The colonel visited unusual places that included the Jewish cemetery, which made his visit suspicious to all. One day this colonel came to the Libermans. All the Liberman family with an exception of the seventy-year-old father of Samuel's aunt, Ruvim Liberman, left the room by the colonel's request. The wall that divided the rooms was thin and also had holes, so the curious ones, including little Samuel, could not only hear but observe the happenings in the room. The colonel asked Ruvim questions about his parents and childhood, and, after hearing all the details, revealed to him that he was his elder brother, who was abducted by the canton's services. His story is typical for a *cantonist* and terribly affecting to the reader, but it has an unusually optimistic twist in the otherwise characteristically tragic fate of most *cantonists.* Gershele Liberman survived the initial horrors, was baptized, and acquired a new name: Aliaksander Piatrovič Liberaŭ. After baptism, and thanks to his academic success, spotless service, and great career, he had a good life. However, despite all of these accomplishments, the duality of his origin and his present life, which included a successful marriage, children, and grandchildren, had always bothered him; obviously, the colonel had a great need to come to terms with his past. Apparently he did, according to Biadulia's story, which ended with a great feast, klezmer musicians, and a week that Gershele and Ruvim spent together celebrating their relationship.

Biadulia never allowed the publication of one of his best and latest works, a satirical fable in prose, *"Siarebranaja tabakierka"* (The silver snuff-box, 1940). Dr. Navumenka made an excellent comment as to why this "fairytale for children" was never published during Biadulia's lifetime. This brilliant satire against

totalitarianism and dictatorship was definitely intended not for children but for their parents; it was completed more than a half a year before the Germans attacked the Soviet Union but only one year after the peak of Stalin's purges:

> It seems that this novella, in its Aesopian style, illustrated Stalin's despotism, his cruel, inhumane repressions of 1937–1939. Ź. Biadulia's images that seemed to be from a distant past nevertheless illustrated those events. That was obvious in his novella *Salavej* (The nightingale, 1927), and the same is observed in "The silver snuff-box": a hare represents a submissive and cowed people. He is considered to be one of the most faint-hearted forest creatures but, despite that, he conquered death. Almost nowhere else Biadulia show as much concentration of folk thinking and evaluations of ethical and aesthetic ideas as he does in "The silver snuff-box" (Navumenka, 1999, s. 261–263).

Indeed, it was wise of Biadulia not to publish this less than naïve interpretation of evil and good at the time when his country was in between Hitler and Stalin, and those who could think for themselves had strong forebodings for the future. No one could intuit the degree of calamity, but Biadulia's high and rare level of sensitivity and analytic nature had premonitions, which he so brilliantly conveyed in his fable, "Siarebranaja tabakierka." Apparently, this work appeared as the result of the writer's forebodings for all Belarusians.

Indeed, at the time of *Naša Niva*, for example, when his talent was needed most by Belarusian culture, he was more Belarusian in spirit than most of the Belarusian Christians. When Jews became political scapegoats for the Soviets, Biadulia wrote his biographical novels, explaining his feelings about the humanity of Belarusian Jews. "Siarebranaja tabakierka" equally serves Belarusians of all faiths and ethnicities, and reflects the unique relationships between Belarusian compatriots.[28] In other words, Biadulia's exceptional talent always served where he was needed the most: in his greatly beloved motherland, Belaruś. And for that he was loved by many, as indicated by Andrej Dyńko, who implored Belarusian Jews to understand why he and other Christian Belarusians are so possessive about Biadulia's legacy (ARCHE, 2000, #3, s. 5).

Bibliography

[28] At that time there were, for example, a lot of "Zionists": the Bolshevik pejorative and favorite name for all of their Jewish opponents. This name was also used by many non-Jewish prisoners of conscience, but without any negative connotation. Liavon Savyonak (pen-name: Liavon Kryvičanin), a Belarusian cultural figure, according to the scholar Liavon Jurevič, was warmly received by "Zionists from Minsk"; who were plentiful in all of the prisons, camps, and places of exile by the end of the 1920s, but their population grew considerably in the early 1930s, much before the mass repressions of 1937. "They were very well disposed to the Belarusian "nationalist" and offered their help and even connections to him" (Jurevič, 1998, s. 7).

ARCHE. 2000, #3 [Habrejski numar (The Jewish Issue). Ed. by Andrej Dyńko].

Belaruskija piśmenniki. Biblijagrafičny sloŭnik. (Belarusian writers. Bibliographical dictionary. Minsk: Bel. Encyklapedyja, 1992.

Biadulia, Źm. Nabliżeńnie (The approach). Miensk: Litaratura i mastactva, 1935.

Biadulia, Źm. Vybranyja tvory. (Selected works). Minsk: Knihazbor, 2006.

Biadulia, Źm. "Żydy na Belarusi. Bytavyja štrychi" (Jews of Belaruś: Livelihood) in: *ARCHE*. 2000, #3, s. 23–31.

Bende, L. "Pra niadaŭniae minulae belaruskaj kantrrevaliucyi" (About the recent past of Belarusian counterrevolution) in: *Maładniak*, 1931. No. 1.

Evrei v Rossii. XIX vek (Jews in Russia. XIX century). Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2000.

Herzen, A. "Byloe i dumy" (Bygone days and thoughts) in: *Proizvedeiia v deviati tomakh* (*Collected works in 9 vols.)*, vol. IV. Moskva: Khud. literatura, 1956.

Ivanoŭ, M. "Źmitrok Biadulia. Pamiž jaŭrejstvam i belaruskaśću" (Źmitrok Biadulia. Between Jewishness and Belarusianess) in: *Belarusika – Albaruthenika*, vol. 4. Minsk: Navuka i technika, 1995. s. 182–188.

Jurevič, L. Liavon Kryvičanin. Belarusizacyja pad # … (Liavon Kryvičanin. Belarusification is under Number…). New York: BINiM, 1998.

Sovetskii encyklopedicheskii slovar'. (Soviet encyclopedic dictionary) Moskva: Sovetskaia entsiklopediia, 1990.

Larin, Ju. Evrei i anti-Semitism v SSSR (Jews and anti-Semitism in the USSR). Moskva, 1929.

Lvov-Rogachevsky, V. A history of Russian-Jewish literature. Ann Arbor: Ardis, 1979.

McMillin, A. A history of Byelorussian literature from its origins to the present day. Giesse: Verlag, 1977.

Navumenka, N. "Źmitrok Biadulia" in: *Historyja belaruskaj literatury XX stagoddzia*. (History of Belarusian literature of the twentieth century), vol. 1. Minsk: Belaruskaja Navuka, 1999.

Pasternak, B. Doctor Zhivago. Translated by Max Hayward and Manya Harari. Glasgow: Collins and the Harvill Press, 1992 (2nd ed.); 1st ed.: 1958.

Rich, V. Like water, like fire. An anthology of Byelorussian poetry from 1828 to the present day. Transl. by Vera Rich. London: Allen & Unwin, 1971.

Smolkin, M. Z., Źmitrok Biadulia. Minsk: BDU, 1961.

"Zviazda". Minsk. Dec. 6, 1930.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

И. Яковлева

Семантика глаголов речемыслительного действия в языке идиш

1. Постановка задачи

Данное исследование посвящено описанию семантики и сочетаемости глаголов речемыслительного действия в идише в типологической перспективе. В статье исследуются глаголы רעדן (‘говорить’), זאָגן (‘сказать’), דערציילן (‘рассказывать’), מעלדן (‘сообщать’), שמועסן (‘беседовать, разговаривать’), שפּרעכן (‘говорить, заговаривать’), טראַכטן (‘думать’) и их способность сочетаться с предлогами וועגן (‘о’) и פֿון (‘о’). Сопоставление полученных результатов с данными немецкого языка, с одной стороны, и польского, украинского, белорусского и русского языков, с другой, свидетельствует о том, что в идише распределение значений как отдельных глагольных лексем, так и инкорпорирующих их конструкций в пределах данной семантической области испытало в целом значительное влияние славянской модели без непосредственного заимствования базовой глагольной лексики и предлогов[1]. С точки зрения теоретической базы, исследование опирается на идеи грамматики конструкций в том виде, как они представлены в работах (Fillmore, Kay, and O’Connor, 1988; Fried, Östman, 2004; Goldberg, 1995; Майсак, Рахилина 2007; Рахилина 2010), а с точки зрения языкового материала – на данные словарей и языковых корпусов, таких как Корпус языка идиш (CMY), параллельный подкорпус Национального корпуса русского языка (НКРЯ), Корпус текстов украинского языка, Национальный корпус польского языка и Корпуса немецкого языка сайта *CorpusEye*.

Как представляется, детального исследования системы глаголов речемыслительного действия в идише и влияния на нее семантических систем славянских языков предпринято не было. Подробный обзор различных подходов к классификации славянских лексических заимствований предлагается в статье (Сорокина, 2003). С позиции нашего исследования

[1] Необходимо отметить наличие отдельных славянских лексических заимствований в данной семантической области, таких как בורטשען (‘бурчать’), וואָרטשען (‘ворчать’), לעפּעטשען (‘лепетать’), באַלאַבאָטשען (‘болтать’) и שושקען זיך (‘шушукаться’), но они носят периферийный характер, так как относятся к сугубо разговорной лексике.

несомненный интерес представляет статья (Talmy, 1982), посвященная влиянию на семантическую систему приставок идиша соответствующих систем славянских языков без непосредственного заимствования отдельных морфем.

2. Система глаголов речемыслительного действия в идише

Наиболее частотным и многозначным глаголом речемыслительного действия в идише является глагол רעדן (‘говорить’). В нашей статье мы будем опираться на структуру значений данного глагола, предложенных в «Русско-еврейском (идиш) словаре». Из выделенных в данном словаре значений этого глагола только три способны сочетаться с предлогами וועגן (‘о’) и פֿון (‘о’). Это значения ‘говорить, разговаривать’, ‘сообщать’ и ‘свидетельствовать’. Интересно отметить, что два последних значения могут быть выделены и у его видового коррелята זאָגן (‘сказать’).

1) מיר האָבט **גערעדט וועגן** אונדזערע קינדער.
мы-NOM говорить-Past, 1, pl о наш-DAT, pl ребенок-DAT, pl
‘Мы говорили о наших детях.’
2) דער אַוטאָר פֿונעם אַרטיקל **רעדט וועגן** דער נײַער טעכניק.
DET-NOM, sg автор-NOM, sg PREP+DET-DAT, sg, m статья- DAT, sg говорить-PRES, sg о DET-DAT, sg новый- DAT, sg, f техника- DAT, sg
Автор статьи говорит о новой технике.
3) **וועגן** וואָס **זאָגט** עס אונדז?
о что-DAT, sg сказать- PRES, sg это-NOM, sg мы- DAT
‘О чем это нам говорит?’

Что касается других глаголов данной семантической области, значение ‘сообщать’ также передается глаголами מעלדן (‘сообщить, заявить, огласить’), איבערגעבן (‘сообщить, уведомить’) и מיטטיילן (‘сообщить, уведомить’), только первый из которых способен принимать предложное дополнение. Другими частотными глаголами исследуемой лексической области являются глаголы דערציילן (‘рассказывать’), שמועסן (‘беседовать, разговаривать’), טראַכטן (‘думать’). Глагол שפּרעכן (‘говорить, заговаривать’), коррелят которого в немецком языке *sprechen* ‘говорить’ является наиболее частотным и многозначным из глаголов речемыслительного действия, в идише приобрел очень узкую сферу значения, что привело к его неспособности принимать предложное дополнение.

Возвращаясь к наиболее частотному в идише глаголу רעדן (‘говорить’), отметим, что коррелят данного глагола в немецком языке *reden* ‘говорить’

уступает по частотности глаголу *sprechen* с тем же прототипическим значением. Значение ‘свидетельствовать’ отсутствует в семантической структуре глаголов *reden* ‘говорить’ и *sagen* ‘сказать’. Оно реализуется у немецкого глагола *sprechen* ‘говорить’ только в конструкции с предлогом *für* ‘для’, который в немецком языке не способен вводить роль темы.

В то же время, как показывают данные словарей, в частности (*Сучасний тлумачний словник української мови*), а также языков корпусов, таких, как параллельный корпус НКРЯ, Корпус текстов украинского языка, Национальный корпус польского языка, семантическая структура глаголов с базовым значением ‘говорить’ включает значение ‘свидетельствовать’. Это глаголы *говорити* в украинском, *гаварыць* в белорусском и *mówić* в польском.

4) *Все **говорило** про те, що в’язень вийшов лише через двері.* (Олесь Бердник. Привид іде по Землі. 1959)

*Все **говорило** о том, что узник мог выйти только через двери.* (Александр Бердник. Призрак идет по Земле.)

5) *Наступило затишье, и только красный флаг над зданием городской управы, где хозяевами укрепились меньшевики и бундовцы, **говорил** о происшедшей перемене.* (Н. А. Островский. Как закалялась сталь. 1930-1934.)

*Надышоў зацішак, і толькі чырвоны сцяг над будынк**ам гарадской управы, дзе за гаспадароў усталяваліся меншавікі і бундаўцы,** гаварыў пра тую змену, якая нядаўна адбылася.* (Мікалай Астроўскі. Як гартавалася сталь.)

6) *Twarz Wyszko musiała **mówić** wiele, bo Prokupek natychmiast pospieszył z wyjaśnieniami.* (Andrej Sapkowski. Boży bojownicy. 2004.)

*Лицо Вышка явно **говорило** о многом, потому что Прокупек тут же поспешил пояснить.* (Андрей Сапковский. Божьи воины.)

Что касается русского языка, глаголу *говорить* посвящена статья А. Зализняк (Зализняк, 1991), в которой глагол *сказать* рассматривается как его вариант. В статье речь идет о семантической структуре данного глагола, в которой, в частности, выделяются значения ‘сообщать’, ‘иметь предметом обсуждения’ и ‘быть источником информации (свидетельствовать)’.

Говоря о славянском влиянии на систему глаголов речемыслительного действия в идише, мы будем рассматривать данные славянских языков в совокупности, не приписывая этого влияния какому-либо конкретному языку. Такой подход представлен в работах, посвященных описанию идиша в целом (Weinreich, 1989; Гитлиц, 1935; Фалькович, 1989), а также в работах, предлагающих различные классификации славянских лексиче-

ских заимствований (Joffe, 1927-1928; Šulman, 1939)[2]. Л. Талми в статье (Talmy, 1982), ссылаясь на значительное сходство славянских языков, привлекает данные только русского языка для анализа славянского влияния на систему глагольных приставок идиша.

3. Ограничения на состав конструкций, инкорпорирующих глаголы речемыслительного действия

В идише валентность темы может вводиться двумя предлогами: וועגן (‘о’) и פֿון (‘о’), первый из которых не обладает пространственным значением, а второй сохранил свое базовое пространственное значение ‘из, от’. Оба предлога имеют германское происхождение, причем в немецком языке предлог *von* ‘о’, являющийся коррелятом предлога פֿון и обладающий тем же пространственным значением, также способен вводить семантическую роль темы наряду с предлогом *über* ‘о’ с базовым пространственным значением ‘над’. Что касается немецкого коррелята предлога וועגן, нужно отметить, что в немецком языке предлог *wegen* ‘ради, из-за, вследствие, благодаря’ валентность темы не вводит. Развитие непространственных значений у немецких предлогов *von* ‘о’ и *über* ‘о’ в средневерхненемецком, из которого выделился идиш, рассматривается в работе (Waldenberger, 2009). В свою очередь, эволюцию предлогов וועגן (‘о’) и פֿון(‘о’) можно проследить по (Frakes, 2008).

В идише наиболее частотной и, соответственно, продуктивной становится конструкция с предлогом וועגן (‘о’). Именно в эту конструкцию встраиваются глаголы רעדן и זאָגן в новом значении ‘свидетельствовать’. Что касается конструкции с предлогом פֿון (‘о’), нужно отметить, что она становится характерной для разговорной речи. Таким образом, глаголы речемыслительного действия в идише как бы распадаются на две группы: одни глаголы, такие как מעלדן (‘сообщать’), а также רעדן и זאָגן в значении ‘сообщать’, ‘свидетельствовать’ могут употребляться только в конструкции с предлогом וועגן (‘о’), а другие глаголы, носящие более разговорный характер, например, דערציילן (‘рассказывать’), שמועסן (‘беседовать, разговаривать’) способны встраиваться как в конструкцию с предлогом וועגן (‘о’), так и в конструкцию с предлогом פֿון (‘о’). В Корпусе языка идиш (http://corpustechnologies.com) не найдено ни одного употребления глагола מעלדן (‘сообщать’) с предлогом פֿון (‘о’), в то же время в конструкции с предлогом וועגן (‘о’) этот глагол встречается 17 раз.

[2] В то же время существуют работы, посвященные влиянию какого-либо конкретного славянского языка на лексическую систему идиша (Shklyar, 1933; Swoboda, 1979-1980).

7) אין צוויי שעה האָט מען **געמאָלדט וועגן** אַ נײַער מלחמה.

через два час-pl приблизительно AUX объявить-Past, 1, sg человек-NOM, sg о DET новый-DAT, sg, f война-DAT, sg

‘Приблизительно через два часа объявили о новой войне’.

Для глаголов רעדן и זאָגן в значении ‘сообщать’, ‘свидетельствовать’ в Корпусе языка идиш также не найдено ни одного употребления с предлогом פֿון (‘о’). В то же время в значении ‘говорить, разговаривать’ и ‘сказать’ глаголы רעדן и זאָגן соответственно способны встраиваться в обе предложные конструкции.

8) אָבער עס איז קלאָר, אַז ער **רעדט וועגן** טויט.

но есть-PRES, 3, sg это-NOM понятный-NOM,sg что он-NOM говорить- PRES, 3, sg о смерть-DAT, sg

‘Но ясно, что он говорит о смерти.’

9) איך **רעד פֿון** מאָסקווע.

я-NOM говорить-PRES, 1, sg о Москва-DAT

‘Я говорю о Москве.’

10) די ווײַב זײַנע, מלכּה, **זאָגט וועגן** אים: דאָס איז מײַן שײַנדל, מײַן קרוין און מײַן צרה.

DET жена-NOM, sg его – sg, NOM, f Малке-NOM, sg сказать-PRES, 3, sg о он-DAT

‘Его жена Малке говорит о нем: «Он моя гордость, мое сокровище и моя беда».’

11) מע קען **זאָגן פֿון** די וואָס האַלטן פֿון דעם.

Кто-то -NOM мочь-PRES сказать-INF о тот-pl, DAT что-NOM уважать-PRES, 3, pl от DET-DAT

‘Можно говорить о тех, кто тебя уважает’.

Что касается глагола דערציילן (‘рассказывать’), то он тяготеет к конструкции с предлогом וועגן (‘о’), в корпусе насчитывается 426 таких контекстов наряду с 18 употреблениями с предлогом פֿון (‘о’).

12) מע **דערציילט וועגן** דער דאַוון־שול, געעפֿנט אין 2004.

кто-то-NOM рассказывать-PRES, 3, sg о DET-DAT молельный дом-DAT, sg открыть-PART. в 2004

‘Говорят о молельном доме, открытом в 2004.’

13) **דערציילט פֿון** אַ קעמפֿערין.

рассказать-IMP, pl о женщина-боец-DAT, sg

‘Расскажите о бойце’.

То же самое можно сказать и о глаголе טראַכטן ‘думать’, в корпусе встречается 112 контекстов с предлогом וועגן (‘о’) и 19 контекстов с предлогом פֿון (‘о’).

14) אָבער ווען איך **טראַכט וועגן** דעם בײַ נאַכט, הער איך פֿאַרשידענע שפּראַכן, און באַזונדערס אָפֿט דעם לשון־קודש.

но когда я-NOM думать-PRES,1 , sg о это-DAT, у ночь-DAT, sg слышать PRES, 1, sg я-NOM разный-ACC, pl язык-ACC, pl и особенно часто священный язык ACC, sg

‘Но когда я думаю об этом ночью, слышу я разные языки и особенно часто древнееврейский’

15) מײַן טאַטע איז אַ פּענסיאָנירטער דאָקטער, און **טראַכט פֿון** פֿאָרן קיין האַיִטי צו העלפֿן דאָרט נאָך דעם ערדציטערניש.

мой-NOM, m, sg отец NOM, sg думать-PRES, 1 , sg о ехать-INF к Гаити-DAT

‘Мой отец – врач на пенсии и думает о поездке на Гаити, чтобы помогать там после землетрясения’.

Глагол שמועסן (‘беседовать, разговаривать’) и его производные, такие, как אָפּשמועסן (‘договориться’), напротив, тяготеют к конструкции с предлогом פֿון (‘о’). В корпусе найдено 106 таких употреблений наряду с 42 употреблениями с предлогом וועגן (‘о’).

16) זיי האָבן **געשמועסט וועגן** אויפֿשטעלן אין ירושלים אַ מוזיי.

они-NOM AUX беседовать-PAST о возводить-INF в Иерусалим-DAT DET музей-ACC

‘Они беседовали о возведении в Иерусалиме музея.’

17) שוין אָפּגעשמועסט פֿון דעם, וואָס אייניקע טוער זײַנען פֿאַרבליבן אין קיִעוו.

уже проговорить-PART о то-DAT что некоторый-pl деятель-NOM, pl AUX остаться-PAST в Киев-DAT

‘Уже проговорено, что некоторые деятели остались в Киеве’.

Интересно отметить, что подобное стилистическое противопоставление не характерно для немецких конструкций с предлогами *über* ‘о’ и *von* ‘о’, вводящими семантическую роль темы. Как показывают данные корпуса немецкого языка сайта CorpusEye, единственный из предикатов со значением ‘сообщать’, способный принимать предложное дополнение, глагол *benachrichtigen*, свободно встраивается как в конструкцию с предлогом *über* ‘о’, так и в конструкцию с предлогом *von* ‘о’:

18) *Der Vorteil für den Händler ist dabei, dass dieser unmittelbar nach der Überweisung* ***darüber benachrichtigt*** *wird und die Ware gleich verschicken kann.*

‘Польза для продавца заключается в том, что ему сообщается об этом непосредственно после перевода, и товар сразу же может быть отправлен.’

19) *Der Benutzer wird umgehend* ***davon benachrichtigt****.*

‘Пользователю срочно об этом сообщат’.

Напротив, в славянских языках, в частности, в русском, также присутствует подобное противопоставление в системе глаголов речемыслительного действия. Некоторые глаголы, характерные для официальной речи, такие, как *свидетельствовать*, *сообщать*, действительно способны встраиваться только в конструкцию с предлогом *о*, в то время как глаголы, характерные для разговорной речи, такие, как *болтать*, могут употребляться как в конструкции с предлогом *о*, так и в конструкции с предлогом *про* (Дубровина, 2007). Как показывают данные словарей и языковых корпусов, в украинском и белорусском языках также сосуществуют два конкурирующих предлога, вводящих валентность темы сообщения, один из которых вытесняется в разговорную и / или диалектную сферу. В украинском это основной предлог *про* и вытесняемый *за*, в белорусском – *пра* и *аб* соответственно.

В своем исследовании (Talmy, 1982) Л. Талми говорит об основных принципах, управляющих заимствованиями на уровне грамматики. Как представляется, соответствующие закономерности наблюдаются и в ходе семантических заимствований в той или иной лексической области. Одним из таких принципов является то, что метазначение какого-либо морфемного класса языка-источника может заимствоваться только схожей синтаксической категорией, уже имеющей в своем репертуаре значений подобные окказиональные употребления, например, система передачи видовых значений посредством глагольных приставок в славянских языках была заимствована данной синтаксической категорией в идише, поскольку глагольные приставки в идише и прежде окказионально передавали видовые отношения. Язык-реципиент, как правило, не заимствует ни синтаксических категорий, ни значений того морфемного класса языка-источника, параллелей которому не имеет. Говоря о семантике глаголов речемыслительного действия в идише и их способности встраиваться в конструкции с предлогами וועגן (‘о’) и פֿון (‘о’), нужно отметить, что сама возможность влияния славянской модели на распределение значений как отдельных глагольных лексем, так и инкорпорирующих их конструкций в пределах данной семантической области была обусловлена наличием в идише глаголов רעדן (‘говорить’) и זאָגן (‘сказать’) с тем же прототипическим значе-

нием, что и у их славянских соответствий *говорить* и *сказать*, а также существованием двух конкурирующих предлогов с валентностью темы וועגן (‘о’) и פֿון (‘о’).

Следующий принцип указывает на то, что в пределах определенной синтаксической категории языка-реципиента значение принимается только теми морфемами, фонетическая и / или семантическая структура которых близка структуре соответствующих морфем языка-источника. Говоря о глаголах речемыслительного действия в идише и инкорпорирующих их конструкциях, нужно отметить, что, как показывают данные Корпуса языка идиш, новые значения глаголов רעדן (‘говорить’) и זאָגן (‘сказать’) имеют тенденцию к реализации в конструкции с предлогом וועגן (‘о’), который утратил пространственное значение, а не в конструкции с предлогом פֿון (‘о’), базовое пространственное значение которого ‘от, из’ в целом чуждо славянской модели реализации валентности темы. Однако нужно подчеркнуть, что с этой точки зрения особенности распределения предлогов וועגן (‘о’) и פֿון (‘о’) при глаголах речемыслительного действия в отдельных диалектах требуют дальнейшего исследования.

Кроме того, язык-реципиент может расширять сферу действия каких-либо заимствованных синтаксических и семантических элементов по сравнению с языком-источником. Так в идише значение ‘свидетельствовать’ появляется не только у глагола רעדן (‘говорить’), но и у его видового коррелята זאָגן (‘сказать’), что не является характерным для славянской модели. При этом язык-реципиент обнаруживает тенденцию к сохранению собственных синтаксических и семантических особенностей и противопоставлений, создавая гибридные семантические модели. В частности, в идише предлог פֿון (‘о’), базовое пространственное значение которого ‘от, из’ не является характерным для славянской модели реализации валентности темы, продолжает употребляться с определенной группой глаголов.

4. Заключение

Представленный анализ семантики и сочетаемости глаголов речемыслительного действия в идише свидетельствует о том, что данная семантическая область испытала в целом значительное влияние славянской модели. Наше исследование позволяет предположить, что закономерности, наблюдающиеся в ходе семантических заимствований в пределах той или иной лексической области, согласуются с принципами, управляющими заимствованиями на уровне грамматических систем.

Библиография

Гитлиц, М. М. Проблема славянского слоя в языке идиш. Л., 1935.

Дубровина, И. В. «Семантика конструкций "говорить о" и "говорить про"» в ж-ле: *Научно-техническая информация*: Сер. 2, 2007, № 4, с. 17–21.

Зализняк, А. А. «Словарная статья глагола "ГОВОРИТЬ"» в: *Семиотика и информатика*, 1991, вып. 32, с. 71–83.

Майсак, Т. А, Рахилина, Е. В. (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология. М.: Индрик, 2007.

Рахилина, Е. В. (ред.). Лингвистика конструкций. М.: Азбуковник, 2010.

Русско-еврейский (идиш) словарь / Ред.: М. А. Шапиро, И. Г. Спивак, М. Я. Шульман, 1989.

Сорокина, А. Ю. «О характере славянских лексических заимствований и калек в языке идиш» в сб.: *Свой или чужой? Славяне и евреи глазами друг друга*. М., 2003, с. 187–199.

Сучасний тлумачний словник української мови. Харків, 2011.

Фалькович, Э. М. «О языке идиш» в кн: *Русско-еврейский (идиш) словарь*. М., 1989.

Fillmore, Ch. J., Kay, P., O'Connor, C. "Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The case of Let Alone" in: *Language* 64. 1988, p. 501–538.

Fried, M., Östman, J.-O. "Construction grammar: a thumbnail sketch" in: *Construction grammar in a cross-language perspective*. Amsterdam / Philadelphia, PA: Benjamins, 2004.

Frakes, J. C. (ed.). Early Yiddish Texts 1100–1750. Oxford, 2008.

Goldberg, A. E. Constructions: A construction grammar approach to argument structure. Chicago: The University of Chicago Press. 1995.

Joffe, J. A. "The Slavic element in Yiddish" in: *Pinkes fun Amopteyl fun YIVO*. New York, 1927–1928. S. 235–256, 296–312.

Shklyar, H. Yiddish-Byelorussian Linguistic Parallels, *Lingvistische zamlung*, Minsk, 1933, № 3, s. 55–60.

Šulman, N. "Slavizmen in der leksik fun jidish" in: *Afn sprakhfront*. Kiev, 1939, №3, s. 71–109.

Swoboda, V. "Ukrainian in the Slavic Element of Yiddish Vocabulary" in: *Harvard Ukrainian Studies*. 1979–1980, № 3-4, p. 818–825.

Talmy, L. "Borrowing Semantic Space: Yiddish Verb Prefixes between Germanic and Slavic" in: *Proceedings of the Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society*. Berkeley, 1982, p. 231–250.

Waldenberger, S. "Präpositionen und Präpositionalphrasen im Mittelhochdeutschen" in: *Band 3 von Studien zur mittelhochdeutschen Grammatik*. Tübingen: Niemeyer, 2009. S. 37–65.

Weinreich, M. History of the Yiddish language. Chicago and London: University of Chicago Press. 1980.

ИСКУССТВОВЕДЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

Т. Павлова

Плач на руинах местечка. Фотопроект Евгения Котляра «На реках вавилонских…»

22 мая 2012 года в Искусствоведческом центре «Academia» в Харькове открылась фотовыставка «На реках вавилонских…». Ее автор – искусствовед и художник Евгений Котляр[1], доцент кафедры монументальной живописи Харьковской государственной академии дизайна и искусств – показал себя незаурядным мастером фотографии. Дополнили выставку, где господствовало серебро черно-белой фотографии, скульптуры Любови Якименко[2]: яркие, насыщенные цветом композиции из дерева и камерные произведения из бронзы. В отличие от документальной конкретики фотографии, они представили символические образы еврейского местечка – штетла.

Выставка была подготовлена в ходе творческой экспедиции – семинара-пленэра по еврейским местечкам Украины «*Нешама*: через искусство к сердцу»[3]. Семинар проходил 1–8 августа 2011 года, представляя собой поездку по 25 городам и местечкам Украины: Житомир, Бердичев, Дубно, Кременец, Тернополь, Каменец-Подольский, Смотрич, Меджибож, Винница, Брацлав, Умань и др. Проект состоялся благодаря поддержке Международного еврейского студенческого культурного центра «ГИЛЕЛЬ» (директор Ю. Потоцкая), а также Центра востоковедения Харьковской государственной академии дизайна и искусств (куратор Е. Котляр). По его результатам была организована коллективная художественная выставка «Еврейская Атлантида» (апрель – май 2012 г., галерея «АВЭК», Харьков), частью которой стала и экспозиция Евгения Котляра.

Фотовыставка «На реках вавилонских» представляет особую ценность, являясь творческим «проектом памяти», который документирует путешествие-паломничество. Движущие идеи проекта «*Нешама*: через искусство к сердцу» предстают здесь в развитии, они актуализируют исторические параллели и сравнения. Обратимся к словам автора из предисловия к выста-

[1] Котляр Евгений, род. в 1970 г. в Харькове, дизайнер, художник-монументалист, фотохудожник, кандидат искусствоведения, исследователь еврейского искусства, педагог.

[2] Якименко Любовь, род. в 1972 г. в Харькове, скульптор, педагог.

[3] *neshama*, ивр. – душа, живое существо.

вочному каталогу: «Подобно еврейским религиозным мужам, сетующим сегодня на измельчание своей мудрости и божественного знания в сравнении с прошлым, мы грустим о том, что можем представить весь этот мир лишь в своем воображении. Но как для них, так и для нас это мелководье все еще проникнуто откровением и чарующим благословенным светом. Всего через несколько дней пребывания в штетле этот свет рассеял густой туман небытия, и перед нами простерлась гигантская еврейская Атлантида…» («Еврейская Атлантида», 2012, с. 4).

Показывая сегодняшнюю жизнь провинциальных городков Украины, где, в бытность черносотенной модели Российской империи, за ограничительной линией «черты оседлости» проживали евреи, фотовыставка Евгения Котляра живописует сохранившийся мир штетла и его осязаемые ареалы. Поэтому не случайно здесь вступает в права аллегорический язык, который передает перипетии истории в особых образах, символах, мотивах, присущих восточно-европейскому еврейству. И хотя некоторые образы, несомненно, являются смысловыми криптограммами, понятными лишь посвященным, в целом благодаря тому, что они переданы языком фотографии, имеющим демократическую природу, – выполняют свою задачу, донося до зрителя вполне конкретное содержание.

Осмысление фотографической выставки как некоего итога проекта *«Нешама»*, наводит на серьезные мысли о ее особом художественном статусе. Она вошла в галерею произведений визуального искусства, посвященных драматической истории восточноевропейского еврейства, где уже сложился свой образный язык, типология и иконография. Так, история помнит трагедию принудительного выселения евреев в 1891–1892 гг. из Москвы, запечатленной в работах Леонида Пастернака и других художников. Тема погромов гражданской войны в символической форме предстает на полотнах Марка Шагала, Абрама Маневича и Иссахара-Бера Рыбака. Поэтому, описывая данный художественный материал в критериях строгой иерархии жанров, здесь можно говорить о жанровых сценариях исторического пейзажа. Раскрывая затерянную в глуши тихой украинской провинции «еврейскую Атлантиду», фотография рассказывает и о драматических коллизиях еврейской истории, и о философии и культуре народа. Сам автор, открывая выставку, подчеркивал, что «в остатках ее тела» [Еврейской Атлантиды. – *Т.П.*] он через фотографию «нащупывал пространство ее духа».

В отдельных случаях можно усмотреть историко-архитектурный пейзаж, в других – романтизированный образ истории, который рождается из наблюдения за мелочами и артефактами повседневного быта местечек, прочитанных внимательным взором отдельных архитектурных деталей. Последние выступают здесь как в своем прямом фактографическом, так и

символическом значении. В фокусе внимания автора не раз оказывается заколоченное окно или дверь. Это то, что он назвал «эстетикой запустения».

Фото 1. *Отражение*. Из цикла «Заколоченный мир». 2011.
Фотомонтаж. 32х60 см.

Но и констатируя это «запустение», автор не оставляет зафиксированные им щемящие детали в пессимистической «долине скорби», выводя уверенную линию, направленную в будущее. Таковы парные фотографии («Два времени Дубно», см. фото 2), где художник, используя метод коллажа, рядом с обветшалыми окнами и дверьми на фасадах, тронутых патиной времени, «поставил» новые двери и окна, таким образом, возводя на руинах прошлого обновленное здание и представляя оптимистическую перспективу возрождения, приятия новых путей, которые несет жизнь. «Мир прошлого» в работах автора не отвергается как нечто, подлежащее забвению. Оно соприсутствует в сложном конгломерате впечатлений, образов, мыслей, которые рождает соприкосновение с миром еврейских местечек Украины.

Фото 2. *Два времени Дубно*. Из цикла «Асимметрия времени». 2012.
Фотоколлаж. 44х32 см.

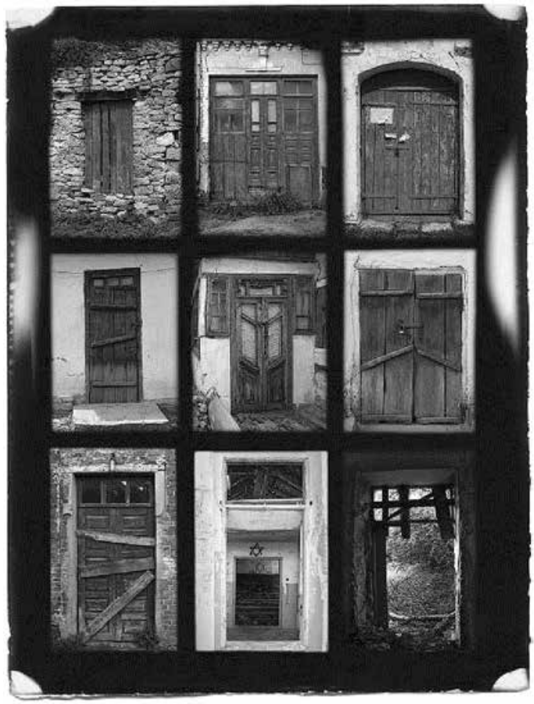

Фото 3. *Двери местечка*. Из цикла «Лики местечка». 2012.
Фотоколлаж. 60х45 см.

Фотографическое послание Евгения Котляра связано с поисками ушедшей и вместе с тем настоящей (!) еврейской культуры: того, что может поддерживать и питать дух. Можно сказать, что это и мечта об идеальном мире, навсегда ушедшем, где художника вдохновляют традиционные еврейские образы, мире, где царит духовная мудрость и религиозное благочестие, где жизнь наполнена строгими и красивыми ритуалами.

Фото 4. *Экспедиция*. Из цикла «Лики местечка». 2012.
Фотоколлаж. 60х45 см.

И не удивительно, дух архаики, царящий в этом регионе, навевает элегические образы. На снимках предстают уцелевшие островки еврейских местечек, с их почти средневековым укладом, который очень мало изменялся с течением времени. Нужно сказать, что в этих фотографиях ощущается влияние научных исследований Евгения Котляра (в 2001 г. он защитил диссертацию «Синагоги Украины второй половины XVI – начала XX вв. как историко-культурный феномен»), глубокое понимание ценности всего того, на что он направляет фотообъектив. Поэтому снимки благоговейно передают мир синагоги, которая была местом хранения веры и культуры, образования и правосудия. Автор дает возможность зрителю, пришедшему на выставку, заглянуть в святая святых еврейской культуры.

Фото 5. *Оскал древности*. Окно сатановской синагоги.
Из цикла «Заколоченный мир». 2011. Фотографика. 44х32 см.

Фото 6. *Коза и мацева.* 2011. Фотографика. 44х32 см.

Перед нами предстают кладбища с украшенными арабесками *мацевот*, среди которых бродит «белая козочка» – неотъемлемый атрибут еврейской поэтики. Художник показывает сохранившиеся уголки, дома, которые вот-вот исчезнут вместе со своим неповторимым колоритом.

Фото 7. *Сумерки. Отражение (Синагога в Дубно)*. 2011.
Фотографика. 40х32 см.

Фотовыставка открывает огромный культурный пласт, связанный с бытованием еврейских местечек. Но взятый художником историко-романтический ключ не мешает проявлению юмора, иронии. Ироническое качество ряда снимков напрямую связано с особенностями традиционной еврейской культуры, которые создают специфическую атмосферу в снимке – поэтику, сочетающую смысловые контрасты: глубокую философию и низовые, фольклорные и смеховые мотивы, а также образы, полные трагикомизма. Так, снимок «Коза и мацева» (фото 6), переплетающий темы вечности и тленности вызывает в памяти образы творений Марка Шагала и Шолом-Алейхема. В свою очередь, фотография «Звонок ребе», запечатлевшая паломника с мобильным телефоном, склонившегося над усыпальницей ребе Нахмана в Умани – предстает постмодернистской рефлексией мистической роли хасидского духовного лидера – цаддика, как посредника между человеком и Всевышним (фото 8).

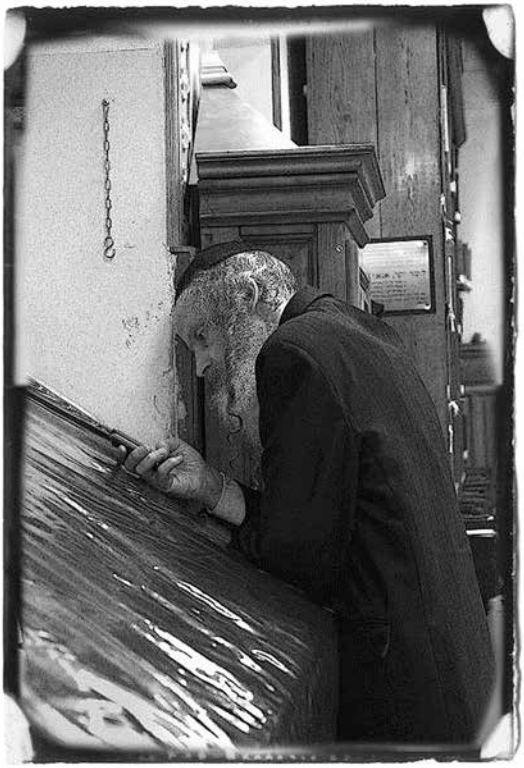

Фото 8. *Звонок Ребе. (На могиле р. Нахмана в Умани)*. 2012.
Фотографика. 44x32 см.

Фотоработы Е. Котляра прекрасно вписываются и в контекст развития темы образов еврейского мира в искусстве черно-белой фотографии. В работах довоенного времени Соломона Юдовина[4], Павла Жолтовского[5], Мойше Воробейчика[6], Романа Вишняка[7] и др. *штетл* предстает как живой

4 Юдовин Соломон Борисович (1892–1954) – русско-еврейский и советский график, художник, этнограф, участвовал в качестве фотографа в этнографических экспедициях С. Ан-ского по черте еврейской оседлости (1911–1913).

5 Жолтовский Павел Николаевич (1904–1986) – украинский искусствовед, доктор искусствоведения, основоположник искусствоведческой науки на Украине. В 1920–1930-е гг. в качестве сотрудника Музея украинского искусства в Харькове объездил многие города и села Украины для сбора материалов и фотографирования памятников народного искусства. Среди них – сотни фотографий синагог, еврейской застройки местечек бывшей черты оседлости (Котляр, 2011). Оригиналы его фотографий хранятся в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского НАН Украины. Ф. 273. Авторский фонд С. А.Таранушенко.

6 Воробейчик Моше (Moshe Vorobejchik), фотограф, автор фотоальбома: Vorobeichic, M. Ein Ghetto im Osten (Wilna). Zurich and Leipzig: Orell Füssli Verlag, 1931.

7 Вишняк Роман (1897–1990) – русско-американский фотограф, известный по фотосъёмке культуры

мир, насыщенный традициями и людьми, который уже к концу 1930-х гг. стоит на грани исчезновения. Излет советского времени и современная эпоха национального возрождения вновь пробудили интерес к еврейскому прошлому профессиональных фотографов. В их числе Дмитрий Пейсахов[8], Михаил Хейфец[9], Михаил Кригель[10], Лоли Кантор[11], и, конечно же, Рита Островская[12], с ее энциклопедией еврейства…

Работы этих мастеров – фотохудожников, репортажников и документалистов – насыщены уже другими интонациями: ностальгия и бытовое пространство, унылые местечковые пейзажи и портреты стариков со всевозможными смысловыми контекстами, знаками и параллелями. Этот мир стал материальной средой, дающей пищу для размышлений о вере и быте, судьбе и надежде, жизни и вечности. Фотографии Евгения Котляра добавляют к этому свою поэтику, масштаб и типологию ностальгического переживания данной темы.

Весь корпус фотографий, представленных на выставке, можно условно разделить на несколько циклов. Один из них составляет пейзажную группу, которую мы уже охарактеризовали как исторический пейзаж, – это камерные и одновременно монументальные образы штетла. К другой группе относится репортажный жанр, включительно с портретами, представляя

евреев в Центральной и Восточной Европе до Холокоста. Полный архив его работ хранится в Международном центре фотографий в Нью-Йорке (International Center of Photography http://www.icp.org). Р. Вишняк получил широкую известность после выхода книги «Исчезнувший мир», опубликованной в 1983 году, которая стала одной из первых фотолетописей еврейской культуры Восточной Европы межвоенного времени: Vishniac R. A vanished world, 1983.

8 Пейсахов Дмитрий, фотожурналист, профессиональный фотограф, член Союза фотохудожников Украины, с 1989 г. начал разрабатывать тему истории, культуры и религиозной жизни евреев на Украине, автор фотоальбома: Пейсахов Д. Б. Еврейская жизнь в Киеве [Текст]: Фотоальбом / Ред. и вступ.: Эрхард Рой Вин. Konstanz: Hartung-Gorre Verlag, 1992.

9 Хейфец Михаил, род. в 1952 г. на Украине, профессиональный фотограф, кинодокументалист, с 1984 г. в Ленинграде, в составе группы исследователей Еврейского университета в Петербурге принимал участие во всех этнографических экспедициях; объехал Среднюю Азию, Кавказ, Прибалтику и Украину, участник многочисленных выставок и автор фотоальбома: Хейфец М. Путешествия еврейского фотографа. СПб.: Еврейский общинный центр Санкт-Петербурга, 2004.

10 Кригель Михаил, профессиональный фотограф, один из авторов издания «Затерянный мир: Между прошлым и будущим – страницы еврейской жизни в Украине». Сост. Л. Даниленко, М. Кригель. (Киев, 2006).

11 Кантор Лоли, профессиональный фотограф, живет в США, работы находятся в коллекциях многих музеев современного искусства США и Европы. Родилась в семье польских евреев, переживших Холокост. В 2009 г. вышел в свет альбом ее фотографий «И был лес… Еврейская жизнь в Восточной Европе сегодня», в котором она пыталась отследить историю своих родителей, зафиксировать на камеру жизнь и культуру евреев сохранившихся и возрождающихся общин Восточной Европы. Шесть лет постоянных путешествий по Польше и Украине увели автора далеко за рамки ее личной истории, превратив проект в социальное фотоисследование.

12 Островская Рита, род. в 1953 г. в Киеве, профессиональный фотограф, работы находятся в коллекциях многих музеев Европы и США, в конце 1980-х – сер. 1990-х гг. снимала жизнь и быт евреев в украинской провинции. (См.: Ostrowskaja R. Juden in der Ukraine, 1989–1994. Ostfildern-Ruit, 1996).

актуальный, современный план, из которого складывается динамическое целое. И третья группа близка к натюрмортам, где царит устойчивый пласт мира вещей.

Фото 9. *Молодой хасид (В киевской синагоге Бродского)*. 2012.
Фотографика. 40х32 см.

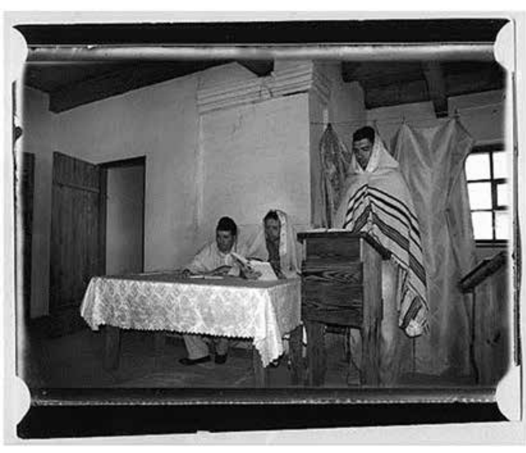

Фото 10. *Молитва... В бейт-мидраше Бешта.* 2011.
Фотографика. 32х40 см.

Фото 11. *Старый чердак (бывшая женская галерея синагоги в Бершади).*
Из серии «Эстетика запустения». 2012. Фотографика. 32Х44 см.

Архитектурный исторический пейзаж, прежде всего, приоткрывает тайну цивилизации местечек, безуспешно поглощаемых империями. Эти фото говорят о временах очень далеких. Но это и вневременной пейзаж. Как будто ничего не изменилось с тех давних пор. Возможно это дань хасидской философии присутствия божественного в природе, что в первую очередь определяет ее восприятие. Поле зрения снимков расширено благодаря эффекту панорамы.

Надо сказать, что панорамная фотография очень характерна для харьковской фотошколы (серия «Скрипка» Евгения Павлова, 1972 г., панорамные снимки Виктора Кочетова конца 1980-х гг.). Но именно панорамные серии Бориса Михайлова, такие, как «У земли» (1991) и «Сумерки» (1993) стали визитной карточкой украинской фотографии.

Может показаться, что Евгений Котляр также использует панорамный фотоаппарат, позволяющий передать пространство обзора с большей психологической достоверностью. В действительности он виртуозно применяет технику монтажной склейки, монтируя в одном вытянутом кадре видовые сегменты круговой фотосъемки. Это дает большую глубину изобразительного пространства, которая дополнительно подчеркивается переднеплановыми композициями с экспрессивной линейной перспективой. По словам самого автора, идея создания подобных панорам зародилась более десяти лет назад во время его первых фотосессий в местечках. Они очаровали художника своей камерностью и одновременно монументальностью, для отражения которых нужна была своя художественная форма.

Фото 12. *Еврейское кладбище в Полонном*. 2011.
Фотопанорама. 32х87 см.

Фото 13. *Умань. Взгляд будущего*. 2011.
Фотопанорама. 32х78 см.

Е. Котляр пишет: «К пребыванию в бывших еврейских местечках невозможно привыкнуть. Здесь особый воздух и остро ощущаемое дыхание древности. В каждом местечке почти один и тот же набор руин: замки, костелы, церкви, синагоги, кладбища, остатки монументальной старины и какое-то нелепое и обезличенное вторжение советского времени. И, вместе с тем, все это как-то по-особому скомпоновано, естественно и органично вписано в природный ландшафт. Вблизи ощущаешь архитектурную мощь и фактуру старого камня и дерева, устрашающий взгляд пустых готических окон, хитросплетение улиц и подворотен. Но стоит только подняться на возвышение или холм, как все местечко оказывается на ладонях – такое теплое, уютное, потаенное. На одном из таких холмов, быть может в Шаргороде, Сатанове или где ещё десять лет назад зародился фотопроект «Панорамы еврейского мира», который вышел сегодня далеко за пределы Украины. Черно-белые фотографии с легкой фактурой и обрамлением в духе оттисков со старых фотопластинок дают внешний эффект довоенной фотосъемки и играют с эстетикой пикториализма. Что же касается содержания панорамного кадра и его композиции – то это все та же попытка зафиксировать, а

где-то и сконструировать эпический образ штетла – конкретного и собирательного» («Еврейская Атлантида», 2012, с. 29).

Следует сказать, что этот проект стал продолжением выставки «Возвращение в штетл», которая состоялась в 2005 г. в выставочном зале Харьковского художественного музея. Тогда два живописца (Елена Котляр и Вадим Колтун) и фотохудожник (Евгений Котляр) представили свои первые размышления о прошлом, настоящем и будущем штетла. Но тогда в проекте отдельным блоком выставлялись реставрированные старые фото, которые вместе с цветными фотопанорамами Евгения Котляра и живописными фантасмагориями его коллег составили выставочную триаду, с ее ностальгическим брендом *«Shtetl Forever»*. Сам автор писал во вступительной статье к небольшому каталогу, что эта попытка совмещения в одном проекте исчезнувшей документальности, современных ландшафтов и живописных грез и ностальгии была призвана «реконструировать дух местечка, задержать хотя бы на мгновение его неизбежный уход» (Повернення до штетлу, 2005, с. 1).

Может быть, именно бережность в обращении с ценностями этого культурного пласта подвигла автора на сей раз к особому эстетическому жесту. Снимки, которые сделаны современной фотокамерой, выглядят так, будто их только что достали из запылившейся от времени коробки на заброшенном чердаке. Создается ощущение, что они сделаны старой деревянной камерой на форматную листовую пленку, или даже это стеклянные пластины с характерными для них технологическими артефактами по периметру изображений. Для этого автор имитирует неровные рамочки, следы от прижимов пленки, засветки по краям, и даже сколы стекла. Отметим, что автор апеллирует к одному из направлений современной музейной эстетики в подаче старой фотографии как ценного документа. Здесь как будто зафиксировано само время и его разрушительная работа, запечатленная на негативах или фотографиях, с их неизбежными повреждениями. Такое использование автором приемов старых фотографических технологий и игра в аутентичность в данном случае работает на усиление исторической глубины авторского «фотографического послания».

Особыми функциями наделены ностальгические фотоколлажи (фото 2–4), они играют собирающую роль, аккумулируя множественные смыслы и направляя их в единое русло проекта *«Нешама»*. В их форме заметно подражание бытовым домашним подборкам снимков, заключенным в одну большую раму – те, что выполняют роль семейных, родовых реликвий. Но, подражая народному стилю, автор наполняет форму новым содержанием. Комбинации фотографий в подобных мозаике коллажах создают определенный настрой, где отдельные снимки обретают иное, подчас необычное

значение, поднимаются в своих масштабах до обобщений, в которых предстают исчезающие традиции, народные обычаи евреев черты оседлости.

Репортажные фото передают непосредственные впечатления от сегодняшних будней штетла. Мы видим на снимках местных жителей и иностранных паломников, приехавших в украинскую глубинку из отдаленных концов мира к святым могилам прославленных хасидских цаддиков. Присутствие духа Шагала здесь очевидно, он дал импульс в осмыслении культурного послания штетла, но все же это – репортаж, и он имеет свои жанровые особенности. На выставке представлено и несколько фотопортретов. Удачно использован метод репортажной съемки портретов в разных ситуационных контекстах. При этом колоритные образы тяготеют к классическому портрету. Так, эффектный поворот влево в портрете молодого хасида (фото 9), характерный для традиционного живописного портрета, привносит алгоритм постановочной съемки.

Отслеживание связей между сегодняшним бытованием этих мест и прошлым еврейского народа, отсчитываемым со времен исхода из Египта, отличает колорит многих снимков. И все это нередко сдобрено юмором, как, например, появление подкрасок в ряде снимков. Заметим также, внесение рукотворного цвета – характерная черта харьковской фотографии. В центре композиции черно-белого снимка «Сумерки. Отражения» (фото 7), – в луже, отражается… голубое небо и расцвеченная красками синагога. И вот именно цвет, появляясь в этом фрагменте, задает эмоциональный настрой всему снимку. Эта своеобразная колористическая аппликация несет в себе метафору, суть ее такова: «в небе, в царстве духа все хорошо!».

Краски неба появляются и в просветах окон старого заброшенного дома, забитых досками (см. «Отражение», фото 1). При этом автор искусно уменьшает простенки, сближает заколоченные окна на кирпичной стене, как бы протягивая через просветы полуразбитых оконных стекол голубое облачное небо. Колористические акценты редки и лаконичны, они подчеркивают связь времен. Автор вводит их с большой осторожностью, скорее как намек на присутствие в своей фоторетроспективе элементов живой современной жизни.

Таким же продолжением жизни, правда, в ином, художническом измерении, проникнут снимок «Пленэр на еврейском кладбище в Купине» (фото 14). На фоне развернутого панорамой некрополя автор запечатлевает художников, участников экспедиции, фиксирующих в своих рисунках *мацевот*, – нынешнее мгновение истории для самой истории и потомков. И этот жест наполнен смыслом: надгробия на еврейских кладбищах Украины, их созерцание, к которому взывает автор снимков, заставляет задуматься о судьбе евреев не только Украины, но и всей Восточной Европы, судьбе, разломленной трагедией Холокоста на две части «до» и «после».

Фото 14. *Пленэр на еврейском кладбище в Купине*. 2011.
Фотопанорама. 32x105 см.

Хотя натюрмортов в фотографическом цикле немного, о них следует сказать особо. Фактура объектов подчеркнута контрастом, благодаря этому эффекту они обладают большой пластической выразительностью. Эти фотографии насыщены множеством деталей и визуальных структур, которые рождают ощущение материальной насыщенности в кадре, столь ценимой в фотографии. Нужно отметить, что мы имеем дело здесь также с редким жанром репортажного натюрморта (например, «Старый чердак», фото 11). Однако, несмотря на то, что эти спонтанные группы созданы из бытовых предметов, они неумолимо превращаются в символы. Эти предметные композиции в своем подчеркнутом историзме напоминают о других вещах. Рассказывая о запустении, забвении некогда благоговейно поддерживаемых обычаев, ремесленных традиций, они напоминают и о насильственном их прерывании, по ассоциативной цепочке приводят к шокирующим «натюрмортам» погромов всех времен.

Так, уроженец Харькова Яков Гельфандбейн[13] в своих воспоминаниях о событиях Второй мировой войны, рассказывая об участии в освобождении Польши, красноречиво описывает эпизод лицезрения склада немецких военных «трофеев», обнаруженного на заводе в польском городе Опеле. Автор передает впечатления от чудовищной картины вещей, с безумным рационализмом размещенных в заводских пакгаузах: «Зашли в ближайший из них, и увидели громадные кучи рассортированных вещей – одежда, обувь, домашние принадлежности, чемоданы на полу, и отдельно – посуда, столовые принадлежности и скатерти, постельное белье на многоэтажных стеллажах. На всех вещах – мастичное клеймо с орлом и свастикой «Собственность Рейха». В углу в больших плетеных корзинах – человеческие челюсти и

[13] Гельфандбейн Яков Аронович, род. в 1922 году в Харькове. Артиллерист, ветеран Великой Отечественной войны, полковник-инженер, доктор технических наук, профессор, главный научный сотрудник Центрального НИИ автоматизированных систем управления гражданской авиации СССР, заслуженный изобретатель Латвийской ССР, действительный член ряда академий, автор мемуаров «Река воспоминаний», представленных на многих интернет-сайтах, но не изданных в печати.

зубные протезы с выломанными из них золотыми зубами и коронками, кипы человеческих кож и волос, увязанных и готовых к отправке. Бросилась в глаза кроваво-красным пятном плюшевая еврейская скатерть – обязательный атрибут еврейской довоенной семьи на Украине. Развернув ее, увидел адрес и имя владельца, большую мастичную печать со свастикой. Решил взять ее на память – аналогичная скатерть была и в нашей семье. 55 лет берег ее, сохраняющую запах крематория и фронтовой пыли. После прибытия в Канаду, подарил Монреальскому музею Холокоста, о чем имеется специальный сертификат» (Гельфандбейн, б/г).

Молчаливый мир вещей или природы также хранит память о трагедии еврейского гетто. И почему-то парадоксальным образом рядом с просветленными снимками Евгения Котляра возникают как символические параллели произведениям Абрама Маневича из цикла «Симфония крови», с их иронично нейтральными названиями (Пензлер, Гинзберг, 2011): «Мирная деревня, Фастов» (ок. 1919), «Декоративное панно. Парк» (ок. 1919), а также наиболее известное его полотно из этой серии «Гетто» (1919), с ее «статусом классического произведения». А. Пензлер и М. Гинзберг, авторы монографии о художнике сопоставляют это произведение с «Герникой» Пабло Пикассо, написанной в 1937 г. как отклик на события гражданской войны в Испании (Пензлер, Гинзберг, 2011, с. 36).

В фотографиях Евгения Котляра нет прямых свидетельств трагедии еврейского народа, скрытой в удаленных от больших городов местечках. Она оживает в кадрах, снятых на еврейских кладбищах. Но эти овеянные печалью снимки все же светлы. В полной мере сказалась элегичность подлинно исторического жанра, его парадоксальная нацеленность в будущее. История существует, но здесь с ней неразлучна философия, которая позволяет с оптимизмом смотреть в будущее.

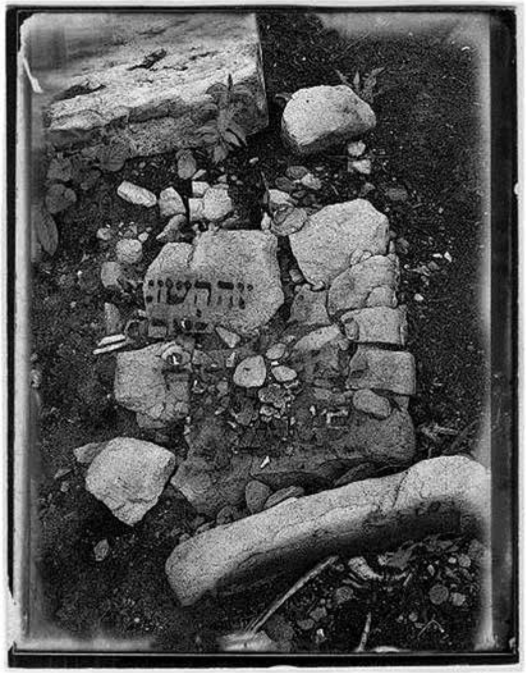

Фото 15. *Разбитая мацева в Городке*. Из цикла «Эстетика запустения». 2012. Фотографика. 40х32 см.

Фото 16. *Синагога в Гримайлове.* Из цикла «Эстетика запустения». 2011. Фотографика. 32х44 см.

Данный фотографический цикл представляет ту часть современной фотографии, которая выходит на передовые рубежи искусства, поднимая важные социальные темы. До того подъема фотографии, который мы наблюдаем в наше время, – все эти сюжеты могли бы стать достоянием живописи.

Не отпускает впечатление серьезности подхода к фотографированию. Как будто монументальная живопись – основная профессия Евгения Котляра – все время дает знать о своих масштабных традициях. Так в фотографиях где-то появляется и автопортрет автора. И это совсем как в классической живописи, где художник включал себя в картину мироздания, запечатленную на холсте или фреске, на правах особого рода свидетеля того круговорота событий, в который он вовлечен в силу своей судьбы, рождения (вспомним хотя бы «Последний день Помпеи» 1833 г. с автопортретом К. Брюллова). И, как это и было в обычае у художников классических времен, автор появляется в значимых для него местах. Здесь художник запечатлен за чтением молитвы в синагоге («Молитва», фото 10) или созерцанием мацевы («Диалог с прошлым», фото 17), более чем красноречиво заявляя о причастности к судьбе еврейского народа.

Фото 17. *Диалог с прошлым. На еврейском кладбище в Кутах.*
Из цикла «Лица местечек». 2002–2011. Фотографика. 32x40 см.

«Есть ли предназначение у прошлого? – задается вопросом автор фотовыставки и художественный куратор проекта «*Нешама*: через искусство к сердцу» Евгений Котляр. – Что мы пытаемся разглядеть во мраке ушедших столетий, почему именно там ищем неиссякаемый источник жизненной силы, зачем так держимся за святые руины? Наше настоящее – лишь видимое звено между исчезающим прошлым и едва различимым будущим, как предмет, брошенный в воду и медленно скрывающийся от глаз в водной пучине. Однако память, ностальгия и грезы вновь и вновь влекут нас в этот мир, в нашу колыбель, к этим библейским осколкам, которые, как писал Фридрих Горенштейн[14], скоро навсегда снесут бульдозерами…. Нам

[14] Горенштейн Фридрих Наумович (1932–2002) – русский прозаик, драматург, сценарист. Данная цитата взята из его знаменитой пьесы «Бердичев», написанной в 1980-е годы и впервые изданной в 1991–1993 гг. в трехтомном собрании его сочинений. (См.: Горенштейн Ф. Избранное: В 3-х томах. М.: Слово; 1991–1993. Т. 2; Горенштейн Ф. Бердичев. М.: Книжники, 2007).

хочется верить, что голос предков по-прежнему звучит в полную силу, что их жизнь и усилия не превратились в прах, что мы – их достойные наследники» («Еврейская Атлантида», 2012, с. 3). (См. фото 18).

Фото 18. *Под звездным небом (Синагога в Бершади)*. 2011.
Фотопанорама. 32х60 см.

Возможно в этом сокрыта и связь фотографического цикла с названием выставки «На реках вавилонских…», которая обращает зрителя к знаменитому библейскому псалму. В фотографических образах этого заброшенного, но все еще живого штетла слышны многовековые стенания евреев о возвращении на свою историческую родину – Эрец-Исраэль. Именно здесь, в местечках, в течение многих веков, в тяжелых условиях жизни евреи ощущали свое историческое изгнанничество и страстно молились о возвращении в Святую землю. Теперь эти места пустынны, а люди, которые жили здесь, по большей части погибли мученической смертью. Их «плачи на реках вавилонских» отозвались и для участников этого проекта, и для самого автора, по его же словам «плачем на руинах местечка», которые в документальных и вместе с тем поэтических образах связывают осколки «еврейской Атлантиды» в одно целое.

Библиография

«Еврейская Атлантида». Мир штетла в произведениях харьковских художников. Выставка творческих работ по итогам проекта «Нешама: через искусство к сердцу». Каталог / Авт.-сост. Котляр Е. А.; Центр востоковедения Харьковской гос. акад. дизайна и искусств. Харьков, 2012.

Котляр, Е. «Иудаика Павла Жолтовского», *Егупець. Художньо-публіцистичний альманах*. Київ: Центр досліджень історії та культури східноєвропейського єврейства – Дух і літера, 2011, # 20, с. 330–367.

Повернення до штетлу. Живопис, графіка, фотографія. Каталог виставки. Виставкова зала Харківського художнього музею (вступна стаття Є. Котляра). Харків: Центр сходознавства ХДАДМ, 2005.

Гельфандбейн, Я. Река воспоминаний. [Электронный ресурс] <http://www.belousenko.com/books/memoirs/gelfandbeyn_1.htm> [Дата доступа: 08.09.2012].

Пензлер, А., Гинзберг, М. Абрам Маневич. Нью-Йорк: ИВО, 2011.

ИСТОЧНИКИ

Публикация Д. Л. Шевелёва

Письма С. Я. Борового В. И. Пичете в 1939–1946 гг.

В 2010 г. автор этих строк обнаружил в Архиве Российской академии наук письма русско-еврейского и советского историка С. Я. Борового, профессору В. И. Пичете, историку, одному из основателей славистики в СССР.

Саул Яковлевич Боровой занимался историей евреев в России и на Украине, а также экономической историей России. Интенсивные работы по еврейской истории он продолжал где-то до середины 1940-х гг.: в 1941 г. в т. 10 «Исторических записок» он публикует заметку «Давид Лехно и его история Крымского ханства», посвященную крымско – еврейскому хронисту и его сочинению *Dewar sephathaim* («Устное повествование») (Боровой, 1941), в 1943 г. Боровой пишет о том, что продолжает исследования по истории евреев Украины (С. Б., 1943), а сразу же после войны готовит статью для «Черной книги»[1]. Показательно, что еврейский историк Ю. И. Гессен в дарственной надписи на одной из своих книг назвал Борового «последним русско-еврейским историком»[2].

Владимира Ивановича Пичету (1878–1947) можно смело считать одним из основателей белорусской историографии, в 1929 г. он стал академиком Белорусской Академии наук, а в 1939 г. – членом-корреспондентом АН СССР, в 1946 г. был избран академиком АН СССР. Он – автор работ по истории Белоруссии, Украины, Польши, историографии, источниковедению, истории права; ученик М. К. Любавского[3]. Некоторые авторы относят В. И. Пичету

1 О проблемах, связанных с изданием «Черной книги» см. подробнее: Костырченко, 2003. Заметки С. Я. Борового о евреях Одессы в годы Великой Отечественной войны были изданы в журнале «Советская Родина» (Borovoy, 1990).

2 Гессен Юлий Исидорович (1871–1939) – русский историк еврейства. В 1898 г. перевел брошюру Л. Пинскера «Автоэмансипация»; в 1905-1906 гг. участвовал в деятельности Союза для достижения полноправия еврейского народа в России, сотрудничал в журналах «Восход», «Будущность», «Вестник Европы», «Еврейская старина» и др., один из инициаторов издания «Еврейской энциклопедии» (Изд-во Брокгауза и Ефрона, 1906–1913). Среди его крупных трудов: «История евреев в России» (1914), «История еврейского народа в России» (1916 и тт. 1–2, 1925–1927). Справочные издания указывают на то, что в 1930-1935 гг. Ю. И. Гессен редактировал «Вестник АН СССР», а с 1935 г. начал публиковать архивы арктических экспедиций XVIII в. См.: «Краткая еврейская энциклопедия», т. 2, кол.114–115. Ю. И. Гессен сделал надпись на работе «Сто лет назад. (Из истории духовного пробуждения русских евреев)» (СПб., 1900). Эта надпись гласила: «Мою первую работу дарю на память дорогому Саулу Яковлевичу Боровому – последнему р<усско>-евр<ейскому> историку. 13.9.31. Ленинград» (Боровой, 1993, с. 183).

3 Любавский Матвей Кузьмич (1860-1936) – русский историк, ученик В. О. Ключевского, занимался

к последователям либеральной, «федеративной» школы российской историографии (Лiнднэр, 2003, с. 130). Историк принял Октябрьскую революцию и являлся одним из активных деятелей культурного возрождения в БССР в 1920-х гг. Пичета был одним из создателей Белорусского государственного университета (БГУ), в 1921–1929 гг. занимал пост ректора БГУ. К концу 1920-х гг. усилилась борьба за власть внутри ВКП(б), а в Минске окрепла провинциальная «научная аристократия» – выходцы из низших слоев народа, не получившие фундаментального исторического образования и сделавшие карьеру в образовании и науке при помощи партии. Этой группе Пичета на посту ректора стал неугоден. Его деятельность ректора сопровождалась привычными для того времени доносами. В конечном итоге, историка обвинили одновременно в «буржуазном национализме» и «великодержавном шовинизме». В 1930 г. В. И. Пичета вместе со своим учителем Любавским был арестован по «академическому делу» 1929–1931 гг.[4] В 1935 г. обвинения были пересмотрены, историк переехал в Москву, работал в Институте истории АН СССР и Московском государственном университете. В 1946–1947 гг. В. И. Пичета выступил одним из инициаторов создания Института славяноведения АН СССР[5].

До сих пор ничего не было известно о переписке двух ученых – В. И. Пичеты и С. Я. Борового. В книге воспоминаний, изданной в 1993 г., С. Я. Боровой с благодарностью вспоминая Пичету, не упоминал его как своего постоянного корреспондента, и не указывал на какие-либо отношения с ним после 1940 г.

Письма С. Я. Борового отложились в личном фонде Пичеты (ф. 1548) Архива Российской академии наук (далее: АРАН). Первое письмо, имеющееся в деле, датировано 5 сентября 1939 г., написано из Одессы. На следующем письме стоит дата 22 марта 1942 г., и написано оно уже из эвакуации. Последнее письмо С. Я. Борового имеет дату 18 июня 1945 г. 4 декабря 1946 г. С. Я. Боровой отправил В. И. Пичете поздравительную телеграмму в связи с

историей права, историей России, Великого княжества Литовского, исторической географией; до 1917 г. активно участвовал в деятельности Московского Общества истории и древностей российских (некоторое время был его председателем). М. К. Любавский принадлежал к либеральной школе русской историографии, его также следует считать одним из основателей русской историко-правовой школы. В 1911–1917 гг. историк занимал пост ректора Московского университета. После Октября 1917 г. М. К. Любавский стал одним из основоположников архивного дела в Советской России; с 1929 г. – действительный член АН СССР; арестован в 1930 г. по «академическому делу». О М. К. Любавском см.: Вернадский, 1998, с. 169–172; Лiнднэр, 2003, с. 127–130 и др.

4 Часть материалов по «академическому делу» опубликована. См.: Академическое дело 1929–1931 гг.: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып.1: Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. СПб., 1992.

5 Российский историк Л. И. Уткина опубликовала некоторые выдержки из воспоминаний Пичеты (Из мемуаров…, 2009), а также отрывки из дневниковых записей (В. И. Пичета. Дневниковые записи…, 2009).

избранием его действительным членом АН СССР (30.11.1946 г.). Таким образом, имеющиеся документы позволяют утверждать, что переписка между двумя учеными велась постоянно с сентября 1939 г. до конца 1946 г.

Как можно сделать вывод из имеющихся сведений, С. Я. Боровой познакомился с В. И. Пичетой между маем 1938 г. и июнем 1939 г. (В воспоминаниях историк утверждает, что был командирован в Москву позже мая 1939 г. (Боровой, 1993, с. 203). В письме же от 5.09.1939 г. он замечает, что выполнил обещание и «не напоминал о своем существовании в течение всего лета»).

По-видимому, познакомил их Б. Д. Греков[6], тогда директор Института истории Академии наук СССР, к которому С. Я. Боровой приехал, чтобы подготовить защиту докторской диссертации. До этой встречи Пичета был знаком с работой Борового о колонизации – «Еврейская земледельческая колонизация в старой России» (Боровой, 1928). На это Боровой указывает в воспоминаниях (Боровой, 1993, с. 204). В фондах Архива РАН имеется рукопись отзыва Пичеты 1928 г.(?) на указанную монографию (АРАН, ф.1548, оп.1, д.395, л.1, 2-3)[7].

В. И. Пичета, очевидно, по просьбе Грекова, согласился ознакомиться с привизенными Боровым материалами. Это были рукописи статей «Национальная война украинского народа и еврейское население Украины» и «Евреи в Левобережной Украине в XVII–XVIII вв.» (Боровой, 1993, с. 204). Спустя некоторое время Пичета написал Боровому о том, что представленная ему рукопись с легкостью может быть обращена в диссертационную работу, если дописать историографическое введение (Боровой, 1993, с. 205). Таким образом, начало долгого письменного общения между учеными следует относить к концу 1938 или первой половине 1939 г. До сентября 1939 г., т.е. до первого письма, диссертация была готова к защите. Было решено, что оппонентами по диссертации выступят Пичета, профессор А. А. Савич и Т. Б. Гейликман[8].

---

6 Греков Борис Дмитриевич (1882–1953) – русский и советский историк, исследователь русского феодализма, труды по истории Древней Руси, феодального права, считается оппонентом М. С. Грушевского; учился у М. К. Любавского и С. Ф. Платонова; арестован по «академическому делу» в 1930 г.; в 1934 – чл.-корр. АН СССР, с 1935 – акад. АН СССР; с 1936 г. – директор Института истории АН СССР, в 1947–1953 – директор Института славяноведения АН СССР. Соч.: Избр. труды, тт. 1–4. М., 1957–1960. О Б. Д. Грекове см.: Вернадский, 1998, с. 329–333.

7 Л. 1 – автограф, л. 2–3 – машинопись, по-видимому, копия готовой рецензии на исследование С. Я. Борового.

8 Савич Александр Антонович (1890–1957) – историк, специалист по истории России, Украины и Белоруссии XV–XVIII вв. (О нем см.: Историки – слависты…, 1981, с. 144; Боровой, 1993, с. 250). Гейликман Товий Борисович (1873–1948) – советский историк, философ, участник революционного движения, преподавал на еврейском отделении Коммунистического университета национальных меньшинств Запада и 2-го Московского государственного университета (затем – Московского государственного педагогического института). Автор работы «История общественного движения

По-видимому, между сентябрем 1939 и январем 1940 г. состоялась предзащита – обсуждение работы специалистами. Судя по воспоминаниям Борового, Пичета представил на первом этапе защиты весьма и весьма положительный отзыв, охаректизовав диссертацию Борового как «эпохальную» (Боровой, 1993, с. 208). Савич и Гейликман также сходились во мнении о значительных достижениях автора исследования (Боровой, 1993, с. 208).

Боровой достоверно, на большом количестве источников – еврейских, польских, русских, великолитовских, но, главным образом еврейских – доказывал расслоение внутри еврейства Речи Посполитой, которое в период восстания Б. Хмельницкого 1648–1654 гг. находилось и на стороне польских войск, и на стороне казачества (см.: Боровой, 1940).

Против работы С. Я. Борового активно выступили оставшиеся еще официальные еврейские научные работники. Распространено мнение, что их возражение вызвал классовый подход, предложенный в докторской диссертации (КЕЭ, т. Доп. 2, кол. 216–219).

Однако такое утверждение представляется весьма сомнительным: даже если еврейские научные работники – в прошлом деятели Бунда – возражали применению классового подхода при разборе событий XVII в., официально выступить против марксистской интерпретации истории в 1939–1940 гг. в СССР было невозможно.

Противники Борового не оставили опубликованной научной аргументации против утверждений. Единственное, о чем вспоминает сам Боровой, это то, что у его оппонентов вызвало сомнение правильность перевода одной фразы в тексте еврейской хроники (Боровой, 1993, с. 202, 208).

Все эти обстоятельства наводят на мысль, что, скорее всего, научные споры здесь играли второстепенную роль. На первом месте стояло желание не допустить в когорту «избранных» нового и одновременно чужого человека, который собственными знаниями значительно выделялся из «ареопага»: Боровой никогда не состоял в партии, свободно владел еврейскими языками – древнееврейским и идишем, обладал собственным довольно хорошим стилем письма. Все это выделяло его из массы еврейских партийных и научных деятелей.

Как можно сделать вывод из воспоминаний Борового, организатором кампании против него стал З. Г. Гринберг[9] (Боровой, 1993, с. 206–207).

евреев в Польше и России» (1930, на идише – 1926), а также работы на идише *Di geshikhte fun di yiddisher gezelshaftlekhe shtremungen in Rusland in 19tn yorhundert* (История общественных движений в России в XIX в.) 1929 г.

[9] Гринберг Зорах (Захарий Григорьевич) (1887 или 1889–1949) – сведения о нем несколько противоречивы; активный деятель Бунда, а затем большевистской партии, в 1918 г. назначен заместителем наркома просвещения, служил чиновником Наркомпроса, по-видимому, водил дружбу с С. А. Есениным, в 1930-е гг. состоял в штате Института мировой литературы АН

Основным оружием Гринберга, как и многих других научных работников сталинской науки, стали доносы, обвиняющие оппонента в неблагонадежности и политической несостоятельности (Боровой, 1993, с. 209).

Интересно, что руководство Института истории АН СССР, в первую очередь Б. Д. Греков и В. И. Пичета, уже побывавшие в опале у «Хозяина» и проходившие по «академическому делу», не отказались от поддержки Борового, защита которого вполне могла оказаться поводом для очередного выяснения отношений по политическим и идеологическим мотивам (Боровой, 1993, с. 209, 211). За это Боровой позднее будет очень благодарен и Грекову, и Пичете (Боровой, 1993, с. 212).

Защита должна была состояться в январе 1940 г. (Боровой, 1993, с. 211), скорее всего, как можно понять из воспоминаний С. Я. Борового, защиту пришлось отложить в связи с очередной порцией доносов, поступивших на диссертанта. По-видимому, понимая желание Гринберга утопить своего противника, В. И. Пичета предложил пригласить в качестве одного из официальных оппонентов кого-нибудь еще из влиятельных деятелей еврейской культуры в СССР. Таким образом оппонентом был назначен И. М. Нусинов[10] (Боровой, 1993, с. 209).

В итоге защита состоялась в июне 1940 г. (Боровой, 1993, с.189). Саму ее процедуру Боровой достаточно подробно описывает в книге воспоминаний (Боровой, 1993, с. 212–215). Из трех оппонентов – Пичета, Савич, Нусинов – только Нусинов не соглашался с некоторыми положениями работы по истории евреев Украины, хотя и настаивал на соответствии диссертации всем научным требованиям и необходимости присудить автору исследования степень доктора исторических наук.

В личном фонде В. И. Пичеты в Архиве РАН сохранился отзыв на диссертацию С. Я. Борового. Оппонент отмечал ценность и актуальность избранной темы, и ставил в заслугу автору критический анализ историо-

---

СССР; как утверждает Боровой, Гринберг «оказывал покровительство» еврейским культурным учреждениям (Боровой, 1993, с. 207). Гринберг значится в редколлегии первого тома трехтомной «Истории греческой литературы» (т. 1, 1946 г.). Состоял в Еврейском антифашистском комитете (ЕАК). Арестован по делу ЕАК, погиб во время допросов.

[10] Нусинов Исаак Маркович (1889–1949 или 1950, возможно, 1951) – советский литературный критик, литературовед, с 1906 г. в Бунде, в 1919 г. вступил в партию большевиков, в начале 1920-х гг. руководил Культур – лигой на Украине, в 1920-х – 1930-х гг. в различных вузах в Москве читал курсы по западноевропейской и еврейской литературе, сотрудничал с украинским Институтом еврейской пролетарской культуры; печатался в *«Der Emes»*, *«Di Royte Velt»*, автор и член редакционной коллегии «Литературной энциклопедии» 1929-1939 гг., входил в Еврейский антифашистский комитет, в 1949 г. арестован, погиб в заключении. Некоторые его опубликованные работы: «Проблема исторического романа В. Гюго и А. Франс» (М.– Л., 1927), «Пушкин и мировая литература» (М., 1941), «История литературного героя» (М., 1958), «Избр. работы по русской и западной литературе» (М., 1959); автор работы на идише *Problemn fun der prolitarisher literatur* (Проблемы пролетарской литературы) 1932 г.

графии, а также живость и образность изложения. Пичета считал работу Борового продолжением исследований С. А. Бершадского[11] (АРАН, ф.1548, оп.1, д.438, л. 1–3). Историк придавал особое значение именно марксистскому характеру работы соискателя (АРАН, ф.1548, оп.1, д.438, л. 1–2): автор отошел от рассмотрения еврейского населения Украины как «“одноклассовой” массы», показав «борьбу, происходившую между богатым еврейством и еврейской плебейской массой» и «выяснив классовую позицию богатого еврейства в освободительной борьбе украинского народа против панской Польши» (АРАН, ф.1548, оп.1, д.438, л. 3).

Повторюсь еще раз: такая трактовка событий могла быть оспорена, однако едва ли кто-нибудь во время защиты в 1940 г. осмелился бы выдвигать аргументы против марксистского подхода; С. Я. Боровой упоминает лишь один научный аргумент своих противников – те оспаривали правильность перевода некоторых частей хроник (Боровой, 1993, с. 208).

Противники предпочли доносы. На защите были озвучены и некоторые обвинения против Борового: публикация в буржуазных и заграничных изданиях (имелись в виду его статьи в журнале «Еврейская мысль» и в сборниках Института еврейских исследований в Вильно) (Боровой, 1993, с. 212–213).

Диссертация, представленная к защите, называлась «Исследования по истории евреев на Украине XVI–XVIII вв.». Работа состояла из трех частей: «Евреи в Запорожской Сечи», «Национально-освободительная война украинского народа против польского владычества и еврейское население Украины» и «Евреи в Левобережной Украине в XVII–XVIII вв.» (Боровой, 1993, с. 200).

Ученый совет Института истории АН СССР десятью голосами «за» (при двух воздержавшихся) проголосовал за присуждение С. Я. Боровому степени доктора исторических наук (Боровой, 1993, с. 215). Новая кампания обвинений в политической неблагонадежности Борового, активистами которой стали Гринберг и Юдицкий[12], ни к чему не привела. 26 октября 1940 г.

---

[11] Бершадский Сергей Александрович (1850–1896) – русский юрист, историк еврейства, был учеником Ф. И. Леонтовича в Новороссийском университете и А. Д. Градовского в Санкт-Петербургском; печатался в журналах «Восход», «Киевская старина», «Журнале Министерства народного просвещения». Его соч.: «Литовские евреи. История их юридического и общественного положения в Литве от Витовта до Люблинской унии. 1388–1569» (СПб., 1883); «Русско-еврейский архив: Документы и материалы для истории евреев в России: [т. 1–2]: Документы и регесты к истории литовских евреев» (СПб., 1882). Леонтович Федор Иванович (1833–1911) – русский юрист, историк права, ректор Имп. Новороссийского ун-та в 1869–1877 гг., работы по истории права, в т.ч. Великого княжества Литовского; член Одесского общества истории и древностей; действительный статский советник; Орден Св. Анны 2-й степ. и Св. Владимира 3-й степ. О работах Ф. И. Леонтовича см.: Вернадский, 1998, с. 166. Градовский Александр Дмитриевич (1841–1889) – русский юрист, работал в сфере государственного права, с 1867 г. преподавал в Санкт-Петербургском университете. См.: Вернадский, 1998, с. 128–129.

[12] Юдицкий Авром (Абрам Давидович) (1885 или 1886–1943) – историк, литературовед, в первую

Пленум ВАК утвердил Боровому степень доктора исторических наук и звание профессора (Боровой, 1993, с. 216).

В фонде В. И. Пичеты в Архиве РАН имеется оттиск статьи С. Я. Борового «Национально-освободительная война украинского народа против польского владычества и еврейское население Украины» (Боровой, 1940) из «Исторических записок» 1940 г. с дарственной надписью: «Дорогому Владимиру Ивановичу в знак высокого уважения на память о незабываемых днях. 25.II.1941 [Подпись Борового]» (АРАН, ф.1548, оп.3, д.257, л. 212–233).

Итак, после личного знакомства с В. И. Пичетой, которое состоялось между маем 1938 и июнем 1939 г., а также помощи и поддержи, которую оказал С. Я. Боровому профессор Пичета в период подготовки к защите докторской диссертации в 1939–1940 гг., у двух ученых сложились доверительные отношения: они делились личными впечатлениями, чувствами, научными планами; как представляется, у них сложилась некая общность воззрений и на научное творчество, и на жизнь.

С. Я. Боровой указывает на то, что он любил письма, любил писать их и ожидать ответа от своих коллег. Проф. Боровой вспоминал, что это произошло после того, как он получил письмо от С. М. Гинзбурга[13], между 1921 и 1925 гг. (Боровой, 1993, с. 128–129):

> «Именно с этого вечера – пусть это покажется смешным – ожидание письма, которое должно принести мне радость или, во всяком случае, что-то

русскую революция 1905–1907 гг. примкнул к Бунду, в июне 1917 сотрудничал в минской газете *«Der Veker»*, в 1920-х – 1930-х гг. работал в еврейских научных учреждениях на Украине, занимался еврейским рабочим движением, а в конце 1930-х гг. – древней историей евреев.

13 Гинзбург Саул Моисеевич (1866–1940) – еврейский историк, публицист, род. в 1866 г. в Минске, в 1891 г. закончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета, с 1892 г. сотрудничал в журнале «Восход», в 1899–1902 гг. в составе редакции «Восхода», в 1903 г. стал одним из основателей газеты *Der fraynd*, редактировал сборники «Пережитое» (т. 1–4, 1908–1913), в 1897–1903 гг. секретарь, а с 1909 до 1929 гг. член комитета Общества для распространения просвещения между евреями в России, в 1908–1910 гг. член президиума Еврейского литературного общества; до Октябрьской революции 1917 г. состоял присяжным поверенным. С. Я. Боровой пишет с некоторой долей неуверенности о том, что Гинзбург не участвовал в судебных заседаниях (Боровой, 1993, с. 128). Гинзбург также участвовал в деятельности Союза для достижения полноправия евреев в России. В 1918 г. редактировал журнал *He-'avar* (*He-'over*), в 1923 г. издал сборник исторических очерков «Минувшее», в 1920-х гг. преподавал еврейскую историю в Петербурге, издавал и редактировал исторические сборники «Еврейская мысль» (1922, 1926), и «Еврейский вестник» (1928), печатался в американском журнале *Di Tsukunft*; в 1930 г. уехал из СССР, сотрудничал в газете *Forverts*. Фонд С. Гинзбурга с 1979 г. находится в Институте еврейских исследований в Нью-Йорке (ИВО). О С. Гинзбурге см.: «Мишпоха», Витебск, 2002, № 11, с. 28; КЕЭ, т. 2, кол. 132, Евр. энц., т. 6, кол. 522. Современный российский исследователь М. С. Куповецкий указывал на то, что Боровой считал Гинзбурга своим Учителем. (Это мнение было высказано при обсуждении предварительных итогов изучения документов автором этих строк, которые докладывались на XIX международной конференции по иудаике в Москве (29–31 января 2012 г.) (О С. М. Гинзбурге см. в воспоминаниях Борового: Боровой, 1993, с. 128Ц130.) Интересно также, что Боровой называет себя «крестником» Пичеты, т.е. считает себя его учеником (письмо 11 от 22 июля 1943 г.).

важное, стало очень сильным фактором в формировании… моего душевного поведения… <…> С тех пор переписка (обмен письмами) вошла в мой обиход как естественная потребность. Я до сих пор не понимаю – а это стало сейчас обычным явлением, – как можно не ответить на письмо. Уверяю, за всю жизнь я не оставил ни одного письма без ответа. Если я не могу сразу ответить (нужно навести справку и т.п.), это причиняет мне прямо – таки физическое страдание, и я тогда обычно отвечаю письмом, в котором прошу подождать ответа по существу» (Боровой, 1993, с. 129).

Переписка С. Я. Борового с В. И. Пичетой продолжалась около семи лет. Первое письмо, как уже было сказано, датировано 5 сентября 1939 г. и касалось защиты докторской диссертации. Последнее письмо С. Я. Борового написано 18 июня 1945 г.

Хотя переписка длилась не продолжительный срок, очевидно, что общение было обоюдно приятным. Из текста писем видно, что В. И. Пичета постоянно отвечал своему корреспонденту. Возможно, Пичета также не любил задержки с ответом, как и его визави. Одно из писем – шестое, написанное 2 августа 1942 г. из Самарканда – адресовано Александре Петровне Пичета, жене Владимира Ивановича, которая, очевидно, в июле 1942 г. написала С. Я. Боровому в Самарканд, поскольку ее муж находился в это время в Москве.

Инициатором переписки, как можно сделать вывод из текста документов, выступил С. Я. Боровой в марте 1942 г. Письмо от 22 марта 1942 г. начинается так: «Дорогой Владимир Иванович, меня потянуло написать Вам» (письмо 2).

Оба корреспондента в 1941–1943 гг. жили в Узбекистане. С. Я. Боровой приехал в Самарканд 25 ноября 1941 г. (Боровой, 1993, с. 258). В конце 1941 г. Боровой и Пичета там встретились. Боровой потом часто вспоминал эту встречу: «К своему огорчению, я не мог тогда пригласить его [Пичету] к себе и накормить, а он как раз жаловался на плохое самочувствие…» (Боровой, 1993, с. 264). В письме 22 июля 1943 г. Боровой пишет: «Вспоминается мне наша встреча в Самарканде. Я тогда был в очень тяжелом положении, еще не очухался от своей второй эвакуации, не имел ни жилья, ни работы…» (письмо 11, см. также письмо 14).

Письма 1942–1943 гг. написаны В. И. Пичете в Ташкент (историк тогда был там в эвакуации). По-видимому, письмо от 22 июля 1943 г. было уже отправлено С. Я. Боровым в Москву. В письме сказано: «…Как я бесконечно сожалею, что мне не случилось побывать в Ташкенте, пока Вы там находились. Теперь кто знает, когда мне посчастливится встретиться с Вами?» (письмо 11).

Два последних письма – 2 октября 1944 г. (письмо 13) и 18 июня 1945 г. (письмо 14) – написаны С. Я. Боровым из Одессы.

Понятно, что в переписке ученых большое место занимала наука. С. Я. Борового беспокоила судьба гебраистики. В первом письме 1939 г., имея в виду книгу «Классовая борьба на Украине XVII в. Еврейские хроники», которая должна была выйти в 1937 г. в Соцэкгизе[14], историк жалуется: «…Меня волнует вопрос о возможности опубликования моей работы. Если она даже и выйдет по-еврейски (на что совсем немного шансов, хотя мне и выплатили гонорар) – но все же hebraicum est, non legitur» (письмо 1). 1 января 1944 г. историк сетует своему коллеге, что об итогах изучения истории еврейства ничего не написано в юбилейном сборнике «Двадцать пять лет исторической науки в СССР» (Двадцать пять лет…, 1942): «…В сборнике о 25-летии истор[ической] науки не только обо мне не было ни одной строчки – но вообще и о моей основной теме» (письмо 12).

Но, несмотря на то, что еврейская история непопулярна, он продолжает считать себя именно историком еврейства: «О чем больше всего думаю я – историк восточно-европейского еврейства – сейчас, когда гитлеровцы не оставили ни на Украине, ни в Белоруссии ни одного [подчеркнуто Боровым] еврея – Вам, конечно, не трудно догадаться. Как жажду я мести; как горько, что для стольких спасение – которое так близко – придет слишком поздно» (письмо 12).

В письмах есть рассказы о быте эвакуированных и о работе. С. Я. Боровой жалуется также на недостаток научного общения. С коллегами по кафедре и по пединституту общих интересов не было. В письме от 10 апреля 1942 г. Боровой пишет: «Коллектив Педагогического института целиком провинциален и из этих людей никто не проявил ко мне ни сожаления, ни внимания». Спасала переписка с единомышленниками. Та обширная переписка, которую, он ведет в 1942–1944 гг. помогла ему выжить в эвакуации. «…Веду обширнейшую переписку… примерно с 20 городами», – сообщает Боровой Пичете 10 апреля 1942 г. (письмо 3).

Среди близких ему в этот период были лишь несколько человек, среди которых – семья Мошковских – врач Шапсай Давидович и его жена Юлия Яковлевна. Она упоминается в письме 11, представленном ниже. Именно она должна была передать лично в Москве письмо В. И. Пичете, написанное 22 июля 1943 г. (о Ю. Я. Мошковской см. примеч. ниже).

[14] См.: Боровой, 1993, с. 188–189. В 1997 г. издательством «Гешарим» была выпущена книга под названием «Еврейские хроники XVII столетия (Эпоха “хмельничины”)» со статьей С. Я. Борового «Евреи в Запорожской Сечи. (По материалам сечевого архива» («Исторический сборник», Л., 1934, т. 1) и статьей Й. Раба «Поколение, видевшее бездну» (Еврейские хроники, 1997).

В ситуации недостатка общения и отсутствия любимой работы корреспондента угнетало бездействие: «Живу незаметно, – пишет Боровой 30 мая 1942 г., – ничего не делаю такого, что может оправдать существование человека в наши дни, и это меня очень тяготит. Удастся ли когда-нибудь отдать свой личный долг стране и народу?» (письмо 4). Позднее историк вспоминал: «Основным чувством, которое владело мною, был стыд, что я не в армии, ничего не делаю, да и не могу делать нужного, и т.п. Несколько раз я выступал в госпиталях с лекциями на историко-патриотические темы, и мне было так стыдно, когда я видел среди раненых своих ровесников и даже людей старше себя» (Боровой, 1993, с. 255).

Тем не менее, годы эвакуации автор писем воспринимает не как пустую трату времени и сил. 15 октября 1942 г. Боровой пишет: «Думаю, …в «творческом плане» эти годы пройдут не бесследно. Я кое-чему научился, не говоря об обогащении внутреннего и внешнего стиля» (письмо 7).

В Узбекистане он пытался заниматься любимой темой: взялся за историю бухарских евреев вслед за З. Л. Амитиным-Шапиро[15]. Однако здесь С. Я. Борового преследовали неудачи: никаких экспонатов в краеведческом музее в Самарканде ему не предоставили[16], рукописей и старопечатных изданий он также не обнаружил, попытки приобрести издание сочинения *«Мусанаме»*[17] также не увенчалось успехом; он только скопировал некоторые надгробные надписи на еврейском кладбище в Самарканде (Боровой, 1993, с. 279).

По-видимому, до 1943 г. историк не пишет вообще ничего. В письме от 22 июля 1943 г. сказано: «С 16-ти летнего возраста до VI 41 я неуклонно дер-

---

15 Амитин – Шапиро Залман Львович (1893 или 1899–1968) – этнограф, историк, исследователь Средней Азии, до ареста в 1938 г. занимался историей бухарских евреев, с 1924 г. – действительный член Географического общества СССР, учредитель его киргизского филиала в 1947 г. Автор книг: «Очерк правового быта среднеазиатских евреев» (Ташкент, 1931), «Очерки социалистического строительства среднеазиатских евреев» (Ташкент, 1933). После освобождения занимался историей и библиографией Киргизии, преподавал в киргизских вузах, вел научную работу; составитель «Аннотированного указателя литературы по истории, археологии и этнографии Киргизии (1750–1917)» (Фрунзе, 1958) и тт. 1–2 многотомной «Библиографии Киргизии» (Фрунзе, 1963–1989). Боровой утверждал, что Амитин – Шапиро являлся автором учебника по географии на иврите для среднеазиатских еврейских школ (Боровой, 1993, с. 279).

16 «Краткая еврейская энциклопедия» утверждает, что еврейский историко-этнографический музей в Самарканде был основан в 1921 г., открыт в 1927 г., а закрыт в 1938 г. (КЕЭ, т. 5, кол. 510) Современный исследователь М. И. Носоновский отмечал, что в 1931 г. «Туземно-еврейский музей» был преобразован в «Туземно-еврейский филиал Самаркандского центрального государственного музея», а в августе 1937 г. было принято решение о «ликвидации» «туземно-еврейского музея». Носоновский утверждал, что создателем еврейского музея в Самарканде был И. С. Лурье (Носоновский, 2002). С. Я. Боровой писал о том, что еврейским отделом в самаркандском краеведческом музее руководил Амитин – Шапиро (Боровой, 1993, с. 279).

17 «Мусанаме» («Книга Моисея», 1326 г.) – одно из наиболее известных произведений еврейско-персидской литературы, принадлежит перу Шаѓина из Шираза, считается частью поэмы *«Сефер шарх Шахин аль ѓа-Тора»* (См.: КЕЭ, т. 2, кол. 445–447; КЕЭ, т. 10, кол. 91–92).

жался правила nulla dies sine linea…[18] И вот два года, как я ничего не делаю. Значит надо вырваться отсюда, и как можно скорее» (письмо 11). В 1943 г. в «Историческом журнале» появляется его заметка о кафедре истории Самаркандского педагогического института, на которой работал (С. Б., 1943).

Однако Узбекистан ему кажется научной провинцией. 15 октября 1942 г. Боровой пишет из Самарканда: «Здесь изрядно скучаю. Глубокая провинция; иногда совершаю прогулки по окраинам; знакомлюсь с интереснейшими местными памятниками искусства и старины. Это примиряет с жизнью» (письмо 7). В уже цитированном письме от 22 июля 1943 г. сказано: «…Я скисаю здесь. В условиях Самарканда можно учиться (что я пытаюсь делать), но научно работать нет никакой возможности» (письмо 11). При этом Узбекистан, безусловно, красив и живописен. Интересно, что тамошний сельский пейзаж С. Я. Боровой сравнивает с Тиберией (письмо 4).

Историк уверен, что работать научно можно только в Москве. «Еще до начала войны, – пишет историк в том же письме 22 июля 1943 г., – я решил переехать в Москву, но сейчас у меня есть неизмеримо больше оснований, чтобы рваться в Москву (и личного, и семейного, и делового порядка). Я об этом мечтаю сильнее, чем все три чеховские сестры вместе… И мне кажется, что у меня есть еще достаточно сил и данных, чтобы оказаться полезным и на месте в каком-нибудь из московских учреждений».

Однако в Москву С. Я. Боровой не переехал. В конце 1943 г., когда началась реэвакуация учебных учреждений из Самарканда, два вуза предложили историку работать в штате – Ленинградский плановый институт и Московский институт народного хозяйства. Однако «фронт быстро приближался к Одессе, и тяга к родному городу все больше стала брать верх» (Боровой, 1993, с. 283). В итоге летом 1944 г. С. Я. Боровой вернулся в Одессу.

Из Одессы написаны два последних письма – 2 октября 1944 г. (письмо 13) и 18 июня 1945 г. (письмо 14). Вернувшись в родной город, Боровой пишет в начале октября 1944 г.: «Одессы 41 г. никогда уже не будет, так же как навсегда ушла Одесса 1913 г. А кто не видел Одессы 1913 г. – тот вообще не видел Одессы…» (письмо 13).

Но родной город не совсем устраивает историка. Он по-прежнему много работает. «Хочется забыться и найти мое оправдание в работе», – пишет он 2 октября 1944 г. В «Историческом журнале» за 1944 г. (№5–6) появляется его статья «Одесса. (К 150-летию со дня основания)» (Боровой, 1944). Сам Боровой позднее считал эту статью определенной «вехой» в исследовательской работе (Боровой, 1993, с. 281–282): она открывала целую серию работ по истории города.

---

[18] Ни дня без строчки (лат.).

Но, очевидно, и там нельзя было заниматься наукой. В том же письме 2 октября 1944 г. Боровой опять просится в Москву: «Напомните, – очень прошу Вас – обо мне в Институте истории. Я так хотел бы быть привлеченным к большой научно-литературной работе! Я чувствую сейчас в себе прилив неистощаемой энергии» (письмо 13). 18 июня 1945 г. он вновь пишет Пичете: «Очень огорчает меня отсутствие контакта с нашими ведущими учреждениями». При этом корреспондент сокрушается по поводу невозможности писать на любимую тему: «Вам понятно душевное состояние человека моей научной темы… Надеюсь, что не всегда буду прибавлять мелочами» (письмо 14).

Понятно, что много места в письмах военных лет занимала война и ожидание победы. «Твердо верю в окончательную и относительно скорую победу над гнуснейшим врагом, – пишет Боровой своему корреспонденту 22 марта 1942 г., – и эта уверенность не покидала меня и в гораздо более трудные дни. Значит, будем встречаться и, очень хочу верить, на совместной работе» (письмо 2).

Несмотря на грусть и боль военного времени, все письма добры и оптимистичны, письма, написанные в 1939–1945 гг. одним ученым другому, на листках бумаги, иногда даже не приспособленных для письма, случайно найденных в условиях эвакуации и военного времени.

Архивное дело закрывает телеграмма, отправленная, скорее всего, 4 декабря 1946 г. (число и месяц в дате отправления на штампе отделения связи разборчивы – 4 декабря; последняя цифра в числе года размыта). Скорее всего, это поздравления В. И. Пичете по поводу его избрания действительным членом АН СССР, которое состоялось 30 ноября 1946 г.

***

Указанные письма содержатся в АРАН в личном фонде В. И. Пичеты (ф.1548, оп.3, д.35). В деле 19 листов – четырнадцать писем и одна телеграмма.

Письма написаны на тетрадных листах, листах из блокнотов, иной бумаге, с трудом найденной в условиях эвакуации. Все письма – автограф Борового. Те места, где можно с некоторой долей уверенности разобрать почерк, в публикации даны *курсивом*; там, где разобрать почерк не представилось возможным, такие места отмечены многоточием и звездочкой (…*)[19]. Все отчеркнутые в тексте места – подчеркивания С. Я. Борового. Не-

[19] С. Я. Боровой шутил по поводу своего почерка: «…Я имел едва ли не единственный случай в истории училища – переэкзаменовку по чистописанию» [имеется в виду Коммерческое училище Х. И. Гохмана, где Боровой учился] (Боровой, 1993, с. 52). Почерк В. И. Пичеты разобрать очень

которые слова в письмах сокращены, недостающие части слов заключены в квадратные скобки. Текст дан в современной орфографии и пунктуации, авторские знаки максимально сохранены.

Текст писем приводится полностью. Ниже дается список имеющихся в деле документов:

Письмо 1. В. И. Пичете, из Одессы, 5 сентября 1939 г., обычный тетрадный лист в широкую линейку, чернила синие или фиолетовые; лл.1, 1 об.

Письмо 2. В. И. Пичете, из Самарканда, 22 марта 1942 г., лист из блокнота, синие чернила, л.2.

Письмо 3. В. И. Пичете, из Самарканда, 10 апреля 1942 г., три страницы из маленького блокнота, синие или фиолетовые чернила, лл.3, 3 об., 4, 4 об., 5.

Письмо 4. В. И. Пичете, из Самарканда, 30 мая 1942 г., неровный лист бумаги, синие чернила, л.6.

Письмо 5. В. И. Пичете, из Самарканда, 29 июня 1942 г., тетрадный лист в широкую линейку, синие чернила, название улицы и номер дома написаны черными чернилами, лл.7, 7 об.

Письмо 6. А. П. Пичете, из Самарканда, 2 августа 1942 г., часть листа, возможно блокнот узкого формата, синие чернила, лл.8, 8 об.

Письмо 7. В. И. Пичете, из Самарканда, 15 октября 1942 г. похоже на лист из блокнота, чернила черные, лл.9, 9 об.

Письмо 8. В. И. Пичете, из Самарканда, 25 января 1943 г., формат листа такой же, как и в предыдущем письме, чернила черные, лл.10, 10 об.

Письмо 9. В. И. Пичете, из Самарканда, 9 февраля 1943 г., скорее всего, часть листа бумаги, чернила черные, лл.11, 11 об.

Письмо 10. В. И. Пичете, из Самарканда, 14 февраля 1943 г., небольшой клочок бумаги, чернила черные, л.12.

Письмо 11. В. И. Пичете, из Самарканда, 22 июля 1943 г., тетрадный лист в широкую линейку, синие чернила, л.13, 13 об.

Письмо 12. В. И. Пичете, из Самарканда, 1 января 1944 г., два отдельных тетрадных листа, лл.14, 14 об., 15.

Письмо 13. В. И. Пичете, из Одессы, 2 октября 1944 г., лист серой бумаги сложенный пополам, края обрезаны, синие чернила, лл.16, 16 об., 17, 17 об.

Письмо 14. В. И. Пичете, из Одессы, 18 июня 1945 г., похоже на лист из блокнота, левый край бумаги обрезан, синие чернила, лл.18, 18 об.

№ 15. Телеграмма С. Я. Борового В. И. Пичете от 4 декабря 1946 г., л.19.

сложно. В одном из писем, представленном ниже, Боровой иронизировал: «…Читаю и перечитываю В[аши] письма. Постепенно расшифровал почти всю клинопись» (письмо 3).

Письмо 1

Одесса, 5.IX.39

Многоуважаемый Владимир Иванович,

я честно сдержал свое слово и не напоминал Вам о своем существовании в течение всего лета. А сейчас я снова о том же…

Вы понимаете, как тягостно почти полгода пребывать в ожидании публичной экзекуции и как хотелось бы оставить позади себя этот страшный момент. Проф. Савич[20] обещал представить свою рецензию еще до ухода в отпуск тов. Гейликмана[21] – не позже начала августа. Хочу верить, что они выполнили свои обещания.

Не в меньшей мере меня волнует вопрос о возможности опубликования моей работы. Если она даже и выйдет по-еврейски (на что совсем немного шансов, хотя мне и выплатили гонорар) – но все же hebraicum est, non legitur[22]! А эта моя работа ориентирована как раз на «общего» историка СССР. Все мои надежды на «Истор[ические] Записки» (где в свое время было напечатано «Запорожье» и куда «Евреи на Левобережьи» мною были представлены 3 года назад.)[23]. Я говорил по этому вопросу с тов. Будовницом[24]; он обратится к Вам за отзывом и указанием. Я был бы Вам несказанно благодарен, если бы Вы нашли несколько минут времени для беседы с тов. Будовн[ицом] по этому делу. Я в последние годы ничего не напечатал, а писал немало; и это угнетает меня больше, чем что-либо другое в жизни.

Не смею Вам больше докучать своими жалобами и просьбами и остаюсь искренне *Вам предан*

(Подпись)

ул. Короленко 11 кв.51.

Письмо 2

Самарканд, 22.III.42

Дорогой Владимир Иванович,

меня потянуло написать Вам. Очень хочется знать, как наладилась Ваша жизнь, быт и работа. А случая поехать в Ташкент нет, и не предвидится.

20 Савич Александр Антонович – историк, см. примечание выше.

21 Гейликман Товий Борисович – см. примечание выше.

22 «Это по-еврейски, не читается» (лат.). Парафраза латинской поговорки *Graecum est, non legitur*.

23 Здесь не понятно, что имеет в виду автор письма. Его статья «Евреи в Запорожской Сечи» была напечатана в «Историческом сборнике», 1934, т. 1, с. 141–190 (Боровой, 1934).

24 Будовниц Исаак Уриелевич (также Израиль Уриэлевич) (1896–1963) – историк, кандидат исторических наук (1945), в 1938–1958 гг. сотрудник редакции «Исторических записок» (ответственный секретарь, затем редактор), в 1944–1958 гг. сотрудник Института истории АН СССР; занимался древнерусской историей и литературой. О нем см.: «Исторические записки», 1963. т. 74. с. 286–297; ЭСПИ, т. 1, с. 161–162.

Надеюсь, основные трудности приспособления уже позади; что о вас проявляют и некоторую заботу…

Я сейчас на свою жизнь – если посмотреть вокруг и ее сравнить – не смею жаловаться. После довольно долгих мытарств и не без унижений – я получил работу в здешнем Педагогическом институте, где читаю различные, частью для меня новые курсы. Так что не только учу, но и учусь, что в условиях здешнего бескнижья не так просто; но в этом есть своя радость[25]. Дни заполнены. Быт тоже кое-как наладился. Живем в чистой комнате, спим в постелях (когда мы встретились[26], я спал на полу), относительно сыты и т.д.

О своих мыслях и чувствах не пишу. Они обычны для нас всех. Твердо верю в окончательную и относительно скорую победу над гнуснейшим врагом, и эта уверенность не покидала меня и в *гораздо* более трудные дни. Значит, будем встречаться и, оч[ень] хочу верить, на совместной работе.

Очень хотелось бы получить от Вас хоть несколько строк.

Передайте, пожалуйста, мой привет Борису Дмитр[иевичу][27], Владимиру Сергеевичу[28] и всем тем, кто меня помнит.

Особый привет В[ашей] супруге.

Искренне Ваш (подпись).

Новогоспитальная, 29

Письмо 3

Самарканд, 10.IV.42

Дорогой Владимир Иванович,

читаю и перечитываю В[аши] письма. Постепенно расшифровал почти всю клинопись.

Надеюсь, что Вы и Ваши близкие восстановили свое здоровье, бодры и крепки. Обязательно необходимо сохранить силы и *энергию*; ведь предстоит столько работы; так велит долг перед героическим народом. (А кто залечит раны моего великого и трагического народа; и останется ли у него жизненных сил, что б воспрянуть к новой жизни). Вообще же я полон уверенности, что мир

[25] На бескнижье в эвакуации жалуются все ученые. Так, В. М. Алексеев пишет И. Ю. Крачковскому 19 марта 1942 г. из Казахстана: «…Бескнижье, вообще, удручает до сумасшествия (что я и предвидел в моих предотъездных мучениях), и, не будь у меня с собой переводного материала ad infinitum [без конца] (хотя в одной книге!), я был бы невменяем» (Переписка В. М. Алексеева…, 2008, с. 215). О бескнижьи говорит Боровой и в письме 7-м от 15 октября 1942 г. (см. ниже).

[26] Имеется в виду единственная встреча с В. И. Пичетой в Самарканде в конце 1941 г.

[27] По-видимому, имеется в виду Б. Д. Греков. О Грекове см. примеч. выше.

[28] Сейчас сложно сказать, кого имел в виду Боровой. С малой долей уверенности можно предположить, что это В. С. Сергеев. Сергеев Владимир Сергеевич (1883–1941) – историк-античник, автор сочинений «История Древней Греции» (М.-Л., 1934), «Очерки по истории Древнего Рима», ч. 1–2 (М., 1938). В июне 1939 г. ему присуждена степень доктора исторических наук. В 1942 г. присвоена Государственная премия СССР за т. 1 «Истории дипломатии» 1941 г.

из этой катастрофы выйдет обновленный, преображенный и оздоровленный, что вместе с гнусной фашистской падалью будет закопана значительная доля скверны и мерзости старого мира. Я твердо верю в это, хотя знаю, что так думали во время всех великих войн; и хорошо знаю, что из этого получилось.

А сейчас я с благоговением думаю о наших славных красноармейцах, стойких железнодорожниках, умелых рабочих и т.д. – т.е. о тех простых людях, которые своей жизнью и работой отстаивают себя, нас, нашу страну и человечество, и создали нам возможность жить так как мы живем.

Как ни трудна, тягостна подчас моя жизнь – мне все время кажется, особенно, когда думаю, что делаешь и оглядываюсь вокруг, что и опять-таки нам *она* есть – незаслуженное счастье; что за нее нужно отплатить. Хватит ли сил и уменья?

Я занят целый день лекциями, а главное подготовкой к ним (*так же* читаю новые для себя курсы); много читаю; потом быт, *мой* быт, т.е. иногда стояния в очередях; проблемы в распред[елении] и т.д. – впрочем, эта тяжесть лежит главным образом на жене).

Живем замкнуто; обходимся без «культурного развлечения», с местными людьми не установилось почти никакого контакта. В своем подавляющем большинстве они относятся к «эвакуированным» мало доброжелательно. Коллектив Педаг[огического] Инст[итута] *целиком* провинциален и из *этих людей* никто не проявил ко мне ни *сожаления*, ни внимания.

Зато веду обширнейшую переписку. Моих друзей разбросало *по лицу всей страны*. Веду переписку прим[ерно] с 20 гор[одами]. Но – увы – многих близких и друзей не досчитываюсь, кое-кто остался «там» в лапах *злодея*, многих не нашел еще.

Мне пришлось перенести большое горе: 11.XII во Фрунзе при «эвакуации» из Москвы умер отец. Я очень жалею, что Вам не случилось с ним встретиться. Это был совершенно исключительный по силе ума и благородству цели человек. Если во мне что-то есть – этим я обязан единственно ему. Особенно обидно, что он не дожил до победы над гитлеровской сволочью, до той священной мести, мысль о которой была главным содержанием его жизни в течении последних лет.

А брат мой уже возвратился в Москву, где по словам его лаконичной телеграммы «трудно, но хорошо».

Как я был бы рад, если бы Вы в дальнейшем не забывали меня.

Сердечный привет А. Пичета[29].

Искренне Ваш (Подпись)

Новогоспитальная 29

---

[29] Пичета Александра Петровна – супруга В. И. Пичеты.

Письмо 4

Самарканд, 30.V.42

Дорогой Владимир Иванович,

отвечаю Вам – против обыкновения – не сразу. Только что возвратился из пригорода, где (в кишлаке Худжум) провел вместе со студентами неделю на с[ельско] – х[озяйственных] работах. Устал очень: пришлось ходить десятки километров пешком; но очень доволен. Было очень интересно. Быт, несмотря на трактор и т.д., совершенно библейский, ландшафт несколько напоминает *Тиберию*. Так жизненный опыт расширяется в совершенно неожиданном направлении...[30]

То, что Вы пишите о себе, об А[кадемии] Н[аук] и т.д. – чрезвычайно интересно. Я с нетерпением жду обещанного Вами (по возвращении из Свердловска) письма. Моя жизнь течет чрезвычайно однообразно. Живу *незаметно*. Ничего не делаю такого, что может оправдать существование человека в наши дни, и это меня очень тяготит. Удастся ли когда-нибудь отдать свой личный долг стране и народу?

Еще раз прошу – не забывайте меня в моем одиночестве.

Искренне Ваш (Подпись).

П.С. Кстати, зовут меня «Саул» (не «Самуил»).

Самарканд

Новогоспитальная 29

Письмо 5

Самарканд, 29.VI.42

Новогоспитальная ул., д.29

Дорогой Владимир Иванович,

я несказанно рад, что В[аше] здоровье восстановилось; надеюсь, что Вы сейчас чувствуете себя хорошо и уже работаете со свойственной Вам быстротой и энергией. Верю, что Вы не только доведете до конца начатые уже Вами работы, но успеете совершить много нового и успешного. Не сомневаюсь, что после войны – новая эпоха вольет во всех нас новые силы; и от кого, как не от Вас потребуется громадная работа, связанная с восстанов-

[30] С. Я. Боровой впоследствии вспоминал пребывание на сельскохозяйственных работах в Узбекистане как один из немногих случаев за период эвакуации, когда он почувствовал себя сытым: «…Студенты, а заодно и преподаватели были мобилизованы для поездки в ближайшие кишлаки для сбора (вручную) вредного паразита с посевов хлопка. Работа на поверку оказалась совершенно бессмысленной. Никаких паразитов на всходах хлопчатника мы не обнаружили. Но эти дни в кишлаке мне запомнились – и даже не тем, что бегло ознакомился с совершенно новым для меня бытом, но тем, что нас всегда сытно кормили. Студенты и преподаватели из местных жителей привезли с собой пищу и зачастую отказывались от той еды, которую предлагал колхоз. Я же и, надо думать, многие их эвакуированных за их счет получали добавки и чувствовали себя сытыми» (Боровой, 1993, с. 269).

лением нашей родины. Надеюсь, что тогда и на мою долю выпадет более плодотворная и достойная работа, чем та, кот[орая] выполняема сейчас. То, что я не делаю сейчас ничего хоть сколько-нибудь серьезного для нашего общего – единственно важного и оправдывающего существование человека дела – для победы – меня очень угнетает.

С глубочайшим оптимизмом я гляжу в будущее, хотя понимаю неизбежность (особенно в ближайшие недели) временных осложнений и огорчений. Но гитлеровская сволочь неотвратимо идет ко своей гибели. Найдется ли умение и разум, чтобы обезопасить и будущие поколения от появления новых гитлеров? Ужасно было бы подумать, что страшные драки этих лет пройдут бесследно. Убежден, что человечество вынесет очень много плодотворных уроков. Вот почему так хочется жить; так страстно мечтаешь об активном участии в строительстве на новой очищенной и освобожденной земле!

Жизнь моя идет относительно *незаметно*. Кончились лекции, заканчиваются экзамены. Очень много, но беспорядочно читаю.

Здесь все завалено фруктами и овощами (относительно дешевыми). Когда наблюдаешь это буйное изобилие природы, которая вопреки всему (даже нежеланию работать) родит, создает, – веришь, что жизнь и творчество обязательно *должны* победить смерть и разрушение.

Желаю здоровья, сил и бодрости!

Пишите!

Ваш (Подпись)

Письмо 6

Самарканд, 2.VIII.42

Многоуважаемая Александра Петровна, очень тронут Вашим любезным сообщением о Владимире Ивановиче. Надеюсь, он с интересом и с пользой проведет в Москве намеченное им время. Признаться, завидую ему.

С глубокой благодарностью вспоминаю часы, проведенные у Вас в Москве. Никогда не забуду, какую поддержку оказали Вы мне в трудный и острый момент моей жизни.

Глубоко верю, что мне еще суждено будет посещать Вас и Владимира Ивановича в хорошо памятной мне комнате по Метростроевской.

Шлю Вам наилучшие пожелания!

С искренним уважением и приветом Ваш (подпись)

Простите, если спутал Ваше имя – отчество. Кстати, меня зовут не «Самуил», а «Саул».

Самарканд, ул. Р. Люксембург, 18

Письмо 7

Самарканд, 15.X.42

Дорогой Владимир Иванович,

очень обрадовало меня В[аше] письмо – знак так высоко ценимого мною Вашего внимания и дружеского расположения ко мне. Очень рад был узнать, что Вы бодры и со свойственной Вам энергией работаете над статьями; верю, что Вы доведете до конца и свои большие научные планы.

Недавно мне пришлось пережить большое горе: во Фрунзе скончалась моя мать; там же в декабре 1941, через два дня по приезде из Москвы, умер и мой отец. Так Гитлер убил моих родителей… Жена моя вот уже два месяца, как болеет брюшным тифом. Надеюсь, что в скорости она возвратится из больницы домой. Так, что мне – в личном, как говорят, плане – нелегко пришлось.

Несмотря на все я настроен бодро и с глубокой верой смотрю вперед. Убежден, что стратегически гитлеровский план войны 1942 г. уже провалился, а значит, мы сделали настоящий шаг по пути к победе. С благоговением и гордостью думаю о красноармейцах – героях Сталинграда, Моздока. Довольно много работаю: читаю в Инст[итуте] Нар[одного] Хоз[яйст]ва историю нар[одного] хоз[яйст]ва, а в Педагогическом Ин[ститу]те историю СССР, источниковедение и историческую географию. (Имею две *половинные* ставки[31]). На это уходит весь день; читаю много, но бессистемно (что понятно в условиях здешнего бескнижья). Ничего не пишу; это меня очень угнетает: ведь с 17-летнего возраста я систематически пачкал бумагу. Но, думаю, что – если буду жить – то и в «творческом плане» эти годы пройдут не бесследно. Я кое-чему научился, не говоря об обогащении внутрен[него] и внешнего *стиля*…

Здесь изрядно скучаю. Глубокая провинция; иногда совершаю прогулки по окраинам; знакомлюсь с интереснейшими местными памятниками искусства и старины. Это примиряет с жизнью. Мечтаю о поездке в Ташкент, хотя бы на несколько дней. Вот, если бы меня вызвали или командировали на какую-нибудь сессию…

Очень прошу Вас не забывайте и пишите!

Искренне Ваш (подпись)

ул. Р. Люксембург, 18

[31] *Половинные*… не совсем понятно. Боровой указывал на то, что читал лекции в четырех вузах: в Самаркандском институте народного хозяйства, Московском и Ленинградском плановых институтах, Ленинградской Академии художеств (Боровой, 1993, с. 270).

Письмо 8

Самарканд, 25.I.43

Дорогой Владимир Иванович,

Раньше всего спешу В[ас] уведомить, что проф. Жаринова[32] я встречаю очень часто. (Он читает в Педаг[огическом] Ин[ститу]те, т.е. там же где и я, методику истории). Он совершенно здоров и благополучен. Несколько дней назад я спрашивал его не получает ли он писем от Вас – он мне ответил, что получил несколько писем, но все не собрался ответить…

Страшно хотелось бы получить от Вас более подробное письмо, о В[ашей] жизни, делах, планах.

О себе могу рассказать, что очень много работаю; читаю в Инст[итуте] Нар[одного] Хоз[яйст]ва и Педагогич[еском] Ин[ститу]те. Живу (с точки зрения бытовой) неплохо; во всяком случае значит[ельно] лучше, чем в прошлом году и лучше, чем этого может требовать человек моих лет, находящийся в тылу и, к сожалению, не делающий ничего, что бы непосредственно помогало нашей борьбе с гнусным врагом. Много читаю; посему учусь. К сожалению, ничего не пишу, что меня огорчает, хотя убежден, что и в творческом плане это время не пропадает; авось, что-нибудь созреет внутри… Но, конечно, я был бы счастлив, если бы получил внешний толчок: литературное и научное поручение от какого-нибудь учреждения…

На днях прочел в «Правде Востока» о смерти Юдицкого. Не знаете ли причину его смерти? Хотя он мне лично сделал большую и непростительную гадость – мне, все же, жалко его… Не в пример Гринбергу[33] – *он* был не лишен багажа, хотя конечно не ученый; он был всю жизнь неудачником; типичным представителем того трагического поколения еврейской интеллигенции, которое по очереди молилась всем богам, но нигде не нашла ни своего места в жизни, ни внутр[еннего] покоя. Кроме того, каким бы он ни

[32] Жаринов Дмитрий Алексеевич (1875–1943) – историк, сведения о нем довольно противоречивы; работал с В. И. Пичетой еще до Октябрьской революции 1917 г.; по некоторым сведениям, был приглашен Пичетой на работу в Белорусский государственный университет. Белорусский историк О. А. Яновский считает, что Жаринов покинул университет после пасквиля, опубликованного в журнале *«Бальшавік Беларусі»* («Большевик Белоруссии»), 1928, № 7, с. 18–29 (см. Яновский, 2010, с. 33). Боровой упоминал Д. А. Жаринова в небольшой заметке о кафедре истории Самаркандского педагогического института. Жаринов в эвакуации работал с Боровым на одной кафедре в Самарканде, собирал архивный материал о сношениях России со странами Средней Азии в XVII–XVIII вв., изучал донесения русского дипломатического агента Флорио Беневени, о котором готовил монографию (С.Б., 1943). Бумаги Флорио Беневени были опубликованы только в 1986 г. В. Г. Воловниковым (См.: Посланник Петра I…, 1986). К сожалению, во вступительной статье к этой публикации не содержится никакого историографического и источниковедческого обзора. Д. А. Жаринов – автор соч. «И. Н. Болтин как историк» (Самарканд, 1941).

[33] О З. Гринберге см. примечание выше.

был, а смены ему нет, и как раз тогда, когда в историю евр[ейского] народа вписана такая страшная страница…[34]

Позвольте с опозданием приветствовать Вас с новым годом и пожелать что бы этот год был годом окончательных победы и возмездия.

Искренне Ваш (подпись)

Письмо 9

Самарканд, 9.II.43

Дорогой Владимир Иванович,

Увы! – мрачные предчувствия меня, к сожалению, не обманули. Хотя дней 10 назад я утомлял Вас и сообщал, что профессор Жаринов чувствует себя отлично и т.д. – сегодня считаю печальным долгом сообщить Вам, что *Ув[ажаемый]* проф. Жаринов скоропостижно скончался (от паралича сердца), до последнего дня он читал лекции…

К сожалению, я с ним почти не был знаком. Дм[итрий] Ал[ексеевич] жил очень замкнуто и не отвечал на мои попытки сблизиться с ним.

А между тем сейчас так стоит и так нужно жить… Какое это оправдание жизни и ее *лучших* «старомодных» заветов – массовая смерть гитлеровских сверхчеловеков, этих вшивых ницшеанцев, которые давно решили, что им все можно. А сейчас они смердят ни сколько не меньше, чем те же трупы женщин и детей, с которыми они так победоносно продолжают воевать.

А Вы, возможно, уже скоро попрощаетесь со Ср[едней] Азией. Я так мечтаю о дне своего отъезда, причем стремлюсь именно в Москву, кроме всего прочего по личным (семейным) причинам. Но как добиться вызова в Москву?

Как хотелось бы получить от Вас письмо!

Искренне Ваш (подпись)

34 Об А. Д. Юдицком см. примечание выше. Юдицкого Боровой характеризовал так: «Это был довольно типичный «еврейский ученый» того поколения. Получивший традиционное еврейское воспитание, прекрасно владевший ивритом, он не имел научной школы, был, по существу, дилетантом, но с претензиями на “ученого”. Конечно, он довольно много знал, но слишком явственно чувствовался недостаток общей культуры и… школы, научной дисциплинированности. <…> ...После фактического разгрома Института еврейской пролетарской культуры в Киеве, он, как ряд других сотрудников… переселился в Москву, где с трудом перебивался, не имея прочного заработка» (Боровой, 1993, с. 198).

Письмо 10

Самарканд, 14.II.43

Дорогой Владимир Иванович,

Вы уже знаете из моего письма о смерти Дмитрия Алекс[еевича]. Я проводил его на кладбище в числе очень немногих. Все это было очень грустно.

А Вам, конечно, уже пора собираться в Москву. Не сомневаюсь, что уже скоро Вы окажитесь *опять* в своей комнате на Метростроевской, *кот[орую] разгрузят от чужих вещей и т.д.* Понимаю, как трудно в Ташкенте вести научную и литературную работу. А м[еж] т[ем] так верю, чтобы Ваши работы по истории Польши вышли как можно скорее.

Сборника А[кадемии] Н[аук], посвящ[енного] 25-летию[35] я здесь не видел еще, также нет и книги …*[36]. *И некого мне попросить выслать эти книги*.

О своем быте я уже Вам писал. Я полон радости и гордости за нашу страну, народы и замечательных солдат.

Пишите. Ваш (подпись).

Письмо 11

Самарканд, 22.VII.43

Дорогой Владимир Иванович,

Как я бесконечно сожалею, что мне не случилось побывать в Ташкенте, пока Вы там находились. Теперь кто знает, когда мне посчастливится встретиться с Вами?

---

35 Имеется в виду юбилейный сборник, изданный в 1942 г. Институтом истории АН СССР под ред. акад. В. П. Волгина, акад. Е. В. Тарле и чл.-кор. А. М. Панкратовой «Двадцать пять лет исторической науки в СССР» (Двадцать пять лет…, 1942).

36 Здесь в письме слово совершенно неразборчиво. По-видимому, Боровой называет какого-то автора. Очень похоже: *также нет и книги* ***Виппера***. По «Книжной летописи» СССР за 1940–1943 гг. можно, однако, установить, что 17 сентября 1943 г. Р. Ю. Виппер прочел в Колонном зале Дома Союзов в Москве публичную лекцию «Иван Грозный». Ее стенограмма вышла в 1943 г. Однако письмо 10 датировано 14 февраля 1943 г., т.е. гораздо раньше, чем случилась указанная лекция. Известно, что до лета 1943 г. Виппер оставался в эвакуации в Ташкенте (Ковальчук, 2011). Возможно, Пичета в январе-феврале 1943 г. спрашивал Борового о какой-то работе Виппера, может быть имелась в виду работа «Иван Грозный» 1922 г. Из всех книг, которые интересовали Борового, сам историк упоминает лишь сборник «Менделе и его время» (*“Mendele un zayn tsayt. Materialn tsu der geshikhte fun der yidisher literatur in 19 yorhundert”*), вышедшую в Москве в издательстве «Дер Эмес» в 1940 г., где была напечатана его статья. Эту книгу он нашел в Самарканде (Боровой, 1993, с. 282–283). В издательстве «Эмес» 1941 г. вышла также книга Лейба Зингера «Обновленный народ. Цифры и факты об евреях в СССР» (*Dos banayte folk. Tsifern un faktn vegn yidn in FSSR*). Однако, сомнительно, что Пичета интересовался книгами на идише. Виппер Роберт Юрьевич (1859–1954) – русский и латышский историк, исследователь античности и раннего христианства, считается последователем Дж. Вико, в 1922 г. был выслан из СССР, обосновался в Риге. Накануне войны в 1941 г. вернулся в СССР, преподавал в Московском государственном университете. 27.09.1943 г. был избран действительным членом АН СССР. О Р. Ю. Виппере см.: Вернадский, 1998, с. 233–234; Ковальчук, 2011.

Вспоминается мне наша встреча в Самарканде. Я тогда был в очень тяжелом положении, еще не очухался от своей второй эвакуации, не имел ни жилья, ни работы…

А сейчас в материально-бытовом плане я устроен вполне хорошо. У меня хорошая комната, сад, в котором цветет урюк и зреет виноград, работы больше, чем можно и нужно (3 ВУЗа!), …но я скисаю здесь. В условиях Самарканда можно учиться (что я пытаюсь делать), но научно работать нет никакой возможности. А я ведь маниак. С 16-ти летнего возраста до VI 41 я неуклонно держался правила nulla dies sine linea… И вот два года, как я ничего не делаю[37]. Значит надо вырваться отсюда, и как можно скорее.

Еще до начала войны я решил переехать в Москву, но сейчас у меня есть неизмеримо больше оснований, чтобы рваться в Москву (и личного, и семейного, и делового порядка). Я об этом мечтаю сильнее, чем все три чеховские сестры вместе… И мне кажется, что у меня есть еще достаточно сил и *данных*, чтобы оказаться полезным и на месте в каком-нибудь из московских учреждений.

Дорогой Владимир Иванович, я ни о чем не смею Вас просить, но я хочу, чтобы знали о моих планах-надеждах. Я знаю, что Вы верите мне, и знаете, что Ваш «крестник» Вас не подведет и не опозорит.

Не смею отрывать у Вас больше времени; если Вас заинтересуют подробности моей самаркандской жизни – об этом сможет рассказать Вам Юлия Яковлевна Мошковская[38], которая любезно согласилась передать Вам это письмо вместе с моим приветом и наилучшими пожеланиями.

Искренне Ваш (подпись).

Самарканд, ул. Р. Люксембург, 18

---

37 Позже в «Воспоминаниях» С. Я. Боровой объяснит: «Неустройство, тягости беженского быта, перегруженность лекциями, необходимость хоть кое-как готовиться к чтению курсов (ведь некоторые из них я читал впервые), все это долго не создавало элементарных возможностей для литературно-научной работы» (Боровой, 1993, с. 279).

38 Мошковская Юлия Яковлевна, урожденная Эйгер (1892–1969) – историк культуры, философ; училась на Бестужевских женских курсах, в 1913–1914 гг. занималась во Фрейбургском университете, участвовала в семинаре Генриха Риккерта – немецкого философа, одного из основателей баденской школы неокантианства – рано примкнула к социал-демократическому движению; в 1924–1929 гг. сотрудница Института Маркса и Энгельса, в 1936–1937 гг. сотрудник журнала «Историк – марксист». Автор книги «Георг Форстер – немецкий просветитель и революционер XVIII века (1754–1792)» (М., 1961), в 1960 г. издала «Избранные произведения» Г. Форстера, занималась историей дипломатии. О Ю. Я. Мошковской см.: Французский ежегодник. 1969. М., 1971, с. 338–339. Как уже было сказано, С. Я. Боровой сблизился с Ю. Я. Мошковской и ее мужем врачом Ш. Д. Мошковским в эвакуации в Узбекистане. О Мошковских см.: Боровой, 1993, с. 274–276.

Письмо 12

Самарканд, 1.I.44

Дорогой Владимир Иванович,

раньше всего позвольте принести Вам наилучшие пожелания к новому году – году, кот[орый], как мы все крепко верим, будет годом великой Славы, окончательной Победы и жестокого возмездия. Вам лично желаю здоровья, плодотворной работы и больших успехов. Читал в газетах, что Вы недавно побывали в Харькове.

У меня все по старому. Живу здесь в материальном отношении хорошо; довольно много (но в меру) читаю лекции и… смертельно скучаю, томлюсь, и рвусь к настоящей работе. Сейчас я здесь совсем одинок. Чувствую себя совершенно забытым. М[ожет] б[ыть], виновата моя тема? Ведь и в сборнике о 25-летии истор[ической] науки не только обо мне не было ни одной строчки – но вообще и о моей основной теме[39].

О чем больше всего думаю я – историк восточно-европейского еврейства – сейчас, когда гитлеровцы не оставили ни на Украине, ни в Белоруссии ни одного еврея – Вам, конечно, не трудно догадаться. Как жажду я мести; как горько, что для стольких спасение – которое так близко – придет слишком поздно.

И стыдно мне очень, что эти годы я провел так благополучно, и так бесславно и так непродуктивно. (Если не говорить о громадной педагогической работе). Хотелось бы верить, что когда-нибудь еще оправдаю свое существование.

В 1944 г. исполняется 150-летие Одессы. История Одессы – тема мне очень хорошо знакомая. (Я конечно писал об этом, редактировал также некоторые библиографии по Одессе и ее истории). Предложил редакции «Истор[ического] Журнала» статью, но редакция молчит[40]. Мог бы написать и книжку об этом. Кому предложить?

К концу письма: небольшая сплетня. В связи с помещен[ной] мною в №10 «Ист[орического] Ж[урнала]» заметкой о работе историков Самарканда – *октябрь*[41] от имени комиссии по изучению Петровской эпохи при Инст[итуте] истории А[кадемии] Н[аук][42] обратился ко мне с предложением

[39] Боровой ссылается на уже упомянутый сборник Института истории АН СССР 1942 г. (Двадцать пять лет…, 1942). В. И. Пичета являлся там автором двух очерков: «История Украины в советской историографии» (Двадцать пять лет…, 1942, с. 164–178) и «История Белоруссии в советской историографии» (Двадцать пять лет…, 1942, с. 179–188). Очерк «Славяноведение в СССР за 25 лет» написан в соавторстве с У. А. Шустером (Двадцать пять лет…, 1942, с. 222–235).

[40] Эта статья выйдет позднее. Имеется в виду упомянутый очерк «Одесса. (К 150-летию со дня основания)», опубликованный в «Историческом журнале» в 1944 г. (№ 5–6) (Боровой, 1944).

[41] Слово неразборчиво, похоже на …*октябрь*.

[42] Группа по изучению эпохи Петра I была создана в Институте истории АН СССР, как можно понять из разрозненных источников, в период Великой Отечественной войны. По-видимому, именно в это

посодействовать пересылке в распоряжение комиссии оставшихся у покойного Дм[итрия] Ал[ексеевича] Жаринова работы о Флорио Беневени (петровском после в Бухару). Я передал эту просьбу вдове Жаринова (на мой взгляд, в высшей степени неприятная особа; здешние обыватели считают, что ее отношение к покойному и «уход» за ним – было главной причиной его преждевремен[ной] смерти). Так вот: она мне сообщила, что послала рукопись по назначению, но одновременно она рассказывает (а мне услужливо передали), что никогда этой рукописи она не пошлет, *также* по Вашему совету она будет это исследование Жаринова защищать, как свою диссертацию. «Мне это Пичета устроит», вот ее подлин[ные] слова. На всякий случай считаю, что Вам будет небесполезно это знать.

Простите, что заболтался.

И еще раз – всего Вам наилучшего!

Не забывайте

Искрен[не] Ваш

(подпись)

ул. Р. Люксембург, 18

Письмо 13

Одесса, 2.Х.44

Дорогой Владимир Иванович,

Итак, я в Одессе; нахожусь здесь уже около месяца. К очень многому никак не могу привыкнуть. Население города, его структура, психологический и этнический профиль резко изменились, хотя с каждым днем приближаются к старому. Но, конечно, Одессы 41 г. никогда уже не будет, так же как навсегда ушла Одесса 1913 г. А кто не видел Одессы 1913 г. – тот вообще не видел Одессы…

По счастливому стечению обстоятельств, сохранилась значительная часть моей библиотеки, в т[ом] числе ее еврейские отделы. Т[аким] о[бразом] я остаюсь обладателем самой большой в СССР частной биб[лиоте]ки по истории евреев в Восточной Европе. Научный архив и рукописи погибли почти целиком.

Итак, я существую, работаю (как профессор Кредитно-экономического и Педагогического Институтов) и ищу свое место в той новой жизни, кот[орая] рождается на политой кровью моих братьев земле…

Хочется забыться и найти мое оправдание в работе. И тут моя большая надежда на Вас. Напомните, – очень прошу Вас – обо мне в Институте

время группа вела достаточно активную исследовательскую деятельность, что, очевидно, было связано с социальным заказом сталинского режима. Важной задачей группа считала возобновление издания писем и бумаг Петра Великого. См.: «Исторический журнал», 1944, № 9, с. 107–108.

истории. Я так хотел бы быть привлеченным к большой научно-литературной работе! Я чувствую сейчас в себе прилив *неистощаемой* энергии.

С нетерпением буду ждать письма от Вас. Мечтаю о поездке в Москву. Думаю, что в течение этой зимы я это осуществлю. Не могу ли быть Вам чем-нибудь полезен здесь в Одессе? Учтите, что Университетская и Публичная биб[лиоте]ки сохранили свои книги, а там есть немного по истории Польши.

Крепко жму руку

Ваш (подпись)

Одесса, Площ[адь] Кр[асной] Армии д.1, кв.77

С. Я. Боровому

Письмо 14

Одесса, 18.VI.45

Дорогой Владимир Иванович,

кажется, что в газете в списке награжденных увидал Ваше имя и спешу послать Вам искрен[ние] поздравления, слова привета и выразить уверенность в том, что Вам еще предстоит много заслуженных триумфов[43]. Приятно сознавать, что для таких людей, как Вы, внешние знаки почета мало что значат, но все же…

Из Одессы я уже как-то писал Вам (по В[ашему] московскому адресу), но так как я не уверен, что Вы живете все еще в хорошо *заметной* мне квартире по Метростроевской – то это письмецо посылаю одной приятельнице – сотруднице Инст[итута] Ист[ории] с просьбой передать Вам.

Страшно жалею, что лишен был пока возможности побывать в М[оскве] и повидать Вас. Надеюсь, что в течение ближайшего полугода я все же буду в М[оскве] и тогда, если позволите, постараюсь повидать Вас.

Жизнь моя течет весьма однообразно. Заведую кафедрой истории СССР в Педагогич[еском] Инст[итуте] и читаю историю народн[ого] хоз[яйст]ва в Кредитно-Экономич[еском] Инст[итуте]. В сотрудничестве с *небольшой газеткой уже* написал книгу (которая, надеюсь, скоро пойдет в печать) по истории Одессы (раздел 1861–1917 и еще много *переделывать* страниц в других главах и очень много возни по редактированию)[44]. Написал еще не-

[43] Скорее всего, С. Я. Боровой имеет в виду награждение В. И. Пичеты Орденом Трудового Красного Знамени («Правда», 14.06.1945, №141, с. 2). Кстати, среди награжденных был и З. Г. Гринберг («Правда», 13.06.1945, № 140, с. 1). (Интересно, что в биографических справках о Пичете не приводится дата присвоения ему Ордена Трудового Красного Знамени.)

[44] Уже было сказано выше, что тема, которая увлекла С. Я. Борового сразу же после возвращения в Одессу, это история города. Сразу же, по заданию областного комитета компартии Украины вместе с другими историками, он получил задание обработать данные о партизанском движении в Одесской области. В ознаменовании 150-летия города, власти также задумали издание книги по истории города. Скорее всего, здесь эта книга и имеется в виду. Книга вышла в 1957 г. («Одесса.

сколько *статеек* и заметок. Т[о] е[сть] нет и большой работы, но по причинам и внешнего и, главное, внутреннего порядка (Вам понятно душевное состояние человека моей научной темы), и все же, надеюсь, что не всегда буду прибавлять мелочами. Очень огорчает меня отсутствие контакта с нашими ведущими учреждениями.

Ну, а о самом главном забыл. До каких замечательных дней мы дожили! Воистину дни, которые реабилитируют мировую Правду, человечество и т.п., и т.д. Помните нашу встречу в Самарканде в декабре 1941 г. Как раз тогда пришло известие об успехе под Москвой.

Еще раз поздравляю и обнимаю Вас, дорогой Владимир Иванович. Я никогда не забуду о той роли, которую Вы сыграли в моей жизни. Привет В[ашей] супруге.

Искренне Ваш (подпись)

Площадь Кр[асной] Армии 1 кв. 77

Телеграмма

[4 декабря 1946 г., Одесса]

Москва. Метростроевская 7, кв. 8

Академику Пичета

Сердечно поздравляю дорогого Владимира Ивановича жду дальнейших успехов Боровой

Библиография

Архив Российской академии наук (АРАН), ф.1548, оп.1, д.438; оп.3, д.35.

Боровой, С. Я. Воспоминания / Еврейский ун-т в Москве. М., Иерусалим: Гешарим, 1993.

Боровой, С. «Давид Лехно и его история Крымского ханства» в ж-ле: *Исторические записки*, 1941, т.10, с. 295–299.

Боровой, С. Я. «Евреи в Запорожской Сечи. (По материалам сечевого архива)» в ж-ле: *Исторический сборник*, Л., 1934, т. 1, с. 141–190.

Боровой, С. Я. Еврейская земледельческая колонизация в старой России. Политика – идеология – хозяйство – быт: По архивным материалам. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1928.

С. Б. [Боровой С.] «Кафедра истории Самаркандского педагогического института за два года Отечественной войны» в ж-ле: *Исторический журнал*, 1943, № 10, с. 110.

Боровой, С. Я. «Национально-освободительная война украинского народа и против польского владычества и еврейское население Украины» в ж-ле: *Исторические записки*, 1940, т. 9, с. 81–124.

Очерк истории города-героя». Одесса, 1957). Кроме того, Боровой готовил книгу «Евреи в Одессе» для издательства *«Дер Эмес»*, а также раздел об Одессе для «Черной книги» (см.: Боровой, 1993, с. 298–302), как уже отмечалось.

Боровой, С. Я. «Одесса: (К 150-летию со дня основания)» в ж-ле: *Исторический журнал*, 1944, № 5–6, с. 41–49.

Borovoy, Sh. “Der umkum fun der Odeser yidisher bafelkerung beys der fashistisher okupatsie” in: *Sovetish Heymland*, 1990, 7, s. 91–110.

Вернадский, Г. В. Русская историография / Вступит. ст.: В. Н. Козляков. М.: Аграф, 1998(?).

Двадцать пять лет исторической науки в СССР / Академия наук СССР. Ин-т истории. М. – Л., 1942.

Еврейская энциклопедия: Свод знания о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем. [Репр. воспр.] Изд. О-ва для науч. еврейских знаний. Т. 1–16. М.: Терра, 1991. (Далее: Евр. энц.).

Еврейские хроники XVII столетия: (Эпоха «хмелничины»): Исследование, перевод и комментарии С. Я. Борового. М., Иерусалим: Гешарим, 1997.

«Из мемуаров В.И. Пичеты “Моя жизнь до 1905 года” (Публикация Л.И. Уткиной)» в сб.: *Российские и славянские исследования*. Вып. 4. Минск, 2009, с. 301–332.

Историки-слависты СССР. Биобибл. словарь справочник. М.: Наука, 1981.

Ковальчук, С. Историк и его история: Роберт Юрьевич Виппер: К 70-летию отъезда историка из Латвии. 2011. [Электронный ресурс] <http://www.russkije.lv/ru/pub/read/r-vipper-historian/#24>

Костырченко, Г. В. Тайная политика Сталина: Власть и антисемитизм. М.: Международные отношения, 2003.

Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1976–2005. Т. 1–11 и доп.

Лінднэр, Р. Гісторыкі і ўлада: Нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX–XX ст. / Пер. з ням. Л. Баршчэўскага; нав.рэд. Г. Сагановіча. Мінск – [СПб.?], 2003.

Носоновский, М. Исаак Лурье и еврейский музей в Самарканде. [Электронный ресурс «Заметки по еврейской истории», № 13, 26 мая 2002 г.] <http://berkovich-zametki.com/Nomer13/MN27.htm>

«Переписка В. М. Алексеева и И. Ю. Крачковского (1916–1950)» в сб.: *Неизвестные страницы отечественного востоковедения:* Вып. 3. М.: Вост. лит., 2008, с. 139–428.

«В. И. Пичета. Дневниковые записи 1944–1946 гг. (Публикация Л. И. Уткиной)» в сб.: *Российские и славянские исследования*. Вып. 4. Минск, 2009, с. 333–337.

Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718–1725 годах / Подготовка текста, вступ. ст. и комментарии: В. Г. Воловников. М.: Наука, 1986.

Энциклопедия «Слова о полку Игореве» / Рос. акад. наук. Ин-т русской литературы (Пушкинский дом). Т. 1–5. СПб., 1995. (ЭСПИ).

Яновский О. А. «Тернистая дорога к марксизму, или российская интеллигенция в белорусских реалиях 1920-х гг.» в ж-ле: *Интеллигенция и мир: Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук*. Иваново, 2010, № 1, с. 27–43.

Автор подготовленного материала благодарит за помощь в работе с фондами Архива РАН его сотрудницу И. Г. Тараканову

Е. Розенблат

Материалы Комиссии по истории Великой Отечественной войны ИРИ РАН: Бася и Геннадий Левины о жизни в Минском гетто и партизанском отряде

Публикуемое интервью Б. В. Левиной и дневник ее сына Г. Левина представляют собой часть комплекса источников личного происхождения, отложившихся в разделе «Оккупационный режим немецко-фашистских захватчиков» фонда Комиссии по истории Великой Отечественной войны архива Института российской истории РАН.

Еще в декабре 1941 г. по решению московского городского комитета партии была учреждена комиссия по истории обороны Москвы (Курносов, 1974, с. 120). Затем, уже согласно постановлению Президиума Академии наук СССР от 15 января 1942 г., был разработан научный аппарат по изучению истории Отечественной войны под руководством образованной ЦК ВКП(б) Комиссии (Курносов, 1974, с. 119). С лета 1942 г. стали создавать республиканские, областные и ведомственные комиссии (Курносов, 1974, с. 121). 2 июня 1942 г. образована Комиссия по истории Отечественной войны при ЦК КП(б) Белоруссии (Шумейко, 1985). Поскольку основной задачей Комиссии было «собирание материала, который не откладывается в архивах» (Курносов, 1974, с. 123), то главным образом речь шла об источниках личного происхождения, прежде всего – стенографических записях воспоминаний участников событий.

Особенно ценно для исследователей то, что записи рассказов, как писал советский историк А. А. Курносов[1], осуществлялись с минимальным временным разрывом по отношению к описываемым событиям, как говорится по «горячим следам», в условиях военного времени, когда особенные свойства быта войны, «человеческих взаимоотношений, душевного настроя – сохранились как для рассказчика, так и для интервьюера» (Курнсоов, 1974, с. 123).

В конце 1942 г. была разработана «Инструкция о работе комиссий национальных республик и областей по истории Великой Отечественной

[1] В материалах Комиссии – «стенограммы (записи) бесед». Как отмечает А. А. Курносов, «тем самым определялся способ получения информации (интервью), но не ее характер» (Курносов, 1974, с. 118).

войны», в которой давались рекомендации по сбору и записи воспоминаний (Шумейко, 1985, с. 36).

В инструкциях и рекомендациях отмечалась необходимость «показать живого человека, его мысли, чувства, переживания», содержалось также пожелание «не замазывать трудности и недостатки, не лакировать действительности». Предполагалось «при рассказах добиться возможно более полного и правдивого освещения фактов и событий с уточнением хронологических дат, названий мест; не забывать записать основные данные о каждом рассказчике: краткие данные с указанием даты и места рождения, имени, отчестве, домашнего адреса, партийности и работы до войны… Если позволит обстановка, следует запись прочесть рассказчику и подписаться ему. Надо указать кто, когда и где произвел запись» (Курносов, 1975, с. 125).

Определялась тематика собираемых элементов и материалов. Для Беларуси основными темами стали партизанское движение и подполье. Был разработан план проведения бесед (интервью), содержавший такие разделы, как «Район накануне Отечественной войны», «Первые дни войны», «Приход фашистов, их зверства, убийства», «Создание партизанских отрядов, их действия», «Советская пропаганда в тылу врага», «Герои» и др. (Шумейко, 1985, с. 36–37).

Очевидно, эти рекомендации распространялись и на интервью с участниками партизанского движения и на жертв немецкого геноцида, в том числе и на интервью с евреями – бывшими узниками гетто.

Как отметил А. А. Курносов, в материалах Комиссии постоянно подчеркивалось, что участникам событий «надо дать выговориться», что для науки имеют ценность личные переживания, размышления, наблюдения опрашиваемых и поэтому они могут рассказать все, что сочтут нужным» (Курносов, 1974, с. 131).

Эта особенность источника создает поразительный эффект максимальной достоверности материала, почти невозможной в условиях жесткой цензуры сталинского режима и самоцензуры людей, описывавших свое пребывание на оккупированной территории. Эмоциональность рассказов, детальное описание быта в условиях оккупации (и в партизанских отрядах), делает материалы Комиссии ценнейшим источником по истории Великой Отечественной войны.

Может быть в силу «излишней откровенности», зачастую не совпадавшей с официальными идеологическими доктринами и трактовками событий Великой Отечественной войны (а в нашем случае – истории оккупации и партизанского движения в Беларуси) эти материалы в послевоенный период оказались недостаточно востребованы, практически были забыты, хотя к концу войны материалы белорусской Комиссии были использованы

для издания пяти сборников документов (Шумейко, 1985, с. 38). Только на постсоветском пространстве стали появляться отдельные публикации материалов Комиссии с соответствующей археографической обработкой и без купюр (См.: Эдмунд Баумвальд, 2005; Беларусь в первые месяцы…, 2006).

Отметим, что среди материалов, полученных сотрудниками Комиссии, есть не только записи отдельных лиц, но и коллективов и даже семей.

Публикуемые документы как раз и представляют собой своеобразный «семейный комплекс»[2], состоящий из интервью с минчанкой Басей Вениаминовной Левиной (машинописный текст 20 страниц) и дневника ее сына Геннадия Юрьевича Левина, озаглавленного «Моя жизнь во время войны» (машинописный текст 14 страниц). Дневник Гены Левина определен сотрудниками Комиссии как приложение к интервью его матери Б. В. Левиной[3].

Текст стенограммы беседы с Б. В. Левиной без рукописных вставок с незначительными стилевыми рукописными исправлениями. Авторская подпись под документом отсутствует. Текст дневника правленый, с рукописными смысловыми вставками и пояснениями. Авторство вставок не установлено.

Беседа проводилась в г. Барановичи 8 декабря 1944 г. научным сотрудником Комиссии М. В. Миско и записана О. А. Росляковой.

Тексту стенограммы предшествует краткая автобиография Б. В. Левиной. Данные на сына – Гену Левина – на первой странице дневника отсутствуют.

Б. В. Левина – на 8 декабря 1944 г. – заведующая столовой Барановичского обкома КП(б)Б, 1907 г.р., еврейка, член партии с 1943 года, награждена медалью «Партизану Отечественной войны» 2-й степени. Из краткой биографической справки узнаем, что родилась Бася Левина в Полесской области, в г. Калинковичи. В 1925 г. окончила школу в м. Паричи и до 1930 г. училась чулочному делу. С 1930 г. – ответственный секретарь народного суда в г. Мозыре. Затем жила в Витебске и работала секретарем на рабфаке (очевидно Витебского пединститута). В 1933 г. поступила в вышеназванный пединститут, и в 1934 г. перешла на физмат Белорусского государственного университета (г. Минск). С 1935 г. работала в Белкоопсоюзе. С 1936 г. не работала (очевидно, в связи с рождением 2-го ребенка – сына Романа). Муж – инженер, работал в Наркомздраве. Сын – Геннадий Левин, 1928 г.р., к началу войны – школьник 13-ти лет. Мать и сын после бегства из Минского гетто стали партизанами Барановичского соединения, а затем находились в

---

2 В Беларуси был опубликован единственный подобный «семейный комплекс»: Когда слова кричат…, 2004. Однако в этой публикации центральное место занимает, безусловно, дневник Ляли Брук – дочери, а дневник матери (при всех его достоинствах), это дополнение и разъяснение описанного Лялей. Дневник Берты Брук датируется, вероятно, 1944–1947 гг., т.е. написан уже после войны.

3 На первой странице дневника имеется рукописная помета: «К стенограмме Левиной Б.В.».

группе сотрудников Барановичского подпольного обкома КП(б)Б (Встали мы…, 2006, с. 68, 69).

Информация о дальнейшем жизненном пути Б. В. Левиной и Г. Ю. Левина после мая 1945 г. не выявлена[4]. Стенограмма беседы с Б. Левиной и дневник ее сына публикуются впервые[5].

Беседа с Басей Левиной, безусловно, проводилась по рекомендациям «Инструкции о работе комиссий национальных республик и областей по истории Великой Отечественной войны». Тематически стенограмма беседы с Б. Левиной делится на три больших раздела: минское гетто, выход из гетто и жизнь в партизанском отряде. В разделе о гетто можно выделить несколько хронологических блоков:

Жизнь в гетто с конца августа по 6 ноября 1941 г. (контрибуции, деятельность юденрата, условия жизни).

Погром и акция уничтожения в гетто 7 ноября 1941 г.

Жизнь в гетто с ноября 1941 г. по 2 марта 1942 г. (поиски спасения, устройство младшего сына в русский детский дом, связь с подпольем и помощь партизанам, грабежи и убийства в гетто).

Погром и акция уничтожения в гетто 2 марта 1942 г.

После приобретения поддельного «русского» паспорта началась жизнь за пределами гетто (март 1942 г. – 2 мая 1942 г.). Со 2 мая 1942 г. по 21 декабря 1942 г. Бася Левина вместе с сыном Геной искала пристанища в сельской местности и пыталась установить связь с партизанами.

Партизанский период жизни Б. Левиной представлен в двух частях:

Пребывание в отряде им. В. Чкалова (22 декабря 1942 г. – 18 апреля 1943 г.).

Пребывание в отряде им. Кутузова при Барановичском облцентре КП(б)Б (18 апреля 1943 г. – июль 1944 г.).

Рассказывая о гетто, Бася Левина предстает в интервью прежде всего как мать, любой ценой пытавшаяся спасти своих детей. Оставшись без мужа, с племянницей 17-ти лет и двумя детьми, она готова «погибнуть с племянницей, а детей во что бы то ни стало спасти». Она спасает только старшего. Младший остается в русском детском доме. О нем она больше не рассказывает (вероятнее всего, к декабрю 1944 г. она не успела его разыскать).

---

4 С 1 января по май 1945г. Бася Левина работала начальником спецчасти Барановичского Облфинотдела. Ее сын Геннадий работал наборщиком в областной типографии. Имеется информация о ее сестрах и матери. Мать с сестрой проживали в Сызрани (эвакуированы). Две сестры вернулись из эвакуации в Минск. Одна работала инженером на товарной станции Минск, другая – и.о. доцента в БГУ (ГАБО, ф.1690-п, оп.1, д.729, л.2, 5).

5 По крайней мере, на постсоветском пространстве.

В рассказе Баси Левиной мы видим не только описание событий, сделанное человеком наблюдательным, образованным, но и элементы анализа, оценки происходившего, точные психологические зарисовки поведения евреев в гетто. Так, рассказывая о гетто, она описывает поведение толпы, ее стадность. Вот рассказ о самом начале оккупации: «2 июля был издан немецкий приказ о том, чтобы все мужчины явились в немецкую комендатуру. И все, как овцы, пошли». Вот описание погрома 7 ноября: «Люди шли молча, друг друга подталкивали, помогали садиться в машину. Какое-то тупое безумие»; «Когда подходит пустая машина, каждый старается из первых рядов протолкнуться назад, один другого давит, душит. Общее немое безумие». Погром 2 марта 1942 г.: «Вдруг нам на встречу идет толпа рабочих тоже евреев. Мы решили, что нас ведут на расстрел, как не рабочую силу, а рабочие пока будут жить или вообще жить. Иногда бывает, что одна мысль пробежит током по всей толпе»; или: «Их погрузили, как скот, как нечто неживое в вагоны и повезли под самое Койданово».

В описании погрома 7 ноября 1941 г. ключевое слово ее рассказа – «безумие». При этом Бася не скрывает и своего отчаяния, осознания безнадежности ситуации и неизбежности смерти. В ее рассказе появляются фразы: «Я поддерживала у всех настроение, что умрем, умрем. Это лучше, чем мучиться»; и наконец: «Я, надо сказать, обезумела».

Описывая ситуацию в гетто после погрома 7 ноября 1941 г., она отмечает появление «движения специалистов», которые чувствуют себя «на высоте положения» и начинают этим пользоваться. «К ним люди начинают примазываться. Если мужчина один, женщины предлагают ему всякие условия вплоть до телесных, чтобы он приписал ее к этому району, потому что в районе специалистов не было погромов… Были моменты, что люди превращались в скот. Они не понимали, что их ждет в итоге» – говорит очевидец.

Психологически точно и страшно Бася Левина описывает зимние вечера и ночи 1941–1942 гг.: «Чуть смеркается – закрывали двери, окна и в доме все замирает, никакого движения, никакого света. Зимние вечера были жуткие. Начались убийства местного характера. Ворвется в дом какая-нибудь банда во главе с каким-нибудь немцем, ограбит и всех, кто в этом находится, убивает... Был такой случай, что поймали за этим делом несколько молодых парнишек и одну девушку евреев. Их очень сильно казнили сами евреи в гетто. Потом были убийства по ночам. Придут в какой-нибудь дом, вырежут, и неизвестно кто, потому что ни одного живого человека не остается».

Ещё один синдром гетто – тема голода и еды. В дневнике мальчика встречаются эпизоды, где Гена упоминает еду, продукты, хотя это не столь значимые для него темы (рядовые). Так, в первые месяцы оккупации он через знакомую семьи в русском районе получал обеды (он пишет «баланду») и по

100 г хлеба, которые носил через проволоку домой, в гетто. Перед погромом 7 ноября, несмотря на критичность ситуации, панику, он пишет, что «покушал и лег спать». Точно такая же фраза встречается и в «партизанской» части дневника. После ноябрьского погрома Гена вынужден устроиться на работу и кормить семью (мать не работала). Бася Левина чаще говорит о еде и голоде в гетто. Сначала это был обмен хлеба и картошки через проволоку с приезжими крестьянами. В 1942 г., по ее словам, «кушали жутко» – затирка. А вообще Бася Левина описывает стандартную схему выживания в гетто: вещи (пальто, патефон, швейная машина и т.д.) менялись на хлеб, а хлеб на золото (возможны варианты). За золото покупали «русский» паспорт или метрику и уходили из гетто (у кого получалось).

Нельзя не отметить явную, подчеркнутую «советскость» всей семьи Левиных[6]. И это вполне нормально. Во-первых, их такими воспитали, а во-вторых, пережитое в оккупации еще более усиливало эту «советскость», позволяя хотя бы иногда перестать чувствовать себя обреченным изгоем. (Бася Левина выразилась на эту тему так: «…На нас смотрели, как на осужденных и приговоренных к смерти».) Вполне советским человеком проявил себя даже пятилетний Рома Левин, который однажды рассказал маме следующее:

«– Знаешь, мама, когда проехала немецкая машина, что я сказал?

– Что ты сказал?

– Я сказал: «Да здравствует Сталин»!

– Тебя могли бы расстрелять

– Но ведь я потихонечку сказал».

Уйдя из гетто и встретившись, наконец, с партизанами, Б. Левина, по ее словам, начинает вести агитацию за партизан, читает крестьянам сводки о ситуации на фронте, «внедряет любовь к партизанам». Отныне, одно из ключевых слов в ее рассказе – «любовь».

Попав, наконец, в партизанский отряд, она «с любовью» принимает присягу. Женщина сильная, умная, она за счет своей декларируемой публично патриотической позиции – выступления на открытом собрании с критикой отношения командования партизанского отряда к женщинам – попадает в группу подпольного обкома партии. Вот как она описала этот сюжет: «Нас в отряде было 28 женщин, – пишет она, – высказала протест: почему из 28 женщин нельзя хотя бы одну треть пустить на боевые дела? Всех записали на картошку. Моё выступление не совсем понравилось комиссару и командиру. Они на меня немножко обиделись. Начала чувствовать, что ко

[6] Впрочем, другого изложения событий членом партии Б. Левиной и комсомольцем Г. Левиным в 1944 г. быть не могло.

мне отношение неважно. Я стала просить Перельмана: "Возьмите меня в обком". Чернышев ничего против не имел».

В «партизанской» части рассказа Левиной среди наиболее интересных сюжетов отметим «женскую» тему. На заданный об этом вопрос она ответила так: «Взаимоотношения между девчатами и парнями особенно идеализировать не приходится, но были искренние и честные отношения… Активных женщин все же было порядочно. Подрывниц было много. На боевые, на хозяйственные операции ходили. На постах стояли – это была обычная вещь».

В то же время она говорит (достаточно туманно, намеками), что «во многих отрядах были такие явления, что отталкивали от себя небоевые единицы, особенно женщин. Много было обид. Потом много было послано жалоб на таких командиров».

Психологически интересно в рассказе Баси Левиной представлена тема «коллективизма» в партизанском отряде. Вот как Б. Левина описывает свои чувства во время немецкой блокады партизанской зоны, когда работники подпольного обкома вынуждены были спасаться в болоте: «Очень интересно во время блокады, такая спайка, такая единая семья. Один живет, как все, и все, как один. Сам по себе абсолютно не существуешь. Идешь, смотришь: все тут».

Как представлена еврейская и вообще национальная тема в «семейном комплексе» Левиных? В дневнике подростка всего два раза использовано слово «еврей». Первый раз он пишет о пребывании отца в лагере Дрозды: «…Всех русских мужчин отпустили домой, а евреев держали…». Второе упоминание, когда мальчик цитирует немецкое объявление о желтых латах. И все. Больше в тексте слово еврей не используется. Гена, описывая события в гетто, вместо слова «еврей» пишет: «нас всех согнали в гетто», «берут всех без разбора», «мы все понимаем, что день смерти настал», «все мы сидим и ожидаем своей гибели», «нас всех околотило», «мы все, скрежеща зубами, вышли во двор», «людей всех уже вывезли», «много человек не досчитались мы» и т.д. В «партизанской» части дневника еврейской темы вообще нет (кроме упоминания о 2 марта – второй годовщине спасения от погрома и расстрела двоюродной сестры Любы и клятвы при вступлении в комсомол мстить за отца, брата и сестру, и за нашу Советскую Родину). О погроме 2 марта 1942 г. мальчик написал фразу, которая объясняет, почему он в «партизанском» своем дневнике выделил именно 2 марта: «Мне второй раз посчастливило жить». В рассказе о жизни в Минском гетто, есть «мы» (т.е. евреи), есть гетто (где смерть) и как противопоставление – «русский район», где можно спастись, куда все стремятся. Полицаи – «немецкие холуи». Гена выделяет среди полицаев только «украинцев» и солдат РОА в рассказе о по-

громе 7 ноября 1941 г. РОА, конечно, тогда еще не было, а представление об украинцах-полицаях, скорее всего, появляется у подростка позднее, когда партизаны сталкивались с украинскими полицейскими подразделениями, казаками (власовцами). Либо это память об украинцах – участниках мартовского погрома 1942 г. в минском гетто. Немцы выступают в тексте как некая абстрактная, темная сила. В партизанской части дневника Гена упоминает поляков («польских легионеров», т.е. аковцев) и белорусов, поскольку набирал листовки-обращения к ним.

Почему в дневнике Г. Левина отсутствует «еврейский вопрос», тема межнациональных отношений в партизанском отряде? Думается, что это не только результат советского интернационального воспитания, но и страх, оставшийся в мальчике после ужасов гетто и жизни в деревне (после выхода из гетто), «когда нельзя было даже говорить слово “еврей”». В какой-то степени этому могли способствовать и наставления матери, Баси Левиной. Она-то как раз высказывалась на эту тему в интервью: «Много было политических погрешностей. Многие вопросы они (партизаны) не понимали, в частности национальный вопрос. У них было неправильное понимание еврейского вопроса. Национальный вопрос у партизан решался не по-коммунистически. Еврейскому парню или девушке всегда надо держать ухо остро. Всегда находились такие, которые говорили: вот мы вас спасаем или вы пришли спасать свою шкуру. Но было не до того, чтобы вести национальную политику. Нельзя было углублять этот вопрос».

Проявление «еврейского вопроса», как нежелания быть евреем, спастись во что бы то ни стало на русской стороне, особенно ярко проявилось в поведении младшего сына Баси Левиной – Ромы. Стремление отдать младшего сына в русский детский дом (после погрома 7 ноября) стало целью Баси Левиной, которая боялась, что с маленьким ребенком ее не возьмут в партизанский отряд. Мальчик по-русски говорил хорошо, а «национальной розни для детей нет», как считала Бася Левина. И тут ее стремление неожиданно совпало с желанием пятилетнего Ромы. Он умоляет мать: «Я пойду в русский район. Придет папка, кончится война, вы меня заберете». Рома сам придумал себе русское имя и сам придумал, что родителей у него убили. Далее в тексте интервью потрясающий своей правдой рассказ о том, как ребенок в своем стремлении вырваться из гетто, где угрожает смерть, уходит к знакомой женщине из русского района, не попрощавшись с матерью: «…Старший сын пришел, сказал, что женщина его ждет, чтобы увезти. Он оставляет кушать и спешит, даже со мною не прощается. Я ему шарф завязываю, он буквально от меня удирает. Старший сын его отвел». Что же должен был пережить маленький ребенок, чтобы буквально бежать от матери в детский дом на русской стороне?

Датировать дневник Г. Левина довольно сложно. Безусловно, подросток писал его уже в партизанском отряде, а вернее – в период своей работы в типографии Барановичского подпольного обкома (т.е. с мая 1943 по июнь 1944 гг.). Но вероятнее всего, записи были начаты в январе – феврале 1944 г. Так, в записи за январь – февраль 1944 г. Гена пишет: «Это я описывал воспоминания прошлого, а теперь… по порядку». О том, что дневник был написан во время пребывания в партизанском соединении, свидетельствует и скудность информации о партизанской жизни, отсутствие фамилий (только имена или инициалы), отсутствие географических названий и описания конкретных боевых операций (в которых Гена, конечно, не принимал участие, но о которых, безусловно, знал)[7].

К сожалению, у нас нет представлений о внешнем виде дневника Г. Левина. Скорее всего, он был напечатан с рукописного источника, предоставленного Басей Левиной. Полное содержание рукописного текста (возможно купированного) остается неизвестным. Дневник Геннадия Левина имеет заголовок: «Моя жизнь во время войны» разделен хронологически по годам повествования (с 1941 по 1944), а события каждого года разбиты на главы. Такая структура дневника позволяет предположить, что автор задумал его как некое законченное произведение (возможно по аналогии с теми, что ему приходилось читать). Расположение материала по главам имеет определенный внутренний смысл:

1941 г. 1-я глава посвящена событиям с 22 июня 1941 г. (пребывание в пионерском лагере) по 12 июля 1941 г. (возращение отца мальчика из немецкого лагеря в Дроздах под Минском).

2-я глава описывает создание гетто, упоминает облавы на мужчин 26 и 31 августа и маркировку всех евреев желтыми латами.

3-я глава (самая большая за 1941 г.) описывает погром в гетто 7 ноября 1941 г.

За **1942 г.** две главы: в первой главе большое внимание уделяется «ленинским дням» (18-я годовщина смерти В.И. Ленина) и попыткам матери сделать себе русский паспорт.

Глава вторая повествует о мартовском 1942 г. погроме, выходе из гетто и жизни в деревне.

---

[7] В дневнике Ляли Брук (за 1943 г.) есть объяснение подобной самоцензуры. Дневник девушки заканчивается записью начальника штаба партизанского отряда П. В. Ревенко, в которой говорится следующее: «Ляля!... В партизанском отряде разрешается вести дневник, но вести в нем записи надо так, чтобы если случайно он попадет в руки к врагу, то из дневника враг бы ничего не мог почерпнуть, ничего бы не мог узнать о отряде; нельзя в дневнике писать населенные пункты…, категорически запрещено писать фамилии партизан и командиров и тем более критиковать командиров, хотя бы в дневнике…» (Когда слова кричат…, 2004, с. 42).

1943 г. представлен одной главой. В ней кратко описаны события с 8 февраля до 7 ноября 1943 г.: уход в партизанский отряд, работа наборщиком в типографии подпольного обкома, блокада пущи.

В **1944 г.** три главы. В первой одним предложением говорится о встрече нового 1944 г. 2-я и 3-я главы – начало регулярных подневных записей, которые предваряет фраза: «Это я описывал воспоминания прошлого, а теперь я начинаю вести дневник по порядку». Записи охватывают период с 23 февраля по 11 июня 1944 г.

Содержание записей – пересказ сводок о победах Красной Армии, записи о работе (набор газеты), взаимоотношениях с товарищами по работе и т.д.

Как воспринял подросток Гена Левин начавшуюся войну, антиеврейские преследования в оккупированном Минске и трагедию своей семьи? Судя по тексту дневника, Гена – типичный советский пионер и риторика его повествования такая же, типично советская.

Говоря о немцах, он использует такие эпитеты, как «проклятые немецкие мерзавцы», «проклятые душегубы», «немецкие грабители», «зеленые смертоносные гестаповские шинели», «эти собаки», «немецкие душегубы». Безусловно, такая терминология – не просто плод советского воспитания, но, скорее всего, результат работы мальчика наборщиком в подпольной партизанской типографии. Именно такие эпитеты-штампы чаще всего использовались в газетных публикациях и листовках военного времени.

Главное впечатление Гены от событий июня – августа 1941 г. – это заключение его отца в лагерь Дрозды под Минском и издевательства над заключенными. Именно здесь мальчик впервые увидел, что евреи находились на особом положении. Он пишет: «…Через десять дней всех русских мужчин отпустили домой, а евреев держали… Отец мой был инженером. И вот пришли проклятые душегубы и замучили его в тяжелой неволе. Описать все мне очень трудно, так сам всего не видел». Судя по всему, мальчик слышал рассказы матери, которая носила отцу передачи.

Обстоятельства гибели отца ни в тексте дневника, ни в интервью матери не раскрываются. В самом начале текста дневника встречается фраза: «Отец мой пробыл в концентрационном лагере до 12 июля». Дальше о том, что его «замучили в тяжелой неволе» и последний раз мальчик упоминает «родителей» 6 ноября 1941 г. Мать после эпизода о посещении концлагеря в Дроздах о муже больше не говорит. Вообще[8]. Уже 6 ноября 1941 г. накануне погрома она в семье числит себя, племянницу и двоих детей. Только маленький Рома Левин не знал, что отец погиб. Упрашивая мать отправить его

[8] См. комментарий к тексту стенограммы Б. Левиной.

в русский детский дом, он постоянно повторял: «Придет папка, кончится война, вы меня заберете».

Второе яркое впечатление Гены от начала оккупации – создание 1 августа 1941 г. Минского гетто. Мальчик называет этот приказ «издевательством» и тут же подчеркивает, что его «этим не запугали»: «Я как ходил по всему городу, так и продолжал ходить, куда мне надобилось». Гена явно гордится своим бесстрашием и игнорированием немецких приказов. Ходил он на «русскую» сторону к довоенной знакомой, которая, работая у немцев на фабрике – кухне, подкармливала мальчика обедами, а главное, он приносил по 100 г хлеба ежедневно. Еще больше Гену Левина «тронуло» (так он пишет, т.е. задело, оскорбило) распоряжение носить желтые латы. Мальчик с гордостью пишет, что он их не носил: «Я не исполнял немецких распоряжений».

Вот как рассказывает об его отказе носить латки мать – Бася Левина: «Старший сын прямо заявил: “Я не надену. Если словят, я скажу, что мне 8 лет. Я пионер и не буду надевать”. Гена был маленького роста и выглядел моложе своих лет».

И мать, и сын, и многие минские евреи восприняли распоряжение о «еврейских латах» очень болезненно, как «клеймо», как «позор». Б. Левина так характеризует реакцию евреев: «Когда был объявлен этот приказ, был такой кошмар, столько слез… клеймо, позор! Потом было больше горя. Конечно, для свободного человека это было большим позором».

Подробнее всего Гена Левин рассказывает о первом пережитом им погроме 7 ноября 1941 г. После неудачной попытки уйти с младшим братиком в «русский» район (немцы не пустили за проволоку). Гена уходит в «русский» район один. Интересны описанные им переживания. Он пишет, что не мог успокоиться, что в голове «переворачивались всякие мысли, что он вспоминал школьную жизнь, «все прошедшее, хоть и у меня было мало прошедшего, я всего прожил 14 лет». Чувствуется, что подросток испугался, что решение уйти спасаться самому (одному) было для него нелегким. Мальчик пытается передать критичность ситуации, когда у него (как обычно пишут взрослые) в голове «промелькнула вся его жизнь» (прямая аналогия). Гена пытается в тексте скрыть потрясение. Он пишет, что знакомая семья «категорически отказала» ему в укрытии, когда он просил «перебыть эту пару деньков погрома» (вот такое небрежное «пару деньков»). Однако, вернувшись в гетто, он попадает в атмосферу страха и безнадежности, в «малину», где пряталось 25–26 человек – мужчин, женщин, детей. Мать плакала и, по ее словам, поддерживала у всех настроение, что «умрем, умрем» и «это лучше, чем мучиться».

И здесь в дневнике сына и рассказе матери появляются интересные расхождения. Мальчик описывает свое поведение как «подчеркнуто» мужское,

спокойное, взрослое: «…Прибегаю я туда (в малину) и все только ахнули. Мать заплакала. Я ее начал успокаивать. Но у меня сердце болит. Еще больше ненависть разгорается у меня к зарвавшимся фашистам. Я покушал и лег спать. Ночь прошла спокойно». Бася Левина пишет, что в «малине» «всю ночь не спали».

Утром 7 ноября (день погрома) Гена узнает от людей, что идут массовые расстрелы. Страх перед возможной смертью усиливается. Мальчик пишет: «По правде сказать, меня это очень волновало. Я думал, неужели на этом дне кончится моя жизнь… Мы все понимали, что день смерти настал». Следующая запись в дневнике максимально откровенная: «4 часа дня. Все мы сидим и ожидаем своей гибели… Нас всех околотило. Моя мать говорит, что пришел конец». Обитатели «малины» выходят во двор. И здесь нервы у Гены не выдержали. Бася Левина так описала этот эпизод: «Я беру детей за руки. Выхожу в дверь. Старший сын заплакал: «Мамочка, проси!». Я на него прикрикнула: «Ни в коем случае просить не буду у них». Дальнейшие события (погрузки евреев на машины для вывоза к месту расстрела) Гена не смог (а может и не захотел) описать. Он не хочет вспоминать самое страшное. Зато очень ярко этот эпизод описан у Баси Левиной: «Постепенно толпа уменьшалась. Осталось 150–200 человек. Уже кончили подвоз свежих людей. Дело идет к концу… Когда подходит пустая машина, каждый старается из первых рядов протолкнуться назад, один другого давит, душит. Общее немое безумие…. Выходит один из старших (немцев), говорит: «Вон домой!»… Бросились, кто благодарит, кто хватает за руки…». Гена Левин пишет более резко, с осуждением и презрением, что «некоторые от радости целовали этим собакам руки. Я это не мог переваривать, я не мог смотреть, как люди унижаются перед этими людоедами».

Особая тема – восприятие матерью и сыном советских праздников и памятных дат. Первый раз Гена связывает праздник 7 ноября с погромом в гетто. Он пишет с горечью: «…И вот пришло «знаменитое» 7 ноября, этот праздник всех народов Советского Союза мы празднуем на захваченной немцами территории, в подземелье, в так называемой «малине». Из текста очевидно, что слова «знаменитое 7 ноября» относится не к празднику революции, а к дате погрома. «Знаменитым» этот день стал для минских евреев, и это врезалось в память мальчика.

Второй раз Гена обращается к памятной советской дате – годовщине смерти В. И. Ленина в главе 1 за январь 1942 г. Он пишет: «…Подходят январские дни. 18 лет без Ленина. 18 лет тому назад умер великий гений человечества – Ленин. Этот день мы все встречали в загороди колючей проволоки. Под гнетом немецкого фашизма мы не можем как следует отпраздновать этот траурный праздник».

Фразы как будто из передовицы советской газеты. Однако главная мысль: «…Мы …в загороди колючей проволоки…», т.е. в неволе. Гена Левин снова и снова пишет о праздниках – в 1943 г. – о празднике 7 ноября: «Теперь уже я праздновал 7 ноября в партизанах». А далее каждый праздник у него ассоциируется с чем-то хорошим: Новый год (1 января 1944 г.) он впервые узнал мотив нового гимна СССР, 23 февраля 1944 г. в день Красной Армии праздничные посиделки с выпивкой, танцами, песнями. И только 2 марта 1944 г. мальчик определяет для себя как новую, как свою памятную дату. Он пишет: «…2 марта исполнилось 2 года, как мы спаслись от второго погрома, 2 года, как озверелые фашисты расстреляли мою двоюродную сестру Любу. Этот день будет помниться мне и всем тем, кто был на краю гибели…». А дальше снова газетно-плакатное: «Подходит 8 марта. Международный женский день. Этот день мы будем встречать с новыми победами над заклятым фашизмом». Среди отмеченных праздников 18 марта – годовщина образования Барановичской области[9], 1 апреля – «День обмана», 1 Мая. Интересно, что подросток очень честно пишет о том, чем обычно сопровождались советские праздники в партизанском соединении: приходил баянист, начинались песни, танцы и обязательно выпивка. Так, 1 января 1944 г. он отмечает: «Этот день мы провели особо хорошо, ребята привезли водку, все мы выпивали». 23 февраля: «…Мы выпивали, закусывали, 24 февраля …я встал только утром, потому что я был еще пьян от вчерашнего…». В этот же день: «…перед обедом Бориса напоили (начальника Гены, руководителя типографии обкома), и он не мог дальше оформлять газету, пришлось мне самому. Но ничего. Поработав немного, я кончил газету к сроку». 1–2 мая 1944 г.: «День 1 мая провели очень хорошо. 2 мая. Сегодня все еще продолжают пьянствовать. Я пока отдыхаю». Столь частое упоминание о водке – это не просто характерный эпизод партизанского быта, но дань взрослению юноши, попытки быть на равных во всем со старшими товарищами.

Безусловно, праздники – часть быта партизан. Их ждали с нетерпением, как некое разнообразие в «скучных» буднях работников подпольного обкома. По крайней мере, так воспринимал будни наборщик типографии Геннадий Левин. Так, 26 февраля 1944 г. он пишет: «…День сегодня очень скучный», 14 марта: «Дни у нас очень однообразные, а потому особенно нет чего писать».

В интервью Баси Левиной есть объяснение (хотя и не однозначное) такого внимания к праздникам. Описывая минский погром 7 ноября 1941 г., она пишет: «…Приближаются октябрьские праздники, даром они нам не пройдут». После погрома, в ноябре 1941 г. она пишет: «Все праздники были

[9] См. комментарий к тексту дневника.

у нас на учете. Каждый праздник должен отмечаться». Не совсем ясно, что она имела в виду: боязнь, что немцы «отметят» каждый советский праздник погромом, или необходимость отмечать и помнить советские праздники из патриотических побуждений?

Партизанская часть дневника Геннадия Левина заполнена пересказом сводок Совинформбюро об успехах Красной Армии, ожиданиям прилета самолетов с «Большой земли» и некоторыми подробностями партизанского быта и работы. Бася Левина так объясняет особенности жизни в партизанском отряде и подпольном областном партийном центре: «…Жили исключительно жизнью и интересами отряда… Если придут (партизаны с задания) с удачей – в отряде праздник. Вот все, что заполняло всю жизнь партизан. Быт – это только фон для этого. Когда я находилась в облцентре, там жизнь была наполнена ожиданием посадок (самолетов) или ожиданиями выброски (газет, боеприпасов, продовольствия)…».

Жизнь в партизанском отряде и служба в типографии подпольного обкома – слишком обыденна, а потому скучна и наполнена работой (чаще днем) и единственно доступным вечерами отдыхом (водка, песни, танцы, позднее – ухаживание за девушками). Писать было не о чем. Как отмечала в интервью Бася Левина:«…Жили сводками Совинформбюро… Жили только вечерами».

Весенняя оттепель 1944 г. положительно подействовала на Гену Левина. 4 апреля под влиянием «солнышка» и напева птичек, он мечтает о будущем. Будущее для него – это как он будет «работать и учиться». Он думает уже и о семейной жизни, «как лучше поставить жизнь». При этом отмечает, что у него лично «есть некоторые плохие черты характера», и он думает о том, «как бы их быстрее исправить». 10 апреля, отмечая успехи в личной жизни своего товарища, Гена пишет о сокровенном: «…И, по правде говоря, мне тоже хочется с кем-нибудь погулять, т.е. провести культурно время». Уже 16 апреля он выражается еще более откровенно: «…Иду в мое заветное место – к девчонкам». Весна 1944 г. отражает процесс взросления, возмужания юноши. При этом в тексте очень четко виден вчерашний школьник. 23 марта он начинает запись с фразы о хорошей, солнечной погоде. Работы у Гены пока нет, и он сидит и «мечтает, как …жил до войны». «У меня в голове переворачиваются всякие мысли, – пишет подросток, – школьная жизнь, Дворец пионеров, кино, театры и вообще все прошедшее. Но что же можно сделать война». О жизни в гетто – ни слова. О трагедии своей семьи он пишет опосредованно, когда цитирует свою клятву при вступлении в комсомол: «мстить за отца, за брата, за сестру и за всю Советскую Родину».

Безусловно, прием в комсомол для Гены акт взросления, некий рубеж. Но запись за 6 мая 1944 г. заставляет усомниться в этом. Вместо «сурового

мстителя», партизана, который проходит военное обучение (Гена пишет о занятиях по изучению пистолета и автомата) перед нами, вновь преждевременно повзрослевший школьник. Итак, в светлый, солнечный майский день Г. Левин пишет: «В эти дни мне хочется жить, но по-новому. Там, в тылу, теперь, так же как я [когда-то], сдают испытания в школах, переходят в другие классы. А мы тут работаем, забыли уже о школах, о всем прошлом. Все эти дни у меня, как и у Информбюро, ничего существенного не произошло». Немаловажно отметить, что Гена серьезно, по-взрослому, ответственно относился к выполнению своих обязанностей в типографии, он преисполнен чувством важности своей работы, считает это вкладом в дело Победы. Сводки не просто им набирались, информация, которую он набирал, вызывала у него чувство радости (особенно об освобождении Красной Армией новых территорий). Отсутствие новостей значило, что нет значительных успехов на фронтах, значит нет повода порадоваться, не нахлынут воспоминания о мирной жизни, нет повода помечтать о близкой Победе и послевоенной жизни.

Дневники обычно рассчитаны либо на восприятие близких автору людей, либо вообще не предназначены для читателя. Содержание военных дневников определялось главным образом факторами субъективного характера, важнейшими из которых были роль автора в описываемых событиях и его представление о целях ведения дневника. Дневник Гены – это попытка самовыражения подростка, пытавшегося запечатлеть реальность (хотя бы так, как это разрешалось законами военного времени) и очень робко мечтавшем о будущем.

В дневнике есть элементы самоанализа, но очень слабо выраженные. Видно, что подросток не всегда собой доволен, но признаться, какие недостатки у него есть, он не захотел.

28 мая 1944 г. Гена Левин улетел на «Большую землю» (после тяжелой болезни суставов), и с 4 июня он в доме отдыха им. Коминтерна в г. Пушкино. Последняя запись датирована 11 июня 1944 г.: «…Отдыхаю. В доме отдыха очень весело. Каждый день пускают кино, играем в волейбол, иногда бывают концерты».

«Семейный комплекс» из интервью Б. Левиной и дневника ее сына Г. Левина представляет собой уникальное свидетельство военного времени, которое благодаря комплексности позволяет верифицировать описанные события. Важно и то, что «семейный комплекс» Левиных охватывает весь период войны и оккупации, позволяет увидеть трагедию Минского гетто и будни партизанского движения глазами рядовых участников событий.

Свидетельства Левиных, безусловно, заслуживают публикации как яркие и достоверные документы эпохи.

Археографическая подготовка публикуемых документов произведена в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1990).

Тексты документов публикуются полностью, с сохранением их стилистических особенностей, но в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации. Погрешности текста, не имеющие смыслового значения (пропуски, орфографические ошибки и опечатки и т.п.) исправлены без оговорок. Пропущенные в документах и восстановленные слова и части слов заключены в квадратные скобки. Неразборчивые фрагменты текста, в случаях невозможности его восстановить, отмечены отточием, заключенным в квадратные скобки, и оговорены в текстуальных примечаниях. Вставки в текст, вписанные от руки, обозначены угловыми скобками. Отточия документов воспроизводятся без оговорок.

Библиография

Государственный архив Брестской области (ГАБО), ф. 1690-п, оп.1, д.729.

Беларусь в первые месяцы Великой Отечественной войны (22 июня – август 1941 г.): Док. и материалы / Нац. архив Республики Беларусь; Сост.: В. И. Адамушко [и др.]. Минск, 2006.

Встали мы плечом к плечу… Евреи в партизанском движении Белоруссии. 1941–1944 гг. Мн., 2005.

Когда слова кричат и плачут: Дневники Ляли и Берты Брук. Минск, 2004.

Курносов, А. А. «Воспоминания – интервью в фонде комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР (Организация и методика собирания)» в сб.: *Археографический ежегодник за 1973 год*. М., 1974.

«Эдмунд Баумвальд. Свидетель гибели львовских евреев. (Публикация Ж. Ковбы)» в ж-ле: *Голокост і сучасність. Студіі в Украні і світі*. 2005, № 1, с. 63–74.

Шумейко, М. Ф. «Деятельность Комиссии по истории Отечественной войны при ЦК КП(б) Белоруссии. 1942–1946 гг.» в ж-ле *Советские архивы*, 1985, № 2, с. 36–42.

Запись беседы Баси Левиной[1] с научным сотрудником Комиссии по составлению хроники Великой Отечественной войны АН СССР М. В. Миско

Барановичи, 8 декабря 1944 г.

Родилась в Полесской области в г. Калинковичи. До 1921 года отец был экспедитором на железной дороге. В 1921 году убит польскими бандитами после отступления белополяков[2].

В 1925 году окончила школу второй ступени в м. Паричи Полесской области. После окончания школы до 1930 года училась чулочному делу. С 1930 года работала в нарсуде г. Мозырь ответственным секретарем. Затем переехала в Витебск. Работала секретарем на рабфаке. В 1933 году поступила в пединститут. В конце 1934 года перешла в физмат Белорусского государственного университета. С 1935 года работала в Белкоопсоюзе. С 1936 года по семейным обстоятельствам не работала нигде. Муж был инженером, работал в Наркомздраве[3].

Война меня застигла в Минске. Муж в это время был в командировке, старший сын был в пионерском лагере. 24 июня началась бомбежка[4]. Мы не могли выйти из дома. Муж вернулся, но старшего сына не было. Не решались уйти из города, кроме того, не верили, чтобы Минск сдали немцам. 25–26-го уходить было уже поздно, и мы остались в Минске. 29–30 июня город занимается немцами[5].

---

1 В стенограмме дополнительно сообщается, что Бася Левина – 1907 г.р., еврейка, член партии с 1943 г., награждена медалью «Партизану Отечественной войны» 2-й степени. На момент беседы она работала заведующей столовой Барановичского обкома. Следует отметить, что в апреле 1943 г. она стала лишь кандидатом в члены ВКП(б), а в члены партии ее приняли в мае 1945 г. С 18.07.1944 г. по 1.01.1945 г. Б. Левина работала заведующей столовой Барановичского обкома, а затем по информации на май 1945 г. – начальником спецчасти Барановичского облфинотдела (Государственный архив Брестской области (ГАБО), ф.1690-п, оп.1, д. 729, л.2).

2 В своей автобиографии, написанной 17.05.1945 г., Б. Левина написала, что ее отец был убит бандитами. Действительно, м. Калинковичи, после разгрома его отрядами С. Булак-Балаховича в 1920 г., оказалось в эпицентре действий многочисленных повстанческих отрядов и уголовных банд, совершавших еврейские погромы (1921г.) (См.: Книга погромов, 2007, с.663, 889, 894).

3 Муж Б. Левиной в 1938 г. окончил Политехнический институт и работал инженером противоэпидемического управления Наркомздрава БССР. Вернулся в Минск из командировки 27 июня 1941 г. (ГАБО, ф.1690-п, оп.1, д.729, л. 3об.–4).

4 24 июня 1941 г. Минск подвергся массированной бомбардировке, вызвавшей многочисленные пожары и разрушения в городе.

5 Минск был оккупирован 28 июня 1941 г.

2 июля был издан немецкий приказ о том, чтобы все мужчины явились в немецкую комендатуру[6]. И все, как овцы, пошли. Ушел и мой муж. Их всех загнали в концлагерь около Дроздов. Там были и военнопленные, и население[7].

4-го пошли туда, чтобы передать передачу. Просидели там с 7 часов утра до трех часов дня, и передать не могли.

В самой середине огороженного места был пруд. И вот около этого пруда люди оправлялись на глазах у всех. Все просили воды. Поступали одна записка за другой. Переводчик зачитывал эти записки. В каждой записке писали: «Обратитесь к коменданту, чтобы нам дали воды или пусть всех расстреляют». В три часа дня пробились туда и стали носить воду из бочек заключенным. Каждый день рано утром приносили передачи. Когда собиралась толпа, немцы буквально подминали лошадьми живых людей и избивали палками.

10 июля мужчин евреев отделили и толстыми веревками отгородили это место. Когда евреев вели в это загороженное место, стоило кому-нибудь опоздать на одну секунду, поднырнуть под эту веревку, избивали до полусмерти. Отняли всю одежду, сняли сапоги. Полураздетые переходили в это место.

В этот же день начали отпускать мужчин других национальностей. 11-го числа отпустили врачей-евреев. Прошел процесс отделения интеллигенции от рабочих.

12-го числа[8] в четыре часа утра отобрали 230 человек инженеров и техников. Каждые двадцать минут возвращалась пустая машина, наполнялась снова людьми, отъезжала.

Это была первая акция в городе. Не верили. Обманывали, говорили, что их увезли на какие-то работы. То же самое было 14-го и 15-го. За четыре дня вывезли 900 человек интеллигенции[9]. Всех остальных согнали в тюрьму. В числе этих остальных было около тысячи мужчин.

---

[6] 30 июня 1941 г. всем мужчинам в возрасте от 18 до 45 лет было приказано явиться на регистрацию на площадь Парижской Коммуны. Неявившимся угрожал расстрел.

[7] В начале июля 1941 г. около поселка Дрозды на территории совхоза им. Н.К. Крупской был создан временный лагерь смешанного типа – для гражданских лиц и военнопленных, где содержалось около 100 тыс. военнопленных и около 40 тыс. гражданских лиц мужского пола – в основном жителей г. Минска. Лагерь был разделен на три части: отдельно содержались военнопленные, отдельно – евреи, отдельно – прочие гражданские лица. Лагерь в Дроздах существовал до середины июля 1941 г.

[8] В своей автобиографии Б.Левина написала, что муж ее был расстрелян 12.07.41 г., в числе 230 инженеров и техников (ГАБО, ф.1690-п, оп.1, д. 729, л.4).

[9] 15–17.07.1941 г. из еврейской части лагеря в Дроздах было взято и расстреляно 1050 представителей интеллигенции (Романовский, 2011).

20 или 21 июля их отпустили. Объявили, что будет гетто и это будет рабочая сила. С первого августа установили гетто[10] и закрыли выход.

Сразу был организован комитет, так называемый «Юденрат»[11]. Говорили, что в этом гетто 60.000 еврейского населения, а мы знали, что там было 90.000[12] населения. Кроме минских жителей сюда стали сгонять евреев из местечек, из деревень. Началась регистрация, назначались на работы.

26 августа была первая облава[13]. Было выведено несколько тысяч мужчин – стариков, совсем молодых парнишек – и все они как в воду канули, ни одного человека не вернулось. В это время мы уже находились в гетто.

4 июля вернулся мой сыночек из Мариничей[14]. При мне [бы]ло двое моих детей и племянница мужа. Она пошла со студентами техникума на Березину, там была перерезана дорога, и она была вынуждена вернуться.

Жизнь в гетто.

В гетто в одной квартире жило по 7–8 семей. В каждом доме было не менее пятнадцати детей. Можете представить, какой мог быть быт? Несмотря на это, грязи сильной не было, потому что предупредили, если будет хотя один случай заболевания тифом, всех сожжем вместе с домом. Поэтому очень следили за чистотой. Борьба за чистоту отвлекала от мыслей того горя, которое нас окружало[15]. Мыли, чистили, стирали. Вначале не так еще было тесно, территория гетто была довольно большая.

Гетто располагалось в старом Минске за еврейским кладбищем и кончалось за Немигой[16]. Посередине гетто проходила одна улица – Кальварийская. В одном конце улицы были ворота. У ворот всегда стоял немецкий пост. Через эти ворота водили на работу и приводили с работы.

Чем жили?

---

[10] Распоряжение полевого коменданта о создании гетто в г. Минске датируется 19 июля 1941 г.

[11] Юденрат – еврейский совет. Юденраты создавались как органы еврейского самоуправления, однако на практике существовали как промежуточное звено между оккупационными властями и еврейским населением для выполнения немецких приказов.

[12] По переписи евреев, проведенной к середине июля 1941 г., в Минске оказалось 80 тысяч евреев, из них 55 тысяч минчан (Романовский, 2011).

[13] В августе 1941 г. было проведено шесть облав в гетто: 7, 14, 16, 24, 26 и 31 августа. Задержанные были расстреляны.

[14] В автобиографии назван пионерский лагерь в Колодищах.

[15] Так в документе.

[16] Для гетто отводилась северо-западная часть города. Границы гетто проходили по пер. Колхозному, р. Свислочь, ул. Островского, Республиканской, Шорной, Коллекторной, пер. Мебельному, ул. Низовой, еврейскому кладбищу, ул. Обувной, 2-му Опанскому пер. и ул. Заславской.

Сначала люди обменивали свои тряпки. Население [при]езжало из деревень, подходило к проволоке и за кусок хлеба, за картошку отдавали свои последние тряпки.

На работы гоняли буквально всех. У кого были маленькие дети, тех оставляли. Старух тоже гоняли на работы.

Немцы все-таки опасались заходить в гетто открыто. Они подъезжали к комитету и через него отдавали распоряжения. Распоряжался «Арбейтцайм» – рабочий союз[17]. Ему давали задание: назавтра на утро столько-то человек. Попробуй не выполнить – сразу повесят.

Так продолжалось август–сентябрь.

В октябре начались контрибуции, всякого рода выкупы[18]. Если еврейское население хочет, чтобы не убили тех или других евреев, которым грозит смерть, значит тарелки, ложки надо давать. Собирать вещи и деньги ходили из этого комитета. С одной стороны велели отдавать, а с другой стороны вели агитацию – не отдавать.

Надо признаться, что очень много было жуликов и сволочей в этом комитете, особенно из западников[19], которые туда входили, даже были предатели. Был один парень Вайнштейн[20], его подозревали. Его повесить мало. За его действия я бы его разорвала на клочки.

В октябре месяце[21] началась шумиха. Приближаются октябрьские праздники, даром они нам не пройдут. 6 октября[22] с полдня ходили и говорили всем, чтобы давали выкуп, потому что если замазать глаза гебитскомиссару[23], он, может быть, снисходительнее отнесется. Кое-что собрали.

6 ноября перед вечером началась сильная паника – готовится погром[24]. О размерах этого погрома никто не знал, не представлял, а также формы этого погрома никто не представлял.

Я решила погибнуть с племянницей, а детей во что бы то ни стало спасти.

Между прочим, мой старший сын все время свободно ходил по городу.

---

17 Вероятно, речь идет об отделе труда («биржа труда») юденрата.

18 Первая контрибуция должна была составить 2 млн. рублей, 200 кг серебра и 10 кг золота. В сентябре 1941 г. немцы потребовали собрать 11 кг золота и 1 млн. рублей. Было собрано 70% ценностей. Проводились также сборы вещей в гетто (Романовский, 2011).

19 Имеются в виду уроженцы западных областей Беларуси и беженцы из Польши.

20 Вайнштейн был помощником руководителя еврейской «биржи труда».

21 Правильно – в ноябре. 7 ноября 1941 г. – очередная годовщина Октябрьской революции.

22 Имеется в виду 6 ноября 1941 г.

23 Вероятно, имеется в виду комиссар Минского округа Кайзер.

24 Имеется в виду первая масштабная акция уничтожения – 7 ноября 1941 г. Паника в гетто началась после того, как 6.11.1941 начальник русской полиции Городецкий перевел членов юденрата и квалифицированных рабочих с семьями в лагерь на ул. Широкой. По различным оценкам в ходе акции было убито от 6 до 15 тыс. человек (Романовский, 2011).

В августе месяце всем евреям, начиная с десяти лет, приказали нашить круглые желтые знаки диаметром в десять сантиметров на правой стороне груди и на правое плечо[25]. Мой сын выглядел очень маленьким.

Когда был объявлен этот приказ, был такой кошмар, столько слез. Думали, что это самое ужасное начинается. Клеймо! Позор! Потом было больше горя. Конечно, для свободного человека это было большим позором.

Старший сын прямо заявил: «Я не надену. Если словят, я скажу, что мне восемь лет. Я пионер и не буду надевать». Он ходил все время на территорию русского района. Взял меньшего братишку. Дошли до проволоки, но проволока была окружена полицейскими-хулиганами[26]. Пришлось им вернуться. «Но все равно, мама, я проберусь». Уходит.

Начинаются разговоры, что погром начнется с того района, где [м]ы живем, поэтому надо уходить в другой район. Уходим в другой район. Не успели еще двинуться, как сынишка мой обратно прибегает. Он сумел пробраться за проволоку, но русская, к которой он пошел, не приняла, побоялась. Прибежал в гетто. Все перешли в другой район.

В том доме, куда мы перешли, была одна маленькая комната. Нас было человек двадцать пять: мужчин, женщин, детей. Двери, окна – все закрыто. Весь этот район и наш двор были оцеплены гестаповцами.

Я поддерживала у всех настроение, что умрем, умрем. Это лучше, чем мучиться. У самой на нервной почве разболелась рука. Всю ночь не спали.

Утром 7-го прибегает женщина с двумя детьми. Она сидела в каком-то схроне (убежище). Ей оттуда пришлось уйти, потому что девочка сильно закапризничала. Там сидело человек 500. Из-за этого одного ребенка могли погибнуть все. Она пришла к нам. Муж ее здесь сидел. Она так плакала. «Больше нет сил страдать. Пусть приходят и убьют меня вместе с моей девочкой». И ушла.

Нам стало известно, что машины приезжают и увозят. Началось это с трех часов ночи. Но никто из дома не выходит. Так просидели до трех часов дня. Через щелку окна нам видно, что машины идут, идут. Машины замаскированы, закрыты.

В три часа 7 ноября машина подошла к нашему дому. Приоткрыли ставни. Когда мы их увидели, все стало понятно. В дом не заходят, боятся. Оружие выставили впереди себя и кричат: «Выходи!» Многие наивно думают, что вызывают на работу. Берут хлеб в карман.

---

25 В Минске евреям предписывалось носить желтые латки на одежде на левой стороне груди и на спине с 13.07.1941 (Романовский, 2011).

26 Так в тексте.

Я беру детей за руки. Выхожу в дверь. Старший сын заплакал: «Мамочка, проси!» Я на него прикрикнула: «Ни в коем случае просить не буду у них».

За осень так обломали все заборы, что далеко видно было: второй квартал, третий. Видно было, что со всех дворов тащат. Одну больную женщину несли в одеяле. Другую женщину вели. Она опиралась на двух других. И так ее вели. С третьего этажа стали сбрасывать имущество, окна бить, прикладами выталкивали население. Некоторые наивно узлы тащили с собою. Немцы эти узлы бросали. Собирали всех во двор, ставили в четыре ряда. Было объявлено, что у кого есть справки, что муж работает в гетто, эту семью отпускают. Несколько таких отпустили. Погнали нас на Юбилейную площадь. На площадь приезжают машины, грузят людей и увозят неизвестно куда. Прошло 5 часов. Ждали терпеливо. План видно подходил к концу. Буквально бросали людей в машины, толкали. Это была такая гонка. Люди шли молча, друг друга подталкивали, помогали садиться в машину. Какое-то тупое безумие. Дети подняться в машину не могли, их забрасывали туда. Эту больную женщину бросили вместе с одеялом в машину. Один калека приехал на коляске. Коляску бросили в сторону, а его в машину.

Машина черная, полузакрытая, так что локти торчали, людей не было видно. Немцы, чтобы скрыть следы своего преступления, толкали в локти, чтобы не было видно, что везут живых людей.

Мы стоим в колонне, которая должна подходить к машине. Племянница со мною была, восемнадцати лет девушка, очень красивая. Я, надо сказать, обезумела. Маленький расплакался. У него ноги болят, он кушать хочет.

Племянница обращается к полицейскому и говорит: «У меня отец работает сапожником, но он мне документа не оставил. Вот мои мать и братишки». Полицейский переводит немцу, и тот отставляет нас в сторону.

В стороне стояли человек двадцать солидных, толстых немцев. Они наблюдали с удовольствием [за] этим зрелищем, просто наслаждались.

Постепенно толпа уменьшалась. Осталось 150-200 человек. Уже кончили подвозить свежих людей. Дело идет к концу. Осталась только эта колонна.

Когда подходит пустая машина, каждый старается из первых рядов протолкнуться назад, один другого давит, душит. Общее немое безумие.

Подъехали две машины. Каждый ждет своей очереди. Выходит один из старших, говорит: «Вон домой!» Все, вместо того, чтобы бежать вперед, подались назад. Саркастически смеясь, он опять крикнул: «Домой!» Бросились, кто благодарит, кто хватает за руки.

Пришли домой. Несколько человек не хватало. Но у нас было такое чувство: может быть лучше тем, кто теперь погиб, потому что все равно всех нас ждет та же самая участь.

На следующее утро было объявлено, что из этого района все оставшиеся, даже кто работает, должны эвакуироваться в другие районы. Этот район отходит под территорию русского района.

Начинается сужение гетто. Несколько улиц отрезают. Барахло все оставляют.

Посылаю старшего сына в разведку в прежний наш район. Оказывается, в нашем районе ничего не было на этот раз. Пришли домой. В одной комнате жили 17 человек.

Тут довольно интересный момент надо отметить. В самом гетто начинается движение специалистов[27]. Они себя чувствуют на высоте положения. К ним люди начинают примазываться. Если мужчина один, женщины предлагают ему всякие условия вплоть до телесных[28], чтобы он приписал ее к этому району, потому что в районе специалистов не было погромов.

Каждое немецкое предприятие берет себе улицу в гетто и на этой улице селит специалистов, которые ему нужны. Начинается великое переселение народов. Одних гонят туда, других туда. Это делалось для того, чтобы отвлечь от основного. Пока внимание населения отвлечено, в это время готовится новая акция. Одни специалисты поселились в одной улице, другие – в другой.

Я жила в районе авторемонтного завода. На этой улице могли жить только авторемонтники и люди, которые работали в мясокомбинате. У меня никого не было. Я пристроилась к одной семье и числилась на иждивении. Тут были материальные выгоды. К какому-нибудь парнишке, у которого есть справка, приписываются и кормят его.

Были моменты, что люди превращались в скот. Они не понимали, что их ждет в итоге.

В этот момент я встречаю одну знакомую, муж которой работал вместе с моим мужем. Она по секрету мне говорит, что у нее есть связь с партизанами. Это был ноябрь 1941 года. Но, говорит, надо выждать время, чтобы весной перейти к ним. Она мне доверяет эту тайну, потому что знала меня раньше. Единственно, что ей мешает – девочка восьми лет.

---

27 Гирш Смоляр (1905–1993) – один из руководителей подполья минского гетто, в своей книге воспоминаний высказал совершенно противоположное суждение. Он писал, что в Минском гетто среди евреев практически отсутствовали социальные отличия. (Смоляр, 2002, с.26).

28 Б. Левина имеет в виду предложения интимных услуг.

В нашем доме было хорошее убежище. Эта Таня Берман[29] начинает просить, чтобы я разрешила скрываться ей у нас в убежище. Их пять человек: трое мужчин и две женщины.

Все праздники были у нас на учете. Каждый праздник должен отмечаться[30]. Они начали у нас скрываться, начиная с 9 ноября. К нам переехали Хана Гуревич, трое мужчин и Таня Берман. Им было задание достать радиоприемник. Я в эту тайну была посвящена, но прямой связи не имела. Среди них был один по фамилии Окунь.

В доме пошли разговоры: «У вас какие-то секреты с людьми, которых вы скрываете, мы все погибнем из-за них» и т.д.

Я начинаю бояться, что меня не возьмут в отряд, потому что у меня сынишка пяти лет. Тогда я задаюсь целью маленького сына устроить в детский дом. Предложить какой-нибудь честной женщине, сколько есть возможности заплатить ей, чтобы она его устроила в детский дом в городе. Национальной розни для детей нет. По-русски он говорит хорошо. Нахожу такую женщину. В этом мне помогает сам маленький мальчик. Он меня умоляет: «Я пойду в русский район. Придет папка, кончится война, вы меня заберете».

Для того чтобы все выходило более естественно, чтобы не было заучивания, как маму зовут, как папу зовут, он сам придумал русское имя и сам придумал, что родителей у него убили.

Однажды приходит и рассказывает:

– Знаешь, мама, когда проехала немецкая машина, что я сказал?

– Что ты сказал?

– Я сказал: «Да здравствует Сталин!»

– Тебя могли бы расстрелять?

– Но ведь я потихонечку это сказал.

Старший сын пришел, сказал, что женщина его ждет, чтобы увезти. Он оставляет кушать и спешит, даже со мною не прощается. Я ему шарф завязываю, он буквально от меня удирает. Старший сын его отвел. 24 ноября младшего сынишку отводят в детский дом. Мне передают, как его устроили. Через некоторое время старший сын его навещает, узнает точно, где он. Там говорит, что вернулся из пионерлагеря. Знакомые сказали, что брата отдали в детский дом. Даже в записях детского дома было сказано: из родных имеется брат.

---

[29] 13 ноября 1941 г. из Минского гетто ушла группа Б. Хаймовича (29 человек), в составе которой были Л. Окунь и Таня Берман (Иоффе, 1996, с. 144). О Тане Берман упоминает и Г. Смоляр (см.: Смоляр, 2002, с. 71).

[30] Не совсем понятно, что имеет в виду Б. Левина: или это подчеркнутое внимание к советским праздникам, которые даже в гетто надо помнить и отмечать, или ожидание советских праздников как даты возможного погрома в гетто.

20 ноября уходят трое мужчин. Прощаемся. Дают мне слово, что они потом меня заберут. Кажется, 9 декабря уходят эти две женщины. Начинается период ожидания. Я подготовляю продукты, вещи. Правда, большое затруднение было с племянницей. Она болела ревматизмом. Оставить ее – все равно, что своего ребенка. Взять ее пока что я добьюсь, все равно, что на смерть. Зима была суровая.

В январе месяце 1942 года Таня приезжает, но не за нами. Обстановка усложнилась. Приехала в крестьянской одежде, на крестьянской подводе, как будто бы менять и зашла к нам в дом, через кладбище можно было пробраться.

Надо признаться, что на нас смотрели, как на осужденных и приговоренных к смерти.

Ушли они очень интересно. Устроились на авторемонтный завод, как рабочие. Все документы были в порядке. Ушли на работу и с работы не вернулись.

После января ко мне больше никто не приходил. Я уже потеряла всякую надежду. Наступила весна. Положение все время ухудшалось.

Я жила с подругой. У нее были вещи и у меня. У нее было трое детей. Был патефон, была швейная машина, было пальто[31].

Кушали жутко. Затирка[32] – излюбленное блюдо и то в определенную норму. Кушали два раза в день. Чуть смеркается – закрывали двери, окна и в доме все замирает, никакого движения, никакого света. Зимние вечера были жуткие. Начались убийства местного характера[33]. Ворвется в дом какая-нибудь банда во главе с каким-нибудь немцем, ограбит и всех, кто в этом [доме] находится, убивает. От этих ночных нашествий стали устанавливать патрули, но патрули не во дворе, а в самом доме. В каждой семье по очереди по часу сидели в сенях. Если кто-нибудь начинает лезть, кричат, стучат. Поднимается крик во всем доме. Испугаются, уйдут. Был такой случай, что поймали за этим делом несколько молодых парнишек и одну девушку евреев. Их очень сильно казнили сами евреи в гетто. Потом были убийства по ночам. Придут в какой-нибудь дом, вырежут, и неизвестно кто, потому что ни одного живого человека не остается.

На работы гоняли каждый день, большей частью снег чистить на железную дорогу. Это была основная работа, потому что в эту зиму было очень много снега. Печники имели много работы. Немцы замерзали. В каждом доме понаделали печки, трубы выпускали в окна. Слесари имели много работы. В общем, рабочие евреи стали лучше жить.

---

[31] Имеются в виду вещи, пригодные для обмена.

[32] Затирка – обычно молочный суп на муке. В условиях гетто – скорее всего мучная болтушка на воде.

[33] Так в тексте. Имеются в виду не организованные погромы, а стихийные бандитские нападения.

Сами немцы жутко спекулировали. Процветали взятки. «Завтра тебя будут убивать, я тебя спрячу на эту ночь, а ты мне принесешь продуктов» и т.д. Ничего в эту ночь не было, но, конечно, приносят.

2 марта была вторая жуткая резня[34]. В полдень вдруг объявили, что будут проверять документы, кто где работает. Я старалась не отходить от сына и племянницы. Все же племянницу погнали чистить снег. Вещей уже нет. Жить не с чего. Старший мальчик сам пошел на работу. 2-го марта они ушли. Я осталась одна в доме: вроде слежу за порядком всего дома. Мне комитет поручил смотреть за санитарией. Выгребные ямы не чистились, все заборы были растасканы, разобраны. Лишний стул, лишняя скамейка – все это в печи, все сожжено.

Пришли, как будто бы проверять документы. Говорю, что у меня есть бумажка, что я слежу за порядком в доме. В пять часов вечера нас всех выстроили. На этот раз сделали так, что гнала сама еврейская полиция[35]. Ждать будете около комитета. Все держат эти бумажки, документы. Не смотрят на документы, гонят. У кого не было документов, прятались в схронах.

Иду одна: племянницы нет, сына нет. Сначала была какая-то хладнокровная. Потом подходит один из немцев. Начинают ему совать эти бумажки. Уже темнеет. Не обращает никакого внимания.

Впереди колонны шел один на костылях, двоих маленьких детей несут. Жена у него была русская, но жила все время в гетто. Мы ее спрятали в схрон, а он пошел, и детей маленьких понесли и сестер маленьких повели.

Я все время проживала в гетто и все меня знали за передовую женщину. Думали, что я что-то знаю, что у меня с кем-то связь, что я понимаю немецкий язык. Людям казалось больше, чем было на самом деле.

Вдруг кто-нибудь придет, скажет: надо собирать белье. Мы знали, что это делается для партизан, но из-за конспирации не спрашивали, кому. Полотно, бинты собирали, полотенца. Я была в этом отношении очень активна. Люди думали, что у меня есть определенная связь.

Когда 2 марта меня увидали в этой колонне, одна старуха лет шестидесяти крикнула: «И Вы с нами?». Молчу.

---

34 За время существования минского гетто немцами было проведено не менее пяти массовых акций уничтожения: 7.11.1941 г., 20.11.1941 г., 2-3.3.1942 г., 28.7.1942 г. и 21.10.1943 г. В данном случае имеется в виду третья акция в минском гетто 2-3 марта 1942 г. (акция Пурим). Из гетто было вывезено в Койданово (Дзержинск) и расстреляно по немецким данным 3412 евреев (по еврейским источникам – 5-7 тысяч человек) (Романовский, Д. «Минск», *Холокост на территории СССР: Энциклопедия*. М., 2011, с.590–602).

35 Еврейская полиция (милиция) в гетто насчитывала 200 человек. Начальник – З. Серебрянский. Большая часть первого состава еврейской полиции и юдената была уничтожена во время акции 28.07.1942 г.

Поравнялись с комитетом[36]. У самых ворот стоит банда человек 6–7 немцев. Стали совать им эти бумажки. Отмахиваются руками. Повели по Кальварийской. По ней всегда всех вели. Я с возмущением начала кричать: «Куда вы нас ведете?» Толпа евреев человек в 300. Я возмущенная, на русском языке спрашиваю полицейских: «Куда вы нас ведете?» И даже руки расставила, как будто бы задерживаю толпу. Меня за руку тянут: «Зачем ты себя выдаешь?»

Вдруг навстречу нам идет толпа рабочих, тоже евреев. Мы решили, что нас ведут на расстрел, как нерабочую силу[37], а рабочие пока будут жить или вообще жить. Иногда бывает, что одна мысль пробежит током по всей толпе. Эта толпа смешивается с толпой рабочих.

Я ростом не маленькая, в мужской куртке шла. Меня хватает один немец за воротник и через голову начинает плеткой хлестать и опять бросает в толпу.

Организуют опять эту колонну. Полицейских все время спрашивали: «Куда вы нас ведете?» – «Куда же мы вас поведем? Не можем же мы вас всех спасти?» Я буквально мечусь. А под руку меня все время тянут: «Перестань, перестань».

Идем вдоль проволоки. Смотрю, один мужчина проскользнул за эту проволоку, за ним тринадцатилетний мальчик.

С той стороны охраны нет. В двух шагах проходим от этого места. Я тоже под эту проволоку, даже хлястик срывается от куртки. За мной женщина. Мы в калитку во двор. Ночь, вся толпа разбежалась. Стрелять они не могут. Слышим стрельбу вверх. Вбегаем в яму около уборной и видим, в одном углу сидит какая-то женщина. Мы с ней вдвоем бросаемся в эту яму. Только одна мысль у нас: живы ли наши дети, стоит ли спасаться?

Так просидели, пока совсем не стемнело. Слышим скрип дверей. Из другого дома мужчина выходит. Женщина спрашивает: «Можно»? Он махнул рукой. Сидим притаившись. Стемнело еще больше. Потом она открыла дверь, и мы вбежали в этот дом. В доме сидит женщина с ребенком, держит так ребеночка. Мы поняли, что в этом доме все спрятались, она одна оставлена на жертву, потому что с ребенком она прятаться не может, он выдаст своим плачем всех остальных.

Сжались в клубочек, сидим. Стемнело совсем. Вдруг открывается какой-то схрон. Выходит оттуда человек 35.

Нам начинают предлагать, чтобы мы ушли, потому что мы другого района, тут могут проверять. Я начинаю говорить: «Разве немцы в состоянии проверить все свои злодеяния?..» Один угол занимала одна семья.

---

36 Имеется в виду юденрат.

37 Имеется в виду, как нетрудоспособных.

Старуха из того угла махнула рукой: «Идите сюда, в наш угол». Подошла к ней, кое-как пристроилась. Еле дождалась утра, поднялась и ушла. Иду по улице: один дом горит, другой дом горит вместе со схроном, с людьми. Видно мужчина какой-то бе[жал] через окно, упал, у него ступни ног обожжены огнем. [При]ближаюсь к своей улице. Навстречу идет мужчина. «Все […][38] грамоты не годятся, завтра утром угонят на работу».

Из нашего дома не вернулось 18 человек, в том числе моя племянница, а сын пришел через пять минут после моего прихода. Когда стали раздавать обед, он слышит, что мальчишки между собою говорят, почему-то сегодня велели собраться и идти через центральную, тогда как всегда идем через кладбище, надо, хлопцы, дать драла. Он не берет похлебки и через кладбище прибегает домой.

Меня волнует еще, почему пропала моя племянница?

Оказывается, по плану они должны были увезти 9.000 человек в этот день. Вечером, когда они увидели, что этой цифры у них нет, решили недостающее количество взять из рабочей колонны. Часть поставили на колени на снег, часть стоит. Никто ничего не понимает, каждый смотрит один на другого. Где смерть ожидает: там, где стоят на коленях, или там, где стоят на ногах? Их погрузили, как скот, как нечто неживое в вагоны и повезли под самое Койданово.

Пошли слухи, что подделывают паспорта[39]. Это стоило около трех пудов хлеба. Я отдала мужской костюм, вещи какие у меня были, чтобы мне сделали паспорт. 27 марта я получила паспорт. Тот человек, который делал паспорта, должен был уехать, потому что он слишком много делал паспортов, и на него пало подозрение. Я страшно волновалась: вдруг не закончит мой паспорт? После больших волнений паспорт я получила. Мой старший сын берет этот паспорт и идет к одной знакомой учительнице Валентине Павловне Александровской[40]. Она работает в радиоузле, заведует сектором детского вещания: «Валентина Павловна, так и так, посмотрите немецкий паспорт с подписью и печатью». Просит прописать нас в ее жилуправлении. Она берет этот паспорт. За прописку брали пять рублей золотом. Золота у меня нет. Я ей предлагаю часы. Она говорит, что это мы сделаем, в крайнем случае, попробуйте что-нибудь продать? Достаю золотую пятерку за полтора пуда хлеба. Так реализовалась[41], что хожу без ничего, как есть.

Это было 27 марта. 28-го она дает ответ. Вызывает меня к проволоке. Я подхожу. «Начинайте к завтрашнему дню кое-что из вещей перебрасывать».

38 Слово неразборчиво.

39 Речь идет об изготовлении поддельных «русских» паспортов для выхода из гетто.

40 В. П. Александровская в 1942–1944 гг. руководила подпольной группой, состоявшей в основном из учителей и учеников 46-й минской школы (Память, 2005, с. 165).

41 Т.е. распродала вещи.

Все это делает Геник, мой старший мальчик. Под вечер успел перебросить вещи на другую улицу. 30-го в шесть часов утра мы вышли из гетто. Со всеми попрощались. Все говорили при прощании: «Вы должны уйти, вам погибнуть очень позорно». Я говорю: «Может быть, к смерти я ближе, чем кто-либо, но я ухожу, здесь погибать не буду».

Семья, куда мы переселились, была в большом подозрении. Валентина Павловна при советской власти работала учительницей, была награждена золотыми часами, муж ее был коммунист, работал в подполье. Если у них появляется чужой человек, становится подозрительнее[42].

Я посылаю сына к прежней моей знакомой. Она советует: идите в Зап[адную] Белоруссию. Есть слухи, что там есть партизаны. Мальчишку можете устроить пастухом, а сами – домашней хозяйкой.

8 марта бомбили город наши советские самолеты. Большего подъема и большего торжества нельзя себе представить. Наши самолеты над нами!

Слухи были, что гетто не будут бомбить и русское население пряталось в гетто. Все были уверены, что прилетела Гризодубова[43]. Было такое настроение, что ничего не боялись. Выскакивали во двор и кричали: «Привет Гризодубовой! Привет Советскому Союзу!» Имелись какие-то люди в городе, которые при встрече с евреями говорили: «Скоро, скоро будет конец вашим страданиям!» С одной стороны, это поднимало дух у людей, с другой стороны, это демобилизовало людей. Лучше было бы, если бы говорили: «Уходите пока не поздно», а то: «Скоро, скоро». Сидят, дурные, и думают, что манна с неба будет сыпаться. Много было слухов: кто-то видел, кто-то сказал, кто-то ехал и т.п.

Так как на первое мая ждали сильных процессов в городе[44], я решила первого мая уйти из города. Но первого мая нельзя было выйти из дома. 2 мая в шесть часов утра мы тронулись в путь. Валентина Павловна нас провожала километров пять за город. Пошли по шоссе: куда оно ведет, туда и мы идем. Шоссе шло из Минска на Раков. В три часа мы были уже в Ракове. Это первый путь в моей жизни. В 8–9 часов сделали 35 километров. Шли довольно бодро. По пути встречали людей. По дороге нас догнали старики: муж с женой. Пошли вместе. Старик отстает. Еще какой-то мужчина, который шел из больницы, присоединился к нам. Сын идет со стариком впе-

---

42 В автобиографии Б. Левина указала, что в гетто она находилась до 30.3.1942 г., а затем скрывалась с сыном у В. П. Александровской до 2.5.1942 г. (ГАБО, ф.1690-п, оп.1, д.729, л.4).

43 Гризодубова Валентина Степановна (1909–1993) – летчица, командир женского экипажа самолета АНТ-37 «Родина», на котором в 1938г. был совершен беспосадочный перелет Москва – Дальний Восток. Герой Советского Союза (1938), Герой Социалистического Труда (1986), полковник (1943). С марта 1942 командовала 101-м транспортным авиац. полком дальнего действия, затем 31-м гвардейским бомбардировочным авиационным полком, оказывавшим помощь партизанским отрядам.

44 Имеется в виду ожидание очередных погромов в праздничные дни.

реди. Я отстаю. Сын время от времени поджидает меня. Не доходя Ракова, нас встречает человек, который говорит нам, что в Раков никого не пускают, всех арестуют. Смотрим с сыном друг на друга. Он говорит: «Пойдем, что будет, то будет». Пошли вперед.

Около Ракова патруль стоит. Поздоровался с нами. Документы не проверяет. Прошли все местечко. В самом конце местечка, в лесу – домик. Сын говорит: «Мама, давай зайдем, хотя напьемся воды, больше я не в состоянии идти».

Зашли в этот дом. Почему-то к себе расположили этих людей. Они предложили отдохнуть у них, недельку поживите у нас[45]. Большего счастья мы себе не могли представить. Остались. Через несколько дней хозяйка говорит: «Мы вашего сына устроим недалеко. У меня один человек спрашивал пастуха, а вы у нас будете работать домашней работницей». Опять все хорошо. Сын устроился за двенадцать километров пастухом, делал все по своей силе. Мои хозяева выделывали кожу. По двадцать ведер воды приходилось таскать в сутки, кроме того – маленький ребенок, коровы, свиньи. Вставала в два часа ночи. Каждое воскресенье ходила к сыну. Приходилось проходить по шоссе, по которому все время шли машины с полицией и немцами. Маскировалась под западную крестьянку, чтобы не навлечь на себя подозрения.

Так прожила я у них шесть недель[46]. Вышел закон о прописке. Да я и сама начала думать, что бесполезно мне жить в Ракове, потому что сюда партизаны никогда не придут.

Пошла к сыну. Посоветовалась с хозяином. Хотела поближе к сыну [у]строиться.

Сын жил на хуторе. Рядом была деревня Галинце[47]. Пошла к хозяину. Стала просить, чтобы он меня прописал. Мне потом хозяин[48] говорил: «Приходили, спрашивали, где эта восточница, что у тебя жила, она еврейка. Я сказал, что ты уже в Минске, а мне все равно, кто ты такая». Он так об этом сказал, что я никак не могла отказаться. Признаюсь, что я еврейка.

Он все делал для того, чтобы меня прописать, но я об этом не знала, а он об этом мне не говорил.

Когда пришел за мною тот знакомый, я спрашиваю хозяйку: «За кого вы меня принимаете?» «Ну что ж, милая, ты ведь еврейка?» Я сильно распла-

45 В автобиографии Б. Левина указала фамилию этих людей – Заинчковские (ГАБО, ф.1690-п, оп.1, д.729. л.2).

46 В Ракове Б. Левина прожила до 15.6.1942 г. (ГАБО, ф.1690-п, оп.1,д.729, л. 4-4об.).

47 Так в тексте. Правильно – д. Галимцы Воложинского района Минской области.

48 В автобиографии Б. Левина называет фамилию этого человека – Хмелевский (ГАБО, ф.1690-п, оп.1, д. 729, л.2).

калась. И она начала плакать. «Ты не плачь, я верю в бога, бог поможет. Все, что сумеем, сделаем, чтобы тебя прописать».

У них прожила семь недель.

В июле месяце 1942 года приехали партизаны. Я стала их просить, чтобы они меня взяли. «Скажите, что слышно в Советском Союзе»? Один из партизан говорит, что сейчас мы живем мелкими группами, когда объединимся в более крупные группы, тогда мы тебя можем принять, несмотря на то, что у тебя сын.

Через некоторое время перехожу в д. Малявки[49]. Там устраиваюсь у бывшего председателя колхоза[50]. Он меня берет не потому, что я ему нужна, а просто пожалел. Объяснила ему положение, не говоря, кто я и что. Сына пришлось опять устроить пастухом. Заезжал шляхтич[51] и взял его от меня.

Я знакомлюсь с партизанами, с комиссаром отряда им. Жукова[52] А.И. Громовым[53]. Командиром отряда был Зайцев Фрол Иванович[54]. Приезжали партизаны каждое воскресенье. Делали доклады для крестьян. Они к моему хозяину с доверием относились из-за сестры его – учительницы, которая была с ними связана. Каждый вечер приходили или комиссар, или командир, или более передовые бойцы. Приносили сводки[55], карандашом писаные. Просили иногда размножать (это было начало зимы). Просили связать их с комсомолом, с женщинами. Вначале была боязнь партизан. Я стала внедрять любовь к ним. «Как вы можете бояться своих людей, с которыми вы можете поговорить на своем родном языке». Стала читать им сводки. Немцев здесь не было. Стала говорить, что надо устраивать вечеринки для партизан, надо танцевать с ребятами. Чего боитесь? Кому надо дать кушать, как не им? Ведь они не за шкурные интересы борются и т.д.

Так прошли август, сентябрь, октябрь месяцы. Подходят октябрьские праздники.

Был интересный случай у партизан. Партизаны передали Раковской полиции, что всех полицейских вызывают на курсы в Оляхновичи. Поехало 35 полицейских на курсы. Их предупредили по телефону, что оружия не

---

49 Деревня Малявки Минского района Минской области. В автобиографии Бася Левина указала, что находилась в д. Малявки с 3.08.1942 г. по 22.12.1942 г. (ГАБО. ф.1690-п, оп. 1, д.729, л.2, 4об.).

50 В автобиографии Б. Левина называет фамилию этого человека – Полюхович (ГАБО, ф.1690-п, оп.1, д.729, л.2).

51 Возможно «шляхтич» употреблено в значении – житель Западной Беларуси, хозяин.

52 Вероятно ошибка. Бася Левина попала в отряд им. В.П. Чкалова. В своей автобиографии она писала, что 22.12.1942 г. была принята в партизанский отряд им. Чкалова, а 8.05.1943 г. перешла в отряд им. Кутузова при Барановичском облцентре (ГАБО, ф.1690-п, оп.1, д.729, л.4об.).

53 Командира или комиссара партизанского отряда с такими инициалами не выявлено.

54 Ф. И. Зайцев – в июле 1942 – июле 1944 г. командир партизанского отряда им. В. П. Чкалова (с ноября 1943 г. в бригаде «Вперед» Лидской партизанской зоны). Комиссаром отряда (сентябрь 1942 – февраль 1943 г.) был П. Г. Жуков.

55 Сводки Совинформбюро.

надо брать. Машины с полицейскими выезжают. Партизаны их встречают в лесу и дают им «курсы». Убили 29 человек, только двое бежали.

Партизаны населению всегда говорили: обо всем, что видите и слышите, молчите, держите языки за зубами.

Допустим, ночью приезжают партизаны:

– Полиция была?

– А мы не знаем.

– Партизаны были?

– Кто их знает, кто теперь партизаны, кто полицаи?

Партизаны приезжали хорошо одетые. Было такое впечатление, что самолеты сбрасывают одежду партизанам и оружие.

21 декабря приехал командир с ребятами и взял меня в лес.

Мои первые впечатления, когда я приехала в лес.

Ни землянок, ничего. Шалаш из елок, замаскированный снегом. Люди в тулупах возле костров, черные от дыма. Было много знакомых лиц, потому что когда ходили на операции в Западную[56], останавливались в д. Малявке. Мне казалось, что я попала в самый штаб. Как не был страшен вид партизан, но для меня большего счастья не было. Я открыто говорю, кто я, говорю со всеми абсолютно спокойно и свободно. В час 21 декабря принимаю партизанскую присягу. Комиссар Жуков дает мне зачитать присягу. Зачитываю с большой любовью. Расписываюсь – и все. Мне предлагают работать машинисткой в штабе. Мне казалось, что э[то] мало для партизанского движения. Прошу, чтобы меня назначили на трудовую работу.

Спим под плащ-палатками, укрываемся тулупами. Снега было очень много. Землянок еще не было. Женщин было человек девять. В отряде было партизан человек 250. Походная кухня была. Подымались в четыре часа утра. Надо было садиться вокруг костра и чистить картошку. Через две недели меня делают сменным поваром. Бывало, стоишь в походной кухне, инеем вся покроешься. Стоишь, как Дед Мороз. Тепло было и радостно было.

Перед тем, как уйти с партизанами, я ездила к сыну прощаться. Ему отвезла печатную сводку. Поплакал, помню. Сказал: «Мама, не забывай меня». Я ему дала слово, что только станет потеплее, я его возьму в отряд.

Так было до 28 января. Лес был небольшой. Весь лес 3,5 километров. Вернее это даже не лес, а большой кустарник. Говорили довольно тихо, потому что в двух с половиной километрах была деревня. Утром было слышно, как в деревне петухи поют. Потом понемножку начали строить землянки.

[56] Имеется в виду – на территорию западных областей Беларуси.

Было очень тяжело, когда привезли одного раненого – Гришку (фамилию его забыла). Это было первый раз, когда я увидела раненого партизана. Мне казалось, мы все должны отдать этому партизану.

Был там замечательный доктор – Тайц Юрий Ильич[57] с женой, хороший хирург. Он все внимание отдал этому партизану вплоть до того, что когда у него начался сепсис и надо ему было сделать вливание крови, сам доктор отдал ему свою кровь. Раненый был комсомолец, замечательный молодой парень. Анна Марковна, жена доктора Тайц, выходила его, как птенца.

Группа партизан была в засаде под Минском. По дороге проезжал немец. Этот Гриша заметил у него новый ППШ[58]. [Бро]сился на немца, чтобы отнять у него оружие. Немец пул[ей] из пистолета его ранил, а он его убил и овладел этим [ППШ]. Когда его привезли в стан, он этот ППШ крепко держал [око]ло груди. Его глаза блестели, так он был рад, что дос[тал] это оружие. Потом погиб этот Гриша.

28 января начинается облава немцев с Койданово и Заславля.

В нашем леску трудно крутиться и выйти некуда было. Надо было идти по полю или затаиться, ждать, когда немцы пройдут мимо или нас всех окружат.

В это время в отряде было еще несколько больных. Из Минска пришло несколько стариков. Весь отряд в 360 человек вооружился. Первый день мы выжидали. Немцы прошли в полукилометре от нашего леска. Прошли из Заславля в Койданово. Наш лесок минули. В час ночи погрузили все свое имущество. Техника в отряде была очень большая: две пушки, много автоматов и т.д. Все погрузили на сани вплоть до кухни, мясо взяли, все абсолютно взяли. В час ночи снялись. Ехали до восьми часов утра. Каких-то восемь километров сделали. Ехали буквально целиной. Все время по полю трассирующие пули, ракеты, а мы двигались таким обозом. Были хорошие лошади. Командир, комиссар, начальник штаба – все впереди возглавляли колонну. Приехали в один кустарник и целый день, не разжигая огонь, сидели там. Ребята […][59] мороженое мясо. Хлеб еще был. Двое суток пробыли в этом лесу. Разведка через двое суток доложила, что немцы прошли. Мы обратно вернулись в свой лес.

---

[57] Ю. И. Тайц (1902– ?) – врач отряда им. В. П. Чкалова, бригады «Вперед». Его жена – А. М. Тайц и сын Марк также находились в отряде.

[58] Пистолет-пулемет системы Шпагина.

[59] Слово неразборчиво.

Связь у этого отряда была с бригадой им. Чкалова[60], которая находилась в пуще. Эта бригада подчинялась Сталинскому соединению[61], где командиром был Г. В. Будай[62]. Эта бригада куда-то ушла на восток. Как видно, ушли под Бегомль, где была площадка для приема самолетов. Когда об этом узнали, радость была страшная.

Решаем идти в пущу, конечно, под большим секретом.

Когда узнала, что отряд переезжает в пущу, я обратилась к командиру отряда с просьбой поехать за сыном. Он мне дает семь человек. Мы на трех подводах снимаемся ночью и катим на хутор, где живет мой сын, километров за двадцать. Выехали в четыре часа утра. В час ночи приехали на хутор к этому пану, у которого живет сын. Я не выхожу из саней. Идет политрук.

– Есть у вас пастух восточник? Есть приказ, пан, забрать всех восточников, а то их немцы забирают».

Трясется этот пан. Говорит: «А ну, малец, иди, дай сено лошади»! Сын выскочил в сени и не знает, что делать?

– Ты заберешь его? – спрашивает политрука.

– Забираю. Приказываю дать кожух, сапоги.

Хозяин отводит сына в сторону и говорит: «Хорошенько надень, а то у партизан не так, как у нас на печке. Смотри кожух не отдавай!»

Взяли у него корову. Под утро в отряд приехали с коровой.

11 февраля 1943 года перебрались в пущу[63]. Ехали, как в какое-то неведомое царство. Пуща тянется 60 километров в длину и 4 километра в ширину, болота непроходимые. Есть такие места, что буквально солнца не видишь, густой-густой лес. За годы партизанщины немного вырубили. Куда не поезжай – всюду бани, пекарни, столовые, госпитали, землянки.

Прибыли в пущу в расположение нашей бригады. Готовых землянок было две или три. Расположились в самой бригаде. Потом стали строить

[60] Создана в ноябре 1942 г. В феврале 1943-январе 1944 гг. в бригаде были организованы отряды: им. С. М. Кирова, «За Советскую Родину», «За Советскую Белоруссию», им. П. К. Пономаренко, «26 лет Октября», им. А. А. Андреева, им. Г. М. Маленкова. Бригада действовала в Воложинском, Ивенецком районах Барановичской области, а также Заславском и Минском районах Минской области.

[61] 19 ноября 1942 г. 125-й отряд им. И. В. Сталина был развернут в бригаду им. И. В. Сталина (отряды им. Ф. Дзержинского, им. А. Суворова, отряд «Большевик»). Бригада действовала в Дзержинском и Минском районах Минской области, Ивенецком, Столбцовском и Воложинском районах Барановичской области.

[62] Г. В. Будай (1918–1988). С августа по октябрь 1942 г. – один из руководителей антифашистского подполья в Дзержинске. С октября 1942г. – в партизанском отряде им. И. В. Сталина (Налибокская пуща). После создания 28 ноября 1942 г. Ивенецкого партизанского соединения, включившего в себя бригаду им. И. В. Сталина, бригаду им. В. П. Чкалова и бригаду им. М. В. Фрунзе, Г. В. Будай был назначен комиссаром соединения. С апреля 1943 по февраль 1944 г. – заместитель уполномоченного ЦК КП(б)Б и Белорусского штаба партизанского движения по Ивенецкому межрайпартцентру. Одновременно с июня 1943 г. – редактор подпольной газеты «Народный мститель», затем редактор подпольной газеты «Чырвоная звязда».

[63] Налибокскую пущу.

лагерь. Выстроили лагерь. Построили хорошие, красивые землянки, расположенные улицей.

Госпиталь был исключительный. Строился по проекту самого врача. Госпиталь был большой, светлый. Операционная отдельно, инфекционное отделение отдельно, приемная отдельно. Достали полотна. Стены и потолок обтянули полотном. Когда товарищи приехали из Москвы, они были удивлены, что такой госпиталь может быть в условиях партизанщины.

В первую очередь были построены пекарня и баня. В барановичской пекарне[64] нет такой чистоты, какая была у нас. Надо было работать в косынке, в халате. Каждый день заходил врач смотреть пекарню. Такая же чистота была в кухне. Это был навес, прикрытый с трех сторон. Стояли лавочки, стол. Добились того, что стол обили белой жестью. Мясорубка была. Мяса было хоть пруд пруди. К котлу подходил только повар. Подсобные работники не смели подходить к котлу. Правда, блюда были не всегда разнообразные, но котёл чистоты исключительной. Был порядок в смысле рабочей силы. Были установлены смены, выходные дни. Всё это соблюдалось честь честью. Что касается бань, тут нечего и говорить. Каждые два-три дня идешь в баню. Делали всегда парную. Соблюдали все гигиенические правила. Врач всем этим руководил.

Мы туда приехали весной. Нужно было что-то придумать, чтобы сохранить мясо, чтобы муха не села на мясо.

Может быть потому, что у нас была такая чистота, у нас абсолютно не было больных. Все были здоровые во время партизанки. Я знала одного врача, язвенник был. Будучи в партизанах, он прекрасно себя чувствовал. Смеялся, что это новое открытие в медицине, как лечить язву.

Отряд был разбит на роты. В нашей второй роте было немного женщин. Каждая рота имеет свою кухню, своего повара, свою пекарню. Пекли ежедневно, по очереди.

В каждой роте была партийная организация, комсомольская организация. Проводились партийные и комсомольские собрания. У нас, женщин, поскольку нас было мало, не было своей землянки. Мы жили в землянке командира отряда, политрука и старшины отряда. Землянка была большая, просторная, железная печка стояла, столик. У них была одна нара[65], у нас другая. Дежурства по уборке проводились так же, как в караульном помещении. Жили совершенно спокойно. Начали заниматься общественной жизнью. Но все же мы варились в своем соку. В бригаде был радиоприемник, у нас тоже был радиоприемник. Радиотехник был, который запи-

[64] Б. Левина имеет в виду санитарное состояние барановичской пекарни на декабрь 1944 г., т.е. после освобождения города.

[65] Так в тексте.

сывал сводки. Дело было поставлено так, чтобы к завтраку сводка была в каждой роте. Зачитывали перед строем. Так было до 18 апреля.

Узнаем, что к нам должны прибыть москвичи. И 18-го прибыли т.т. Чернышев[66], Гапеев[67], Попова[68] (у нас ее звали Женей), Перельман[69]. Прибыло их человек восемнадцать. Как мы их ждали! Убирали землянки, если около землянки сорно было – подметали, выколачивали постели. Готовились на пекарне, не кухне. Чуть ли не до блеска начищали котлы.

Они провели собрание. Забросали их вопросами. Все интересовались, как тов. Сталин, жив ли? Здоров ли он?

Я знакомлюсь с Перельманом. Сын болел суставным ревматизмом шесть недель, и поэтому на физические работы не мог пойти. Перельман предлагает: «Может быть, он пойдет наборщиком в типографию»? Окончил шесть классов. Конечно, никогда не видел ни типографии, ни [печатных] машин. Т[оварищ] Перельман взял его в типографию.

Когда тов. Попова проводила собрание на тему, как себя проявляют женщины в тылу, я выступила на этом собрании. Нас в отряде было 28 женщин. Высказала протест: почему из 28 женщин нельзя хотя бы одну треть пустить на боевые дела? Всех записали на картошку. Моё выступление не совсем понравилось комиссару и командиру. Они на меня немножко обиделись. Начала чувствовать, что ко мне отношение неважное. Я стала просить Перельмана: «Возьмите меня в обком». Чернышев ничего против не имел.

Когда Женя Попова приехала, её сразу назвали «Царь-баба». Первая женщина с автоматом. Ходила в брюках, хорошо ездила верхом. Мы на неё смотрели, как на идеал. Она очень хороший доклад сделала в нашем отряде. Я не скажу, чтобы к ней было плохое отношение, как к уполномоченной ЦК[70]. Свою работу она проводила без устали. Но мы её более близко знали.

---

66 В. Е. Чернышев («Платон») (1908–1969). С 1942 г. – уполномоченный ЦК КП(б)Б, Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД), затем Белорусского штаба партизанского движения (БШПД) по Барановичской области. С марта 1943 г. – секретарь Барановичского подпольного обкома и одновременно командир Барановичского партизанского соединения северной зоны. После войны – секретарь Барановичского, Брестского и Минского обкомов партии, секретарь ЦК КП(б)Б. В дальнейшем – на партийной работе.

67 Е. Д. Гапеев («Соколов») (1908–1990). С марта 1943 г. – уполномоченный ЦК КП(б)Б и БШПД по Лидской партизанской зоне Барановичской области. В апреле 1943 – июле 1944 г. – командир Лидского партизанского соединения и одновременно руководитель Лидского межрайпартцентра, секретарь Лидского подпольного горкома – райкома партии, член Барановичского подпольного обкома. После войны – на партийной работе.

68 Вероятно, имеется в виду секретарь Барановичского подпольного ГК КП(б)Б Е.В. Попова («Женя»).

69 Перельман Б.Я. (1908– ?) – прибывший из Москвы с группой В.Е. Чернышева начальник партизанской типографии. После освобождения Белоруссии – директор Барановичской областной типографии (данные на май 1945г.) (ГАБО, ф.1690-п, оп.1, д.729, л.2об.).

70 Уполномоченные ЦК КП(б)Б (ВКП(б), ЛКСМБ (ВЛКСМ)) – партийные и комсомольские работники, отправлявшиеся на оккупированную территорию для организации и руководства партизанским движением, а также партийно-комсомольским подпольем. Так, в июле 1942 г. был введен

Знали и её теневые стороны. Когда пришлось очень туго, она струсила, может быть так же, как другие, и приобрела себе такого человека, за которого можно было бы покрепче держаться.

В 1942 и даже 1943 годах боевая деятельность отряда шла довольно самотеком. Каждый отряд старался сделать побольше подрывов[71].

Когда прибыл облцентр[72], когда организовались межрайцентры[73], когда были организованы бригады[74], когда каждая бригада имела свои отряды, работа пошла более планово. Боевая работа приняла более организованный характер.

Жили исключительно жизнью и интересами отряда. Вот подрывники уезжают на подрыв. Иногда ночью слышим взрыв. «Это наши». Начинаем ждать их возвращения. Хозяйственные операции[75] тоже не всегда отличались спокойствием, поехал и обязательно привез. Знаешь, что срок этой операции три дня. Если через три дня не возвращаются – волнуешься, придут ли, целы ребята? Если придут с удачей, в отряде праздник. Вот всё, что заполняло всю жизнь партизан. Быт – это только фон для этого.

Когда я находилась в облцентре, там жизнь была заполнена самолетами, ожиданием посадок или ожиданием выброски. Если мы, бывало, увидим в лесу самолет, мы, конечно, сознавали, что нас никто не видит, но инстинктивно махали руками. Было так: сообщается что-нибудь очень строго конспиративно, знают только наши радистки, но как-то потихоньку доходило до всех.

Мы не знаем, до какого времени, но с какого – это знаем все. Находились мы все время в радиусе 15-ти километров от посадочной площадки. Всегда взоры были обращены на небо, когда прилетят самолеты. Летит, вот первый разворот, второй, значит, уже нашел. Начнется, наверное, выброска. Если загудел тихо, значит, будет посадка, будут газеты. Это так много вносило в нашу жизнь, что не было страха блокады. Мы ведь для того и существуем, чтобы были блокады, чтобы от них уходить. Если прилетели де-

---

институт уполномоченных ЦК ЛКСМБ по областям, городам и районам с временным исполнением функций соответствующих подпольных комитетов.

[71] Имеется в виду диверсионная работа на коммуникациях противника.

[72] Имеется в виду Барановичский подпольный обком КП(б)Б, действовавший с марта 1943 по июль 1944 г. Облцентр сформировал и возглавил подпольные Ивенецкий, Лидский, Слонимский, Столбцовский и Щучинский межрайпартцентры, Бытеньский межрайком КП(б)Б, Барановичский горком, Лидский подпольный горком – райком КП(б)Б и 23 райкома. Под руководством облцентра были созданы Барановичское, Ивенецкое, Лидское, Столбцовское, Щучинское партизанское соединения.

[73] Межрайонные партийные центры – межрайпартцентры – временные неуставные руководящие партийные органы на оккупированной территории в 1942–1943 гг. Вели работу одновременно в нескольких закрепленных за ними районах.

[74] Создание партизанских бригад в Барановичской области началось в ноябре 1942 г.

[75] Операции по заготовке продовольствия и всего необходимого для обеспечения жизнедеятельности партизан.

сантные […][76] – торжеству не было конца. Потом привыкли. Самолеты у нас были так часто, чуть ли не по расписанию пассажирских поездов стали прилетать и улетать.

Как переживали партизаны блокаду немцев? Первая блокада была 30 июля 1943 года[77]. Из лагеря все снесли на островок и сами ушли туда же. В лагере осталась я, один пекарь и три часовых, потому что хлеб до последней секунды надо готовить и подвозить, а в лучшем случае сушить сухари. 28-го снялись.

Место нахождения облцентра было законспирировано. Во всех отрядах были установлены патрули. Каждый день патруль менялся. Невзирая на это, какой-то магнит тянул к облцентру, как будто облцентр больше защитит людей от блокады.

Тов. Чернышев имел исключительный авторитет в пуще. Звали его Платон. Казалось, что он своей силой воли мог всех защитить от немцев. Все тянулись к Платону. Не пускают, все равно правдами и неправдами проходят.

Цель была одна: войти в болота. Чем были более непроходимые места, тем лучше. Может быть, туда немец не пройдет. Идти в открытую против немцев была большая бессмыслица, [бы]ло известно, что немцев было около 60.000.

Блокада началась с юга. К нам приходило много бригад, [людей] делили по ротам, чтобы не было большой скученности. Отрядам, через их командиров, было дано распоряжение, кто [в] какую сторону отступает. Конечно, это не знал каждый [рядо]вой боец. Во всяком случае, каждому было понятно, чтоб группа была как можно меньше по своей численности, [потому] что мелким группам было легче прорваться.

Облцентр пошел в одну сторону. Залегли в камышах. Шли по грудь, по болоту. В некоторых местах как будто почва поднималась на десять метров. Сначала шла разведка. Шестом измеряли глубину, выбирали дорогу. Чернышев [по]шел первый, как юнец, несмотря на его тучную фигуру. [Прихо] дилось снимать с себя сапоги, брюки.

У нас ни одного человека не было жертв. Это была группа облцентра. Вооружение было хорошее – автоматы. […][78] в этом болоте до пятого числа.

---

76 Слово неразборчиво.

77 Имеется в виду операция «Герман» – карательная операция против партизан и мирного населения в Воложинском, Ивенецком, Любчанском, Новогрудском, Юратишковском районах. Проводилась с 1.07 по 11.08.1943 г. силами 1-й моторизованной бригады СС, трех полицейских полков и других подразделений. Всего в операции «Герман» было задействовано более 50 тысяч солдат и офицеров противника. Немцами была блокирована Ивенецко-Налибокская партизанская зона.

78 Слово неразборчиво.

Очень интересно во время блокады, такая спайка, [как] единая семья. Один живет, как все и все, как один. Сам по себе абсолютно не существуешь. Идешь, смотришь: все тут.

Шли до пятого. Встречались с другими райцентрами.

Были семейные отряды, детей было много. На них жутко было смотреть, как они брели. Во многих отрядах были такие явления, что отталкивали от себя небоевые единицы, особенно женщин. Много было обид. Потом много было [посла]но жалоб на таких командиров. Их сильно осудили за […][79] поведение. Эта блокада окончилась 5 августа. Были найдены немецкие планы, где было сказано, что блокада будет длиться до 5 августа[80]. Не верилось, но это оказалось точно. У немцев в этом отношении так: сделали, не сделали, пришли, собрались, попьянствовали и уехали.

После блокады очень характерные появились статьи в газетах о том, сколько они убили партизан, сколько уничтожили бункеров. В нашем лагере тоже был бункер, из земли сделали навесик для мяса. Вероятно, и этот бункер вошел в число 150.

В начале у населения было впечатление, что с партизанами покончено. Когда стали появляться, население с недоумением спрашивало, как же, немцы говорили, что они вас всех убили?

В одном госпитале сделали щели[81] для тяжелораненых. Этот Гриша, которого я увидела первым из раненых, жил в этом госпитале, ждал посадки в Москву, тоже погиб[82]. 23 человека погибло. Может быть, выдал запах ксероформа[83], может быть, собаки-ищейки привели немцев к этому госпиталю. Словом, немцы напали на этот госпиталь и в этих щелях всех тяжелораненых перебили, убили врача и обслуживающий персонал.

Облцентр все время находился в районе Бакшты[84], Воложин. Одно время находился в восьми километрах от Бакшты в так наз[ываемой] Козьей Пене.

После этой блокады не успели принять оседлого образа жизни, как от всех бригад и отрядов явились связные. Буквально под землей находили облцентр. Бывало, смеясь, спрашиваем:

– Как вы находите облцентр?

– По духу узнаем.

---

79 Слово неразборчиво.

80 Партизанская рота А. И. Гавриша отряда «Большевик» разгромила штаб карательного батальона Дирлевангера и захватила оперативный план операции «Герман» (Чернышов, 1963, с.209).

81 Укрытия на случай артиллерийского обстрела и бомбежек.

82 Возможно имеется в виду Григорий Путинцев, командир роты отряда им. Кузнецова, бригады им. Чкалова.

83 Так в тексте. Возможно, имеется в виду запах хлороформа.

84 Бакшты – деревня Ивьевского района Гродненской области.

Жизнь потекла своим чередом. В тот же день установили приемник. Даже во время блокады по рации принимали последние известия. Во время блокады бывало так: мы идем впереди, они за нами или наоборот, они идут впереди, мы за ними.

С Чернышевым было идти буквально как с музыкой. Он никогда не впадал в панику. Во вторую блокаду я и сын случайно оказались с ним. В три раза больше исходили болот, чем во время первой блокады. Тогда у немцев была цель узнать, где у нас посадочная площадка. Мы находились в двух километрах от посадочной площадки. Однажды лошадей наших ранили немцы. Мы в момент снялись с этого места и неслись, неслись до Поташной[85] – 50 км. Никто за нами не шел. Это было потому, что в это время не было с нами т. Чернышева.

Потом привыкли к этим блокадам. Разведка доложит, что блокада – ну пусть будет. Жили на одних ягодах.

Южнее от нас находился особый казачий Митьковский отряд в 250 человек[86]. Это легендарный отряд. Он получил такую славу, потому что приписывал себе успехи других 6 бригад. Как только удачная операция какого-нибудь отряда, население говорит: это, наверное, митьковцы. Заслужить себе такую легендарную славу не так легко.

Когда Денисенко приедет с отчетом, так он выдвигает начальника штаба. Сам двух слов не мог связать, а в бою его хвалили, смелый командир. Мне кажется, он был довольно аполитичный. Может быть, у него была любовь к искусству. Между прочим, это у многих партизан. Были замечательные партизаны в смысле смелости в этом отряде. Никакие трудности их не остановят, а по своему политическому развитию очень отсталые люди. Много было политических погрешностей. Многие вопросы они не понимали, в частности национальный вопрос. У них было неправильное понимание еврейского вопроса.

Национальный вопрос у партизан решался не по-коммунистически. Еврейскому парню или девушке всегда надо держать ухо остро[87]. Всегда находились такие, которые говорили: вот мы вас спасаем или вы пришли спасать свою шкуру. Но было не до того, чтобы вести национальную политику. Нельзя было углублять этот вопрос.

---

[85] Поташня – деревня Ивьевского района Гродненской области.

[86] 15 мая 1942 г. в Мирском районе образовалась партизанская группа под командованием Д. А. Денисенко. В августе 1942 г. группа оформилась в отряд, с мая 1943 г. – кавалерийский. С 5 апреля 1944 г. – отряд стал кавалерийским дивизионом, а приказом начальника БПШД от 23 августа 1944 г. стал именоваться 1-й Белорусской кавалерийской бригадой. «Митьковцами» их называли по имени командира – Дмитрия (Мити) Денисенко.

[87] Так в тексте.

В отрядах были бойцы Красной армии, но среди бойцов Красной армии тоже есть различные люди. Были такие, которые сами уходили к немцам в плен. Потом, увидя, что там не совсем хорошо, приходили к партизанам и были хорошими партизанами.

Много было из заключенных. Они били себя в грудь и кричали, что мы защищаем Родину. Сколько со стороны [этих] людей было допущено неправильного отношения к народу!

Был такой случай.

В нашем отряде был Колька Б.[88] – замечательный командир взвода. Только мы прибыли в пущу, он поехал в […][89], напился и расстрелял тринадцать человек крестьян, ребенка шестилетнего, дом сжег. С ним ехал взвод, но он один отошел на хутор. Крестьяне вызвали взвод на помощь. Он автоматом не давал этому взводу возможности подойти. Когда пришел в себя и понял, что ему грозит, себе прострелил ногу и сплел, что он был в доме, что на него напала полиция, он отстреливался. Товарищи пришли на помощь и вот его ранили. Когда его взял особый отдел, он признался. Его в той же деревне расстреляли.

Не все понимали, как надо обращаться с населением, как привлечь население на нашу сторону. Поэтому у нас были иногда неприятности с населением. Во время хозяйственных операций не все понимали, что можно брать, что нельзя. Если бы все товарищи понимали это, они бы не озлобляли народ. Когда начинают брать тряпки, чулки и т.п. – все это озлобляло народ. Это не все понимали, потому что прослойка партизан, как показала жизнь, была не на должной высоте. Были такие командиры, которые заявляли, что он «держит все партизанское движение в своих руках, что Красная армия идет по его стопам».

Когда приехал облцентр, сколько пришлось по этому вопросу проводить работы во всех бригадах и отрядах.

Надо сказать, что 90% жертв партизан было не от рук немцев, много партизан погибало в пьяном виде. Придет в деревню, напьется, ляжет спать. Доносят немцам. Придут немцы, расстреляют.

Очень интересно было приезжать в пущу. В последний год она была вся завалена деревьями. Партизаны ходили тропами, а немцы все дороги заваливали деревьями. Когда надвинулась Красная армия, просто мобилизовали партизан на расчистку дороги.

Жили сводками Совинформбюро. Целый день ждешь семи часов, не говоря уже о том периоде, когда началось наступление Красной армии. Жили только вечерами.

88 Фамилия не публикуется.

89 Слово неразборчиво.

У Геннадия Васильевича (Будая) была маленькая землянка. Человек он очень любезный. К нему было больше смелости ходить. Услышишь только: «Слушайте», сейчас крик по всем баракам: скорее! Сейчас же все бросают и бегут. Так непоколебимо верили, что скоро встретимся с Красной армией, что когда встретились, казалось, что как будто бы так и должно быть. Первый к нам на машине приехал капитан. Он восторгается всем, а мы водим его по землянкам. Спрашивает, как вы кушали, как жили? Смотрит, коров у нас целое стадо, гусей у нас было целое стадо.

У нас был Юрка-баянист в отряде Стрельцова[90]. Прекрасно играл на баяне и был замечательный подрывник. На него смотрели, как на идола. Все мы его любили. Придет с подрыва, идет ко мне. В моей землянке радистки – девушки молодые. Такой хороший, приветливый парнишка.

Радистки были. Была одна радистка Нина Безматерных[91]. Всегда как пеночка, вечно поет, подскакивает, танцует и замечательная радистка. На протяжении полутора лет не было случая, чтобы у нее что-нибудь не ладилось: в 1943 году все время было по три сеанса в день. Комары одолевали. Она укроется с головой под кусок парашюта, фонарик с собою берет и сидит, и шифрует, и шифрует. Если Нина свободна, бегает по всему лагерю. Ее все очень уважали. Награждена орденом «Красного знамени».

Во время блокады она очутилась совершенно одна. Ее переправили на островок, и потом как-то получилось так, что нельзя было к ней прийти. Все же рацию она не только не оставила, она ее даже не намочила. Сама сидела по шею в воде. Когда вернулась, она была вся искусана комарами, ноги исцарапаны, а рация в полном порядке.

Платон ее немножко поругал. Сейчас же села, и сеанс назначила по рации. Кончила школу радисток в Москве. Приехала вместе с Чернышевым. О другой нечего говорить, хотя бы потому, что было сплошь плохое.

Очень хорошо помню 1943 год. В марте месяце мы прибыли в пущу. Я была еще в боевом отряде. Поехали куда-то в Березовку на хозяйственную операцию. Там нарвались на большую засаду. Много было раненых. Ни одного не оставили на поле боя. У нас был Митька Губа. Он тогда своего товарища Гаврюшу с простреленной ногой вынес на плечах с поля боя.

На тему о взаимной выручке было много докладов.

В быту жили одной жизнью, одними интересами. Были очень хорошие друзья, которые старались один для другого достать что-нибудь.

---

[90] Стрельцов Илья Нефедович – командир отряда «За Советскую Родину» (апрель 1943 – июль 1944 г.) бригады им. В. П. Чкалова.

[91] Безматерных Нина Михайловна – с марта 1943 г. радистка (вместе с Е. Я. Санько) партизанского соединения В. Е. Чернышева. Награждена орденом Красного Знамени, медалями «Партизану Отечественной войны» 1-й степени и др.

Взаимоотношения между девчатами и парнями. Особенно идеализировать не приходится, но были искренние и честные отношения. Был у нас командир отряда Васютин[92]. Теперь жена его Тамара Почекаева[93], лучшая подрывница, награждена орденом Ленина. Между ними была настоящая дружба. Теперь поехали учиться на годичные партийные курсы в Минск. Тамара участвовала во всех подрывах. Я не скажу, какую роль она выполняла. Я думаю, на более знающих это дело выпадала первенствующая роль. Она на своем счету имеет 11 или даже больше подрывов. Из ЦК комсомола подарили ей автомат. Она была такая молодая, такая привлекательная. Кроме того, она была заместителем комиссара по комсомольской линии. Я еще помню, когда она работала на кухне подрывников. Не кичилась своими отношениями к командиру, как это имело место у некоторых других женщин. Были такие случаи, что не стеснялись и по комсомольской линии их пробирали.

Активных женщин все же было порядочно. Подрывниц было много. На боевые, на хозяйственные операции ходили. На постах стояли – это была обычная вещь.

Почекаева была прислана в январе 1943 года с какой-то десантной группой, а потом осталась в бригаде Чкаловской.

С ней была Вера Одинец[94]. Боевая девушка, в мужском костюме всегда. Тамара была огонь, Вера более тихая.

Источник:
Архив Института российской истории
Российской академии наук, ф.2, раздел 6, оп.17, д.4а, л.1-20.

Библиография

Государственный архив Брестской области (ГАБО), ф.1690-п, оп.1, д. 729.

Книга погромов. Погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны. 1918–1922 гг.: Сборник документов / Отв. ред. Л.Б. Милякова. М., 2007

Иоффе, Э. Г. Страницы истории евреев Беларуси: Краткий научно-популярный очерк. Минск, 1996.

---

92 Васютин Яков Дмитриевич – в феврале 1943 – январе 1944 г. командир отряда им. С. М. Кирова бригады «За Советскую Белоруссию». Отряд был создан 19 февраля 1943 г. из личного состава 3-й роты 620-го отряда бригады им. В. П. Чкалова.

93 Почекаева Тамара (бригада «За Советскую Белоруссию») пустила под откос 10 немецких эшелонов.

94 Одинец Вера Иосифовна – командир женской диверсионной группы. Лично подорвала 4 и вместе с группой – 12 эшелонов противника. С января 1944 по июль 1944 г. – комиссар отряда «25 лет ВЛКСМ». Отряд был образован в январе 1944 г. на базе комендантского взвода партизанской бригады им. Г. К. Жукова.

Романовский, Д. «Минск» в кн.: *Холокост на территории СССР: Энциклопедия*. М., 2011, с. 590–602.

Смоляр, Г. Менскае гета: барацьба савецкіх габраяў-партызанаў супраць нацыстаў. Менск, 2002.

Чернышов, В. Е. «Во главе народных масс против фашистских захватчиков» в кн.: *Непокоренная Белоруссия*. М., 1963.

Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944): Краткие сведения об организационной структуре партизанских соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе / А. Л. Манаенков, Е. П. Горелик, А. Ф. Маркова и др. Мн., 1983.

Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Мінска: У 4 кн.: Кн. 4. Мн.: БЕЛТА, 2005.

Дневник Геннадия Левина
“Моя жизнь во время войны”

[Налибокская пуща**]**[1]**, [**1 января – 11 июня 1944 г.]**[2]

1941 г.
I глава

22 июня 1941 г. проклятые немецкие мерзавцы посягнули на нашу белорусскую землю. Я, Геннадий Юрьевич Левин, находился в начале войны в пионерском лагере около Колодищ[3]**.** 22 июня было воскресенье, ко мне приехала мать с моим младшим братом Ромиком.

О войне я ничего абсолютно не знал до 24 июня. 24 июня у нас начали снимать мост, на котором висел флаг, потом под вечер забрали начальника и пионервожатых лагеря в Красную Армию, и после всего случившегося мы поняли. Так проходит десять дней, как я скитаюсь по деревням. Да, я забыл написать, что весь наш лагерь 24 июня распустили. 4 июля я пришел в свой родной город Минск. Дома застал только мать с братиком, отец был в лагере. Тогда, когда немцы пришли в гор. Минск, они всех мужчин согнали в Дрозды, которые находились в 6 км от Минска. Через дней десять всех русских мужчин отпустили домой, а евреев держали. Я вам не могу описать злодейства немцев, когда принесешь покушать. Отец мой пробыл в концентрационном лагере до 12 июля.

<II гл[ава]>

Отец мой был инженером. И вот пришли проклятые душегубы и замучили его в тяжелой неволе. Описать мне все очень трудно, так как сам всего я не видел. 1 августа вышел приказ немецких командиров, и нас всех согнали в гетто. Это огороженная колючей проволокой местность. Такие издевательства трудно было пережить. Кругом всей [местности] немцы поставили своих холуев – полицаев. Но меня этим не запугали. Я как ходил по всему городу, так и продолжал ходить, куда мне надобилось. Нас долгое время выручала наша хорошая знакомая Л. М. Ф. Она работала на фабрике – кухне у немцев.

---

1 Источник локализуется по месту дислокации Барановичского подпольного обкома и отряда имени Кутузова.
2 Датируется по начальной и конечной дате подневных записей.
3 Колодищи – поселок в Минском районе.

Л.Ф. не забыла наших дружеских отношений до войны, и теперь она нас многим выручала. Я каждый день получал обеды. Мы не так нуждались в этой «баланде», как там давали по 100 г хлеба. Мне было очень трудно проходить с обедом через проволоку, так как там стояли полицаи. Прошло несколько недель, и начались облавы на мужчин. Так, 26 августа была неожиданная облава, забрали очень много мужчин, а потом 31 августа – опять облава. Числа так 2–5 сентября утром мы встаем и видим такое объявление: «Всем евреям, имевшим 10 лет и выше, одеть желтые латы сзади и спереди диаметром 10 см».

Это меня еще больше тронуло, но я их не носил, я не исполнял немецких распоряжений. Но это еще все были цветки, этого было мало немецким грабителям. Они задумали еще лучшее издевательство. Я вам это издевательство расскажу подробно.

III глава

6 ноября, как всегда, мы встали рано утром. Все было тихо и спокойно. Вдруг в часов так 5 дня все гетто окружили украинцы и солдаты «Р.О.А.»[4]. И вот стали сначала хватать мужчин на работу. Мы сразу поняли, что начинается погром. Мать меня с Ромиком шлет на русский район. Я беру брата за руку, и мы пошли… Только подошли мы к проволоке, слышим немецкий окрик: «Хальт» (зн[ачит]: «Стой»). Мы вернулись обратно. Но я не мог успокоиться на этом. У меня в голове переворачивались всякие мысли. Я вспоминал школьную жизнь, все прошедшее, хотя и у меня было мало прошедшего, я всего прожил 14 лет. Посидев немного, я иду опять, только теперь уже иду один. Я удачно проскакиваю через колючую проволоку, не обращая внимания на крики полиции, захожу на русский район.

Прихожу к Л. Ф. в дом и прошусь перебыть эти пару деньков погрома, но я получаю категорический <отказ>[5]. Волей неволей я должен идти опять домой. Прихожу. Дома никого не было. Я бегу к соседям, узнать, где родители[6]. Они мне отвечают, что пошли к знакомым (на Раковской ул.).

Прибегаю я туда, все только и ахнули. Мать заплакала. Я ее начал успокаивать. Но у меня сердце болит. Еще большая ненависть разгорается у меня к зарвавшимся фашистам. Я покушал и лег спать. Ночь прошла спокойно.

---

4 Решение о создании «Р.О.А.» (Русской Освободительной Армии) генерала А. Власова было принято после 27 декабря 1942 г. Поэтому «власовцы» не могли принимать участие в акции 7 ноября 1941 г. в Минске.

5 В тексте: ответ. Слово «отказ» вписано сверху, от руки.

6 В автобиографии Баси Левиной, сохранившейся в ее личном деле, написанной для вступления в партию 17 мая 1945 г. отмечено, что ее муж был расстрелян 12 июля 1941 г. в числе 230 инженеров и техников (ГАБО, ф.1690-п, оп. 1, д.729, л. 4).

[У] матери ночью, как назло, разболелась рука. И вот пришло «знаменитое» 7 ноября, этот праздник всех народов Советского Союза, мы празднуем на захваченной немцами территории, в подземелье, в так называемой «малине».

«Малина» – это яма, вырытая людьми под домом или так где-нибудь невдалеке от дома, и вот в этой «малине» сидело около 26 человек.

День удался очень хороший, морозное утро, понемногу падает снежок. [В] 7 часов утра мы уже все на ногах. Я стараюсь как-нибудь узнать, что делается на дворе. Только я выхожу за калитку и вижу, что весь район оцеплен немцами и их холуями – полицаями. Я попробовал выйти из-за калитки, меня не пустили. К нам приходят люди и говорят, что берут всех без разбора и увозят их за город, а там расстреливают. По правде сказать, меня это очень взволновало. Я думал, неужели на этом дне кончается моя жизнь. Моя мать всех убеждала в том, что это не погром, что это не может быть. Но мы все понимали, что день смерти пришел.

4 часа дня. Все мы сидим и ожидаем своей гибели. И вот появились зеленые смертоносные гестаповские шинели[7]. Нас всех околотило. Моя мать говорит, что это пришел конец. И вот открывается дверь и слышен паршивый собачий голос: «Люс» (зн[ачит]: «Вон»). Мы все, скрежеща зубами, вышли на двор. Стали в колонну «смерти». Какие только зверства не выбрасывали немцы. Эти зверства я не могу описать. <[Маленьких] детей [забра] сывали в маши[ну], [от]рывая от груди [мате]рей. Одного [боль]ного принесли. [Взяли] [о]деяло за четыре [кон]ца и размах[нув]шись вбросили [в] машину. Поганые […][8]. Желая [ск]рыть свои [преступ]ления, плотно [за]вешивали окна [ма]шин, чтобы население не знало, [что] везут мирное [насе] ление>[9]. И вот нас выводят к площади, где стоят машины «душегубки»[10]. С нами была еще моя двоюродная сестра Люба, красивая, чернобровая 17-летняя девушка. Немцы работающих у себя служащих отпускали, особенно сапожников, портных и […][11], <это было на первых порах, ибо им они нужны были>. Люба, вспомнив об этом, подошла к немцам и сказала, что наш отец сапожник, полицейский <объяснил это немцу жестами, и тот нас ставит в сторону>. Мы отошли в сторонку, образовали колонну рабочих. В этой колонне уже стало человек 200.

---

[7] Исполнителем ноябрьской акции в минском гетто была зондеркоманда 1b айнзатцгруппы А, прибывшая из Риги (руководитель – Э. Эрлингер), литовский полицейский батальон (2-й, а с ноября 1941 г. – 12-й литовский полицейский батальон майора А. Импулявичуса), белорусские и украинские полицейские формирования.

[8] Слово неразборчиво.

[9] Рукописный текст размещен по левому краю листа.

[10] «Душегубки» – автофургоны с герметически закрывавшимся кузовом, внутрь которого выводилась выхлопная труба автомобиля для умерщвления загнанных в кузов людей. Нет достоверных данных об использовании «душегубок» в ноябрьской антиеврейской акции в г. Минске.

[11] Слово неразборчиво.

Людей всех уже вывезли, а машины идут и идут пустые. Ну, думаю, настал конец. Но вот вновь неожиданное: «Люс да гаузы» (зн[ачит]: «Вон домой»). Мы с радостью побежали, хотя и было скользко. Некоторые от радости целовали этим собакам руки. Я это не мог переваривать, я не мог смотреть, как люди унижаются перед этими людоедами.

Пришли мы домой. Много человек недосчитались мы, когда пришли домой, они были схвачены и расстреляны немецкими мерзавцами.

<[Пос]ле этой резни мам[а] решает ма[ленько]го братика [Роми]ка сдать в [русс]кий дет[ский] дом, а […][12] ушли из [гетто], пока найдем [парти]зан.> 24.11.41 – [этот] день мне никогда [не] [за]быть, я отвожу [брати]ка по договоренности [к] [о]дной женщине. [Она] уводит Ромика [как] найденного в […][13]. Сколько […][14] плакал. Итак, уже остается […][15]. Но уйти [мы] не смогли. Не удается сделать русский [паспорт]>[16].

Легли мы спать. Утром встали, полицейских уже нет. Мы собрались и пошли домой. Соседи нас давно похоронили. На нашей улице погрома не было. После всего случившегося я решил пойти на работу. Сначала я работал на бойне, а потом на железной дороге по очистке снега. Работал я с большой ненавистью к зарвавшимся фашистам, но у меня другого выхода не было. С каждым днем мы узнавали все большие и большие зверства над врачами и другими учеными. Немцы казнят проф[ессора] Ситермана[17], доктора […][18] и многих других врачей гор. Минска.

1941 год проходит

1942 год

I глава

Настает новый 1942 год. В первых числах января у нас начинают скрываться партизаны. Подходят январские дни. 18 лет без Ленина. 18 лет тому назад умер великий гений человечества Ленин. Этот день мы все встречали в загороди колючей проволокой. Под гнетом немецкого фашизма мы не можем как следует отпраздновать этот траурный праздник.

---

[12] Два слова неразборчиво.

[13] Слово не читается.

[14] Слово не читается.

[15] Слово не читается.

[16] Рукописный текст размещен по левому краю листа.

[17] Л. Я. Ситерман (1894–1941) – доктор медицинских наук, профессор. Заслуженный деятель науки БССР. Погиб в минском гетто.

[18] Фамилия неразборчива.

После первого погрома мать стала добиваться, чтобы сделать русский паспорт. Она продает много вещей, но русский паспорт <еще не сделан>. Мы еще были в гетто. В Минске продолжаются облавы на людей, жуткие расправы над специалистами. Городская тюрьма (по Володарской ул.) была переполнена различными советскими людьми.

Глава II

2 марта немецкие людоеды повторили свое зверство. Вновь погром. Я работаю на железной дороге. Мать не работала. Она была дома. Да, я забыл рассказать, что Ромика мы определили в русский детдом. Немецкие людоеды начали свои хищнические расправы над населением. Мать моя попала опять в колонну безработных, которых немцы вели на расстрел. Нас, работающих, как обычно, погнали домой. Я пришел домой, никого нет. Мне второй раз посчастливило жить. Еще бы пять минут и меня бы захватили тоже. Но мать моя не растерялась, она бежала из колонны. Прошло еще 20 дней в гетто, <паспорт уже готов>. Мы перебрались жить к нашим лучшим знакомым […][19] на русский район. Жили мы всего один месяц. За нами начали следить. 2 мая рано утром в часов так 5, мы двинулись в путь. К трем часам мы пришли в Раков (в 35 км от Минска). Мать осталась работать в Ракове <домохозяйкой>, а я попал дальше в деревню […][20]. Впервые за […][21] мне пришлось стать пастухом.

Но я и мать долго не пробыли у одних хозяев, нас не хотели прописывать. И опять пошли по белому свету странствовать. Пришли в Восточную Белоруссию. Мать осталась работать в Малявках, а я пошел опять в Зап[адную] Белоруссию на хутора Францишково[22]. Жил я у хозяина сначала неплохо: пас коров, а потом работал по хозяйству, но к концу года, когда стали появляться партизаны, хозяин начал надо мной издеваться, и я решил во что бы то ни стало уйти в партизаны.

1943 год

Глава I

<[В] [де]кабре 1942 г. [мама] приходит ко мне и по [секре]ту говорит, что уже уходит [в пар]тизаны, связь она наладила […][23], а потом [при]дет за

[19] В тексте неразборчиво.
[20] В тексте неразборчиво.
[21] В тексте неразборчиво.
[22] Возможно, имеется в виду хутор Францишково Воложинского повета.
[23] В тексте неразборчиво.

мною>. Я прожил у хозяина до 8 февраля. Ко мне приехала мать 8 февраля с партизанами и забрала меня в отряд имени В. Чкалова. В отряде мы пробыли не долго, до 4 мая. Меня взяли в ученики за наборщика в обком. Этой наукой я очень быстро овладел. Теперь уж я настоящий наборщик, сам могу сделать газету.

Наука эта мне очень понравилась. И так мы прожили спокойно до 14 июля. 14 июля немцы заблокировали пущу. Начался «марафон»[24]. Но мы хорошо вышли. Лазили по болотам, маневрировали по всей пуще. С немцами нам не пришлось столкнуться. 5 августа эта «катавасия» кончилась. Подходят праздники Октябрьской революции. Теперь уже я праздновал 7 ноября в партизанах.

1944 г.

Глава I

Новый год. 1 января 1944 года.

Этот день мы провели особо хорошо, ребята привезли водку, все мы выпивали. В этот вечер у нас играло радио, тогда я впервые узнал мотив нового Государственного Гимна СССР[25].

II глава

Это я описывал воспоминания прошлого, а теперь я <начинаю вести дневник по порядку>.

23 февраля. Исполняется 26 лет со дня создания Красной Армии. День удался очень хороший: светит солнышко, идет снежок. Мы встали очень рано, потому что надо было во чтобы то ни стало скорее набирать приказ тов[арища] Сталина[26]. В 4 часа дня у нас уже были набраны 2 страницы. В половине пятого мы пошли справлять 26-ю годовщину Красной Армии к земляку секретаря обкома. Он нас пригласил, как лучших своих друзей. Там мы выпивали, закусывали. Потом пришел баянист, ребята танцевали, пели. В общем, 26-ю годовщину Красной Армии мы встретили очень хорошо. В 12 часов ночи мы легли спать, а Борис[27] стал набирать приказ тов[арища] Сталина.

---

[24] Партизанский «марафон» — это выход с блокированной немцами территории.

[25] Слова и музыка гимна СССР были утверждены 14 декабря 1943 г. Впервые новый гимн был исполнен в ночь на 1 января 1944 г.

[26] Имеется в виду Приказ Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина № 16 от 23 февраля 1944 г. по случаю 26-й годовщины Красной Армии.

[27] Имеется в виду Б. Я. Перельман.

24 февраля. Борис работал до 6 часов утра, а я встал только утром, потому что я был еще пьян от вчерашнего. В эти дни у нас произошло что-то невероятное. За 2 дня мы выпустили четырехстороннюю газету, и притом не только областную «Чырвоная звязда»[28], но и молодежную «Молодой мститель»[29].

Перед обедом Бориса напоили, и он не мог дальше оформлять газету, пришлось мне самому. Но ничего. Поработав немного, я кончил газету к сроку. Вечером Миша[30] отпечатал. Я сидел, писал свой дневник, входит Борис и говорит: «Наши войска заняли город Дно». Все мы очень обрадовались. Через час мы узнали еще лучшую новость, что войска 1-го Белорусского фронта, перейдя в наступление, заняли город Рогачев.

Вдруг, в часов так 11-ть загудел самолет. Это он пришел к нам на выброску и сбросил нам боеприпасы. Все-таки Москва о нас не забывает.

25 февраля. Сегодня мы все встали как обычно в 9 часов утра. Приступили к окончанию молодежной газеты. Мы кончили быстро. Я сегодня поругался с Борисом, а так как у нас это бывает часто, я особенно не огорчился. Через 10 минут мы […][31] опять разговаривали, как будто ничего и не было.

Сегодня мы впервые за все время отдыхаем. Борис с Мишей попали в оружейную мастерскую, и я с нетерпением жду вечера, чтобы скорее узнать, что делается на фронтах.

Пришел вечер. Я пошел слушать радио. Мне очень понравилась передача «Краснофлотский час». Там передавали, как молодые комсомольцы военно-морского флота борются с немецкими душегубами. Пришедши с радио, я покушал и лег спать.

26 февраля. Особенных изменений не произошло. Опять, как и всегда, набор. Сегодня набирали районную газету Воложинского райкома «Искра»[32]. День сегодня очень скучный. На дворе оттепель, слякоть, идет снег. От такой погоды хочется спать.

---

[28] «Чырвоная звязда» – орган Барановичского подпольного обкома КП(б)Б. Издавалась с апреля 1943 г. по июль 1944 г. Всего издано 95 номеров. Редакторы – Г.А. Старовойтенко, Г.В. Будай.

[29] Речь идет о газете «Молодой мститель» – органе печати Барановичского подпольного обкома ЛКСМБ. Первый номер газеты был отпечатан 2 декабря 1943 г. типографией Щучинского межрайпартцентра. Последующие номера газеты печатались в Налибокской пуще в типографии облцентра. Редактором газеты был назначен Г. И. Гужавин, начальником типографии стал присланный из Москвы с группой В. Е. Чернышева Б. Я. Перельман. Наборщиками и печатниками типографии стали Борис Перельман, Михаил Радкевич и Геннадий Левин. Второй номер газеты вышел 23 декабря 1943 г. Всего в 1943 г. вышло два номера «Молодого мстителя», в 1944 г. – 28 номеров. Газета выходила до конца июня 1944 г.

[30] Имеется в виду М. Радкевич, который работал печатником. Г.Левин занимался набором и версткой газет и листовок.

[31] Слово неразборчиво.

[32] Газета «Искра» – орган Воложинского подпольного райкома КП(б)Б Барановичской области. Из-

Глава III

4 марта.

Все эти дни у меня особого интересного не было.

Только у нас случилось большое несчастье – заболел Борис, и мне приходится одному набирать. К нам приехал новый редактор. Сегодня мы отдыхаем. Работы пока нет. 2 марта исполнилось 2 года, как мы спаслись от второго погрома, два года, как озверелые фашисты расстреляли мою двоюродную сестру Любу. Этот день будет помниться мне и всем тем, кто был на краю гибели.

Подходит 8 Марта. Международный женский день. Этот день мы будем встречать с новыми победами над заклятым фашизмом.

Сегодня читал очень хорошую книгу – «Комсомол в боях за Родину»[33]. Эта книга на меня произвела очень хорошее впечатление. У меня еще больше разгорелась ненависть к немецким стервятникам. В 11 часов вечера мы узнали по радио важное сообщение. Войска 1-го Украинского фронта под командованием маршала Советского Союза Жукова, перейдя в наступление, прорвали оборону немцев на фронте 180 км, в глубину 25-30 [км]. Войска фронта заняли 4 города, 5 районных центров и 500 населенных пунктов. Это сообщение нас всех так обрадовало, что мы не могли о нем наговориться.

5 марта. Сегодня набирали листовку к польским легионерам[34]. После вчерашней сводки я с нетерпением жду вечера.

6 марта. День прошел в работе. Вечером наши девушки пригласили нас к себе на вечер. 8 Марта мы очень хорошо провели. Девушки пригласили баяниста, все танцевали, пели. У нас в лагере произошел несчастный случай. В пьяном виде один боец ранил второго. Миша был очень пьян.

10 марта. Вечером слушали важное сообщение. Войска 2-го и 3-го Украинского фронтов перешли в наступление.

11 марта. Утром мы печатали листовку к белорусам. В час дня разведка доложила, что на пущу движутся немцы. Мы, долго не думая, спрятали все. Немного погодя объявили тревогу. Все мы сидим и ожидаем «товарища немца». Но через некоторое время мы узнали, что наши славные отряды отогнали немцев. Вечером пришлось все достать и печатать листовку. Спать легли в час ночи.

давалась с августа 1943 г. по июль 1944 г.

33 Имеется в виду сборник рассказов о комсомольцах-героях «Комсомол в боях за Родину» (Москва, 1942).

34 Польскими легионерами именовали солдат Армии Крайовой.

14 марта. Дни у нас очень однообразные, а потому особенного нет чего писать[35]. Сегодня вечером ребята принесли гитару, они играли и пели. В 10 часов мы узнали важное сообщение – о взятии города Херсона и форсировании реки Днепр.

18 марта. Вчера мы справляли годовщину образования Барановичской области[36]. Годовщину отпраздновали очень хорошо. Эти четыре дня мы все так же работали и писать было нечего. Сегодня в 6 часов было комсомольское собрание. На повестке дня принимали в комсомол.

22 марта. Все эти дни, как и всегда, у нас работа. В этом году очень интересная зима. Январь и февраль были теплые, а март стоял очень холодный. Все эти дни шел снег. Вчера был хороший морозец.

23 марта. День сегодня очень хороший, светит солнышко. Работы пока у меня нет. Я сижу и мечтаю, как я жил до войны. У меня в […][37] голове переворачиваются всякие мысли: школьная жизнь, Дворец пионеров, кино, театры и вообще все прошедшее. Но что же можно сделать – война. Теперь уж я комсомолец. 7.04.43 г. меня принимали в комсомол. В своем заявлении я клялся, что до последней капли крови я буду драться с немецкими насильниками. Я буду мстить за отца, за брата, за сестру и за всю Советскую Родину.

25 марта. Сегодня мы узнали очень хорошую новость. Наши партизаны держали бой с немцами. Этот бой длился более 6 часов. Партизаны убили 40 мерзавцев, взяли очень большие трофеи: 10 пулеметов,10 автоматов, одно противотанковое ружье и много личного оружия. Отбили 25 повозок с добром. Другие партизаны разбили гарнизон [в местечке] Мир, все оттуда ушли, побили много полиции. Эти оба боя произвели на нас очень хорошее впечатление. Я с большой охотой набирал этот материал. В 9 часов вечера слушал приказ тов. Сталина о взятии города Проскуров.

28 марта. Сегодня мы очень рано встали. Было задание, чем пораньше набрать сводку о выходе наших войск на Государственную границу. В 9 часов утра она уже была готова. Вдруг к нам пришли и объявили тревогу. Около пущи собралось всякой своры: украинцы, казаки, легионеры и другие. День удался очень хороший. Как на несчастье моя мать заболела. Она не может ходить. Но мы пока сидим спокойно, наши славные отряды пошли навстречу гитлеровским […][38].

---

[35] Так в тексте.

[36] Барановичская область была создана 4.12.1939 г. Вероятно, речь идет о годовщине создания Барановичского облцентра КП(б)Б. Члены Барановичского подпольного обкома КП(б)Б приземлились на партизанском аэродроме бригады «Железняк» возле Бегомля в ночь с 17 на 18 марта 1943 г.

[37] Слово неразборчиво.

[38] Слово неразборчиво.

29 марта. Кончается март месяц. Начинается апрель. […][39] С каждым днем все лучше и лучше. Три дня подряд, как наша армия занимает областные города – Каменец-Подольск, Николаев и десятки районных центров, тысячи населенных пунктов. Кончается март.

1 апреля. День обмана. Эти дни у нас изобрели новую штуку[40]. Мы напечатали брошюру в 16 страниц.

4 апреля. Утром, как обычно, встали в 9 часов утра. Я затопил печь, сходил за сводкой и стал набирать.

Начинаются весенние дни, поют птички, на улице грязь. Солнышко уже начинает пригревать. Эти дни мне напоминают много о чем. Я уже кончил работу. Теперь я лежу и мечтаю о будущем – как я буду работать, или учиться. Думаю уже о семейной жизни, как лучше поставить жизнь. У меня лично есть некоторые плохие черты характера, и я думаю, как бы их быстрее исправить. На улице очень хорошо, и я спешу выйти погулять.

7 апреля. На улице сухо. В окна землянки проникают лучи яркого весеннего солнца. Прилетели птички. Соловей уже заводит свою любимую мелодию. Эх, как приятно такой погодой посидеть на дворе и поговорить с товарищами о фронте, о делах наших партизан.

Работы пока нет, но надеюсь, что скоро будет.

10 апреля. Все так же работаем. Сегодня мне починили сапоги. Миша наш […][41] одну девчонку. И, по правде говоря, мне тоже хочется с кем-нибудь погулять, т.е. провести культурно время.

12 апреля. По правде говоря, я сегодня очень замучился. Кончил работу очень поздно. Вчера было 2 самолета. Сбросили груз, свежих газет. Сегодня, надеюсь, тоже будет, так как погода стоит очень хорошая. Сижу на дворе. Тихий апрельский вечер. Яркие лучи солнца сушат землю.

Наше командование решило переехать в другое место. Теперь у нас чемоданное настроение.

14 апреля. К сожалению, самолета не было. Кругом разлило реки. Тает земля. Из леса некуда выехать и поэтому мы сидим пока на месте. Вчера был какой-то день, что начиная с 8 часов и до 10 было передано три приказа[42].

Все мы с большим подъемом следим за наступлением наших войск на Украине и в Крыму. Красная Армия всеми силами взялась за Крым, чтобы весной произвести посев.

---

39 Предложение не читается.

40 Так в тексте.

41 Слово неразборчиво.

42 Так в тексте.

День сегодня пасмурный и хочется после 8-часовой работы немного отдохнуть. Сегодня у нас было комсомольское собрание. На повестке дня была подготовка к 1 Мая. Я делал отчет своей работы, что проводил с комсомольцами. После собрания была музыка. Все пели, танцевали до 12 часов ночи. Баянистом у нас Юра Л. из отряда «За Советскую Родину»[43].

15 апреля. Был в бане. Только пришел. Вдруг прибегает Дима и говорит, что сейчас будет приказ. Наши войска взяли город Тарнополь. Теперь я сажусь ужинать.

16 апреля. Вчера вечером мы изучали пистолет. Сегодня будем изучать ППШ. Кончил я работу. Думаю идти погулять. Стоит хороший солнечный вечер. Нагулявшись, иду в мое заветное место – к девчатам.

18 апреля. Позавчера занятия не состоялись, так как инструктора не было дома. Вчера изучали ППШ. Все комсомольцы и комсомолки хорошо научились обращаться с автоматом. После занятий мы спели пару песен и разошлись по землянкам.

20 апреля. Морозное, апрельское утро. Сегодня у меня был серьезный конфликт, короче говоря, без объяснений, мы с ним[44] очень сильно поругались, дошло даже до драки.

Только кончил работу в 6 часов вечера. Сегодня набирали очень важный материал – обращение белорусского правительства[45].

23 апреля. Погода очень скверная. Как и обычно был рабочий день. Готовимся к 1 Мая. Из дому нет куда выйти – идет дождь. 21 апреля наше начальство поехало на А., но, как назло, испортилась погода.

25 апреля. За эти два дня было 2 самолета и сбросили очень хороший груз.

26 апреля. Ночью был опять самолет. Прибыли свежие газеты «Правда», «Известия» и «Советская Беларусь». Из этих газет мы много чего узнали. Очень интересно и полезно для партизан и населения.

1 мая. День 1 Мая мы справляли очень хорошо. В 3 часа ночи я и Борис встали набирать приказ[46]. К 8 часам утра он был набран. День был как по заказу. В 12 часов дня состоялся торжественный митинг. После митинга был обед. «Пришел Юра!», – слышно из улицы. Все бросили кушать и пошли танцевать.

День 1 Мая провели очень хорошо.

---

[43] Отряд «За Советскую Родину» бригады им. В.П. Чкалова. Командир – И. Н. Стрельцов.

[44] Из текста дневника непонятно, о ком идет речь.

[45] Вероятно имеется в виду обращение СНК, Президиума Верховного Совета БССР и ЦК КП(б)Б «К населению временно оккупированных немецкими захватчиками районов Советской Белоруссии» об усилении борьбы по срыву немецкой мобилизации в «Белорусскую краевую оборону».

[46] Имеется в виду Приказ Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина № 70 от 1 мая 1944 г. в связи с празднованием 1 Мая.

2 мая. Сегодня еще все продолжают пьянствовать. Я пока отдыхаю. Миша был очень пьян.

4 мая. Вчера был «осенний день»: дождь идет, на дворе холодно, нет куда деться. Наша землянка тоже течет. И поэтому я странствую от одной землянки до другой.

Сегодня день стал хороший. Начинаю работать.

6 мая. Светлый солнечный майский день. В эти дни мне хочется жить по-новому. Там, в тылу, теперь, так же как я [когда-то], сдают испытания в школах, переходят в другие классы. А мы тут работаем, забыли уже о школах, о всем прошлом. Все эти дни у меня, как и у Информбюро, ничего существенного не произошло.

9 мая. Вчера был самолет. Сбросили много груза: патрон, толу и др. Сегодня мы узнали, что наши войска опять перешли в наступление в Крыму.

11 мая. Сегодня наши войска очистили полностью Крым и заняли город Севастополь.

12 мая. Утро. Небо прозрачное. Теплые ласковые лучи солнца согревают землю. На небе нет ни одной хмаринки и вот в этот солнечный день у нас выходной.

16 мая. Сегодня у нас произошла радостная ночь […] самолет [сел] на площадку, и наши все улетели.

27 мая. Все это время я болел. Болезнь была очень тяжелая. Меня успокаивало одно: к нам все это время прилетал самолет на посадку. Начиная с 22 мая, я сижу тоже на аэродроме и жду.

28 мая. Сегодня ночью я улетел… [В] 4 часа утра я уже на Большой земле. Прилетели мы в Гомель.

7 июня. Все это время я был очень занят. Оформлял документы и ходил целыми днями. Нашел я очень много знакомых моего отца. И вот 4 июня я уехал по путевке в дом отдыха им. Коминтерна в гор. Пушкино. Теперь я буду отдыхать до 26.06.44 г.

11 июня. Отдыхаю. В доме отдыха очень весело. Каждый день пускают кино, играем в волейбол, иногда бывают концерты.

Источник:
Архив ИРИ РАН, ф.2, р.VI, оп.17, д. 4б, л.1-14.

Библиография

Государственный архив Брестской области (ГАБО), ф.1690-п, оп.1, д. 729.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

В. Месамед

Иудаика в журнале «Центральная Азия и Кавказ»

На состоявшейся в Москве XX Международной конференции по иудаике (3-5 февраля 2013 г.) впервые был проведен «круглый стол» редакторов научных периодических изданий. Присутствие на нем нескольких десятков человек, чья деятельность связана с журналами, освещающими самые различные направления комплексной науки иудаики – историю, философию, Холокост, искусство, библейские исследования, историю еврейских общин, проблемы иудео-христианских и иудео-исламских отношений и др., показало обилие специальных изданий. Однако подобная тематика отражается и на страницах неспециализированных журналов. Одним из них является «Центральная Азия и Кавказ», который издается с 1995 г. в шведском городе Лулео. Издание позиционирует себя как журнал социально-политических исследований и выходит ныне ежеквартально. Оно учреждено группой политэмигрантов из стран Центральной Азии как независимое издание, освещающее социально-политические и культурные процессы в странах региона и не имеет отношения к какой-либо конкретной партии или движению. В своей деятельности журнал, возглавляемый с первого номера и по сей день его главным редактором Мурадом Эсеновым, категорически не приемлет призывы, нарушающие базовые принципы международных правовых документов, идеи расового, национального или религиозного неравноправия, отвергает призывы к насилию. Почти с самого начала издания журнала были созданы бюро в странах региона, а также в Европе, Северной Америке, на Дальнем и Ближнем Востоке. Бюро на Ближнем Востоке, которое я имею честь возглавлять с апреля 1997 г., располагается в столице Израиля – Иерусалиме. Именно оно координирует публикацию материалов по иудаике. Тематически они разделяются на две группы: публикации о еврейских общинах в странах Центральной Азии и на Кавказе и проблемы диалога Израиля со странами региона.

В журнале достаточно подробно анализируются вопросы современного состояния еврейских общин в странах Центральной Азии и Кавказа. Затрагивается и малоисследуемая тематика. Так, положительный резонанс имела опубликованная в журнале статья Е. Рейхер о песенном фольклоре бухарских евреев (1999, №1). Действительно, музыкальная культура бухарских

евреев является значительной и самобытной ветвью культуры восточной еврейской диаспоры. Она до сих пор остается малоизвестной, в отличие от культур йеменской, марокканской и других еврейских общин Востока, которые изучены в гораздо большей степени. В этом и ценность статьи. В настоящее время народное творчество бухарских евреев стоит перед угрозой ассимиляции. Музыка обрядов и религиозных праздников, неизученная и незафиксированная в нотных текстах, обречена на постепенное исчезновение по мере того как уходят носители ее традиций – народные певцы и инструменталисты. Усилия исследователей должны быть направлены на то, чтобы не потерять этот своеобразный и ценный пласт наследия народной культуры. Так же как и бухарско-еврейский язык, перспективы существования которого рассмотрены в статье В. Месамеда «Бухарско-еврейский язык: что впереди?» (1999, №3). Как отмечается в этой работе, интенсивно проходящие в течение последних лет процессы эмиграции еврейских общин из республик бывшего СССР, в частности, центральноазиатского региона, по всей видимости, приведут к исчезновению яркого и красочного мира восточных еврейских общин, бывших неотъемлемой частью здешней истории. Имеется достаточно много оснований говорить о фактическом прекращении в течение нескольких ближайших десятилетий существования в Центральной Азии бухарско-еврейской общины. Фактический исход ее из региона неизбежно отразится и на судьбе языка. Даже при условии проживания бухарских евреев компактными группами в Израиле, США, Канаде, некоторых других странах, их язык неминуемо утратит полноту функционирования, лишившись корней и естественной среды обитания. Оставаясь языком преимущественно устного и домашнего общения, он постепенно выйдет из употребления. Социально активная часть бухарских евреев еще до отъезда из региона Центральной Азии перешла на русский, практически не пользуясь родным языком. Динамично протекают процессы дальнейшей смены языка – на иврит (в Израиле), английский (в США и Канаде) и др. И хотя бухарско-еврейская речь, пишет автор, все еще звучит сегодня в значительной мере в обезлюдевших еврейских кварталах Бухары, Самарканда, Ташкента, Маргилана, их нынешние обитатели, вероятнее всего, являются последними поколениями носителей этого языка, имеющего на своей иранской основе обширный пласт древнееврейской (ивритской) лексики, слов арабского, узбекского, русского и других языков. На бухарско-еврейском создана значительная литература, развивавшаяся как в регионе Центральной Азии, так и в Иерусалиме, где в конце XIX в. образовался своеобразный круг литераторов, творивших на этом языке и издавших там за два десятка лет примерно 100 книг, в том числе ряд переводов – Библии, другой еврейской религиозной литературы, произведений мировой литературной классики. С

начала 1920-х гг. – с созданием в Центральной Азии системы школьного образования на бухарско-еврейском языке – определенный стимул к развитию получила и национальная культура, театр, пресса. Однако с конца 1930-х гг. в эпоху сталинского террора было прекращено школьное обучение на бухарско-еврейском, закрыты все национальные культурные учреждения, прекращено издание прессы и литературы. Коммуникативные функции бухарско-еврейского языка в регионе Центральной Азии были сведены практически лишь к устному общению. В настоящее время этот язык продолжает функционировать в сфере массовой информации лишь в Израиле, где на нем с 1972 г. ведется в небольшом объеме радиовещание и издается литература. Пресса на бухарско-еврейском языке ограничивается ныне лишь выходящим с 1973 г. в Израиле журналом *«Ѓа-тхия»* и, частично, «Бухарской газетой», где на нем публикуется часть материалов. Автор статьи подчеркивает, что реальная угроза исчезновения бухарско-еврейского языка в регионе традиционного бытования делает чрезвычайно насущной задачу как можно более полной фиксации его лексики. Самый эффективный путь – издание словарей, как переводных, так и толковых. Именно поэтому подлинным событием в культурной жизни бухарских евреев следует считать выход в свет самого полного в истории бухарско-еврейской лексикографии словаря, составленного известным ученым, автором ряда книг и научных статей, директором службы вещания на языке бухарских евреев израильского радио *«Коль Исраэль»* д-ром Йосефом Гулькаровым. Солидный объем словаря – более 10 тыс слов и выражений – является еще одним убедительным аргументом в пользу до сих пор оспариваемого некоторыми специалистами-иранистами мнения об автономности и самостоятельности бухарско-еврейского языка в ряду близкородственных ему таджикского, дари и фарси, наглядно демонстрирует только ему присущие особенности в области словарного состава, морфологической парадигматики, подчеркивает синтаксическую индивидуальность. Социолингвистическую самостоятельность этого языка еще раз подчеркивает в предисловии к словарю один из крупнейших современных исследователей истории и культуры бухарских евреев, профессор Еврейского университета в Иерусалиме Михаил Занд.

Серьезная тревога по поводу неуклонного уменьшения другой самобытной общины – евреев Грузии – прозвучала в статье Э. Квирикашвили «Эмиграция грузинских евреев в Израиль» (2003 г., №3). Действительно, евреи живут в этой стране предположительно с VI в. до н. э. Этому имеются доказательства археологических раскопок. Община за многие века выработала особый уклад жизни и четко выраженную национально-этническую самоидентификацию, определила свое место в истории и культуре Грузии. При достаточно сильной интеграции с грузинами евреи не подверглись то-

тальной ассимиляции. В Грузии отсутствовала причина, способствовавшая эмиграции еврейского населения – антисемитизм. Однако, когда в июне 1969 г. появилась возможность выехать из Советского Союза, первую группу евреев составили именно грузинские евреи, причем в большом количестве. До 1974 г. из Грузии на историческую родину выехало около 30 тыс человек, то есть больше половины общины. Как считает Э. Квирикашвили, важнейшим импульсом к возвращению на историческую родину явилась Шестидневная война в июне 1967 г., повысившая самосознание грузинского еврейства, вдохнувшая в людей гордость за свое происхождение. Еще почти 20 тыс евреев Грузии выехали в Израиль в 1990-х гг. Росту эмиграции в эти годы способствовали экономический кризис в Грузии, в том числе безработица, а также разгул преступности. Стабилизация политической и экономической жизни в стране и сокращение потенциала миграции определили снижение ее темпов к настоящему времени.

Одна из публикаций – статья проф. К. Лернера – исследовала процесс укорененности евреев Грузии на своей новой родине (1993, №3). Оказывается, поколения лидеров общины выработали систему неписаных норм, регулировавших отношения с коренным населением и государством. Эта исторически доказавшая свою эффективность система с полным основанием может быть названа «стратегией выживания», которая, с одной стороны, предусматривала и допускала участие представителей общины в различных сферах культурной и социально-экономической жизни страны, а с другой – обеспечивала сохранение этно-религиозной самобытности еврейского микросоциума. Вовлеченность в общественно-экономические отношения неизбежно и закономерно приводила к глубокой культурной адаптации отдельных представителей и всей общины в целом, однако грузинские евреи, разделяя с грузинами судьбы страны, сохраняли принадлежность к общине, а через нее – и сознание своей принадлежности к еврейскому народу в целом. «Аккультурация без ассимиляции» – именно этой противоречивой на первый взгляд формулой можно определить всю историю общины.

В соседней стране – Азербайджане – еврейское присутствие документировано, начиная с XII в. В статье М. Беккера «Евреи в Азербайджане: история и перспективы» (2000, № 2(8)) прослежена многовековая история местных еврейских общин. Побывавший здесь в средние века знаменитый еврейский путешественник Биньямин из Туделы написал о наличии здесь тысячи синагог. Впоследствии еврейские общины Азербайджана переживали как периоды расцвета, так и ослабления своего влияния, что было связано с миграцией и обращением в ислам. В XVIII в. основную массу еврейского населения Азербайджана составляли горские евреи. С 1832 г. в Азербайджане появляется община ашкеназских евреев – выходцев из за-

падных губерний Российской империи. Эта община получила стимул к быстрому развитию после того, как в районе нынешней столицы страны – Баку – была найдена нефть, сыгравшая решающую роль в бурном развитии города. В 1872 г. была начата промышленная добыча нефти, появились новые рабочие места, и поэтому сюда приезжали представители различных национальностей. Уже в 1897 г. в Баку проживало 2340 евреев, в основном ашкеназских. В 1913 г. их уже было 9689 чел. В 1910 г. была построена центральная хоральная синагога. В городе была открыта еврейская сефардская гимназия, школа-иешива для изучения Торы, Талмуда и Мишны. В еврейской школе преподавал знаменитый Феликс Шапиро – автор и составитель первого иврит-русского словаря. Для девочек открываются частные еврейские женские гимназии и училища. В 1910–1913 гг. в Баку было 5 еврейских благотворительных обществ. Бакинское еврейское общество содержало на свои средства синагогу, мужское четырехлетнее и профессиональное женское училища, субботние вечерние классы и общественную библиотеку. Все учебные заведения общества помещались в синагоге, при этом дети из малоимущих семей бесплатно получали одежду, обувь и учебные пособия. До конца 1930-х гг. в Азербайджане существовали школы, где обучение велось на еврейских языках. В Красной Слободе таких школ было две, в Баку одна. Со временем сталинская национальная политика, направленная на создание новой общности – советского народа, привела к закрытию еврейских религиозных школ, синагог и общеобразовательных структур.

По окончании Великой Отечественной войны количество еврейского населения Азербайджана значительно возросло. Это было связано с переселением сюда большого числа беженцев из Украины, Молдавии, Белоруссии, Прибалтики и России. В 1959 г., по данным Всесоюзной переписи населения, в Азербайджане проживало 29716 ашкеназских евреев и около 13 тыс. горских и грузинских евреев. В 1989 г. началась массовая алия евреев Азербайджана в Израиль, имевшая своим следствием резкое уменьшение еврейской общины страны. К таким же выводам на примере Узбекистана приходит М. Дегтяр в статье «Евреи Узбекистана – конец эпохи?» (2001, №4).

Из публикаций, посвященных горским евреям, отметим статью об их этнической идентификации, которую написал И. Семенов (2003, №3). Эта особая субэтническая группа сформировалась на Восточном Кавказе. Она говорит на так называемом еврейско-татском языке, в основе которого лежит диалект среднеперсидского языка, используется значительный пласт лексических заимствований из арамейского и древнееврейского. В этнокультурном отношении горские евреи – неразрывная часть иранского еврейства. Их численность составляет порядка 60–70 тыс. чел. Согласно

теории проф. М. А. Членова, горские евреи как субэтническая группа являются неотъемлемой частью единого целого – еврейского народа, или еврейской цивилизации (квазицивилизации). Как подчеркивает И. Семенов, каждая еврейская субэтническая группа имеет свой собственный, выработанный веками комплекс представлений о том, что значит быть евреем. Горских евреев можно рассматривать как вполне гомогенную группу, выработавшую свои идентификационные критерии и общие особенности в исполнении религиозных обрядов и в религиозных представлениях. Для этой группы характерна ярко выраженная эндогамность. Еще один их идентификационный критерий: они воспринимаются кавказскими этносами именно как евреи.

Серьезно представлена в журнале и израильская тематика. Это в основном статьи, анализирующие разные аспекты отношений еврейского государства со странами Центральной Азии и Кавказа. Стоит обратить внимание читателей на несколько опубликованных в журнале статей, получивших доброжелательные отклики аналитического сообщества. В первую очередь это статья исследователя из Тель-Авивского университета д-ра В. Бабака «Центральная Азия – Израиль: Потенциал и пределы сотрудничества» (1997, №5(11)). Эта работа анализирует расширение влияния Израиля в новых странах исламского мира. Статья подвела итоги первого пятилетия после установления отношений Израиля с независимыми государствами центральноазиатского региона, определила выявившиеся к тому времени болевые точки, дала прогноз продолжения там процессов интеграции.

Вслед за ней журнал опубликовал ряд работ, углубляющих эту тему, конкретизирующих ее на материале отдельных стран. Достаточный интерес представляет статья К. Баучека «Политика Израиля в Центральной Азии (на примере Узбекистана)» (2004, №4). Как указывает автор, мир даже не заметил того, как за относительно короткий период Израиль установил со странами региона тесные отношения, а также надежные связи в сфере безопасности. В итоге Израиль стал достаточно успешным игроком в регионе, имея влияние в разных областях жизни этих государств – от строительства трубопроводов до расходов на оборону. Поэтому, по мере того как развивались центральноазиатские государства, все большее значение приобретало изучение опыта Израиля. Это государство ставило задачей соответствие изменяющейся центральноазиатской реальности. Как считает К. Баучек, главным образом Израиль стремился не допустить объединения стран региона против еврейского государства и укоренения «…бродящего по региону призрака хомейнизма».

Автор, таким образом, выделил следующие внешнеполитические задачи, которые стояли перед Израилем в регионе в 2000-х гг.:

– не допустить распространения влияния Ирана на республики бывшего Советского Союза, основная часть населения которых исповедует ислам;

– изменить восприятие Ближнего Востока как исключительно арабского мира;

– поддерживать и расширять стратегическое партнерство с США;

– сдерживать развитие враждебных режимов и распространение оружия массового поражения;

– содействовать созданию «умеренных» исламских государств;

– обеспечить в регионе защиту еврейских общин и культурных центров.

Проанализировав реализацию планов Израиля в Центральной Азии, автор приходит к выводу, что в Иерусалиме рассматривали укрепление связей со странами региона в качестве важного фактора выживания государства. К. Баучек показывает степень проникновения Израиля в Узбекистан и возможности еврейского государства влиять на ситуацию в республике, приводит факты того, как политическое, экономическое и военное сотрудничество с государствами региона позволило Израилю решить ряд основных внешнеполитических задач. В частности, Тегеран был выведен из конкуренции за регион, страны которого не пошли за иранскими аятоллами, в результате чего антиизраильский исламский фундаментализм не нашел благодатной почвы среди местного населения.

Геополитические проблемы анализируются и в статье А. Велиева «Треугольник Израиль – Турция – Азербайджан: реальность и перспективы» (2000, №2). В нем рассматривается во многом гипотетическая проблема создания нового блока, в который войдут три страны, перечисленные в заголовке, рассмотрены политические, экономические, военные аспекты этого союза, а также «плюсы» и «минусы» вовлечения в него Азербайджана. Как считает автор, за идеей такого союза явно просматривается тень Вашингтона. Создание подобного союза позволит США отстаивать в регионе свои национальные интересы, попутно укрепляя связи с Азербайджаном, который занимает важное место в планах США в этом регионе. Вспомним слова Збигнева Бжезинского: «Азербайджан можно назвать жизненно важной «пробкой», контролирующей доступ к бутылке с богатствами бассейна Каспийского моря». Союза, однако, не получилось, а если бы он и был создан, нынешнее ухудшение отношений между Израилем и Турцией, несомненно, прервало бы его существование. Что же касается Израиля и Азербайджана, то их отношения за эти годы только укрепились. Одним из факторов, работающих в пользу этого, является сочетание их важного геостратегического местоположения и недружественного или враждебно настроенного окружения. Это подталкивает к более широким и тесным взаимосвязям. Таким

образом, сотрудничество Израиля и Азербайджана направлено на противодействие внешним угрозам или на их нейтрализацию.

В статье М. Халифа-заде «Израиль и Азербайджан: противодействие Ирану» (2012, № 3) анализируется иранская угроза, достаточно остро ощущаемая и Израилем, и Азербайджаном. Для еврейского государства Иран открыто враждебен, причем даже на концептуальном уровне, что объясняется идеологией свершившейся там в 1979 г. исламской революции. К этому прибавляется ряд других «вызовов» безопасности, связанных с реализацией военного компонента иранской атомной программы и противодействием мирному решению израильско-палестинского конфликта. Иранская угроза актуальна и для Азербайджана, куда Тегеран стремится экспортировать идеи исламской революции, дестабилизировать политическую ситуацию, пресечь движение Баку в направление дальнейшей вестернизации. Вот почему, как считает автор, сближение с Израилем отвечает национальным интересам Азербайджана.

Таким образом, публикации журнала «Центральная Азия и Кавказ» позволяют читателю представить все разнообразие направлений иудаики как комплексной науки.

М. Малохвей

Российско-израильские отношения – двадцать лет спустя

Рецензия на: Российско-израильские отношения: история и современность: Сб. ст. / Институт востоковедения Рос. акад. наук; Отв. ред. Т. А. Карасова. М., 2012. 279 с.

Сборник «Российско-израильские отношения: история и современность», изданный Институтом востоковедения Российской академии наук в 2012 г., представляет собой подборку научных и аналитических статей, кратких очерков российских и израильских дипломатов, ученых и журналистов, посвященных истории и актуалиям советско-израильских и российско-израильских отношений. Сборник составлен по материалам международной научной конференции «Россия – Израиль: 20 лет восстановления дипломатических отношений», проходившей 24–25 октября 2011 г. в Институте востоковедения РАН. Состоявшееся два десятилетия назад – 18 октября 1991 г. – восстановление дипломатических отношений между СССР и Государством Израиль, разорванных в июне 1967 г., позволило израильской и – в скором времени – российской (уже не советской) сторонам возобновить отношения «с чистого листа». Как отметил в приветственном выступлении директор Института востоковедения РАН профессор В. В. Наумкин, отмечаемый юбилей – это «и хорошо, и плохо»: «Хорошо потому, что это двадцатилетний юбилей восстановления наших отношений, а плохо потому, что их пришлось восстанавливать» (с. 7). Тем не менее, появившаяся в 1991 г. новая «точка отсчета» в истории двусторонних отношений дает хороший повод собрать дипломатов, экспертов, ученых, оценить текущее состояние, проблемы и перспективы развития российско-израильских отношений.

Собранные материалы конференции предваряются вступительными статьями директора Института востоковедения РАН, члена-корреспондента РАН В. В. Наумкина; посла Государства Израиль в Российской Федерации г-жи Д. Голендер; проректора МГИМО(У) МИД России профессора В. П. Воробьева; председателя Российско-израильского делового совета г-на С.А. Улина; президента Международного фонда горских евреев

СТМЭГИ г-на Г. Р. Захарьяева. Предисловие составлено заведующей отделом Израиля и еврейских общин Института востоковедения РАН Т. А. Карасовой.

Во многих выступлениях, прозвучавших на открытии конференции, отмечалось, что Россия и Израиль слишком «разновесные» партнеры: бывшая сверхдержава с глобальными амбициями, достаточно длительной ближневосточной политикой и желанием «вернуться в регион» и небольшое ближневосточное государство, имеющее массу проблем с арабскими соседями и стратегическим партнером России в регионе – Исламской Республикой Иран. Исходя из этого российско-израильские двусторонние отношения, безусловно, не лишены сложностей и разногласий. Вместе с тем, на протяжении двадцати лет отношения между Россией и Израилем развивались достаточно ровно. Среди факторов, способствовавших этому, отмечают наличие взаимных деловых интересов, общих подходов в решении проблем национальной безопасности, относительного постоянства культурных связей и, как выразились отдельные докладчики, некоторого «цивилизационного» сходства. «Может быть, Израиль – это не совсем Восток, тем не менее, Израиль – это страна, которая одновременно находится в нескольких мирах, так же как и сама Россия», – отметил в приветственной речи профессор В. В. Наумкин (с. 7). «Россия и Израиль, несмотря на столь разные масштабы, занимают исторически и по своей политической культуре промежуточное положение между Востоком и Западом. Это ощущается в обеих странах на культурно-цивилизационном и геополитическом уровнях», – указывает Т. А. Карасова. И, наконец, в настоящий момент и России, и Израилю далеко не безразлично, что происходит на Ближнем Востоке и какие трансформации переживает регион после «арабской весны» 2011 г., изменивших расстановку политических сил в арабских странах.

Сборник материалов конференции содержит две части: «История российско-израильских отношений» и «Современная ситуация на Ближнем Востоке в оценках России и Израиля».

Историю российско-израильских отношений, как следует из материалов конференции, ведут от первых контактов Советской России / СССР с «еврейским национальным очагом» в Палестине в 1920-е гг. Так, весьма интересные факты о начале экономической деятельности Советской России и СССР с подмандатной Палестиной приводятся в статье М. Г. Агапова «Торгово-экономические отношения СССР и «еврейского национального очага» в Палестине в 1920–1930-е гг.». Превратившись в 1948 г. в полноценные межгосударственные связи, советско-израильские отношения развивались – пусть с определенными проблемами – до 1967 г. Состоявшийся тогда разрыв дипломатических отношений, однако, не означал полного от-

сутствия общения между СССР и Государством Израиль, поскольку, как подчеркивает Т. А. Карасова, «даже в период отсутствия дипотношений все-таки оставалась тонкая нить межпартийных, гуманитарных и культурных связей между нашими странами» (с. 26).

Советско-израильские отношения после провозглашения Государства Израиль, как, впрочем, и вся ближневосточная политика СССР в конце 1940–1950-х гг. формировались и развивались в условиях глобальной конфронтации. В статье Е. Ю. Усовой «Советский взгляд на Израиль сквозь призму официальной идеологии и атмосферы холодной войны (конец 1940-х – 1950-е гг.)» рассматриваются проблемы становления советско-израильских отношений и причины их стагнации в 1950-е гг., связанные, в частности, с особенностями принятия внешнеполитических решений в СССР. Так, отмечается, что Израиль и иные ближневосточные государства рассматривались советским руководством исключительно «сквозь призму конфронтации с Западом». Основываясь на анализе некоторых документов Архива внешней политики Российской Федерации, автор делает заключение: «Просматривается явная неспособность и нежелание тогдашней советской дипломатии выработать самостоятельную, системную региональную политику, основанную на глубоком знании, понимании и учете региональных реалий» (с. 51), – что приводило к принятию порой импульсивных, необоснованных решений, например, о разрыве дипломатических отношений в 1967 г.

Вопреки негативному влиянию международной обстановки и консерватизму советского руководства, в начале и середине 1960-х гг. все же выдвигались некоторые индивидуальные инициативы, направленные на улучшение советско-израильских отношений, которые, однако, остались нереализованными. Так, Т. В. Носенко в статье «Поиски альтернативы в советско-израильских отношениях (середина 1960-х гг.)» определила два основных фактора, которые могли сработать в пользу потепления советско-израильских отношений в тот период: смена кабинета в Израиле в 1963 г. (новое правительство возглавил Л. Эшколь) и кадровые изменения в Посольстве СССР в Государстве Израиль (назначение послом СССР Д. С. Чувахина), произведенные в 1964 г. В записке посла Д. С. Чувахина, адресованной министру иностранных дел СССР А. А. Громыко, содержались предложения относительно возможности расширения сотрудничества между Израилем и СССР, и отмечалось, что в Израиле есть силы, вполне искренне заинтересованные в улучшении советско-израильских отношений. В качестве таковых назывались «умеренные круги в правительстве Л. Эшкола» и израильские коммунисты (с. 60). В статье А. Е. Локшина «Неизвестный советский документ о Бен-Гурионе, или Предложение профессора Гращенкова» приводится еще одна инициатива, выдвинутая тогда же на неофициальном

уровне, которая, в случае ее принятия, могла бы способствовать некоторому оживлению советско-израильских отношений. Речь идет о предложениях советского ученого-медика, академика Н. И. Гращенкова, изложенных в письме на имя Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева. Предложение профессора Н. И. Гращенкова заключалось в том, чтобы создать Советское общество дружбы и культурной связи с Израилем, которое бы занималось вопросами научного обмена и связями в области образования и культуры (в статье А. Е. Локшина публикуется полный текст этого письма). Эта инициатива была сформулирована после встречи профессора Н. И. Гращенкова с Д. Бен-Гурионом, состоявшаяся в кибуце Сде-Бокер в 1963 г. во время рабочего посещения советским ученым Государства Израиль. Заметим, что, выдвигая подобное предложение, академик Н. И. Гращенков тоже исходил из того, что политические круги Израиля, даже высшего ранга, были заинтересованы в расширении сотрудничества с СССР. Такие инициативы, к сожалению, советское руководство считало «нецелесообразными» либо оставляло без внимания.

Проблема, которая для Государства Израиль была вопросом «жизненной необходимости» и особым предметом в отношениях с Советским Союзом, и, соответственно, стала инструментом советской внешней политики – это еврейская эмиграция из СССР. Советское руководство хоть и поддержало создание Государства Израиль, однако, вопреки ожиданиям, не рассматривало СССР в качестве источника массовой еврейской эмиграции. В период холодной войны «еврейский вопрос» в СССР и проблема выдачи разрешений на выезд в Израиль стали еще и предметом советско-американских отношений. Эти проблемы рассматриваются в статьях А. Д. Эпштейна «Национальный аспект межгосударственных связей: еврейский фактор в советско-израильских отношениях» и И. В. Масюковой «Еврейская иммиграция в контексте советско-израильских отношений». Как следует из названных выше работ, проблему эмиграции евреев из СССР следует рассматривать одновременно и как вопрос государственной политики, и как предмет политического торга сверхдержав в период холодной войны, и, разумеется, как проблему в советско-израильских отношениях на всем протяжении их развития, в том числе после разрыва дипломатических отношений в 1967 г. А. Д. Эпштейн обращает внимание на то, что внутри СССР работала пропаганда, целевой аудиторией которой были советские евреи, а в 1960-е – 1980-е гг., особенно после разрыва дипломатических отношений, в СССР наблюдался всплеск израилеведческих публикаций, предназначенных той же массе читателей. По его словам, «израилеведческие работы начали использоваться как средство воздействия на советских евреев с целью «деромантизировать» образ Израиля в массовом сознании»

(с.87). Заметим, что выработанная тогда в академической среде своеобразная привычка писать об Израиле или просто на «еврейскую» тему сохраняется и по сей день: антиизраильская риторика постепенно исчезла, но количество работ о евреях и Израиле, написанных людьми, не имеющими ни к иудаике, ни к израилеведению никакого отношения, по - прежнему довольно велико.

Радиовещанию как одному из основных инструментов советской пропаганды, направленной на дискредитацию империализма и формирование положительного имиджа СССР в зарубежных странах, особенно противоположного блока, к коим относился Израиль, посвящена статья Н. А. Семенченко «Советское радиовещание на Израиль (1967–1991 гг.)». В статье приводятся сведения о работе радиостанции «Мир и прогресс», где в 1967 г. было открыто вещание на Израиль: от набора дикторов-переводчиков, работавших на иврите, до особенностей подготовки материала и передачи его в эфир. Автор заметила: «Материалы на Израиль отличались остротой, но не глубиной содержания, контрпропаганда занимала практически главное место, а иногда она перехлестывала через край» (с. 67). Примерно такой материал ложился в основу той пропагандистской литературы, которая в изобилии публиковалась в СССР. Как отмечает Н. А. Семенченко, «нередко некоторые авторы пропагандистской и популярной литературы пользовались наскоро сочиненными мифами и не брезговали самыми абсурдными вымыслами» (с. 67).

Такая практика привела к тому, что в начале 1990-х гг. российским журналистам, работавшим в регионе, приходилось познавать израильские реалии практически «с нуля», полагаясь исключительно на собственный, вновь приобретенный опыт, знания и интуицию. Сложностям и приятным моментам работы российского (и не только) корреспондента в Израиле как раз в этот насыщенный событиями период посвящен небольшой «мемуарный» очерк журналиста В. П. Флярковского «Российские электронные СМИ в первые годы после восстановления российско-израильских дипломатических отношений». Адекватной информации о жизни региона в поздний советский и ранний постсоветский период у российских журналистов действительно не было: «В информации, имевшейся к тому времени на вооружении наших электронных СМИ, оказалось много антисемитского вранья и столько же пропагандистской шелухи в нашем знании арабского мира» (с. 138). Стремление освободиться от прежних штампов, узнать и понять происходящее, попробовав «наощупь» – это, как следует из выступления В.П. Флярковского, черты, характерные для российского корреспондента «девяностых».

В рецензируемом сборнике, как, собственно, и на самой конференции, значительное внимание было уделено оценкам развития российско-израильских отношений на протяжении последних двух десятилетий и анализу отдельных их аспектов. В ходе конференции рассмотрению этого блока проблем было посвящено отдельное заседание, а сборник материалов содержит несколько соответствующих статей.

Так, в статье И. В. Рыжова и Е. А. Якимовой «Проблемы и перспективы российско-израильских отношений в XXI веке» представлены результаты анализа двусторонних отношений с применением метода SWOT, используемого для оценки факторов, негативно или позитивно влияющих на деятельность предприятия. Согласно этой методике, оценка факторов производится по четырем позициям: «сильные» и «слабые» стороны, «возможности» и «угрозы», что вполне применимо к проведению анализа в сфере межгосударственных отношений.

Экономика и культура – две сферы, где развитие двусторонних отношений хоть и подвержено определенным рискам и в некоторой степени зависит от политической конъюнктуры, но протекает достаточно стабильно и постоянно, часто опережая или дополняя межгосударственные политические контакты. Итоги и оценки двадцатилетнего развития российско-израильских отношений в области экономики и культуры изложены в статьях Д. А. Марьясиса «Израиль и страны постсоветского пространства: 20 лет экономического сотрудничества», Б. Сверского «Российско-израильские культурные связи» и Й. Тавора «20 лет в зеркале культуры».

Одним из наиболее важных факторов, положительно воздействующих на развитие отношений Израиля с республиками бывшего Советского Союза, является присутствие в Израиле общин выходцев из России и государств постсоветского пространства. Многочисленная алия начала 1990-х гг. еще более разнообразила ту мультикультурную мозаику, которую представляет собой израильское общество. Одной из таких групп – общине азербайджанских евреев – посвящена статья С. И. Вайнштейна «О феномене взаимоотношений между этнической диаспорой азербайджанских евреев Израиля и их исторической родиной в зеркале социально-культурной антропологии (постановка проблемы)».

Наконец, одной из наиболее важных проблем, привлекшей в 2011 г. внимание экспертного сообщества, стали события так называемой «арабской весны». Отметим, что конференция состоялась в конце октября 2011 г. – как раз в период подведения первых итогов «арабских революций», изменивших облик региона. Разумеется, политическому руководству и экспертам, как в России, так и в Израиле необходимо сделать выводы и, возможно, пересмотреть или переоценить некоторые аспекты ближневосточной политики,

поскольку «арабская весна» стала общим вызовом для, казалось бы, уже выстроенной и апробированной региональной стратегии обоих государств. Примечательно, что на конференцию были приглашены арабисты: их сообщения имели особую ценность для понимания ситуации в странах «арабской весны».

В сборнике сформирована отдельная часть, объединившая аналитические материалы, посвященные оценкам современной ситуации на Ближнем Востоке. Безусловно, темы, вызвавшие у участников конференции наибольший интерес, – это воздействие политических трансформаций в арабских странах и в регионе в целом на ситуацию в Израиле, а также ближневосточное направление внешней политики Российской Федерации. Различные аспекты этих проблем отражены в статьях Вл. (Зеэва) Ханина «Региональный контекст российско-израильских отношений: взгляд из Иерусалима», Ц. Магена «Вызовы России на Ближнем Востоке – взгляд из Израиля», Т. А. Карасовой «Реакция Израиля на ситуацию на Ближнем Востоке и в Северной Африке», Г. Айленда «Арабская весна – взгляд из Израиля». Разумеется, в ходе конференции обсуждались вопросы, касающиеся изменений в партийной системе Израиля, произошедших в 2000-е гг., и расстановки сил в Кнессете. Этот сюжет рассмотрен в работе И. М. Баулиной «Перестановка политических сил в Израиле на современном этапе (2006–2011 гг.)».

Неустаревающая тема палестино-израильского конфликта и международных усилий, направленных на его урегулирование, затрагивается в статье А. В. Крылова «Десятилетие деятельности «квартета» посредников ближневосточного урегулирования». Относительно новому аспекту палестинской проблемы – процессу внутрипалестинского национального примирения – и анализу деятельности египетской дипломатии в этом направлении (теперь уже в контексте «арабской весны») посвящена статья М. В. Шевелёвой «Палестинский национальный диалог в новых условиях: позиции египетской «постреволюционной» дипломатии в отношении палестинского национального примирения (2011 г.)». Обзор событий 2011 г. в Сирийской Арабской Республике, основанный, в том числе, на личных наблюдениях, приводится в статье Б. В. Долгова «Арабские революции и ситуация в Сирии».

Таков довольно краткий обзор материалов, опубликованных в сборнике «Российско-израильские отношения: история и современность». В заключение хотелось бы обратить внимание на еще одну весьма важную проблему не столько научного, сколько профессионально-этического характера, которая неоднократно звучала в выступлениях докладчиков – о добросовестном и профессиональном отношении к работе журналистов, дипломатов и ученых, освещающих или анализирующих события на Ближнем

Востоке. Профессор В. П. Воробьев в выступлении подчеркнул: «Очень важно, чтобы теми процессами, которые сейчас происходят в странах Северной Африки и на Ближнем Востоке, занимались действительно специалисты, потому что иногда на радио и телеканалах слышишь выступления «универсальных политологов», которые могут говорить на любую тему, но иногда говорят не совсем то, что хотелось бы, чтобы они сказали» (с. 13). О низком качестве передаваемых в эфир материалов В. П. Флярковский – корреспондент «девяностых» – говорит с негодованием: «Удивляюсь тому, что сейчас, спустя двадцать лет после установления дипломатических отношений, когда условия работы стали еще более либеральными (отменен даже визовый режим), добросовестную работу приходится выискивать. Говорит репортер о Храме Гроба Господня – показывает золотой купол мечети Омара. Называют ливанскую войну первой половины 1980-х шестидневной… Надо там бывать, ходить по переулкам, знать карту. Так разве ж коллеги не бывают, не ходят, не знают? Проблем-то теперь нет! Так что же, они врут, потому что заблуждаются или потому что не хотят не врать?! Порочна практика подготовки материалов непосредственно в московских редакциях. Здесь даже имена собственные часто коверкаются, потому что просто переводятся с английского тенденциозные тексты» (с. 141–142). В таком потоке искаженных фактов, ошибок и, порой, намеренной лжи трансляция событий в арабских странах, произошедших в 2011 г., превратилась в глобальную информационную войну, которую мы до сих пор наблюдаем. Как заметил Б. В. Долгов, репортажи, демонстрируемые каналами «Аль-Джазира», «Аль-Арабийа», *Euronews*, *CNN* сводятся к «многократному повторяемому показу» одних и тех же сюжетов, «как правило, сделанных камерами с мобильных телефонов, где невозможно определить место происходящих событий» (с. 243–244). Смеем надеяться, что качество репортажей и аналитики по Ближнему Востоку все же улучшится, «универсальных политологов» сменят профессионалы, а конференция окажется не последней.

Д.Шевелёв

Реальность Центральной Азии и грезы Израиля

Рецензия на: Месамед В. И. Израиль в Центральной Азии: грезы и реальность / Институт Ближнего Востока. М., 2012. 240 с.

Центральная Азия – это регион, который выпадает из поля зрения постсоветской политической экспертизы. И хотя, казалось бы, об Израиле и политике Тель-Авива горазды говорить практически все, отношения центрально-азиатских государств с этой ближневосточной страной до настоящего времени подробно не рассматривались. Для этого необходимо было знать и политику в регионе с постоянным лавированием местных режимов между США, Европой, Россией, Турцией и Ираном, и политику израильскую, более-менее стабильную, но тоже по-восточному хитрую.

Рецензируемая книга как раз и пытается представить двадцатилетний опыт политических и экономических контактов между Израилем и государствами Центральной Азии. Автор представленной монографии – В. Месамед, известный израильский специалист по Ирану и центрально-азиатскому региону.

Хотя книга написана с теплом и симпатией к объекту исследования – Центральной Азии – автор пытается объективно и достаточно беспристрастно показать историю становления отношений между Израилем с одной стороны, и Казахстаном и среднеазиатскими республиками с другой.

Автор работал над рецензируемой книгой довольно продолжительное время: в ней развернуто и полно представлены и доказаны те тезисы, которые он выносил уже на рассмотрение читателей ранее, поэтому появление подобного исследования следует только приветствовать.

В книге излагаются принципы и приоритеты внешней политики Израиля (главы 1–2); анализируются исходные позиции каждого из государств в начале их общения в конце 1980-х гг. (глава 3) и первые попытки такого общения в первой половине 1990-х гг. (глава 4); дается характеристика опыта политических и экономических отношений между Израилем и Узбекистаном (глава 5), Израилем и Казахстаном (глава 6), а также связей с Кыргызстаном, Таджикистаном и Туркменистаном (глава 7); анализируются механизмы многосторонней дипломатии в регионе (глава 8).

Для работы автор привлек обширный круг источников: это периодика (израильская и местная, как печатная, так и Интернет-издания), мемуары (например, А. Левина, посла Израиля в Российской Федерации в 1991–1992 гг.), материалы из личного архива и т.д.

Из всего массива источников В. Месамед по мелким деталям пытается воссоздать картину отношений между Израилем и государствами центрально-азиатского региона в 1990-х – 2000-х гг. Учитывая, что рецензируемое издание вышло мизерным тиражом в 200 экземпляров, осмелюсь уделить внимание концепции, излагаемой В. Месамедом.

Итак, приход израильтян в Центральную Азию на рубеже 1980-х – 1990-х гг. стал продолжением внешнеполитической стратегии, принятой к исполнению в середине 1950-х гг. Основой этой стратегии стала т. н. «теория периферий», сформулированная Д. Бен-Гурионом. На Ближнем и Среднем Востоке израильский лидер выделял «внутреннюю» и «периферийную» зоны. Ко «внутренней» относились арабские государства, окружающие Израиль, к «периферийной» – неарабские страны региона – Иран и Турция. Укрепление связей Израиля с этими двумя государствами позволило бы со временем прийти к контактам с арабскими соседями (с. 28–29).

Тезис Д. Бен-Гуриона не был безупречным, однако его реализация, в общем-то, принесла результат: в 1960-х – 1970-х гг. Тель-Авив, Тегеран, и Анкара развивали сотрудничество, в т. ч. политическое и военное. Хотя после революции 1979 г. Иран перестал быть союзником Израиля, к этому времени уже были налажены контакты с Египтом.

В самом конце 1980-х гг. политическое руководство СССР потеряло всякий контроль над ситуацией внутри страны, да и вокруг нее. Показательно, что еще в 1990 г. во время пребывания в Москве министра финансов Израиля Ицхака Мода‘и, президент СССР М. С. Горбачев выпрашивал у Израиля денег: «Для спасения нам нужно в течение 6 месяцев найти 60 млрд долларов. В противном случае страна развалится…». Хотя Израиль и маленькая страна, – констатировал Горбачев, – она, «несомненно, в состоянии предоставить порядка 10 млрд долларов в течение ближайших недель» (с. 60).

Очевидно, в Иерусалиме осознавали всю тяжесть положения СССР. В начале 1990-х гг., как отмечают некоторые эксперты, Израиль имел четкий план проникновения в Центральную Азию (с. 59). В Иерусалиме планировали сыграть на опережение: прийти в регион быстрее Ирана и сохранить центрально-азиатские еврейские общины. По аналогии с Африкой, Израиль мог предложить инвестиционные и консультационные услуги в сельском хозяйстве, здравоохранении, высоких технологиях и безопасности.

Подготовительная работа по установлению официальных контактов с центрально-азиатскими республиками была поручена посольству в Москве, которое тогда возглавлял Арье Левин. В итоге, в середине 1992 г. Израиль установил дипломатические отношения с Узбекистаном, Казахстаном, Таджикистаном, Кыргызстаном и в декабре 1993 г. – с Туркменистаном (с. 68–78).

Интересно, что подписание документов об установлении дипломатических отношений между Израилем и Узбекистаном должно было проходить в субботу 21 февраля 1992 г. Едва ли это были намеренные действия молодой узбекской дипломатии, скорее всего, – банальное незнание традиций партнеров, показанное протокольной службой узбекского МИД. Израильтяне же подписали все необходимые документы накануне, а на официальную церемонию пришли пешком (с. 69).

Таким образом, в первой половине 1990-х гг. Иерусалим решил задачи, которые ставились с распадом СССР: со всеми центрально-азиатскими государствами были установлены дипломатические отношения, была обеспечена как свободная алия, так и возрождение еврейской жизни внутри этих государств. Кроме того, Израиль начал подготовку кадров из центрально-азиатских стран в области сельского хозяйства и здравоохранения, а режимы в этих государствах с радостью принимали такую помощь; крупный израильский бизнес, вложившийся в регион, обеспечивал неофициальный выход на правящие кланы. Иран переиграл Израиль разве что в Таджикистане, при этом израильтяне смогли спасти таджикскую еврейскую общину, обеспечив в 1992–1993 гг. эвакуацию из Душанбе шести тысяч евреев из охваченной гражданской войной страны (с. 74).

За двадцать лет отношений со странами региона устойчивые связи у Израиля сложились с Казахстаном. Этому способствовала заинтересованность в сотрудничестве обеих сторон. Казахстан получал помощь в области развития – сельского хозяйства и здравоохранения, – а также инвестиции; Израиль, в свою очередь, политическую поддержку от Казахстана в международных организациях и вложения в страну со стороны крупных казахских бизнесменов. В Астане открыто заявляли о том, что перенимают опыт Израиля по абсорбции репатриантов, начав собственную программу по возвращению казахов из-за рубежа (с. 128). Весьма способствовало двустороннему сотрудничеству наличие лоббистов внутри государственных и политических структур обеих стран. Автор рецензируемой книги утверждает, что активным сторонником казахско-израильского сближения является С. А. Терещенко, в 1991–1994 гг. занимавший пост премьер-министра Республики Казахстан (с 1994 г. президент Международного фонда «Интеграция») (с. 114–115).

Отношения Израиля с Узбекистаном интенсивны во всех областях. Автор явно выделяет два этапа в их развитии: до 2005 г., и после оного. Характер двусторонних отношений значительно изменила поддержка Израилем антиузбекской резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, принятой по событиям в Андижане 13 мая 2005 г. (см.: A/RES/60/174), когда центральная власть подавила выступления в Ферганской долине (с. 100).

Хотя политические связи не прерывались, в Ташкенте, по-видимому, решили снизить интенсивность контактов с Иерусалимом, что совпало с переориентацией политики Узбекистана в сторону России.

Контакты с остальными центрально-азиатскими государствами – Кыргызстаном, Туркменистаном и Таджикистаном – развивались в меньшей степени. Эти республики пользовались помощью Израиля в сфере развития. Автор монографии здесь отмечает большую роль Израильского Агентства по сотрудничеству в области международного развития при Министерстве иностранных дел Израиля (МАШАВ), оказывавшего значительную помощь центрально-азиатским странам в подготовке кадров в области сельского хозяйства и здравоохранения. После очередного переворота в Бишкеке в апреле 2010 г. и последовавшей затем волны антисемитских акций, контакты между Израилем и Кыргызстаном были приостановлены.

По мнению В. Месамеда, Таджикистан и Туркменистан представляют собой своеобразную арену соперничества между Тегераном и Иерусалимом, при этом контакты с одной страной однозначно мешали налаживанию связей с другой.

В Душанбе были заинтересованы в инвестициях и помощи в области развития. Попытки сближения были заметны в 2009 г., когда душанбинские власти передали еврейской общине здание под устройство синагоги, а затем заявили о готовности пойти на сотрудничество с Израилем «вплоть до открытия посольства в Тель-Авиве, взамен на инвестиции в основные отрасли экономики» (с. 144). В Иерусалиме предпочли проигнорировать послание из Душанбе. По-видимому, это объяснялось тем, что Израиль не имел каких-либо политических интересов в Таджикистане (с. 144–145). Впрочем, и там Израиль добивался выгоды: обучавшиеся в Израиле специалисты возвращались на родину и занимали места в управленческих структурах страны, таким образом формировалась прослойка управленцев, благосклонно относящихся к Израилю, и относительно свободных от юдофобских предрассудков мусульманского окружения. Доверительным отношениям между странами способствует и развитие контактов в области культуры, которые начали строиться не так давно (с. 150).

Плотные политические контакты Ашхабада и Иерусалима стали завязываться со сменой власти в Туркменистане и «открытием» страны в

2007 г. (с. 154). Однако Тегеран здесь, по-видимому, оказался сильней. Так, неудачу потерпели попытки израильтян открыть посольство в Ашхабаде. Об этом договорились в апреле 2009 г. министр иностранных дел Израиля А. Либерман и президент Туркменистана К. Бердымухаммедов. При этом туркмены затягивали выдачу агремана двум предложенным в Иерусалиме кандидатам на пост посла: сперва Р. Дин-Элю, а затем – Х. Корену. В итоге, к середине 2011 г. израильтяне сняли вопрос о главе дипмиссии в Ашхабаде (с. 155–157).

Позиции израильского бизнеса при С. Ниязове были довольно сильными, особенно если учесть, что израильтяне способствовали контактам Туркменистана и США (с. 161). «Открытие» же страны наоборот поколебало израильский бизнес, и одной из причин этого стал приход в Ашхабад иранцев.

Подводя итог двадцатилетнему опыту контактов между Израилем и государствами Центральной Азии, автор рецензируемой монографии приходит к выводу, что в Иерусалиме добились тех целей, которые ставили изначально: Израиль пришел в некоторые страны гораздо раньше Ирана, что привело к установлению взаимовыгодного сотрудничества; страны Центральной Азии не выступают единым фронтом против Израиля, ни в ООН, ни в иных международных организациях; в Центральной Азии на данный момент обеспечена безопасность еврейского населения, оставшегося там. Израиль имеет устойчивые связи с Казахстаном и Узбекистаном.

В Туркменистане и Таджикистане ориентация на Тегеран оказалась сильнее выгоды от предложенных Иерусалимом проектов. Тем не менее, израильтяне смогли наладить устойчивые контакты с Ашхабадом, Душанбе и Бишкеком. Наиболее действенными оказались два способа установления связей: во-первых, открытие бизнеса в этих странах, и, во-вторых, помощь им по программе МАШАВ. От помощи в области развития выиграли, прежде всего, центрально-азиатские государства: Израиль помогал готовить специалистов и оказывал консультационные услуги в сельском хозяйстве и здравоохранении.

Таким образом, В. Месамед в описываемой монографии раскрывает цели и задачи израильской политики в Центральной Азии, показывает принципы формирования политики центрально-азиатских государств по отношению к Израилю и обозначает основные сферы сотрудничества Израиля с государствами региона.

Поскольку тема, рассмотренная В. Месамедом, представляется актуальной и перспективной, исследования в этой области автору следует, безусловно, продолжить. Хотелось бы предложить в этой связи некоторые размышления, возможно полезные для дальнейшего изучения данной проблемы.

Из повествования видно, что автор является сторонником концепции «большой игры» в Центральной Азии. Он раскрывает участие в ней Иерусалима и Тегерана. Но, понятно, что Израиль и Иран не были единственными участниками такой игры, поэтому рассмотрение роли всех акторов, вовлеченных в региональную политику, было бы полезным и интересным.

Представляется необходимым уточнение некоторых формулировок, использованных автором. Так, В. Месамед в качестве задач израильской политики в регионе называет «укрепление иудейско-исламско-христианского диалога» (с. 170). Это утверждение вызывает некоторые сомнения. Такая цель едва ли вписывается в израильский *Realpolitik*, преемственность в которой автор прослеживает с 1950-х гг. Вызывает сомнение также употребление термина «Палестинская автономия»: это понятие не встречается в палестино-израильских соглашениях периода формирования административных структур на Западном берегу и в полосе Газы (первая половина 1990-х гг.).

Тем не менее, еще раз хотелось бы подчеркнуть, что в рецензируемой монографии В. Месамеда «Израиль в Центральной Азии: грезы и реальность» сделана первая попытка проанализировать весь комплекс отношений между Израилем и странами Центральной Азии, и эта попытка стала весьма успешной.

В. Всеволодов

Рецензия на: «Сохрани мои письма…»: Сборник писем евреев периода Великой Отечественной войны / Центр и Фонд «Холокост»; Сост.: И. Альтман, Л. Терушкин, И. Бродская. Вып.2. М.: МИК, 2010. 328 с.

На протяжении последнего десятилетия мы являемся свидетелями качественной трансформации памяти о Великой Отечественной войне. Объективной правде противостоят многочисленные псевдообразы, рожденные современной масс-культурой: компьютерными играми, фильмами-боевиками и даже фэнтези на тему войны…

В. Рабле некогда писал: «Ничто не учит больше, чем знакомство с человеческой судьбой». Это кредо составителей рецензируемого сборника, высказанное И. Альтманом, одним из составителей данной публикации, во вступительной статье «Коллективная память о Великой Отечественной войне и Холокосте в письмах и дневниках советских евреев» (с. 4–13).

Хотя за прошедшие 70 лет мы узнали о войне, которую в нашей стране называют Великой Отечественной, достаточно много, публикация источников личного происхождения открывает важные детали, необходимые как для полного и объективного воссоздания картины прошлой войны, так и для понимания того, что такое война.

Сборник представляет эпистолярное наследие участников и свидетелей катастрофы мирового масштаба, внесших свой вклад в Победу.

Первая подобная публикация появилась в 2007 г. (Сохрани мои письма…, 2007). Основой публикации стали более 1000 писем, дневников и фотографий, составляющих документальную коллекцию архива Научно-просветительского центра «Холокост». После этого архив Центра значительно расширил свое собрание, что и послужило поводом для подготовки сборника.

Рецензируемая публикация источников личного происхождения призвана в очередной раз напомнить современникам о том, что война стала поворотным моментом в судьбе каждого ее участника и свидетеля-воина и тыловика, узника концлагеря и беженца, ребенка и взрослого. Погружение в микроистории – таково назначение нового выпуска писем и дневников.

Составителями представлены 190 писем и 7 дневников, принадлежащих почти 90 авторам. Большинство писем были написаны из действующей

армии, имеются также письма на фронт, из эвакуации, партизанских отрядов, с оккупированных территорий, лагерей для военнопленных. Их авторы принадлежали к разным социальным группам, единственное что их объединяло – это национальность. Все они – евреи – граждане СССР.

Основное место во втором выпуске сборника занимают письма и дневники известных людей. Среди них писатели и поэты Лев Кассиль, Давид Самойлов и Борис Слуцкий; кинорежиссер Роман Кармен; выдающийся шекспировед Александр Аникст; композитор и дирижер Александр Цфасман; Герои Советского Союза Илья Катунин и Яков Крейзер; подполковник Семен Безпрозванный, старший по званию среди погибших при освобождении заключенных Освенцима; легендарный разведчик Леопольд Треппер, известный ученый Лев Гольдин. Значительное большинство материалов (включая снимки известных фронтовых фотокорреспондентов-евреев Д. Минскера, М. Трахмана, М. Редькина, Я. Халипа, Л. Доренского) опубликованы в сборнике впервые.

Имеющиеся документы и фотографии охватывают практически все важнейшие события Великой Отечественной войны с первого до последнего дня. Они представляют возможность читателям оценить трагизм и величие времени, периода, когда решалась судьба страны. Глазами свидетелей и очевидцев предстает перед нами война во всем множестве ее проявлений: боли, слез, мерзости, но также любви и дружбы. Документы дают ответ на вопрос: что именно было значимо для человека в условиях войны, постоянной опасности смерти, голода, страданий и лишений. Авторы писем и дневников вместе создают коллективный портрета войны, а составители сборника – коллективный дневник ее участников.

Еврейская тема, отраженная в письмах и дневниках, рисует размах и обыденность нацистской практики «окончательного решения еврейского вопроса» и идеологической установки «войны на уничтожение». Есть среди документов сборника и такие, которые вызывают ассоциации со всемирно известными документами по истории Холокоста. Также как Анна Франк, вел дневник и Эльмар Ривош, скрывавшийся 2,5 года в убежище, предоставленном друзьями (с. 225–230).

Присутствуют в письмах с фронта и отголоски антинемецкой пропаганды, и результат действия лозунга «Убей немца!», провозглашенного И. Эренбургом. Так, например Б. Зильбет отмечала, что советские солдаты, с которыми она сталкивалась, «обещают застрелить первую же немку, которая попадется им на глаза» (с. 210); И. Рапопорт писал о желании испортить немало арийской крови (с. 293). Но в письмах присутствует и другая мотивация: лейтмотивом многих писем, в том числе А. Зайдмана (с. 169) и М. Фуксмана (с. 174), стала месть за гибель родных.

Практически в каждом письме рассказ о повседневной, иногда приукрашенной автором, жизни фронтовиков. Интересно, что письма и дневники, как отмечают составители сборника, отразили и такие настроения советских людей, которые фиксировались разве что спецслужбами: опасения, что после победы будут снова сгонять в колхозы, нежелание некоторых курсантов идти на фронт (Л. Френкель, с. 25), мрачное отношение колхозников прифронтовых районов к советским войскам, непомерные цены для фронтовиков и спекуляция в освобожденных населенных пунктах, пьянство тыловиков (В. Кагарицкий, с. 44), мародерство, насилие над женщинами, причем не только над немками (А. Шевелев, с. 267), третирование соседей по коммуналке, скрытый антисемитизм и др.

Составители стремились к тому, чтобы диапазон мнений и чувств, ситуаций и судеб отражал все многообразие жизненных ситуаций и коллизий в условиях военного времени, и, как представляется, они со своей задачей справились.

И. Альтманом, Л. Терушкиным и И. Бродской проведена необходимая археографическая обработка материала. Публикациям писем и дневников предшествуют биографические справки. Сборник снабжен научно-справочным аппаратом: вводным комментарием, перечнем авторов, списком людей, представивших документы для публикации, списком фотографий, а также географическим указателем. Каждый раздел, а это либо подборка писем, либо дневниковые записи, сопровождает фотография автора публикуемого документа. В целом можно сказать, что составителям удалось найти, пожалуй, одну из самых удачных форм подачи подобного рода материалов. (Сравните сборник, составленный В. Кемповским: Kempowski, 2004).

Рецензируемая книга представляется посильным вкладом в сохранение памяти о Великой Отечественной войне. Можно с уверенностью утверждать, что письма и дневники евреев 1941–1945 гг. занимают достойное место в летописи Великой Отечественной, наряду с письмами, написанными советскими гражданами других национальностей (см.: Письма с фронта, 1943; Говорят погибшие герои, 1979; Письма с фронта, 2010).

Библиография

Сохрани мои письма… Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны / Составители: И. А. Альтман, Л. А. Терушкин. М.: Центр и Фонд «Холокост»: МИК, 2007.

Письма с фронта (Уроженцы Татарии – участники Великой Отечественной войны с фашистской Германией). Казань, 1943.

Говорят погибшие герои. Предсмертные письма советских борцов против немецко-фашистских захватчиков 1941–1945 гг. М., 1979.

Письма с фронта. 1941–1945 гг.: Сборник документов / Сост.: Д. И. Ибрагимов, И. А. Мустакимов, Г. Н. Фаезова и др. Казань: Гасыр, 2010.

Kempowski, W. Das Echolot. Ein kollektives Tagebuch. München, 2004.

И. Реброва

Осколки еврейских судеб в послевоенной людской памяти

Рецензия на: Иванова Е. А. Вызывая огонь на себя: положение евреев при «новом порядке» гитлеровских оккупантов в 1941–1943 гг. / Сост. И. А. Альтман, Л. А. Терушкин, Е. В. Тестова. М.: Центр «Холокост»; Ростов н/Д: Феникс, 2012. 160 с.

Для советского/российского социума память о Великой Отечественной войне драматична по своей природе. Война затронула каждую семью: многие не вернулись с поля боя, другие погибли в партизанских отрядах или оккупации, третьи до сих пор числятся пропавшими без вести. Истории еще предстоит расставить точки над «i» в этом трагическом событии века прошедшего. Ежегодно появляются сотни научных и популярных изданий по истории Великой Отечественной войны; событийная, фактографическая история войны заменяется изучением личной трагедии, судеб отдельных людей, никогда не воевавших на передовой, но без их участия невозможно представить Победу в Великой войне.

Судьбы евреев и их семей – одна из наиболее трагических страниц истории прошедшей войны. Во время и после войны принято было считать жертвами советский народ без его национальной принадлежности. Поэтому Холокост в советской историографии фактически не освещался. Семейная история была едва ли не единственным источником фиксации памяти о массовых уничтожениях евреев в годы войны.

В постсоветское время исследовательский интерес к теме Холокоста значительно вырос, но восстановить детальную картину событий на территории СССР стало уже затруднительно. Тем не менее, уже в советское время работали исследователи-любители, как правило, непрофессионалы, которые считали своим долгом увековечить память о Катастрофе. Отрадно, что сотрудники научно-просветительского центра «Холокост» неожиданно узнали об одной из таких подвижниц – Елене Алексеевне Ивановой, которая в 1960-х – 1970-х гг. вела поисковую работу: она собирала сведения о евреях в оккупированной гитлеровцами Центральной России (Брянской и Смоленской областях).

При жизни она публиковала свои находки в региональной и всесоюзной прессе («Учительская газета», «Литературная газета», «Брянский рабочий»). Долгие годы она тщательно фиксировала хранившиеся в людской памяти сюжеты о брянском подпольном и партизанском движениях, о возведении памятников жертвам нацизма, о судьбах евреев в оккупированных районах Брянщины. С удивительной педантичностью Елена Алексеевна по крупицам собирала информацию о прошлом своего региона, о его жителях, героях и предателях.

В 2012 г. вышла в свет книга «Вызывая огонь на себя», которая состоит из неопубликованных дневниковых записей Е. А. Ивановой. В них краевед детально восстанавливает события военного времени, прослеживает судьбы конкретных людей.

Публикуемые дневники почти полностью дублируют оригинальные записи Ивановой. Исходя из текста, можно восстановить метод работы автора-поисковика: Она собирает свидетельства о конкретном историческом факте. Например, вначале приводится восстановленная по крупицам история убийства еврейской семьи или сюжет об издевательствах над евреями в одной из деревень, а потом представлены воспоминания свидетелей об этом. Таким образом, методика перекрестного свидетельства обогащает рассказ, насыщает его дополнительными подробностями и тем самым усиливает достоверность.

Рукопись Е. Ивановой – это череда свидетельств о злодеяниях оккупантов в Рославле и его окрестностях. Это рассказы без начала и конца – осколки судеб, навсегда разбитых войной. Такое мозаичное повествование, как оказывается, еще более усиливает эмоциональную составляющую рукописи: мало кого оставит равнодушным повествование о дикой, порой звериной жестокости по отношению к ни в чем не повинным советским гражданам еврейского происхождения. Никому не известные имена убитых и замученных, спустя десятилетия, благодаря самоотверженной работе Е. А. Ивановой, обрели жизнь.

Метод сбора материалов, использованный Е. А. Ивановой, составители назвали «устной историей» (с. 12). Однако с этим невозможно согласиться. Хотя автор, действительно, умело использовала метод опроса, который позволял ей найти ранее неизвестные детали произошедших событий, буквально «разговорить» собеседника, устная история предполагает не только работу с информантом по формированию нарратива, но, что не менее важно, последующий научный анализ интервью. Как правило, устные истории тщательно транскрибируются и печатаются без купюр как аутентичный текст-первоисточник. Для Е. А. Ивановой первично было событие, а не нарратив о нем. Поэтому она организует все повествование по тематическому

принципу, и записанные ею устные свидетельства выступают в качестве важного, но вторичного источника.

Е. А. Иванова – герой своего времени, благодаря ее самоотверженной работе общество может узнать нелицеприятные подробности минувшей войны. Важно, что такие «случайные» находки сотрудников Центра «Холокост» становятся достоянием широких кругов общественности, проливают свет на недавнюю историю нашей страны и трагические судьбы ее граждан.

Dr. Julia Oleneva

Review of Damohorská, Pavla. The Jewish Prayer for the Welfare of the Country as the Echo of Political and Historical Changes in Central Europe. Prague: Hussite Theological Faculty of Charles University, 2010.

The monograph by Pavla Damohorská focuses on the Jewish prayer for the welfare of the country in Central Europe. By the term "Central Europe" Damohorská understands the lands of the former Hapsburg Monarchy, German-speaking lands, and also the European part of the former Russian Empire. Dr. Damohorská's study concentrates on early modern and modern variants of this prayer in Central Europe, translates and analyzes them within their political and historical context. The author of the revewed book examines more than three hundred prayer books from different countries. In the study the author demonstrates how historical, political, geographical, sociological and economic factors influenced the text of the prayer in various countries. As Dr. Damohorská's mentions in the introduction (p. 8), there are several general monographs and articles that analyze the problem of the origin of this prayer; some of them also examine the prayer for the State of Israel and for the government of the United States of America. Nevertheless, the problem of the Jewish prayer for the country in Central Europe has not been sufficiently studied. The book consists of the Introduction, 15 chapters, the Conclusion, the list of sources and literature, and the two helpful appendices (*the Examples of Some Basic Texts of the Prayer for the Welfare of the Country,* and *The Pictures of Some Basic Texts of the Prayer for the Welfare of the Country*). The somewhat vague structure of the book would be a bit clearer if the author had numbered chapters and subchapters.

In the introductory chapter (pp. 7-11) the author of the monograph sets the aims and goals of the study, gives a description of the terminology, literature and sources, the structure, and the methodology of the monograph. As the author states in the introduction, the main aim of her research was to study the prayer for the country and trace possible historical influences on its content. As far as the terminology is concerned, Dr. Damohorská ascertains that there is no exact general term to designate this prayer. As a consequence, she decides to use the terms *the prayer for the welfare of the country* or *the prayer for the welfare of the government* because the context of these prayers focuses on the country as well as on the government and the ruler (pp. 7-8). In her study the author used an

impressive number of sources, namely, the Jewish prayer books called *siddurim* and *makhzorim* from the 16th to the 21st centuries.

Dr. Damohorská starts her study (the first four chapters) with general questions related to the Jewish prayer for the country. She reveals the origins of this prayer in biblical and rabbinical traditions (pp. 12-16). Dr. Damohorská pays further attention to the origins, versions and translations of *Ha-noten Teshu'ah* text that dates back to the 16th century and represents the prayer for the government and the country (pp. 17-30).

The next part of the monograph is dedicated to the detailed study of the prayer for the country in Central Europe (pp. 36-148). The author of the reviewed book analyzes numerous Jewish prayers that were composed in the early modern period and concludes that the differences between them depended on the state, the state's constitution, and on the relation of the Jews to the ruler. Damohorská concludes that the development of the prayer in this geographical and political region can be traced back to the beginning of the 18th century. According to her opinion, the oldest text of the prayer dates back to 1710. This prayer contains the name of the Hapsburg ruler Joseph I. Most prayers for the country published in Hapsburg Monarchy and other countries under the Hapsburg government (Bohemia, Moravia, Hungary) contain the name of the ruler and very often the names of other members of the royal family. While studying the development of *Ha-noten Teshu'ah* text in its historical and politic context, Damohorská demonstrates that the prayers for the country and the ruler were published and recited regardless of restrictive politics to the Jews of some of the Hapsburg rulers (pp. 36-68).

On the basis of the analysis of the prayer books edited in German-speaking lands the author of the monograph divides the prayers into two groups: those that do not contain any concrete personal or geographical name and those that mention various rulers and dukes (pp. 69-80). Dr. Damohorská also studies the prayer books for women and children and finds special prayers for the government, country, nation, and ruler (pp. 87-99). In Damohorská's view the texts of the prayers edited during the First World War contain a new accent on the ruler's protection and his victory (pp. 100-106).

The study also demonstrates that in Central Europe the text of *Ha-noten Teshu'ah* was transformed under the influence of the foundation of new states and regimes after 1918. Most of the prayers became very general and focused on the country rather than on the ruler (pp. 124-130). The exception is the prayers composed in Czechoslovakia that celebrated the newly created state and its president T. G. Masaryk. The new democratic regimes provided free space for the decision whether to recite this prayer or not. The monarchies, on the contrary, often insisted on the recitation of the prayer for their welfare.

Describing the further development of the prayer's text the author concludes that the new prayers composed after 1945 are more general and focus on the welfare of the country rather than on the welfare of it political representatives (pp. 131–142). The new texts of the prayer very often mention the Jewish task on Earth. The author of the rewiewed book demonstrates that many communist governments somewhat surprisingly controlled the content of the prayer and its recitation. The creation of the State of Israel also influenced the synagogue service. The prayer for Israel was incorporated in the liturgies of Jewish communities living in the diaspora. However, diaspora communities could decide on their own whether to recite the prayer for the State of Israel or not.

Damohorská demonstrates that the prayer for the welfare of the country reflects the political and historical situation in Central Europe from the end of the 18th through the 20th centuries. This is proved by the choice of the text of the prayer, the translation into a local language, the form of translation, the scale of the original prayer text, the reference to the state representatives, the incorporation of references to the themes that were topical for a country at that historical moment (p. 154). Therefore, the texts of the prayer for the welfare of the country can be used as an important source of information about the attitude of the government and ruler to the Jews and Jewish attitude towards the gentile rulers and gentile countries.

Dr. Damohorská's monograph is a new word in the discussion about the Jewish prayer for the country in Central Europe. The book is based on various sources in several languages, and provides us with a number of new facts concerning the history of Jewish diaspora in general and the synagogue service in particular.

Рецензия на: Боршевский А. П. Защита прав еврейского населения Бессарабии во второй половине XIX века: мировой суд. Кишинев, 2011.

В 2011 г. в Кишиневе вышла монография доктора истории А. П. Боршевского «Защита прав еврейского населения Бессарабии во второй половине XIX века: мировой суд». Книга издана при финансовой поддержке Голландского еврейского гуманитарного фонда.

Данное исследование основано на большом количестве источников. Автор, базируясь на архивных материалах, справедливо отмечает, что внедренный в Бессарабии в результате судебной реформы 1869 г. на основе Судебных уставов 1864 г. мировой суд, представлял собой довольно демократический, скорый, справедливый и гласный орган, содействующий защите прав населения Бессарабии. В его основе лежали самые современные либеральные принципы и достижения правовой науки того времени. В то же время, в работе отмечено, что организация мировой юстиции с обособлением от общей судебной системы не имела аналогов в мировой практике и не была похожа на свои прототипы ни в Англии, ни во Франции.

Идея о мировом судье как судье совести, примирителе сторон, была сформулирована в актах судебной реформы 1864 г. одним из их авторов Сергеем Ивановичем Зарудным, и воплощена затем в деятельности мировых судов Бессарабии. Судебные уставы провозгласили самостоятельность судебной власти, равенство граждан перед законом, состязательность, презумпцию невиновности; впервые в империи была создана гарантия личности, благодаря чему уничтожена многовековая прерогатива самодержавия – контроль за отправлением правосудия.

24 апреля 1869 г. Правительствующий Сенат, на основании высочайше утвержденного 8 апреля мнения Государственного Совета принимает решение о проведении в Бессарабии судебной реформы, в рамках которой впервые в крае был создан институт мировой юстиции. 3 ноября 1869 г. по докладу министра юстиции император Александр II подписал именной Указ об открытии в декабре 1869 г. новых судебных мест в Бессарабской области. Хотя мировые суды официально были открыты 20 декабря 1869 г, фактически они начали свою деятельность с января 1870 г. по причине недостатка квартир, устройства камеры для судьи и т.д. В 1878 г. Сенат распространил деятельность мировой юстиции на часть Бессарабии, полученной Россией после Берлинского трактата 1878 г. (с. 235)

Обосновывая острую необходимость учреждения мировой юстиции в Бессарабской области, автор приводит архивные данные о загрузке мировых судей огромным количеством дел с первых же дней их работы. «За первые 5 месяцев существования мировой юстиции в Кишиневском уезде к каждому мировому судье поступило по 600-700 дел»: «к 6-ти городским судьям Кишиневского уезда поступило 4160 дел, к 5-ти уездным – 1145, всего – 5305 дел». За этот период времени мировые суды разрешили 4075 дел (с. 236).

В работе обоснованно указаны две основные причины, достаточно тесно связанные между собой, которые содействовали созданию мировой юстиции: во-первых, с уничтожением крепостного права возникла необходимость, отделить судебную власть от административной и изъять из ведомства полиции рассмотрение всех судебных дел; во-вторых, необходимо было сделать обращение в суд более простым и доступным для населения и значительно сократить срок разрешения дела в суде.

Мировая юстиция рассматривала малозначительные дела, быстро, без излишних формальностей. Как справедливо отмечает А. Боршевский, «мировой суд был призван воплощать в жизнь, жившую в народе мечту о суде «скором, правом и милостивом»; освобождал вышестоящие инстанции от разрешения мелких дел; решал отчасти проблему юридических кадров, так как рассмотрение такого рода дел вполне можно было вверить непрофессионалам, если они отвечали определенному уровню требований, были избраны представительным органом, пользовались уважением и доверием среди местного населения» (с. 237).

Мировые суды Бессарабии основывались на российском законодательстве, а при рассмотрении гражданских дел – российских законах, а также местных, которые имели приоритет перед имперским законодательством; в Южной Бессарабии с 1879 г. применялись румынские законы. В уголовном процессе использовалось исключительно российское законодательство. Анализируя статистические данные, автор выявил, что мировые суды в Бессарабии рассматривали в основном гражданские дела.

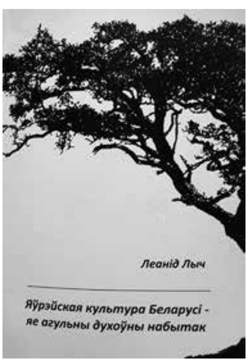
А. Боршевский прослеживает правовое положение еврейского населения Бессарабии в XIV–XIX вв. Наиболее подробно автор останавливается на второй половине XIX в. К 1897 г. евреи составляли уже 11,8% всего населения Бессарабской губернии, а в Кишиневе – 45,9%.

Автор отмечает, что «причина высокого уровня благосостояния евреев заключалась в их традиционном укладе жизни»: поскольку евреи были задействованы в основном в торговле и ремесле, «в еврейской общине был более высокий уровень образования, гораздо меньше пьянства и антиобщественного поведения» (с. 236).

А. Боршевский установил, что во второй половине XIX в. мировой суд активно использовался евреями Бессарабии для защиты своих прав. Автор справедливо видит причину этого явления в социально-экономическом положении этой категории населения: «Именно евреи контролировали почти полностью торговлю зерном, основная масса (80%) бессарабских торговцев были евреями. Им принадлежало большинство фабрик, заводов, складов, типографий. Таким образом, евреи активно участвовали в экономической жизни Бессарабии, заключали многочисленные правовые договора (о поставке товаров, услуг, о купле-продаже и т.п.)» (с. 237). Именно в этом автор рецензируемой книги видит причину обращения евреев в мировые суды. Но поскольку автор основывает доказательства этого утверждения на периодической печати, полезным было бы непосредственное рассмотрение судебных дел того времени.

В указанной работе А. Боршевского подробно и всесторонне рассмотрен процесс становления и функционирования института мировых судей в Бессарабии во второй половине XIX в. Представляется, что высказанный автором тезис о защите прав еврейского населения в мировых судах, следовало бы развить и дополнить далее (возможно в последующих работах автора).

А. С. Кузьмин

Рэцэнзія на: Лыч, Л. Яўрэйская культура Беларусі – яе агульны духоўны набытак. Мінск: [Б. выд.], 2012. 122 с.

У разглядаемай кнізе Л. Лыча ёсць толькі адзін станоўчы момант: аўтар вельмі занепакоены сучасным станам беларускай культуры, неад’емнай часткай якой справядліва лічыць культуру беларускіх яўрэяў. І ён адкрыта агалошвае сваю пазіцыю. А так перад чытачом не вельмі ўдалыя аўтарскія развагі пра гісторыю яўрэйскай культуры на Беларусі.

На жаль, аўтар зусім не валодае наборам элементарных фактаў па гісторыі яўрэйскага народу. Кніга атрымалася звыш юдафільскай і вельмі русафобскай. Беларускія яўрэі выстаўлены ахвярамі расійскай палітыкі на працягу ўсёй іх гісторыі – у XVIII – XX стст.

Нарыс складзены даволі нядбайна: ёсць і памылкі друку, і памылкі ў напісанні. Так, Шмуэль Магілевер, адзін з заснавальнікаў палесцінафільскага руху ў Расіі, названы Шмуэлем Магілеўкерам (с. 19), гісторык Самуіл Агурскі – Сяргеям Агурскім (с. 51).

Аўтар малюе амаль ідэальную канцэпцыю гісторыі яўрэйскай культуры на Беларусі. Яўрэі з'явіліся тут у канцы XIV ст. (хаця, магчыма, нават і ў пачатку II тыс. н.э.) (с. 8), пры гэтым ніякіх моцных канфліктаў паміж яўрэямі і тубыльцамі не было. Увогуле, у Рэчы Паспалітай яўрэйская культура амаль што расквітнела. Але ж хутка, быццам чорт з лазы, з'явіліся маскоўскія салдаты (чытай маскалі) і пачалі ўсё рушыць. «Масква проста не жадала прысутнасці ў ВКЛ [Вялікім княстве Літоўскім] ніякіх іншых рэлігійных храмаў, акрамя праваслаўных, і таму свядома, мэтанакіравана знішчала сінагогі» (с. 12), – піша прафесар Лыч.

Потым Беларусь далучылі да Расійскай імперыі, што адразу наклала на яўрэяў шмат абмежаванняў. Так, напрыклад, усе пасады ў гарадскіх органах «маглі займаць толькі тыя, хто ўмеў пісаць і чытаць на рускай, польскай і нямецкай мовах» (sic!) (с. 15). Прыводзім сапраўдны тэкст пп. 8 і 9 з Палажэння для яўрэяў 1804 г. для параўнання з інтэрпрытацыяй Лыча:

> *«Усе Яўрэі, якія пражываюць у Імперыі Расійскай, меючы поўную свабоду ва ўжыванні моў іх ва ўсіх справах, што тычацца веры, так і ў хатніх іх практыкаваннях, павінны, пачынаючы з 1 студзеня 1807 года, ва ўсіх актах публічных, у абавязацельствах, векселях і крэпасцях усякага роду, выкарыстоўваць мову Рускую, Польскую, альбо Нямецкую. Без гэтага ніякія іх акты запісаны і ў справу прыняты быць не могуць» (п. 8).*
>
> *«Сыходзячы з гэтага палажэння, пры першым абранні ў чальцы магістрата з яўрэяў, жадаючыя паступіць у гэтае адметнае званне, у Губернях, ад Польшчы далучаных, павінны для аднолькавасці і агульнага парадку насіць Польскае альбо Рускае адзенне, калі насіць Нямецкае не пажадаюць; а ў Губернях Расійскіх, дзе Яўрэям пастаяннае знаходжанне дазволена, Яўрэі, у выпадку такога абрання ў чальцы магістрата, павінны насіць адзенне Нямецкае. – З 1808 года ніхто з яўрэяў не можа быць абраны чальцом магістрата, калі не будзе ён пісаць і чытаць на адной з моў Рускай, Нямецкай, альбо Польскай» (п. 9)* (Поўны збор законаў Расійскай імперыі, т. 28, № 21547).

Мясцовая руская ўлада ніяк не клапацілася пра развіццё яўрэйскай культуры. Рускія заўжды імкнуліся знішчыць яўрэйскую ды і беларускую культуры. З гэтай мэтай праводзілася русіфікацыя. Частка яўрэяў спакусілася на рускую культуру і іх можна лічыць «здраднікамі» свайго народу (гл., напрыклад, с. 55).

Надзвычай проста аўтар падае такую складаную з'яву як *Ѓаскала* (Асвета): з яго пункту гледжання гэта выключна барацьба паміж абаронцамі традыцый і прыхільнікамі русіфікацыі. Апошняя паслабіла яўрэйскую рэлігію, і, увогуле, нанесла вялікія страты беларускім яўрэям: калі б яўрэі

«не працавалі на іншыя культуры», і асабліва на рускую, у іх было б яшчэ больш «багатае духоўнае жыццё» (с. 31).

Пасля «рэвалюцыйнага пераварота» у кастрычніку 1917 г. (с. 38) у беларускіх яўрэяў склаліся амаль ідэальныя адносіны да беларускай культуры, бо беларусізацыя ніяк не спрыяла знішчэнню яўрэйскай культуры, у адрозненні ад русіфікацыі. Яўрэі заўжды «паважліва ставіліся адзін да аднаго», калі ж у 1930-х гг. хтосьці з яўрэяў пісаў на другога яўрэя данос, то гэта, без сумневу, былі інтрыгі «карніцкіх органаў» (с. 57).

У 1930-х гг. русіфікацыю царскую змяніла русіфікацыя савецкая, якая паступова прывяла да «Халакосту этнічнага» (гл. на с. 62), і ўся палітыка 1930-х – 1940-х гг. – гэта «савецкі нацыянальны генацыд у дачыненні да беларускіх яўрэяў» (с. 65).

Аўтар прыходзіць да высновы, што ў беларускай і яўрэйскай культуры адзіны вораг – русіфікацыя (с. 62), а «практычна канчатковае амярцвенне яўрэйскай культуры адбылося па віне палітычнага кіраўніцтва рускага народа» (с. 80).

Але ж, беларуская зямля нарадзіла шмат дзеячоў яўрэйскай і беларускай культуры, сярод якіх: Мендэле Мойхер Сфорым (с. 23), Лазар Заменгоф (с. 25), Борух Шульман (с. 28–29), Марк Антакольскі (с. 31–32, дарэчы, ураджэнец Вільны), Лазар Меір (Луіс Майер) (с. 33–34) і г.д. Яўрэі і беларусы заўжды жылі побач: так, яўрэй працаваў у трупе І. Буйніцкага, стваральніка прафесійнага беларускага тэатру; з лекцыямі на Беларусі выступаў нават З. Жабацінскі (с. 36).

Такім чынам, замест нарыса з гісторыі яўрэскай культуры на Беларусі атрымаўся звычайны юдафільскі памфлет. Канцэпцыя, якую паспрабаваў стварыць Лыч, гэта дзіўная сумесь «нашаніўскіх» поглядаў пачатку XX ст. са «школай Пакроўскага» і арыенталізмам Э. Саіда: калісь жылі разам беларусы і яўрэі, а тут прыйшлі злыя і дзікія рускія, гэдакія людзі з Усходу, якія ўвесь час заміналі жыць мірна на адной зямлі...

Зм. Ш.

СОБЫТИЯ

В этой рубрике журнал представляет вниманию читателей обзор научных событий и мероприятий, которые редакция сочла достойными внимания читателей.

Презентация проекта «Преследования и жизненные дороги еврейских композиторов» (ФРГ)

Одно из прошедших в конце августа 2012 г. культурных мероприятий было посвящено трагическим судьбам еврейских композиторов в период Катастрофы. Под руководством известного деятеля культуры Бригитты Рафф из Берлина г. Горжуве (Польша) и состоялась презентация проекта «Преследования и жизненные дороги еврейских композиторов». Это стало продолжением творческого вечера «Музыка в период национал-социализма: преследования и жизненные дороги еврейских композиторов», прошедшего в Берлине в сентябре 2010 г. Для исполнения музыкальных произведений были приглашены молодые музыканты из Германии, Польши и Армении. Как, известно многие деятели искусства испытали преследования со стороны нацистского режима, став жертвами политики ненависти. В их числе Сигизмунд Шул (Zikmund Schul, 1916–1944). Родившийся в религиозной еврейской семье из Галиции музыкант жил в Германии, которую был вынужден оставить после прихода Гитлера к власти. Переехал в Прагу, где обучался в Пражской музыкальной академии. В октябре 1941 г. вместе с женой был заключен в гетто, где умер от туберкулеза лёгких. В концлагере Вюльцбург (Wülzburg) в Баварии закончилась жизнь композитора европейского уровня уроженца г. Праги Эрвина Шульгофа (Erwin Schulhoff, 1894–1942). Узником Аушвица был родившийся в Варшаве Шимон Лакс (Szymon Laks, 1901–1983). С 1926 г. он учился в Париже, являясь членом Общества молодых польских композиторов в Париже. Этот продуктивный период творчества закончился в период немецкой оккупации арестом и депортацией в лагерь смерти. После освобождения вернулся в Париж, оставил воспоминания «Музыка в Аушвиц». Трагически сложилась судьба Юзефа Коффлера (Józef Koffler,1896–1943/44). Будущий композитор родился в Западной Украине; с 1928 г. преподавал во Львове. В период оккупации был перевезен с семьей в гетто польского городка Величка. Точная дата его смерти не может быть установлена. Семья композитора Артура Шнабеля (Artur Schnabel, 1882–1951), родившегося в Галиции, испытала на себе пре-

следования пришедших к власти нацистов. В 1933 г. они выехали в Англию, откуда в Италию. В 1939 г. им удалось эмигрировать в США. Музыкальный вечер с участием молодых исполнителей стал важным мероприятием по популяризации творческого наследия жертв нацизма. Осуществление проекта стало возможным при содействии семьи Рафф-Фердеройтер.

Академический проект «Погромы: коллективное насилие против евреев на польских землях в 19-20 вв. и ее влияние на польско-еврейские отношения. История, память, идентичность»

В 2013 г. в Польше стартовал научный проект «Погромы: коллективное насилие против евреев на польских землях в XIX–XX вв. и ее влияние на польско-еврейские отношения. История, память, идентичность». Осуществлением проекта, получившего финансирование в рамках Национальной программы развития гуманитарных дисциплин Министерства науки и высшего образования Польши, занимается Институт истории Варшавского университета. Партнерами в проекте выступают факультет гебраистики и иудаики Университетского колледжа в Лондоне (Department of Hebrew and Jewish Studies, University College London), Тель-Авивский университет, а именно Институт истории польских евреев и израильско-польских отношений и Научно-исследовательский центр диаспоры Гольдштейна-Горена (The Institute for the History of Polish Jewry and Israel-Poland Relations, The Goldstein-Goren Diaspora Research Center, Tel Aviv University). По итогам работы планируется издание статей в нескольких томах. В ходе осуществления проекта запланированы семинары и итоговая конференция в 2015 г.

Международный форум «Нацистский геноцид цыган (ромов) и евреев в Восточной Европе: проблемы изучения, источники, методология»

В Москве 6 февраля 2013 г. в мемориальной синагоге на Поклонной горе состоялся международный форум «Нацистский геноцид цыган (ромов) и евреев в Восточной Европе: проблемы изучения, источники, методология». Мероприятие было организовано Центром изучения межэтнических и межкультурных отношений при поддержке Российского еврейского конгресса, Центра «Холокост» и др. На форуме были представлены доклады историков из разных стран, выступления представителей посольств и деятелей культуры. Форум завершился презентацией выставки историка А. Абакуновой «Пути исчезновения. Память евреев и ромов Транснистрии».

Первая конференция Европейской ассоциации израилеведения (10–12 сентября 2012 г.)

Нынешняя Европа ежеминутно сталкивается с исламом: количество легальных и нелегальных иммигрантов из стран Ближнего Востока во всех крупных европейских городах поражает любого обывателя. Европа уже превратилась в новую часть света – «Евро-Арабию». Эти новые жители Европы – выходцы из стран Ближнего Востока, – понятно, приносят с собой собственное понимание Израиля и арабо-израильского конфликта, которое распространено на их бывшей родине, весьма далекое от методов и канонов европейского востоковедения, которому уже более шестисот лет. Проживая на новой родине, в основной своей массе они исступленно ее ненавидят, привозя с собой еще и собственный уклад жизни, который едва ли чем-то отличается от образа жизни в какой-либо анатолийской деревне или поселении под Хартумом. Таким образом европейцы видят «Ближний Восток» уже не по телевизору, а выходя из дома на улицу. К тому же в 2010 г. начались арабские революции. В этих условиях обыватель желает знать все, что происходит на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Отсюда вполне понятный интерес ко всему происходящему в этом регионе мира.

Интерес европейцев к Израилю также не спадает. Хотя большинство европейских средств массовой информации однозначно занимают сторону арабов в их конфликте с еврейским государством, постоянно повторяющийся тезис о вине израильтян перед палестинцами – без разницы за что – вызывает естественное отторжение. К тому же, Европа не изжила коллективный «комплекс вины» за Катастрофу, видимый особенно в Германии. Соответственно, интерес к другой стороне конфликта также очевиден.

Исследователи, занимающиеся Израилем в США и самом Израиле, уже объединились в научное сообщество – Ассоциацию израильских исследований. У европейских специалистов подобного союза не существовало, а создавать его было необходимо: любые разрозненные силы – и уж тем более «от Атлантики до Урала» – рано или поздно требуют объединения. Таким образом в 2010 г. родилась идея учредить Европейскую ассоциацию израилеведения. Целью создания новой организации и стало объединение ученых, которые занимаются изучением Израиля по всей Европе – как Западной, так и Восточной. Задачу создания ассоциации взял на себя К. Шиндлер, профессор Школы азиатских и африканских исследований Лондонского университета. Примерно около года заняли подготовительные работы, и в сентябре 2011 г. в Лондоне прошла учредительная конференция новой ассоциации, а спустя еще год – в сентябре 2012 г. – состоялась первая конференция европейского исследовательского объединения.

Конференция собрала более 70 участников со всех стран Европы. Доклады, звучавшие там, как, собственно, и доклады на любом научном собрании, можно совершенно условно разделить на три типа: во-первых, доклады, подводящие итог большого исследования, или же сообщения о каком-либо узком аспекте проблемы с соответствующими отсылками к источникам (таких было немного), во-вторых, «провокационные» доклады, вызывающие дискуссию (их тоже было мало), и, в-третьих, обычные «научные доклады» с массой умных слов и без какой-либо конкретики (таких, к сожалению, было довольно много). Последние звучат на любой научной конференции и, увы, стали нормой современной научной жизни. Мало того, встречались сообщения, которые не были лишены политической конъюнктуры. Так, например, некоторые выступления польских ученых содержали притерно-сладкие и едва ли доказуемые тезисы о «ностальгии поляков по евреям» и столь же плаксивом чувстве израильтян к Польше; интересным, но явно тенденциозным показался тезис о большом влиянии Москвы на польскую политику в отношении Израиля после 1945 г.

Конференция показала, что уровень постсоветской науки мало чем отличается от науки западноевропейской. Сейчас везде гуманитарная наука находится в кризисе: и западные, и восточноевропейские ученые мужи читают доклады «ни о чем», с массой заумных слов (так проще: вроде и сказал что-то умное, а никто ничего не понял, вот все и решили, что ты, наверное, ученый). И в западной, и в восточной частях Европы не хватает денег. Правда, на Западе денег нет по объективным причинам, потому что разразился экономический кризис. А в Германии, Франции или Великобритании, и вообще в той части Европы, которая западнее бывшей Берлинской стены, никогда не жалели денег ни на исследования, будь то история или филология, ни на языковые стажировки за границей. А здесь, к востоку от Буга, жалеют. Мало того, сейчас даже в малых странах Западной Европы стали интересоваться тем, что происходит на Ближнем Востоке. А в постсоветских государствах это не интересно до сих пор.

В любом случае, первая конференция Европейской ассоциации израилеведения показала, что новая академическая ассоциация состоялась. Организаторы сразу же нашли нужный формат научного мероприятия. У некоторых участников конференции появилось предложение пригласить арабских ученых к участию в ассоциации. Очевидно, такая идея малопродуктивна: европейцы сами вполне справляются с критикой Израиля, и помощь им в этом со стороны арабов совершенно не нужна.

Дм. Шевелёв

XX международная конференция по иудаике Центра научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер» (3–5 февраля 2013 г.)

Наши друзья из Центра «Сэфер» уже в двадцатый раз собрали исследователей из стран СНГ, прибалтийских государств, Польши и Израиля, которые занимаются еврейской историей и культурой. Участники обсудили итоги своих работ, ближайшие перспективы и планы. Новым событием в юбилейной конференции стал «круглый стол» редакторов научных периодических изданий по иудаике, проведенный редакцией ежегодника «Цайтшрифт» и коллегами из Центра «Сэфер». О результатах мероприятия уже упоминалось в этом томе.

Конференция «Хождение в народ: евреи и этнографы» (17–19 февраля 2013 г.)

В феврале 2013 г. в Университете Индианы прошла конференция «Going to People: Jews and Ethnographic Impulse». По словам основных организаторов конференции – проф. Дов-Бера Керлера и проф. Джеффри Вайдлингера, – их целью был прежде всего обмен опытом среди людей, занимающихся в настоящее время еврейской этнографией. Для этого они пригласили около 20 ученых из США, Европы, Израиля и России. Д.-Б. Керлер организовал экспедицию, которая уже более 15 лет изучает старожильческое еврейское население Украины, Молдавии, Румынии и Венгрии – региона, где были распространены южные диалекты восточного идиша, фиксация разновидностей которого – одна из основных целей экспедиции. С докладами выступили и другие участники экспедиции Университета Индианы: Дж. Вайдлингер, А. Квилич и С. Шульман. Постсоветское пространство было представлено двумя докладчиками из России – проф. Валерием Дымшицем и Александрой Полян, которые рассказали о трансформации еврейских обрядов на современной Западной Украине и в Молдавии по материалам экспедиций центра «Петербургская иудаика» и Центра библеистики и иудаики РГГУ (Москва).

Среди докладчиков были не только «полевики» (этнографы, фольклористы, этномузыкологи, полевые лингвисты), но и исследователи истории еврейской этнографии: проф. Михаил Крутиков (Анн-Арбор), проф. Сергей Кан (колледж Дартмута), проф. Элисса Бемпорад (Куинс Колледж) и проф. Дебора Ялен (Университет Колорадо) представили доклады о разных сюжетах в истории советской еврейской этнографии и фольклористики, прослеживая в собирательской деятельности идеологический посыл, синтез

фиксации фольклорного материала, который воспринимался как часть прошлого, и конструирования самосознания нового советского еврейства – для нынешней и будущей жизни. Доклад Э. Бемпорад был посвящен этим проблемам именно на материале белорусского еврейства.

Участники конференции имели возможность познакомиться с интереснейшим примером синтеза полевых исследований и собственного творчества – шоу Дмитрия Слеповича и его группы «Литвакус». Исполнялись песни и мелодии, собранные Д. Слеповичем и его руководителем Н. С. Степанской в экспедициях в Белоруссии, музыкальные номера перемежались информантивными этномузыкологическими справками. Был использован уникальный способ концертной презентации материала: музыканты аккомпанировали видеозаписи, на которой песня исполнялась информантом. Шоу украсило участие Майкла Альперта – скрипача-виртуоза и вокалиста, музыканта, стоявшего у истоков современного возрождения клезмерской музыки и являющегося учителем почти всех современных ее исполнителей.

SUMMARIES

The Historical Part.
The 110th Annivessary of the Kishinev Pogrom (1903).
Pogroms in Russia at the Beginning of the 20th Century.
The History of the Holocaust

B. Valdman

The Kishinev Pogrom is on the pages of Russian-Jewish press (1903–1904)

The article features the reaction of representatives of the Russian-Jewish press to the Kishinev pogrom of 1903. It had a tremendous influence on the development of the Jewish national movement. Many people left Russia then and arrived in Eretz Yisrael. They themselves, as well as their descendants, laid the foundations of the future Jewish state.

Some Jewish commentators claimed the failure to defend the honor of the Jewish community from rioters. The progressive part of Russian society, Leo Tolstoy and Vladimir Korolenko in particular, made accusations against the Russian autocracy. The newspaper *"Voskhod"* (1903, № 21) familiarized the readers with Leo Tolstoy's opinion. The famous Russian writer mentioned "deep shocking atrocities in Kishinev". Tolstoy's story *"Posle bala"* was written specially for a collection prepared by Sholem-Aleykhem, for the victims of the pogrom. The author of the article also says that the image of "desecrated shrines" is commonly found in Jewish literature after the Kishinev Pogrom of 1903 (see works by H. N. Bialik, S. Frug, M. Ryvkin).

V. Mikhedzka

The authorities, the revolution, and the pogroms in Belarus at the beginning of the 20th century

The article reveals the conditions under which anti-Jewish violence in Belarus became possible in the early twentieth century. The author comes to the conclusion that the main organizers of the pogroms were members of the local Russian administration, namely, the gendarmerie and police. The number and severity of pogroms directly depended on the position of the local authorities. Pogroms were against the revolutionary movement, which was seen by the local administration as the revolt of the Jews against Russia. In most cases, the level of anti-Jewish aggression among the Belarusian masses was low. The article explores the motives that made people participate in the massacres of the local population.

S. Strunets

The Jews of Western Belarus before the Great Patriotic War: contemporary Polish historiography

The article is devoted to the approaches common in contemporary Polish historiography which study the Jewish population of Western Belarus in 1939–1941. Based on the analysis of a number of Polish historical works, the author expresses two points of view, interpreting the problem. The traditional approach emphasizes the repressive role of the Soviet government as well as an active participation of the Jews in the Sovietization of the region, both worsening relations between different ethnic groups. The opponents of this standpoint admit that the "traumatic" view dominates within the traditional approach. This traditional view was shared by the Poles who were repressed by the Soviet government. The essay "The Neighbors" (*Sąsiedzi. Historia zagłady żydowskiego miasteczka*) by J. T. Gross limited the study of ethnic relations to the central and western areas of the former Bialystok region and to the Polish-Jewish contacts. The region is quite specific: there were no Belarusians living there. The author of the article agrues that this is "convenient" for the researchers to reconsider the severity of the Polish-Jewish relations. The representatives of various approaches in historiography agree that there is a need to develop an integrated approach to the problem, namely to consider national relations in Western Belarus from the point of view of all ethnic groups that lived there – the Poles, Belarusians, and Jews.

A. Kenda

The policy of the Nazi occupational authorities towards the Jewish population in Malecz in June-October 1941 (according to the recollections of local residents)

The article shows the implementation of the Nazi policy of genocide against the Jewish population in the small town of Malech. Based on the memories of the local residents, the author comes to the conclusion that there were Jewish ghettos there. The reasons why the occupational authorities were loyal to the Jews at the beginning of the occupation are analysed in the article. The elimination of the ghetto in Malecz is also described by the authour.

A. Yermakov

A war of extermination against the Soviet Union as part of history courses in German schools

The article is focused on history courses in German schools. The subject of contemporary history taught in German schools aimed at showing the Nazi policy of genocide on the occupied territories of the USSR. The conclusions of

the author are made on the existing imbalance between the volume and quality of school knowledge and the public interest in the issue. There was also a lag between the content of the school material and the present state of the German historiography of the problem. The author sees the imbalance between a large potential of the issue of exterminatory war for the formation of historical competence of schoolchildren and their civic education.

<u>V. Matokh</u>

Anti-Semitism in hospitals in the BSSR in the pre-war period (based on the materials of the State Archives of the Minsk region)

The cases of anti-Semitism among doctors and nurses in hospitals of the BSSR in the 1920–1930s are described in the article. The paper is based on the newspaper articles of the 1920–1930s and materials gathered in the State Archives of the Minsk Region. The author makes a conclusion that anti-Semitism was rather common in health care institutions at the time as well as in the Belarusian society in general. Nevertheless, the state policy was not anti-Semitic. All anti-Semitic actions can be devided into "political" and "everyday" ones. The state paid special attention to the "political" cases. Anti-Semitic cases in hospitals were specially monitored by the government because health care was an important part of the Soviet social policy. The author stresses that in health institutions of the BSSR a large percentage of senior medical staff were Jewish. On the contrary, the junior staff were non-Jewish (Belarusians, Russians, and Poles), which could lead to the national antagonism between the groups. This may be the reason why any anti-Semitic actions were pursued by the authorities.

<u>P. Damohorská</u>

Jewish liturgy after the Shoah

The article deals with the changes in the Jewish liturgy after the Shoah tragedy. Although the Jewish liturgy was in some sense codified in the geonic age, there has always been some room for new liturgical elements. The liturgical changes were made during the so-called Reform movement at the end of the 18th–19th centuries. The impact of the Shoah on the Jewish liturgy can be found in most Jewish communities. The Reform and Liberal Jewish communities introduced special liturgies dedicated to the victims of the Shoah for Yom Hashoah. Several Conservative or Reconstructionist communities also made some textual changes to the wording of traditional liturgical texts. Orthodox communities commemorate the Shoah tragedy in special *kinnot* which are recited on the 9th of Av or within the frame of the traditional liturgical texts, such as Yizkor.

<u>F. Ackermann</u>

In the shadow of the Shoa:
peripheral repercussions of the Moscow Doctors' Plot

The author of the article describes Hrodno region in the late 1940 – early 1950s. He pays attention on the the events of Doctors' Plot in Hrodno. The work is based on several archival sources and interviews made by the author of the article.

<u>I. Vavrenyuk</u>

Artur Asher's commercial school in Pinsk

In historiography there is not a single publication about the commercial school in Pinsk founded by Arthur Asher. This article is the first work on this topic. The author studies the educational process in the school in its connection to the socio-cultural transformations in Poland from 1921 to 1939. The article reveals legislation on private education. Also, the school's traditions are described in the article. Arthur Asher's commercial school is considered as an example of the realization of educational rights of the Jews in interwar Poland.

The study of Palestine

<u>E. Iakimova</u>

Principles of Israeli "gas" diplomacy
towards the CIS and the Baltic States

The article dwells upon problems and prospects of Israeli gas industry that is a notable means of foreign policy. The author examines the natural resources of Israel, national interests of the country and its possible partners and the future of this challenging industry. The article is also devoted to the principles of cooperation of Israel with the states that emerged after the collapse of the Soviet Union. But comparatively small research does not allow studying each direction of Israel's "gas" diplomacy in detail.

It should be emphasized that according to the experts' estimations, natural gas fields located in the Mediterranean Sea off the coast of Israel are of high quality. The proximity of the Mediterranean natural gas to European consumers solves the problem of supplying gas. This can help the State of Israel not only use gas for its domestic needs but also export it. The USA is already involved in the company "Noble Energy", but Russia and Ukraine also plan to partake in gas extraction and transportation. Latvia considers Israel as a possible supplier.

Now it is difficult to say which of the joint initiatives will appear to be beneficial in the long term prospective. At the official level, the position of the country is confined to co-operation on the basis of equal opportunity for all international

companies wishing to participate. Time will show how productive the actions of Israel will be. But it is clear that the Israeli government would seek to use natural gas as an important means to regulate relations with other partners in order to support the country's new status in the world system of producers and consumers.

Literary criticism

V. Brio

"And I hear the voice of the muse...". On the literary work of Mordechai Tsvi Mane

The paper analyzes the literary works of the Jewish poet Mordekhai Tsvi Mane. He was interested in Russian poetry and literary critics. He translated them into Hebrew. The author of the paper publishes a letter by Mane written to his friend Jehuda Pen, a Jewish artist. The letter was found in the collection of manuscripts of the National Library of Israel in Jerusalem.

Z. Gimpelevich

Źmitrok Biadulia: A Belarusian-Jewish Writer who Was Loved by Many

Źmitrok Biadulia is frequently called Belarusian H.-C. Andersen. He enjoyed love and popularity of many readers who, in turn, belonged to different cultural and language backgrounds. Nevertheless, Christian and Jewish Belarusians often claimed that he was as a part of their culture. The present study examines the writer's personal life as well as history of his motherland as it is rendered in his works. The article shows that Źmitrok Biadulia considered himself both Belarusian and Jewish. This is articulated in all his works, but is particularly evident in his less-known autobiographical shorter novels "The Approach" (*Nabližeńnie*, 1935) and "In the dense forest" (*U drymučych lasach*, 1939). Both works are remarkable because they started the biography genre in modern Belarusian literature.

The linguistic part

I. Yakovleva

The semantics of verbs denoting speech acts in Yiddish

The article explores semantics of speech act verbs and their collocations in Yiddish. The author suggests that this semantic area along with verb collocations is influenced by the models typical of the Slavic languages. The study shows that the patterns observed in the course of semantic borrowing within this lexical scope coincide with the principles that govern the process of borrowing at the level of grammatical systems.

Art criticism

T. Pavlova

Crying on the ruins of the shtetl. Eugeni Kotlyar's Photo-Project "By the rivers of Babylon ..."

The article deals with the series of photos made by the Ukranian artist, designer and photographer Eugeni Kotlyar. His exibition "By the rivers of Babylon…" was a part of the large project "*Neshama*: through art to the heart." The main part of this project is an open-air workshop in the former Jewish shtetls which took part in August 2011 in Ukraine. E. Kotlyar created his works during his trip around the Ukraine. His photos were exhibited at the group exhibition "Jewish Atlantis: the world of shtetl in the works of Kharkov artists" and at the exhibition "By the rivers of Babylon" held in Kharkov in 2012.

The project reveals "Jewish Atlantis" lost in the depths of the Ukrainian province, depicts the dramatic conflicts in Jewish history as well as the philosophy and culture of the people. The author captures the historical architectural landscape and romanticizes the image of history which is a result of mere observation of trifles and artifacts of everyday life. The photographer shows the "aesthetics of desolation". He also presents a series of still life and portrait gallery, and proposes the idea of the continuity of cultural traditions. Kotlyar's images show Jewish culture in the past and present.

A few materials on the history of the Great Patriotic War from the archives of the Institute for the Russian History of the Russian Academy of Science are presented in the ***Records***. There is Basya Levina's interview and Gennadiy Levin's diary, both materials were written in 1944. They were found by Evgeni Rozenblat, a Belarusian historian. Also there are Saul Borovoy's letters, letters from a Soviet Jewish historian, addressed to Vladimir Picheta, a Belarusian historian, one of the founders of Belarusian historiography. The letters were first found in the archives of the Russian Academy of Science and published by D. Shavialiou.

The ***Reviews*** part features the survey of the articles in the journal "Central Asia and the Caucasus" published in Sweden (the survey has been written by Dr. V. Mesamed). Also, reviews of new books published in 2012–2013 are provided in this part.

The ***News*** part considers several academic events, in which editorial board has been involved recently.

РЕЗЮМЕ

Исторический отдел

Тема номера: 110-летие Кишиневского погрома. Погромное движение на территории Российской империи в начале XX в. История Холокоста

Б. Вальдман

**Кишиневский погром.
По страницам русско-еврейской печати (1903–1904 гг.)**

В статье рассказывается о реакции русско-еврейской печати на Кишиневский погром 1903 г. Погром оказал громадное влияние на развитие еврейского национального движения. Тогда многие покинули Россию и в составе Второй алии прибыли в Эрец-Исраэль. Они и их потомки заложили основы будущего еврейского государства.

Некоторые еврейские публицисты с гневом отмечали неспособность еврейства отстоять свою жизнь и честь от погромщиков. Прогрессивная часть русского общества, в частности, Л. Н. Толстой и В. Г. Короленко, выступили с обвинениями в адрес самодержавия. Газета «Восход» (1903, №21) ознакомила читателей с мнением Льва Толстого. Писатель заявлял о «глубоком потрясении зверством, совершенным в Кишиневе». Свой рассказ «После бала» Л. Н. Толстой писал для сборника в пользу пострадавших от погрома, который готовил Шолом-Алейхем. Автор отмечает также одну художественную особенность, характерную для рецепции погрома в еврейской литературе, – образ «поруганной Святыни» (произведения Х. Н. Бялика, С. Фруга, М. Рывкина).

В. Михедько

Власть, революция и погромы в Беларуси в начале XX в.

В статье показаны условия, в которых проявилось антиеврейское насилие в Беларуси в начале XX в. Автор приходит к выводу, что организаторами погромов стали представители местной российской администрации, прежде всего – жандармско-полицейских структур. Количество и тяжесть погромов напрямую зависели от позиций губернских властей. Погромы стали способом противодействия революционному движению, которое рассматривалось местной администрацией как восстание евреев против России. В большинстве исследованных случаев уровень антиеврейской агрессии среди масс белорусского населения был недостаточен для самопроизвольного возникновения погромов. В статье рассмотрены состав и мотивы участия в погромах местного населения.

С. Струнец

Евреи на территории Западной Беларуси накануне Великой Отечественной войны в освещении современной польской историографии

В статье рассмотрены существующие в современной польской историографии подходы к изучению положения еврейского населения на территории Западной Беларуси в 1939–1941 гг. На основе анализа ряда исторических работ сделан вывод о том, что в польской историографии оформились две точки зрения, по-разному трактующие содержание данной проблемы. Для представителей «традиционного» подхода характерен акцент на репрессивной роли советской власти и активное участие евреев в советизации региона на фоне обострения взаимоотношений между различными этническими группами. Их оппоненты концентрируют внимание на том, что в «традиционном» подходе доминирует субъективное травматическое видение ситуации сквозь призму наиболее пострадавшей от советской власти части польского населения. Отмечается, что сочинение Я. Т. Гросса «Соседи» (*Sąsiedzi. Historia zagłady żydowskiego miasteczka*) во многом ограничило изучение проблематики межнациональных отношений рамками центральных и западных районов бывшей Белостокской области и польско-еврейскими контактами. Специфичность данного региона достаточно очевидна: белорусы здесь фактически не проживали. Таким образом, для исследователей представился «удобный» случай еще раз рассмотреть всю остроту польско-еврейских отношений. Представители различных исследовательских направлений сходятся во мнении о необходимости выработки интегрального подхода к этой проблеме, а именно рассмотрения межнациональных отношений с точки зрения проживавших в Западной Беларуси этнических групп – поляков, белорусов, евреев – в комплексе.

А. Кенда

Политика немецких властей в отношении еврейского населения в м. Малеч в июне-октябре 1941 г. (по воспоминаниям местных жителей)

Статья рассказывает об осуществлении немецко-фашистской политики геноцида в отношении еврейского населения на примере местечка Малеч. Основываясь на воспоминаниях местных жителей, автор приходит к выводу, что в Малече существовало гетто. Рассматриваются причины лояльного отношения оккупационных властей к еврейскому населению в первое время существования гетто. Автор подробно описывает процесс ликвидации малечского гетто.

<u>А. Ермаков</u>

Война на уничтожение против Советского Союза в немецком школьном курсе истории

В статье рассматривается принципы преподавания нацистской политики геноцида на оккупированных территориях СССР в современном немецком школьном курсе истории. Сделаны выводы о несоответствии объема и качества школьных знаний общественному интересу к теме, об отставании содержания школьного материала от состояния немецкой историографии, о большом потенциале темы войны на уничтожение для формирования исторической компетентности учащихся и их гражданского воспитания.

<u>В. Матох</u>

Антисемитизм в медицинских учреждениях в БССР в довоенный период (по материалам Государственного архива Минской области)

В статье рассматриваются случаи антисемитизма в Беларуси в 1920-х – 1930-х гг. на материалах печати, и документах, собранных в Государственном архиве Минской области. Автор приходит к выводу, что в медицинских учреждениях в указанный период антисемитизм был вполне обыденным явлением, как и в белорусском обществе того времени, хотя частью государственной политики антисемитизм не являлся. В БССР того периода антисемитские проявления разделялись на «политические» и «бытовые», причем внимание государства уделялось, прежде всего, «политическим» случаям. Проявления антисемитизма в медучреждениях отслеживались властями отдельно, так как здравоохранение являлось важной частью советской социальной политики. Автор подчеркивает, что в медицинских учреждениях БССР существовала ситуация, когда значительный процент старшего врачебного персонала был еврейским, а младший и обслуживающий персонал – преимущественно нееврейским (белорусским, русским и польским), что могло привести к национальным трениям между этими группами, поэтому любые проявления антисемитских настроений жестко наказывались властями.

<u>П. Дамохорска</u>

Еврейская литургия после Холокоста

В статье рассматриваются изменения в еврейской литургии после трагедии Холокоста. Хотя еврейская литургия была кодифицирована еще в эпоху гаонов, всегда имелось место для введения новых элементов. Пространство для изменений было увеличено в период Ѓаскалы в конце XVIII–XIX вв. Влияние Холокоста на литургию можно найти в большинстве ев-

рейских общин, хотя порядок службы разнится от общины к общине. В реформистской общине введены специальные литургии, посвященные жертвам Холокоста на День Катастрофы (*Йом ѓа-Шоа*). Некоторые консервативные или реконструктивистские общины внесли редакционные изменения в формулировки традиционных литургических текстов. Ортодоксальные общины в память о трагедии Холокоста читают на 9 Ава специальные *кинот* или некоторым образом вносят коррективы в традиционные литургические тексты, такие, например, как *Изкор*.

Ф. Акерманн

В тени Катастрофы.
Отголоски московского дела врачей на периферии

Как только в Москве власти начали гонения на евреев-врачей, аналогичные меры были приняты местными властями в Гродно. Репрессии обрушились на работников медицинских учреждений, только на том основании, что они были евреями. Статья посвящена послевоенной еврейской жизни в Гродно и антисемитской политике местного руководства после начала «дела врачей» в Москве.

И. Вавренюк

Торговая школа Артура Ашера в Пинске

В историографии нет работ, описывающих деятельность торговой школы Артура Ашера в Пинске. Представленная статья – первая подобная попытка. В статье рассматривается учебный процесс в пинской торговой школе в контектсе социально-экономических преобразований в Польше в 1921–1939 гг. Также рассмотрены проблемы законодательства в образовательной сфере, регулирующего деятельность коммерческих училищ, показаны традиции школы Артура Ашера.

Исследование Палестины

Е. Якимова

Принципы «газовой» дипломатии Израиля
в отношении стран СНГ и Балтии

В статье рассматриваются проблемы и перспективы использования израильской газовой отрасли в качестве инструмента влияния в международных делах. Автор повествует об имеющихся месторождениях газа и пытается оценить перспективы включения в энергетическую сферу страны возможных иностранных партнеров. Основное внимание уделяется перспективам отношений Израиля с постсоветскими государствами по данному вопросу.

По оценкам экспертов, в Средиземном море у берегов Израиля находятся месторождения природного газа высокого качества. Залежи обнаружены на сравнительно большой глубине – около 2 км. Близость средиземноморского природного газа к европейским потребителям решает для них проблему диверсификации поставок. Таким образом, имеющиеся ресурсы можно использовать не только для внутренних нужд, но и для экспорта.

Хотя на официальном уровне в Тель-Авиве заявляют о равных возможностях для каждой из стран, на данном этапе предпочтение пока отдается американской компании *Noble Energy*, которая уже вовлечена в разработку месторождений. В добыче планируют также принять участие Россия и Украина. Кроме того, Латвия рассматривает Израиль в качестве возможного поставщика газа.

Внутри израильской политической элиты не существует согласия в отношении привлечения к энергетической отрасли российского концерна «Газпром». Некоторые политики и эксперты считают эту компанию ненадежной, приводя в качестве аргументов в свою пользу т.н. «газовые воины», срывы русскими европейских сделок и зависимость топ-менеджеров предприятия от Кремля. С уверенностью можно констатировать, что Израиль намерен активно использовать энергетический фактор в качестве внешнеполитического инструмента.

Литературоведческий отдел

<u>В. Брио</u>

«И голос музы я услышу…». О литературном творчестве Мордехая Цви Мане

Статья посвящена творчеству еврейского поэта из Вильны Мордке Цви Мане. В статье приводятся отрывки из стихотворений Мане. В заключении автор публикует письмо Мане Ю. Пэну, найденное в собрании рукописей Национальной библиотеки Израиля в Иерусалиме.

<u>З. Гимпелевич</u>

Змитрок Бядуля – многими любимый белорусский еврейский писатель

Змитрок Бядуля, которого часто называли белорусским Г.-Хр. Андерсеном, пользовался любовью и почитанием многих читателей, принадлежащих к различным языковым и религиозным культурам. Белорусы и белорусские евреи, однако, часто заявляют свои права на жизнь и творчество писателя. Настоящее исследование, анализ которого основывается на личной судьбе писателя и биографии его многострадальной родины, отраженных в

его произведениях, утверждает тезис о натуральном состоянии самого писателя одновременно в обоих ипостасях. Данный тезис, прослеживающийся в жизни и всех книгах писателя, особенно очевиден в его сравнительно мало исследованных коротких биографических романах «Приближение», 1935 и «В дремучих лесах», 1939. Оба произведения также примечательны тем, что являются началом биографического жанра в современной белорусской литературе.

Лингвистический отдел

<u>И. Яковлева</u>

Семантика глаголов речемыслительного действия в языке идиш

Автор приходит к выводу, что семантика и сочетаемость глаголов речемыслительного действия в идише свидетельствует о том, что эта семантическая область испытала значительное влияние славянской модели. Исследование позволяет предположить, что закономерности, наблюдающиеся в ходе семантических заимствований в пределах той или иной лексической области, согласуются с принципами, управляющими заимствованиями на уровне грамматических систем.

Искусствоведческий отдел

<u>Т. Павлова</u>

Плач на руинах местечка. Фотопроект Евгения Котляра «На реках вавилонских…»

Статья посвящена исследованию фотографического цикла харьковского искусствоведа, дизайнера и фотографа Евгения Котляра «На реках вавилонских», реализованного в рамках масштабного проекта «Нешама: через искусство к сердцу». Главной частью этого проекта стал семинар-пленэр по еврейским местечкам Украины, который состоялся в августе 2011 г. В ходе этой поездки и был создан фотоцикл Е. Котляра. Он экспонировался на коллективной выставке «“Еврейская Атлантида”. Мир штела в произведениях харьковских художников», а также на выставке «На реках вавилонских» в Харькове (2012 г.). Фотовыставка Е. Котляра стала творческим «проектом памяти», который представил путешествие-паломничество, сегодняшнюю жизнь провинциальных городков Украины, а также сохранившийся мир штетла. Данная серия раскрывает затерянную в глуши тихой украинской провинции «еврейскую Атлантиду», рассказывает и о драматических коллизиях еврейской истории, и о философии и культуре народа. В одних работах автор фиксирует историко-архитектурный пейзаж, в других – романтизи-

рованный образ истории, который рождается из наблюдения за мелочами и артефактами повседневного быта местечек, деталей его среды, которые выступают как символы одноименной серии «эстетики запустения». Он также представляет серию натюрмортов и галерею портретов, от традиционных еврейских типажей до юных, современных «обитателей» штетла, проводя мысль о преемственности его культурных традиций. Созданные фотохудожником образы демонстрируют поиски ушедшей и вместе с тем существующей еврейской культуры.

В **Источниках** представлено несколько материалов из коллекции по изучению истории Великой Отечественной войны из Архива российской истории Российской академии наук (РАН), найденные Е. С. Розенблатом (Запись беседы с Басей Левиной 1944 г. и дневник Геннадия Левина того же 1944 г.), а также письма еврейского советского историка С. Я. Borового В. И. Пичете, историку, одному из основателей белорусской историографии, 1939–1946 гг., обнаруженные в Архиве РАН (публикация Д. Шевелёва).

Раздел **Обзоры и рецензии** открывается статьей В. Месамеда об исследованиях, посвященных еврейской истории и культуре, появившихся в журнале «Центральная Азия и Кавказ» (Швеция). В разделе также имеются др. рецензии на книги, вышедшие в 2012–2013 гг.

РЭЗЮМЭ

Гістарычны аддзел.
Тэма нумара: 110-годдзе Кішынёўскага пагрому. Пагромны рух на тэрыторыі Расійскай імперыі ў пачатку XX ст. Гісторыя Халакосту

Б. Вальдман

«Кішынёўскі пагром.
Па старонках руска-яўрэйскага друку (1903–1904 гг.)»

У артыкуле распавядаецца пра рэакцыю руска-яўрэйскага друку на Кішынёўскі пагром 1903 г. Пагром аказаў велізарны ўплыў на развіццё яўрэйскага нацыянальнага руху. Тады многія пакінулі Расію і ў складзе Другой аліі прыбылі ў Эрэц-Ісраэль. Яны і іх нашчадкі заклалі асновы будучай яўрэйскай дзяржавы.

Некаторыя яўрэйскія публіцысты з гневам адзначалі няздольнасць яўрэйства абараніць ад пагромшчыкаў сваё жыццё і гонар. Прагрэсіўная частка рускага грамадства, у прыватнасці, Л. М. Талстой і У. Г. Караленка, выступілі з абвінавачваннямі на адрас самадзяржаўя. Газета «Восход» (1903, №21) пазнаёміла чытачоў з меркаваннем Льва Талстога. Пісьменнік заяўляў пра «глыбокае ўзрушэнне зверствам, здзейсненым у Кішынёве». Сваё апавяданне «Пасля балю» Л. М. Талстой пісаў для зборніка на карысць пацярпелых ад пагрому, які рыхтаваў Шалом-Алейхем. Аўтар указвае таксама на адну мастацкую асаблівасць, характэрную для рэцэпцыі пагрому ў яўрэйскай літаратуры, – вобраз «зняважанай Святыні» (творы Х. Н. Бяліка, С. Фруга, М. Рыўкіна).

В. Міхедзька

Улада, рэвалюцыя і пагромы ў Беларусі ў пачатку XX ст.

У артыкуле паказаны ўмовы, у якіх выявіўся антыяўрэйскі гвалт у Беларусі ў пачатку XX ст. Аўтар прыходзіць да высновы, што арганізатарамі пагромаў сталі прадстаўнікі мясцовай расійскай адміністрацыі, перш за ўсё – жандармска-паліцэйскіх структур. Колькасць і цяжар пагромаў наўпрост залежалі ад пазіцый губернскіх уладаў. Пагромы сталі спосабам процідзеяння рэвалюцыйнаму руху, які разглядаўся мясцовай адміністрацыяй як паўстанне яўрэяў супраць Расіі. У большасці даследаваных выпадкаў узровень антыяўрэйскай агрэсіі сярод мас беларускага насельніцтва быў недастатковы для самавольнага ўзнікнення пагромаў. У артыкуле разгледжаны склад і матывы ўдзелу ў пагромах мясцовага насельніцтва.

С. Струнец

Яўрэі на тэрыторыі Заходняй Беларусі напярэдадні Вялікай Айчыннай вайны ў асвятленні сучаснай польскай гістарыяграфіі

У артыкуле разгледжаны існуючыя ў сучаснай польскай гістарыяграфіі падыходы да вывучэння становішча яўрэйскага насельніцтва на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў 1939–1941 гг. На аснове аналізу шэрагу гістарычных работ зроблены высновы аб тым, што ў польскай гістарыяграфіі афарміліся два пункты гледжання, якія па-рознаму трактуюць змест дадзенай праблемы. Для прадстаўнікоў «традыцыйнага» падыходу характэрны акцэнт на рэпрэсіўную ролю савецкай улады і актыўны ўдзел яўрэяў у саветызацыі рэгіёну на фоне абвастрэння ўзаемаадносін паміж рознымі этнічнымі групамі. Апаненты такога разумення факусуюць увагу на тым, што ў «традыцыйным» падыходзе дамінуе суб'ектыўнае траўматычнае бачанне сітуацыі скрозь прызму найбольш пацярпелай ад савецкай улады часткі польскага насельніцтва. Адзначаецца, што твор Я. Т. Гроса «Суседзі» (*Sąsiedzi. Historia zagłady żydowskiego miasteczka*) шмат у чым абмежаваў вывучэнне праблематыкі міжнацыянальных адносін рамкамі цэнтральных і заходніх раёнаў былой Беластоцкай вобласці і польска-яўрэйскімі кантактамі. Спецыфічнасць дадзенага рэгіёну досыць відавочная: беларусы тут фактычна не пражывалі. Такім чынам, для даследчыкаў прадставіўся «зручны» выпадак яшчэ раз разгледзець усю вастрыню польска-яўрэйскіх стасункаў. Прадстаўнікі розных даследчых напрамкаў сыходзяцца ў меркаванні аб неабходнасці выпрацоўкі інтэгральнага падыходу да гэтай праблемы, а менавіта разгляду міжнацыянальных адносін з пункту гледжання пражываючых у Заходняй Беларусі этнічных груп – палякаў, беларусаў, яўрэяў – у комплексе.

А. Кенда

Палітыка нямецкіх уладаў у дачыненні да яўрэйскага насельніцтва ў м. Малеч у чэрвені – кастрычніку 1941 г. (па ўспамінах мясцовых жыхароў)

Артыкул распавядае аб ажыццяўленні нямецка-фашысцкай палітыкі генацыду ў дачыненні да яўрэйскага насельніцтва на прыкладзе мястэчка Малеч. Грунтуючыся на ўспамінах мясцовых жыхароў, аўтар прыходзіць да высновы, што ў Малечы існавала гета. Разглядаюцца прычыны лаяльных адносінаў акупацыйных уладаў да яўрэйскага насельніцтва ў першы час існавання гета. Аўтар падрабязна апісвае працэс ліквідацыі малечскага гета.

А. Ермакоў

Вайна на знішчэнне супраць Савецкага Саюза ў нямецкім школьным курсе гісторыі

У артыкуле разглядаюцца прынцыпы выкладання нацысцкай палітыкі генацыду на акупаваных тэрыторыях СССР у сучасным нямецкім школьным курсе гісторыі. Зроблены высновы аб неадпаведнасці аб’ёму і якасці школьных ведаў грамадскай цікавасці да тэмы, адставанні зместу школьнага матэрыялу ад стану нямецкай гістарыяграфіі праблемы, аб вялікім патэнцыяле тэмы вайны на знішчэнне для фарміравання гістарычнай кампетэнтнасці навучэнцаў і іх грамадзянскага выхавання.

В. Матох

Антысемітызм у медыцынскіх установах у БССР у даваенны перыяд (па матэрыялах Дзяржаўнага архіва Мінскай вобласці)

У артыкуле разглядаюцца выпадкі антысемітызму ў Беларусі ў 1920–1930-х гг. на матэрыялах друку і дакументах, сабраных у Дзяржаўным архіве Мінскай вобласці. Аўтар прыходзіць да высновы, што ў медыцынскіх установах у названы перыяд антысемітызм быў цалкам звычайнай з’явай, як і ў беларускім грамадстве таго часу, хоць часткай дзяржаўнай палітыкі антысемітызм не з’яўляўся. У БССР таго перыяду антысеміцкія праявы падзяляліся на «палітычныя» і «бытавыя», прычым ўвага дзяржавы надавалася, перш за ўсё, «палітычным» выпадкам. Праявы антысемітызму ў медустановах адсочваліся ўладамі асобна, так як ахова здароўя з’яўлялася важнай часткай савецкай сацыяльнай палітыкі. Аўтар падкрэслівае, што ў медыцынскіх установах БССР існавала сітуацыя, калі значны адсотак старшага медычнага персаналу быў яўрэйскім, а младшы і абслугоўваючы персанал – пераважна неяўрэйскім (беларускім, рускім і польскім), што магло прывесці да нацыянальных непаразуменняў паміж гэтымі групамі, таму любыя праявы антысеміцкіх настрояў жорстка караліся ўладамі.

П. Дамахорска

Яўрэйская літургія пасля Халакосту

У артыкуле разглядаюцца змены ў яўрэйскай літургіі пасля трагедыі Халакосту. Хоць яўрэйская літургія была кадыфікаваная яшчэ ў эпоху гаонаў, заўсёды мелася месца для ўвядзення новых элементаў. Прастора для літургічных зменаў была павялічаная ў перыяд Ґаскалы ў канцы XVIII–XIX стст. Уплыў Халакосту на літургію можна знайсці ў большасці яўрэйскіх абшчынаў, хоць яе парадак ў розных абшчынах адрозніваецца. У рэфармісцкай і ліберальнай абшчынах ўведзеныя спецыяльныя службы,

прысвечаныя ахвярам Холокоста на Дзень Катастрофы *(Йом ѓа-Шоа)*. Некаторыя кансерватыўныя або рэканструктывісцкія абшчыны ўнеслі рэдакцыйныя змены ў фармулёўкі традыцыйных літургічных тэкстаў. Артадаксальныя абшчыны ў памяць аб трагедыі Халакосту чытаюць на 9 Ава спецыяльныя *кінот* або нейкім чынам ўносяць карэкціроўку ў традыцыйныя літургічныя тэксты, такія, напрыклад, як *Ізкор*.

<u>Ф. Акерман</u>

У цені Катастрофы.
Адгалоскі маскоўскай справы лекараў на перыферыі

Як толькі ў Маскве ўлады пачалі ганенні на яўрэяў-лекараў, аналагічныя захады былі прынятыя мясцовымі ўладамі ў Гродне. Рэпрэсіі абрынуліся на работнікаў медыцынскіх установ, толькі на той падставе, што яны былі яўрэямі. Артыкул прысвечаны пасляваеннаму яўрэйскаму жыццю ў Гродне і антысеміцкім мерам, якія былі зробленыя мясцовым кіраўніцтвам пасля пачатку «справы дактароў» у Маскве.

<u>І. Ваўранюк</u>

Гандлёвая школа Артура Ашэра ў Пінску

У гістарыяграфіі няма прац, якія апісваюць дзейнасць гандлёвай школы Артура Ашэра ў Пінску. Прадстаўлены артыкул – першая падобная спроба. У артыкуле разглядаецца навучальны працэс у пінскай гандлёвай школе ў кантэксце сацыяльна-эканамічных пераўтварэнняў у Польшчы ў 1921–1939 гг. Таксама разгледжаны праблемы заканадаўства ў адукацыйнай сферы, якое рэгулявала дзейнасць камерцыйных вучэльняў, паказаны традыцыі школы Артура Ашэра.

Даследаванне Палестыны

<u>Л. Якімава</u>

Прынцыпы «газавай» дыпламатыі Ізраіля
ў дачыненні да краінаў СНД і Балтыі

У артыкуле разглядаюцца праблемы і перспектывы выкарыстання ізраільскай газавай галіны ў якасці інструмента ўплыву ў міжнародных справах. Аўтар апавядае аб існуючых радовішчах газу і спрабуе ацаніць перспектывы ўключэння ў энергетычную сферу краіны магчымых замежных партнёраў. Асноўная ўвага надаецца перспектывам адносін Ізраіля з постсавецкімі дзяржавамі па гэтым пытанні.

Паводле ацэнак экспертаў, у Міжземным моры ля берагоў Ізраіля знаходзяцца радовішчы прыроднага газу высокай якасці. Залежы выяўлены на параўнальна вялікай глыбіні – каля 2 км. Блізкасць міжземнаморскага

прыроднага газу да еўрапейскіх спажыўцоў вырашае для іх праблему дыверсіфікацыі паставак. Такім чынам, наяўныя рэсурсы можна выкарыстоўваць не толькі для ўнутраных патрэб, але і для экспарту.

Хоць на афіцыйным узроўні ў Тэль-Авіве заяўляюць пра роўныя магчымасці для кожнай з краін, на дадзеным этапе перавага пакуль аддаецца амерыканскай кампаніі *Noble Energy*, якая ўжо ўцягнута ў распрацоўку радовішчаў. У здабычы плануюць таксама прыняць удзел Расія і Украіна. Акрамя таго, Латвія разглядае Ізраіль у якасці магчымага пастаўшчыка газу.

Унутры ізраільскай палітычнай эліты не існуе згоды наконт прыцягнення да энергетычнай галіны расійскага канцэрну «Газпром». Некаторыя палітыкі і эксперты лічаць гэтую кампанію ненадзейнай, прыводзячы ў якасці аргументаў на сваю карысць т.зв. «газавыя войны», зрывы рускімі еўрапейскіх здзелак і залежнасць топ-менеджэраў прадпрыемства ад Крамля. З упэўненасцю можна канстатаваць, што Ізраіль мае намер актыўна выкарыстоўваць энергетычны фактар у якасці знешнепалітычнага інструмента.

Літаратуразнаўчы аддзел

В. Брыю

«І голас музы я пачую ...». Пра літаратурную творчасць Мардэхая Цві Мане

Артыкул прысвечаны творчасці яўрэйскага паэта з Вільні Мордке Цві Мане. У артыкуле прыводзяцца ўрыўкі з вершаў Мане. Аўтарка таксама публікуе ліст Мане Ю. Пэну, знойдзены ёй у зборы рукапісаў Нацыянальнай бібліятэкі Ізраіля ў Іерусаліме.

З. Гімпелевіч

Змітрок Бядуля – многімі любімы беларускі яўрэйскі пісьменнік

Змітрок Бядуля, якога часта называлі беларускім Г.-Хр. Андэрсанам, карыстаўся любоўю і пашанаю многіх чытачоў, якія належаць да розных моўных і рэлігійных культур. Беларусы і беларускія яўрэі, аднак, часта заяўляюць свае правы на жыццё і творчасць пісьменніка. Дадзенае даследаванне, аналіз якога грунтуецца на асабістым лёсе пісьменніка і біяграфіі яго шматпакутнай радзімы, адлюстраваных у яго творах, сцвярджае тэзіс аб натуральным стане самога пісьменніка адначасова ў абедзвюх іпастасях. Дадзены тэзіс, які прасочваецца ў жыцці і ўсіх кнігах пісьменніка, асабліва відавочны ў яго параўнальна мала даследаваных кароткіх біяграфічных раманах «Набліжэнне, 1935» і «У дрымучых лясах, 1939». Абодва творы таксама характэрныя тым, што з’яўляюцца пачаткам біяграфічнага жанру ў сучаснай беларускай літаратуры.

Лінгвістычны аддзел

І. Якаўлева

Семантыка дзеясловаў маўленча-разумовага дзеяння ў мове ідыш

Аўтар прыходзіць да высновы, што семантыка і спалучальнасць дзеясловаў маўленча-разумовага дзеяння ў мове ідыш сведчыць аб тым, што гэтая семантычная вобласць зведала значны ўплыў славянскай мадэлі. Даследаванне дазваляе выказаць здагадку, што заканамернасці, якія назіраюцца ў ходзе семантычных запазычанняў у межах той ці іншай лексічнай вобласці, адпавядаюць прынцыпам, якія кіруюць запазычаннямі на ўзроўні граматычных сістэм.

Мастацтвазнаўчы аддзел

Т. Паўлава

Плач на руінах мястэчка. Фотапраект Яўгена Котляра «На рэках вавілонскіх ...»

Артыкул прысвечаны даследаванню фатаграфічнага цыклу харкаўскага мастацтвазнаўцы, дызайнера і фатографа Яўгена Котляра «На рэках вавілонскіх», рэалізаванага ў рамках маштабнага праекта «Нешама: праз мастацтва да сэрца». Галоўнай часткай гэтага праекта стаў семінар-пленэр па яўрэйскім мястэчкам Украіны, які быў здзейснены ў жніўні 2011 г. Падчас гэтай паездкі і быў створаны фотацыкл Я. Котляра. Ён экспанаваўся на калектыўнай выставе «“Яўрэйская Атлантыда”. Свет штэтла ў творах харкаўскіх мастакоў», а таксама на выставе «На рэках вавілонскіх» у Харкаве (2012 г.). Фотавыстава Я. Котляра стала творчым «праектам памяці», які прадставіў падарожжа – паломніцтва, сённяшняе жыццё правінцыйных гарадкоў Украіны, а таксама свет штэтла, які захаваўся, і яго арэалы, да якіх можна датыкнуцца. Дадзеная серыя раскрывае згубленую ў глушы ціхай украінскай правінцыі «яўрэйскую Атлантыду», распавядае і пра драматычныя калізіі яўрэйскай гісторыі, і пра філасофію і культуру народа. У адных працах аўтар фіксуе гісторыка-архітэктурны пейзаж, у іншых – рамантызаваны вобраз гісторыі, які нараджаецца з назірання за дробязямі і артэфактамі паўсядзённага побыту мястэчак, дэталяў яго асяроддзя, якія выступаюць як сімвалы аднайменнай серыі «эстэтыкі запусцення». Ён таксама прадстаўляе серыю нацюрмортаў і галерэю партрэтаў, ад традыцыйных яўрэйскіх тыпажоў да юных, сучасных «насельнікаў» штэтла, праводзячы думку аб пераемнасці яго культурных традыцый. Створаныя фотамастаком вобразы дэманструюць пошукі зніклай і разам з тым цяперашняй яўрэйскай культуры.

У **Крыніцах** прадстаўлена некалькі матэрыялаў з калекцыі па вывучэнню гісторыі Вялікай Айчыннай вайны з Архіва расійскай гісторыі Расійскай акадэміі навук (РАН), знойдзеных Я. С. Разенблатам (Запіс гутаркі з Басей Левінай 1944 г. і дзённік Генадзя Левіна таго ж 1944 г.), а таксама лісты яўрэйскага савецкага гісторыка С. Я. Баравога У. І. Пічэту, гісторыку, аднаму з заснавальнікаў беларускай гістарыяграфіі, 1939–1946 гг., выяўленыя ў Архіве РАН.

Раздзел **Агляды і рэцэнзіі** адкрываецца нататкамі У. Месамеда аб даследаваннях, прысвечаных яўрэйскай гісторыі і культуры, якія з'явіліся ў часопісе «Цэнтральная Азія і Каўказ» (Швецыя). У раздзеле таксама маюцца інш. рэцэнзіі на кнігі, якія выйшлі ў 2012–2013 гг.

Наши авторы

АКЕРМАН Феликс – приглашенный профессор Европейского гуманитарного университета (ЕГУ) и руководитель Центра немецких исследований ЕГУ. В сферу его исследовательских интересов входит история городов и местечек Беларуси. Д-р Ф. Акерман известен работами по истории Гродно; он является одним из наиболее признанных западных специалистов по Беларуси. В 2011 г. Ф. Акерманн выпустил книгу *Palimpsest Grodno: Nationalisierung, Nivellierung und Sowjetisierung einer mitteleuropäischen Stadt 1919–1991* (Harrassowitz Verlag).

БРИО Валентина – филолог, научный сотрудник кафедры русской и славянской филологии Еврейского университета в Иерусалиме.

ВАВРЕНЮК Ирина Ильинична – соискатель кафедры истории славянских народов Брестского государственного университета им. А. С. Пушкина.

ВАЛЬДМАН Батия – филолог, в 2001 г. защитила диссертацию в Университете им. Д. Бен-Гуриона, автор монографии *«Русско-еврейская журналистика (1860–1914): литература и литературная крититка»* (Рига, 2008).

ВСЕВОЛОДОВ Владимир Анатольевич – кандидат исторических наук, с 1995 г. профессор Академии военных наук (Москва). Автор статей и публикаций, посвященных различным аспектам проблемы военнопленных в период второй мировой войны.

ГИМПЕЛЕВИЧ Зина – профессор департамента германистики и славистики Университета Ватерлоо, Канада. Защитила докторат в 1987 г. в Университете Оттавы. В сферу ее научных интересов входят белорусский и русский языки, литература, культура. З. Гимпелевич является одним из основателей канадского Фонда помощи детям Чернобыля (совместно с г-жой Ивонкай Сурвила и г-жой Паулиной Смит-Пашкевич). З. Гимпелевич – президент Белорусского института науки и искусств (БИНИМ) в Канаде; в 2008–2010 гг. – президент Канадской ассоциации славистов.

ДАМОХОРСКА Павла – доктор теологии, профессор отделения библеистики и иудаики теологического факультета Яна Гуса Карлова университета

(Прага, Чешская Республика). Д-р П. Дамохорска преподает язык иврит для чешских дипломатов. Ее исследовательские интересы включают историю синагогальной службы и литургику в Центральной Европе. Она – автор нескольких монографий: *“The Jewish Prayer for the Welfare of the Country as the Echo of Political and Historical Changes in Central Europe”* (Прага, 2010), *“Shema Jisra’el”* (Прага, 2006), *“Jewish Traditions and Customs”* (Прага, 2010) и *“Introduction to the Synagogue Service”* (Прага, 2005). Две последних написаны в соавторстве с Б. Носеком.

ЕРМАКОВ Александр Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. В 2009 г. выпустил работу *«Вермахт против евреев. Война на уничтожение»* (Москва).

КЕНДА Александр Васильевич – белорусский историк, краевед.

КУЗЬМИН Александр Сергеевич – доцент кафедры международного права Белорусского института правоведения.

МИХЕДЬКО Валентин Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси Гомельского государственного университета им. Франциска Скорины.

МАТОХ Василий Михайлович – архивист, ведущий научный сотрудник Государственного архива Минской области.

МЕСАМЕД Владимир – научный сотрудник Еврейского университета в Иерусалиме, руководитель Бюро журнала «Центральная Азия и Кавказ» на Ближнем Востоке.

ОЛЕНЕВА Юлия Викторовна в 2012 г. защитила докторат на факультете теологии Латвийского университета. В сферу ее научных интересов входят исследования Книги «Когелет» (Екклесиаста), раввинистическая и святоотеческая интерпретации Библии в период поздней античности, иудео-христианский диалог.

ПАВЛОВА Татьяна Владимировна – кандидат искусствоведения, доцент Харьковской государственной академии дизайна и искусств, член Национального союза художников Украины, член Национального союза фотохудожников Украины, в 2007 г. защитила кандидатскую диссертацию

по теме «Фотоискусство в художественной культуре Харькова последней трети XX века (на материале пейзажного жанра)», живет и работает в Харькове (Украина).

РЕБРОВА Ирина Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социальных коммуникаций Кубанского государственного технологического университета.

РОЗЕНБЛАТ Евгений Семенович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Брестского государственного университета им. А. С. Пушкина; его исследовательские интересы включают историю Холокоста, историю Польши в 1918–1939 гг., межнациональные отношения в Западной Беларуси в 1918–1945 гг.; член редколлегии ежегодника *ЦАЙТШРИФТ / ЧАСОПІС*.

СТРУНЕЦ Сергей Владимирович – аспирант кафедры истории Беларуси Брестского государственного университета им. А. С. Пушкина.

ШЕВЕЛЁВ Дмитрий Леонидович – старший научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Беларуси; академический директор Центра еврейских исследований Европейского гуманитарного университета (Литва); главный редактор ежегодника *ЦАЙТШРИФТ / ЧАСОПІС*, член Европейской ассоциации еврейских исследований, Европейской ассоциации израилеведения и Совета Европейской ассоциации ближневосточных исследований.

ЯКИМОВА Елизавета Александровна – аспирантка кафедры международных отношений Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

ЯКОВЛЕВА Ирина Владимировна – канд. филологических наук, доцент Ульяновского государственного университета; область научных интересов: грамматика конструкций, общая семантика, усвоение языка, лексическая типология.

Редколлегия благодарит за помощь в подготовке этого номера г-жу Татьяну Коноплеву и г-жу Екатерину Олешкевич.

Contributors

Dr. Felix ACKERMANN is a visiting professor for Applied Humanities at European Humanities University. In 2008 he finished a PhD in Cultural History on a local history of Ethnicity in Hrodna. He published a book *"Palimpsest Grodno. Nationalisierung, Nivellierung und Sowjetisierung einer mitteleuropäischen Stadt 1919–1991"* (Harrassowitz Verlag, 2011). He studied in Frankfurt, Slubice and London and founded in 2001 an Institute for Applied History, which deals until today with local memory, public space and diversity. In 2008–2011 he was the managing director of the grant programm Geschichtswerkstatt Europa on behalf of the foundation Erinnerung, Verantwortung und Zukunft.

Dr. Valentina BRIO is an Israeli Slavicist. She is a research fellow of the Chair of Russian and Slavic Studies at Hebrew University of Jerusalem.

Dr. Pavla DAMOHORSKÁ, Th.Dr., is an assistant professor of Department of Biblical and Jewish Studies, Hussite Theological Faculty, Charles University in Prague (Czech Republic). Her research interests include the history of the synagogue service and the Jewish liturgy in Central Europe. She also instructs the Hebrew language for Czech diplomats. She is the author of the monographs *"The Jewish Prayer for the Welfare of the Country as the Echo of Political and Historical Changes in Central Europe"* (Prague, 2010), *"Shema Jisra'el"* (Prague, 2006), as well as *"Jewish Traditions and Customs"* (Prague, 2010) and *"Introduction to the Synagogue Service"* (Prague, 2005) (the last two together with B. Nosek).

Dr. Zina J. GIMPELEVICH is a Full Professor in the Department of Germanic and Slavic Studies, University of Waterloo, Canada. She received her PhD in Slavic Studies from the University of Ottawa in 1987. The Belarusian and the Russian languages, literatures, and culture is in Professor Gimpelevich's research interests. Dr. Gimpelevich was one of the three founding members of the Canadian Relief Fund for the Children of Chernobyl in Belarus (together with its first President, Mme Joanna Survilla [President of the Belarusian Government in Exile] and Mrs. Paulina Smith-Paškievič). Dr. Gimpelevich is the President of the Belarusian Institute of Arts and Sciences (*BINIM*) in Canada. She served in the capacity of President of the Canadian Association of Slavists (CAS) in 2008–2010.

Ms. Elizaveta IAKIMOVA is a postgraduate student of the University of Nizhniy Novgorod, Russia.

Mr. Alexander KENDA is a Belarusian historian. He is the author of the book *«Малечская хроника»* (Brest, 2012) devoted to Malecz, a former shtetl, now a village in Brest region.

Mr. Alexander KUZMIN is a lecturer of Belarusian Institute of the Study of Law (*Belaruski Institut Pravovedeniya*), Minsk (Belarus).

Mr. Vasili MATOKH is a research fellow of State Archives of Minsk Region (Belarus).

Dr. Vladimir MESAMED is an instructor of the Hebrew University of Jerusalem, a chief of the Middle Eastern Bureau of the journal "Central Asia and the Caucasus".

Dr. Valiatsin MIKHEDZKA is a Belarusian historian; he is lecturer of Gomel State University.

Dr. Julia OLENEVA, Th.Dr., is a theologer from Latvia. Her research interests cover the Book of Ecclesiastes, rabbinic and the Church Fathers' interpretations of the Bible, as well as the Jewish – Christian Dialogue.

Dr. Tatsyana PAVLOVA defended doctor thesis in the history of photography in Kharkov in the late 20th century. She is an assistant professor of Kharkiv State Academy of Design and Arts. She is a member of National Union of Artists of the Ukraine and National Union of Photographers of the Ukraine.

Dr. Irina REBROVA is a lecturer at Kuban State Technological University (Russia).

Dr. Evgeni ROZENBLAT is an assistant professor of History at Brest State University; he researches into the history of the Holocaust, the history of Poland of the interwar period and interethnic relations in Western Byelorussia in 1918–1945; he is a member of the *Tsaytshrift / Časopis* Editorial Board.

Dr. Dzmitry SHAVIALIOU is a senior research assistant of Institute of History, Belarusian Academy of Science, and the Academic Director of the Center for Jewish Studies at European Humanities University, Lithuania. He is also the

editor – in – chief of the annual *Tsaytshrift / Časopis*. Dr. Shavialiou is a member of the Council of European Association for Middle Eastern Studies, and a member of European Association of Jewish Studies.

Mr. Siarhei STRUNETS is a post-graduate student of Brest State University.

Dr. Batia VALDMAN is an Israeli philologist; she defended her PhD thesis in 2001 in Ben-Gurion University of the Negev. She is an author of the monograph, devoted to Russian-Jewish journalism – *"Русско-еврейская журналистика (1860–1914): литература и литературная крититка"* (Riga, 2008).

Ms. Irina VAVRENYUK is a post-graduate student of history in Brest State University (Belarus).

Dr. Vladimir VSEVOLODOV is a Russian historian. He is a member of the Academy for Military Studies (Moscow). He studies the problem of POWs during the Second World War.

Dr. Alezander YERMAKOV is a Russian historian; he lectures at Yaroslavl State Pedagogical University. He studies the history of the Holocaust and the Nazi Germany. Recently he has published a book *«Вермахт против евреев. Война на уничтожение»* (Moscow, 2009).

Dr. Irina YAKOVLEVA is a linguist and a senior lecturer at the Department of Linguistics, Ulyanovsk State University. Her principal research interests include grammatical constructions, semantics and lecsical typology.

The editorial board thanks Ms. Tatsyana Konoplyova (Belarus) and Ms. Ekaterina Oleshkevich (Russia) for their help with preparing the issue.

О журнале

УВАЖАЕМЫЕ ГОСПОДА!

צײַטשריפֿט / «*Цайтшрифт*» / «*Часопіс*» –

белорусский научный рецензируемый ежегодник по иудаике, который издается Центром еврейских исследований Европейского гуманитарного университета. Целью данного издания является публикация источников и исследований по различным аспектам еврейской истории, а также предоставление площадки для научной дискуссии. Редакционная коллегия рассматривает данное издание как определенный вклад в развитие и изучение еврейской культуры в Восточной Европе, поэтому приветствуются статьи, посвященные различным аспектам культуры на языке идиш.

Наш журнал выходит благодаря поддержке Европейского гуманитарного университета. К сожалению, финансовый кризис коснулся и нашего скромного издания. Вы можете поддержать единственный в Беларуси и уникальный во всей Восточной Европе академический периодический журнал, посвященный еврейской истории и культуре, если Вы заинтересованы в его дальнейшем существовании.

Тех, кому не безразличен «*Цайтшрифт*» / «*Часопіс*» просим перечислить любую сумму на расчетный счет Европейского гуманитарного университета с пометкой *«НА ЕЖЕГОДНИК ЦАЙТШРИФТ»*.

Банковские реквизиты:

Bank name: Swedbank AB;
Bank address: Konstitucijos ave. 20A, 03502, Vilnius, Lithuania;
Bank transfer info: SWIFT: HABALT22;
Account holder: Europos Humanitarinis Universitetas;
Account No. LT37 7300 0101 0055 9775.

Назначение платежа: *На ежегодник «ЦАЙТШРИФТ»*

About our journal

DEAR SIRS!

צײַטשריפֿט / *Tsaytshrift / Časopis* is the Belarusian reviewed annual, devoted to all aspects of Jewish studies, which is published by the Center for Jewish Studies of European Humanities University, Vilnius. This journal is considered to continue the scientific traditions of a former Jewish scientific journal "*Tsaytshrift*", which was published by the Jewish sector of BSSR Academy of Sciences in 1926–1931.

The goal of the journal is to stimulate academic discussion of various issues in Jewish history and culture. The journal is considered to contribute to the development of the Jewish culture, thus, articles examining various aspects of Yiddish culture are welcomed.

Tsaytshrift / Časopis is published by the European Humanities University. *Tsaytshrift* is the only Belarusian academic periodical, as well as the unique one all over Eastern Europe. Unfortunately, now the crisis is over our small journal. You are able to support it.

If you need our journal, we ask you to donate money so that journal to be published.

This is the bank details:

Bank name: Swedbank AB;
Bank address: Konstitucijos ave. 20A, 03502, Vilnius, Lithuania;
Bank transfer info: SWIFT: HABALT22;
Account holder: Europos Humanitarinis Universitetas;
Account No. LT37 7300 0101 0055 9775.

The purpose of the payment: *On TSAYTSHRIFT / ČASOPIS*

Contents

קאָלעקטיווער אויסשטעלונג "די ייִדישע אַטלאַנטידע. די וועלט פֿון שטעטל אין די ווערק פֿון כאַרקאָווער קינסטלערס", און אויך אויף דער אויסשטעלונג "אויף די טײַכן פֿון בבֿל" (2012).
קאָטליאַרס אויסשטעלונג איז אַ שעפֿערישער "פּראָיעקט פֿון זיכּרון". קאָטליאַר האָט פֿאָרגעשטעלט זײַן רײַזע ־ עליה לרגל, דאָס איצטיקע לעבן פֿון אוקראַאינישע שטעטל און די פֿאַרבליבענע רעשטלעך פֿון דער וועלט פֿון שטעטל און פֿון שטעטל־רוים. די סעריע אַנטפּלעקט "די ייִדישע אַטלאַנטידע", וואָס ווערט פֿאַרלוירן אין דער טיפֿעניש פֿון דער אוקראַאינישער פּראָווינץ, און דערציילט פֿון דער פֿילאָסאָפֿיע און קולטור פֿונעם ייִדישן פֿאָלק, פֿון אסונות און דראַמאַטישע דערשיטערונגען פֿון דער ייִדישער געשיכטע. אויף עטלעכע בילדער ווערט פֿיקסירט די לאַנדשאַפֿט, אויף עטלעכע – ראָמאַנטיזירטע געשטאַלט פֿון דער געשיכטע. פֿאַרבליבענע פּרטים פֿון טאָגטעגלעכן שטייגער פֿון שטעטלעך ווערן סימנים פֿון פֿאַרוויסטקייט־עסטעטיק.
קאָטליאַר שטעלט אויך פֿאָר אַ סעריע נאַטיורמאָרטן און פּאָרטרעטן - פֿון טראַדיציאָנעלע ייִדישע טיפּאַזשן ביז יונגע איצטיקע תּושבֿים פֿון דעם וואָס איז געבליבן פֿונעם שטעטל, - באַווײַזנדיק די המשכדיקייט פֿון קולטורעלע טראַדיציעס. די געשטאַלטן וואָס דער פֿאָטאָגראַף האָט געשאַפֿן זײַנען רעזולטאַט פֿון זוכן נאָך דער ייִדישער קולטור, וואָס איז שוין אַוועק, אָבער גלײַכצײַטיק נאָך פֿאַראַן.

אינעם אָפּטייל "**מקורים**" זײַנען פֿאָרגעשטעלט מאַטעריאַלן פֿון דער זאַמלונג פֿאַר פֿאָרשן די גרויסע פֿאָטערלאַנדישע מלחמה, וואָס געהערט צום אַרכיוו פֿון דער רוסישער געשיכטע פֿון דער רוסישער וויסנשאַפֿט־אַקאַדעמיע. טראַנסקריפּט פֿונעם שמועס מיט בתיה לוין פֿון 1944 און גענאַדי לוינס טאָגבוך פֿון דעם זעלביקן יאָר האָט געפֿונען י.ס. ראָזנבלאַט. מיר פֿאַרעפֿנטלעכן אויך דעם סאָוועטישן היסטאָריקער ש.באָראָוואָיס בריוו צו וו.אי. פּיטשעטאַ, דעם היסטאָריקער און איינעם פֿון די גרינדערס פֿון ווײַסרוסישער געשיכטספֿאָרשונג (1939—1946), וואָס מיר האָבן געפֿונען אינעם אַרכיוו פֿון דער רוסישער וויסטשאַפֿט־אַקאַדעמיע.

דער אָפּטייל "**איבערזיכטן און רעצענזיעס**" הייבט זיך אָן מיט וו. מסמדס אַרקיטל וועגן מאַטעריאַלן פֿון דער ייִדישער געשיכטע און קולטור, וואָס זײַנען פֿאַרעפֿנטלעכט אינעם זשורנאַל "צענטראַלע אַזיע און קאַווקאַז" (שוועדן). אינעם אָפּטייל דרוקן מיר אויך אַנדערע רעצענזיעס אויף נײַע ביכער, וואָס זײַנען אַרויס אין 2012-2013.

זמיטראָק ביאַדוליאַ, וואָס מען האָט אָפּט גערופֿן ווײַסרוסישער ה.קר. אַנדערסען, איז געווען באַליבט און געערט פֿון אַ סך לייענערס, וואָס האָבן געהערט צו פֿאַרשיידענע קולטורן און רעליגיעס, גערעדט פֿאַרשיידענע שפּראַכן. אָבער ווײַסרוסן און ווײַסרוסישע ייִדן פֿאָדערן, עס זאָלן זײַן אָנערקענט זייערע רעכט אויף לעבן און שאַפֿונג פֿונעם שרײַבער. די דאָזיקע פֿאָרשונג, וואָס באַזירט זיך אויפֿן שרײַבערס פּערזענלעכן גורל און דער געשיכטע פֿון זײַן פֿיללײַדנדיקן פֿאָטערלאַנד, אַזוי ווי זיי זײַנען אָפּגעשפּיגלט אין זײַנע ווערק, באַטראַכט די ביידע מהותן פֿונעם שרײַבער. די פֿאָרשערין טענהט, אַז פֿאַרן שרײַבער איז געווען נאַטירלעך צו לעבן אין די צוויי מאָדוסן גלײַכצײַטיק. זי שרײַבט אויפֿן סמך פֿון ביאַדוליאַס ביאָגראַפֿיע און אַלע זײַנע ביכער, באַזונדערס אַקטועל פֿאַרן אַנאַליז זײַנען זײַנע קורצע אויטאָביאָגראַפֿישע ראָמאַנען "דערנעענטערונג" (1935) און "אין גערדיכטע וועלדער" (1939), וואָס זײַנען ביז איצט ווייניק געפֿאָרשט. די ביידע ווערק זײַנען מערקווירדיק אויך דערפֿאַר, ווײַל זיי ליגן אין גרונט פֿונעם ביאָגראַפֿישן זשאַנער אין מאָדערנער ווײַסרוסישער ליטעראַטור.

שפּראַכפֿאָרשערישער אָפּטייל

אי. יאַקאָוולעוואַ. סעמאַנטיק פֿון ווערבן פֿון רעדן און דענקען אין ייִדיש

.

דער אַרטיקל איז דעווידמעט דער באַשרײַבונג פֿון סעמאַנטיק און קאָלאָקאַציעס פֿון ווערבן פֿון רעדן און דענקען אין ייִדיש. די מחברטע קומט צום אויספֿיר, וואָס די סעמאַנטיק און פּראַגמאַטיק פֿון די דאָזיקע ווערבן זאָגן עדות, אַז זיי זײַנען שטאַרק באַאײַנפֿלוסט געוואָרן פֿון זייערע סלאַווישע הקבלות. די פֿאָרשערין איז משער, אַז די געזעצמעסיקייטן, וואָס קענען זײַן אַנטדעקט בײַם פֿאָרשן די לעקסישע אַנטלײַונגען, שפּיגלען אָפּ די פּרינציפּן וואָס באַהערשן די אַנטלײַונגען אויפֿן ניוואָ פֿון גראַמאַטישע סטרוקטורן.

קונסטפֿאָרשערישער אָפּטייל

ט. פּאַוולאָוואַ. באַווייַנענדיק די חורבֿות פֿון שטעטל. יעווגעני קאָטליאַרס פֿאָטאָפּראָיעקט "אויף די טײַכן פֿון בבֿל"

.

דער אַרטיקל באַטראַכט דעם כאַראַקטער פֿון דעם קונסטפֿאָרשער, דיזײַנער און פֿאָטאָגראַף יעווגעני קאָטליאַרס ציקל פֿאָטאָגראַפֿיעס "אויף די טײַכן פֿון בבֿל", וואָס ווערט רעאַליזירט אין ראַמען פֿונעם פּראָיעקט "נשמה: מיט דער קונסט צום האַרצן". דער עיקר־טייל פֿונעם פּראָיעקט איז סעמינאַר־רײַזע איבער ייִדישע שטעטלעך פֿון אוקראַינע, וואָס איז דורכגעפֿירט געוואָרן אין אויגוסט 2011. בעת דער דאָזיקער רײַזע האָט קאָטליאַר געשאַפֿן זײַן פֿאָטאָציקל. דער ציקל איז עקספּאָנירט געוואָרן אויף דער

אינעם אַרטיקל ווערן באַטראַכט פּראָבלעמען און פּערספּעקטיוון פֿון ניצן ישׂראלדיקע גאַז־אינדוסטריע ווי אַן אינסטרומענט פֿון דער השפּעה אין אינטערנאַציאָנאַלע באַציונגען. די מחברטע דערציילט פֿון גאַז־געבויר־ערטער, פּאַראַנענע אין ישׂראל, און פּרוּווט אָפּצושאַצן פּערספּעקטיוון פֿון קאָאָפּעראַציע מיט מעגלעכע לענדדער־פּאַרטנערן. די פֿאָרשערין קאָנצענטרירט איר אויפֿמערקזאַמקייט אויף פּערספּעקטיוון פֿון באַציונגען צווישן מדינת־ישׂראל און פּאָסט־סאָוועטישע לענדער אין דעם געביט.

לויט אָפּשאַצונגען פֿון עקספּערטן, געפֿינען זיך אינעם מיטללענדישן ים לעבן דעם ברעג פֿון ישׂראל געבויר־ערטער פֿון גאַז פֿון אַ הויכער קוואַליטעט. דער לאַגער ליגט אַן ערך 2 ק"מ די טיף. די נאָענטקייט פֿונעם לאַגער צו אייראָפּעישע געברויכערס לייזט די פּראָבלעם פֿון ליפֿערונגס־דיווערסיפֿיקאַציע. אַזוי אַרום, קענען די פּאַראַנענע רעסורסן געניצט ווערן ניט נאָר פֿאַר אינערלעכן געברויך, נאָר אויך עקספּאָרטירט ווערן.

אויפֿן אָפֿיציעלן ניוואָ מעלדט תּל־אָבֿיבֿ פֿון גלײַכע מעגלעכקייט פֿאַר אַלע מדינות, נאָר איצט ווערט די בכורה אָפּגעגעבן אַמעריקאַנישער פֿירמע "נאָבל ענערדזשי", וואָס נעמט שוין אָנטייל אין דער פֿאַנאַנדעראַרבעטונג פֿון די געבויר־ערטער. עס ווערט פּלאַנירט אויך צוצוציען רוסלאַנד און אוקראַינע צום אַרויסבאַקום. און ווי אַ מעגלעכער גאַז־ליפֿערער ווערט ישׂראל באַטראַכט פֿון לעטלאַנד.

בקרבֿ ישׂראלדיקן פּאָליטישן איסטעבלישמענט איז נאָך ניטאָ קיין הסכּמה, צי עס איז נייטיק צוצוציען דעם רוסישן קאָנצערן "גאַזפּראָם" צו דער אינדוסטריע. עטלעכע פּאָליטיקערס און עקספּערטן האַלט די קאָמפּאַניע פֿאַר אומפֿאַרטרוילעכע, זײַענדיק סומך אויף אַזוי גערופֿענע "גאַז־מלחמות", אונטעררײַסן די אייראָפּעישע אָפּמאַכן פֿון די רוסן און אָפּהענגיקייט פֿון "גאַזפּראָם"־פֿאַרוואַלטונג פֿונעם קרעמלין.

יעדנפֿאַלס אָבער קען מען באַשטעטיקן אַז מדינת־ישׂראל איז בדעה צו ניצן דעם ענערגיע־פֿאַקטאָר ווי אַן אויסער־פּאָליטישן אינסטרומענט.

ליטעראַרישער אָפּטייל

וו. בריאָ. "מזעס קול וועל איך דערהערן..." וועגן מרדכי צבֿי מאַנעס ליטעראַרישער ירושה

דער אַרטיקל איז געווידמעט דער שאַפֿונג פֿון מרדכי צבֿי מאַנע - אַ ייִדישן דיכטער פֿון ווילנע. עס ווערן ציטירט פֿראַגמענט פֿון מאַנעס לידער און אויך מאַנעס בריוו צו י. פּען, וואָס די מחברטע פֿונעם אַרטיקל האָט אַנטדעקט אין כּתבֿ־ידישער זאַמלונג פֿון דער נאַציאָנאַלער ביבליאָטעק פֿון ישׂראל אין ירושלים.

ז. גימפּעלעוויטש. זמיטראָק ביאַדוליאַ: ווײַסרוסישער ייִדישער שרײַבער וואָס פֿילע האָבן ליב

מעגלעכקייט אַרײַנצופֿירן אין איר נײַע עלעמענטן. באַזונערס פֿיל ליטורגישע ענדערונגען זײַנען אַנטשטאַנען פֿון דער השכּלה־תּקופֿה אָן.

די השפּעה פֿונעם חורבן אויף דער ליטורגיע קען מען געפֿינען אינעם רובֿ פֿון ייִדישע קהילות, כאָטש דער אונטערשייד אינעם סדר פֿון דער ליטורגיע צווישן פֿאַרשיידענע קהילות איז גרויס. אין רעפֿאָרמישע און ליבעראַלע קהילות זײַנען אײַנגעפֿירט באַזונדערע ליטורגיעס לזכר חורבן ביום־השואה. עטלעכע קאָנסערוואַטיווע און רעקאָנסטרוקטיוויסטישע קהילות האָבן געענדערט די נוסחאות פֿון טראַדיציאָנעלע תּפֿילות. אין אָרטאָדאָקסאַלע קהילות לייענט מען אויף תּשעה־באָבֿ לזכר חורבן באַזונדערע קינות אָדער זאָגט טראַדיציאָנעלע ליטורגישע טעקסטן, ווי למשל יזכּור, מיט באַשטימטע קאָרעקטיוון.

אי. וואַוורעניוק. אַרטור אשרס האַנדל־שול אין פּינסק.

עס איז נאָך ניטאָ קיין װערק װאָס װאָלט באַשריבן די טעטיקייט פֿון אַרטור אשרס שול אין פּינסק, און דער דאָזיקער אַרטיקל איז דער ערשטער פּרוּוו פֿון אַזאַ באַשרײַבונג. אינעם אַרטיקל ווערן באַטראַכט די לימודים אין פּינסקער האַנדל־שול אינעם קאָנטעקסט פֿון סאָציאַל־עקאָנאָמישע ענדערונגען אין פּוילן אין 1921-1935. עס ווערן אויך באַטראַכט פּראָבלעמען פֿון געזעצגעבונג אינעם געביט פֿון בילדונג, וואָס האָט באַשטימט די טעטיקייט פֿון קאָמערץ־שולן, און ווערן באַוויזן די טראַדיציעס פֿון אַרטור אשרס שול.

פּ. אַקערמאַן. אין שאָטן פֿון חורבן. אָפּקלאַנגען פֿון מאָסקווער פּראָצעס פֿון דאָקטוירים אויפֿן ראַנד

.

נאָר וואָס די מלוכה האָט אָנגעהויבן מיט גזירת אויף ייִדן־דאָקטוירים אין מאָסקווע, האָט אין גראָדנע די היגע מאַכט אָנגענומען ענלעכע מיטלען. עס האָבן געליטן אַ סך מיטאַרבעטערס פֿון מעדיצינישע אַנשטאַלטן צוליב דער איינציקער סיבה – זייער ייִדישן אָפּשטאַם. דער אַרטיקל איז געווידמעט דעם ייִדישן לעבן אין גראָדנע נאָך דער מלחמה און דער אַנטיסעמיטישער פּאָליטיק פֿון גראָדנער מאַכט נאָכן אָנהייב פֿון פּראָצעס אין מאָסקווע.

פֿאָרשונג פֿון ארץ־ישׂראל

י. יאַקימאָוואַ. פּרינציפּן פֿון "גאַז־דיפּלאָמאַטיע" פֿון ישׂראל אין באַצוג צו די לענדער פֿונעם געוועזענעם סאָוועטן־פֿאַרבאַנד.

געדולדיקער באַציונג פֿון אָקופּאַציע־מאַכט צו דער ייִדישער באַפֿעלקערונג אין דער ערשטער צײַט און די ליקווידאַציע פֿון דער געטאָ.

אַ. יערמאַקאָוו. פֿאַרניכטונגסקריג קעגן סאָוועטן־פֿאַרבאַנד אינעם דײַטשן געשיכטע־קורס פֿאַר שולן.

אינעם אַרטיקל ווערן באַטראַכן די פּרינציפּן פֿון לערנען די נאַצישע פּאָליטיק פֿון פֿעלקער־מאָרד אויף אָקופּירטע סאָוועטישע שטחים, אָנגענומענע אינעם מאָדערנעם דײַטשן שול־קורס פֿון געשיכטע. דער מחבר קומט צום אויספֿיר, וואָס דער פֿאַרנעם און דער ניווא פֿון שול־קענטענישן אַנטשפּרעכן ניט דעם געזעלשאַפֿטלעכן אינטערעס צו דער טעמע, וואָס דער שול־מאַטעריאַל שטייט אָפּ פֿון דער דער דײַטשער געשיכטספֿאָרשונג פֿון דער פּראָבלעם, כאָטש די טעמע פֿון דער פֿאַרניכטונג־מלחמה האָט אַ גרויסן פּאָטענציאַל פֿאַר פֿורעמונג פֿון היסטאָרישער קאָמפּעטענץ פֿון די שול־תּלמידים און פֿאַר זייער בירגערלעכער דערציונג.

וו. מאַטאָך. אַנטיסעמיטיזם אין מעדיצינישע אַנשטאַלטן אין וו.ס.ס.ר. פֿאַר דער מלחמה (אויפֿן סמך פֿון מאַטעריאַלן פֿונעם מלוכה־אַרכיוו פֿון מינסקער געגנט)

.

עס ווערן באַטראַכט פֿאַלן פֿון אַנטיסעמיטיזם אין ווײַסרוסלאַנד אין 1920-1930־ער יאָרן אויפֿן סמך פֿון פּרעסע־מאַטעריאַלן און דאָקומענטן, געקליבענע אינעם מלוכה־אַרכיוו פֿון מינסקער געגנט. דער מחבר קומט צום אויספֿיר, וואָס אין דער באַצייכנטער תּקופֿה איז אַטיסעמיטיזם געווען אַ געוויינטלעכע דערשײַנונג אין די מעדיצינישע אַנשטאַלטן, ווי אויך אין דער ווײַסרוסישער געזעלשאַפֿט פֿון יענער צײַט, כאָטש ער איז ניט געווען קיין טייל פֿון אָפֿיציעלער מלוכהישער פּאָליטיק. דעמאָלט האָבן די אַנטיסעמיטישע דערשײַנונגען אין וו.ס.ס.ר. זיך צעטיילט אויף "פּאָליטישע" און "שטייגערישע", און די אויפֿמערקזאַמקייט פֿון דער מלוכה איז געוואָרן געווענדעט קודם־כּול צו די "פּאָליטישע". נאָך די פֿאַלן פֿון אַנטיסעמיטיזם אין מעדיצינישע אַנטשטאַלטן האָט די מלוכה נאָכגעשפּירט, ווײַל געזונט־פֿאַרהיטונג איז געווען אַ חשובֿער טייל פֿון דער סאָוועטישער סאָציאַלער פּאָליטיק. אָפֿט זײַנען דאָס רובֿ פֿונעם עלטערן פּערסאָנאַל געווען ייִדן, ווען דער ייִנגערער פּערסאָנאַל האָט באַשטאַנען כּמעט בלויז פֿון גוים (ווײַסרוסן, רוסן און פּאָליאַקן). די לאַגע האָט געקענט צופֿירן צו קאָנפֿליקטן צווישן די דאָזיקע גרופּן, דערפֿאַר האָט די מלוכה שטרענג באַשטראָפֿט אַלע פֿאַלן פֿון אַנטיסעמיטישע שטימונגען.

פּ. דאַמאָכאָרסקאַ. ייִדישע ליטורגיע נאָכן חורבן

.

עס ווערן באַטראַכט ענדערונגען אין דער ייִדישער ליטורגיע נאָכן חורבן. כאָטש די ייִדישע ליטורגיע איז קאָדיפֿיצירט געוואָרן אין גאונים־תּקופֿה, איז תּמיד געווען אַ

אַדמיניסטראַציע האָט באַטראַכט ווי אַ ייִדישן אויפֿשטאַנד קעגן רוסלאַנד. על־פּי־רובֿ אין געפּאָרשטע פֿאַלן האָט דער ניוואָ פֿון אַנטיייִדישער אַגרעסיע פֿון ווײַסרוסישע מאַסן ניט געקלעקט פֿאַר ספּאָנטאַנער אַנטשטייונג פֿון פּאָגראָמען. אינעם אַרטיקל ווערן באַטראַכט מאָטיוואַציע פֿון דער היגער באַפֿעלקערונג אָנטייל צו נעמען אין די פּאָגראָמען און דער באַשטאַנד פֿון די פּאָגראָמשטשיקעס.

ס. סטרונעץ. ייִדן אין מערבֿ־ווײַסרוסלאַנד ערבֿ דער פֿאָטערלענדישער מלחמה אין מאָדערנער פּוילישער געשיכטספֿאָרשונג.

אינעם אַרטיקל ווערן באַטראַכט צוגאַנגן צו פֿאָרשן די לאַגע פֿון דער ייִדישער באַפֿעלקערונג אין מערבֿ־ווײַסרוסלאַנד אין 1939-1941, וואָס זענען פֿאַראַן אין פּוילישער געשיכטספֿאָרשונג. אויפֿן סמך פֿונעם אַנאַליזירן אַ ריי היסטאָרישע ווערק טענהט דער מחבר, אַז אין פּוילישער געשיכטספֿאָרשונג האָבן זיך אויסגעפֿורעמט צוויי ריכטונגען, וואָס דערקלערן דעם אינהאַלט פֿון דער פּראָבלעם אויף צוויי פֿאַרשיידענע אופֿנים. פֿאַרטרעטער פֿונעם "טראַדיציאָנעלן" צוגאַנג באַטאָנען די רעפּרעסיווע ראָליע פֿון דער סאָוועטישער מלוכה און די אַקטיווע באַטייליקונג פֿון ייִדן אין "סאָוועטיזירונג" פֿונעם ראַיאָן אין קאָנטעקסט פֿון פֿאַרשאַרפֿטע באַציונגען צווישן פֿאַרשיידענע עטנישע גרופּן. זייערע אָפּאָנענטן טענהן, אַז אינעם "טראַדיציאָנעלן" צוגאַנג דאָמינירט סוביעקטיווע "טראַוומאַטישע" וויזיע: די "טראַדיציאָנאַליסטן" באַטראַכטן די געשעענישן פֿונעם שטאַנדפּונקט פֿון דעם טייל פּוילישער באַפֿעלקערונג, וואָס האָט צום שטאַרקסטן געליטן פֿון דער סאָוועטישער מלוכה. דער מחבר באַמערקט, אַז אין י.ט. גראָס' ווערק "שכנים. געשיכטע פֿון אונטערגאַנג פֿונעם ייִדישן שטעטל" ווערט די פֿאָרשונג פֿון אינטערנאַציאָנאַלע באַציונגען באַגרענעצט מיט ראַמען פֿון צענטראַלע און מערבֿדיקע ראַיאָנען פֿון דער געוועזענער ביאַליסטאָקער געגנט און פּויליש־ייִדישע קאָנטאַקטן. די באַזונדערקייט פֿונעם אויסגעקליבענעם ראַיאָן איז באַשײַמפּערלעך: דאָרטן איז כּמעט קיין ווײַסרוסישע באַפֿעלקערונג ניט געווען. אַזוי אַרום, איז די לאַגע אינעם ראַיאָן בלויז אַ תּירוץ צו באַטראַכטן די שאַרפֿקייט פֿון די באַציונגען צווישן ייִדן און פּאָליאַקן. פֿאַרטרעטער פֿון פֿאַרשיידענע ריכטונגען זײַנען מסכּים, אַז עס איז נייטיק אויסצופֿורעמען אַן אינטעגראַלן צוגאַנג צו דער פּראָבלעם, דהיינו צו באַטראַכטן די צווישנעטנישע באַציונגען פֿונעם שטאַנדפּונקט פֿון פֿאַרשיידענע עטנישע גרופּן, וואָס לעבן אינעם רעגיאָן, - פּוליאַקן, ווײַסרוסן, ייִדן.

אַ. קענדאַ. פּאָליטיק פֿון דער דײַטשער מלוכה לגבי דער ייִדישער באַפֿעלקערונג אין שטעטל מאַלעטש אין יוני־אָקטאָבער 1941 (אויפֿן סמך פֿון זיכרונות פֿון היגע תּושבֿים).

.

די רייד אינעם אַרטיקל גייט וועגן נאַצישן פֿעלקער־מאָרד אינעם פֿאַל פֿון דער ייִדישער באַפֿעלקערונג פֿונעם שטעטל מאַלעטש. לויט די זיכרונות פֿון היגע תּושבֿים, איז אינעם שטעטל אָרגאַניזירט געוואָרן אַ געטאָ. דער מחבר באַטראַכט די סיבות פֿון

קיצורים

היסטאָרישער אָפּטייל

די טעמע פֿונעם באַנד: 110 יאָר פֿונעם קעשענעווער פּאָגראָם. פּאָגראָם־באַוועגונג אויפֿן שטח פֿון דער רוסישער אימפּעריע אין אָנהייב דעם 20־סטן יאָרהונדערט. געשיכטע פֿונעם חורבן.

ב. וואַלדמאַן. קעשענעווער פּאָגראָם. אויפֿן סמך פֿון רוסיש־יִדישער פּרעסע (1903-1904).

דער אַרטיקל באַטראַכט די רעאַקציע פֿון דעם רוסיש־יִדישער פּרעסע אויף קעשענעווער פּאָגראָם פֿון 1903. דער פּאָגראָם האָט געהאַט אַ שטאַרקע השפּעה אויף דער אַנטוויקלונג פֿון דער יִדישער נאַציאָנאַלער באַוועגונג. אַ סך יִדן האָבן דעמאָלט פֿאַרלאָזן רוסלאַנד און זײַנען אָנגעקומען קיין ארץ־ישראל אינעם באַשטאַנד פֿון דער צווייטער עליה. זיי און זייערע קינדסקינדער האָבן פֿאַרגעלייגט דעם יסוד פֿון מדינת־ישראל.
עטלעכע יִדישע פּובליציסטן האָבן מיט צאָרן געשריבן וועגן דער אומפֿעיקייט פֿון די יִדן צו באַשיצן זייער לעבן און כּבֿוד. דער פּראָגרעסיווער סעקטאָר פֿון דער רוסישער געזעלשאַפֿט, בתוכם ל.נ. טאָלסטוי און וו.ג. קאָראָלענקאָ, האָבן באַשולדיקט די רוסישע צאַרישע מאַכט. אַ נאָטיץ מיט טאָלסטויס מיינונג האָט פֿאַרעפֿנטלעכט די צײַטונג "וואָסכאָד" (1903, נומ' 21). טאָלסטוי האָט געשריבן, אַז ער איז געווען "טיף דערשיטערט פֿוןווילדע רצוחות, וואָס זענען פֿאָרגעקומען אין קעשענעוו". זײַן דערציילונג "נאָכן באַל" האָט ער אָנגעשריבן פֿאַרן זאַמלבוך לטובֿת די קרבנות פֿונעם פּאָגראָם, וואָס שלום־עליכם האָט צוגעגרייט.
נאָך אַ מאָטיוו וואָס וועגן אים גייט די רייד אינעם אַרטיקל – און וואָס איז פֿאַרשפּרייט אין יִדישע ליטעראַרישע יצירות, געווידמעטע דעם פּאָגראָם, - איז דער מאָטיוו פֿון געלעסטערטער קדושה (אין די ווערק פֿון ח.נ. ביאַליק, ש. פֿרוג, מ. רבֿקין).

וו. מיכעדקאָ. די מלוכה, די רעוואָלוציע און פּאָגראָמען אין ווײַסרוסלאַנד אין אָנהייב דעם 20־סטן י"ה.

אינעם אַרטיקל ווערן באַשריבן די באַדינגונגען וואָס אין זיי האָט זיך געפֿורעמט די געוואַלד קעגן יִדן אין ווײַסרוסלאַנד אין אָנהייב דעם 20־סטן י"ה. דער מחבר קומט צום אויספֿיר, וואָס אָרגאַניזירט די פּאָגראָמען האָבן פֿאַרטרעטער פֿון היגער אַדמיניסטראַציע, קודם־כּל - פֿון זשאַנדאַרמעריע און פּאָליציי. פֿאַר זיי זײַנען פּאָגראָמען געוואָרן אַ מיטל זיך קעגנצושטעלן צו דער רעוואָלוציאָנערער באַוועגונג, וואָס די היגע

מאַטעריאַלן פֿון דער זאַמלונג פֿאַר פֿאָרשן די גרויסע פֿאָטערלאַנדישע מלחמה, וואָס געהערט צום אַרכיוו פֿון דער רוסישער געשיכטע פֿון דער רוסישער וויסנשאַפֿט־אַקאַדעמיע. מיר שטעלן אויך פֿאָר אינטערעסאַנטע פֿאָרשונגען, בתוכם אַ טייל מאַטעריאַלן פֿון דער קאָנפֿערענץ "נאַציִשע פּאָליטיק פֿון פֿעלקער־מאָרד אויף אָקופּירטע שטחים פֿון סאָוועטן־פֿאַרבאַנד", וואָס איז פֿאָרגעקומען דעם 8-7 דעצעמבער 2012 אין ברעסט: אַרטיקלען פֿון מאַלעטשער געטאָ (אַ. קענדאַ), דער פּוילישער געשיכטספֿאָרשונג פֿון די געשעענישן פֿון 1939־1941 אין מערבֿ־ווײַסרוסלאַנד (ס. סטרונעץ), די דײַטשע געשיכטע־לערנביכער און דער אָפּשפּיגלונג פֿון דער מלחמה קעגן סאָוועטן־פֿאַרבאַנד אין זיי (אַ. יערמאַקאָוו). ספּעציעל פֿאַר אונדזער באַנד האָט אונדזער טשעכישע קאָלעגע פּ. דאַמאָכאָרסקאַ אָנגעשריבן אַן אַרטיקל פֿון ענדערונגען אין דער ייִדישער ליטורגיע נאָכן חורבן:

מיר פֿרייען זיך, וואָס די נײַע צײַטשריפֿט דערמאָנט די אַלטע אַלץ מער, אפֿילו מיטן פֿאָרמאַט. פֿון דעם באַנד אָן, וועט זי כּולל זײַן דעם לינגוויסטישן און ליטעראַרישן אָפּטייל. אינעם ליטעראַרישן אָפּטייל ווערן געדרוקט אַרבעטן וועגן דעם ווילנער דיכטער מ.צ. מאַנע (וו. בריאָ) און דעם ייִדישן־ווײַסרוסישן שרײַבער זמ. ביאַדוליע (ז. גימפּעלעוויטש). דער שפּראַך־אָפּטייל ווערט אָנגעהויבן פֿון אי. יאַקאָוולעוואַס אַרטיקל וועגן ווערבן פֿון רעדן און דענקען אין ייִדיש. אינעם אָפּטייל "פּאַלעסטינישע פֿאָרשונגען" פֿאַרעפֿנטלעכן מיר יע. יאַקימאָוואַס אַרטיקל וועגן פּרינציפּן פֿון "גאַז־דיפּלאָמאַטיע" פֿון מדינת־ישראל. אין דער צײַטשריפֿט זײַנען אויך פֿאַראַן טראַדיציאָנעלע קונסטפֿאָרשערישער אָפּטייל (ט. פּאַוולאָוואַס אַרטיקל) און די רובריק "איבערזיכטן און רעצענזיעס". מיר האָבן אויך אָנגעהויבן אַ נײַע רובריק - "געשעענישן", געווידמעטע צו די הויפּט־ידיעות פֿונעם ייִדישן אַקאַדעמישן לעבן, וואָס מיט זיי איז געווען פֿאַרבונדן די רעדאַקטיר־קאָלעגיע פֿונעם אַלמאַנאַך. אַחוץ דעם, פֿון דעם באַנד אָן, וועלן מיר דרוקן אויך קיצורים פֿון אַלע אַרטיקלען אויף ייִדיש.

די רעדאַקציע האָט בדעה צו ווידמען דעם 4־טן באַנד פֿון דער "צײַטשריפֿט" צו די צוויי יאָרטעג, וואָס ווערן אָפּגעמערקט אין 2013: דעם 65־סטן יאָרטאָג פֿונעם שאַפֿן פֿון מדינות־ישראל און דעם 95־סטן יאָרטאָג פֿון פּראָקלאַמירן די ווײַסרוסישע פֿאָלקס־רעפּובליק. אַזוי אַרום, וואַרט די רעדאַקטיר־קאָלעגיע אויף אַרטיקלען, וואָס זײַנען געווידמעט פֿאָרשן פֿון מדינת־ישראל און פּאַלעסטינע, און אויף אַלע מאַטעריאַלן, וואָס זײַנען שייך צו די ווײַסרוסישע־ייִדישע באַציונגען אינעם ערשטן דריטל פֿונעם 20־סטן יאָרהונדערט.

פֿון רעדאַקציע

די רעדאַקטיר־קאָלעגיע פֿונעם יערלעכן אַלמאַנאַך "צײַטשריפֿט" פֿרייט זיך פֿאָרצושטעלן דעם לייענער דעם דריטן באַנד פֿון אונדזער אויסגאַבע. דרײַ יאָר, וואָס אונדזער אַלמאַנאַך עקזיסטירט, זײַנען אַ גוטע געלעגנהייט צו פֿאַרסהכלען אונדזער טעטיקייט. מיט דעם דאָזיקן ציל האָט דער צענטער פֿאַר ייִדישע לימודים בײַם אייראָפּעישן הומאַניטאַרן אוניווערסיטעט בשותּפֿות מיטן צענטער "ספֿר" דורכגעפֿירט אַ "רונדן טיש" אין ראַמען פֿון דער 20־סטער יערלעכער אינטערנאַציאָנאַלער קאָנפֿערענץ פֿאַר ייִדישע לימודים אין מאָסקווע (3-5 פֿעברואַר, 2013). אינעם "רונדן טיש" האָבן אָנטייל גענומען רעדאַקטאָרן פֿון ייִדישע אַקאַדעמישע פּעריאָדישע אויסגאַבעס. די דיסקוסיע האָט געוויזן דעם גרויסן אינטערעס צו אַזעלכע אויסגאַבעס. ס'האָט זיך אַרויסגעוויזן, אַז פֿון עולם ומלואו פֿון ייִדישע אַקאַדעמישע זשורנאַלן אין פּאָסטסאָוועטישע מלוכות גייען אַרויס כּסדר נאָר צוויי אויסגאַבעס: דער אַלמאַנאַך "אָריענטאַליסטישע פֿאָרשונגען" פֿון כאַרקאָווער דיזײַן־ און קונסט־אַקאַדעמיע (אונטער רעדאַקציע פֿון יעווגעני קאָטליאַר) און אונדזער "צײַטשריפֿט", וואָס מיר האַלטן פֿאַרן דערפֿאָלגרײַכסטן און פּערספּעקטיווישסטן פּראָיעקט סײַ פֿונעם צענטער און סײַ פֿונעם אוניווערסיטעט.

מיר האָפֿן, אַז דער פֿאָרמאַט, וואָס מיר האָבן פֿונעם סאַמע אָנהייבן אויסגעקליבן, - אַ יערלעכער אַלמאַנאַך – האָט זיך אַרויסגעוויזן צו זײַן ריכטיק. אַרויסצוגעבן אַ גוטע רעצענזירטע צײַטשריפֿט אָפֿטער ווי איין מאָל אַ יאָר פֿאָדערט אַוועקלייגן גרויסע מי און אויך ניט ווייניקערע פֿינאַנציעלע הוצאות, און אַצינד, בעתן מאַנגל אין גוטע מאַטעריאַלן אין מיזרח־אייראָפּע, איז דאָס כּמעט אוממעגלעך. אַזעלכע אויסגאַבעס דאַרפֿן געשטיצט ווערן פֿון אוניווערסיטעטן: דאָס וועט לאָזן צו שאַפֿן אַ גוטע אַקאַדעמישע צײַטשריפֿט און האַלטן זיך בײַ שטרענגער רעדאַקטיר־פּאָליטיק. "צײַטשריפֿט" איז שוין געוואָרן אַ מין פּלאַטפֿאָרמע וואָס פֿאַראייניקט די פֿאָרשערס פֿון צענטראַל־ און מיזרח־אייראָפּע, און אויך פּאָסטסאָוועטישע מלוכות. פֿאַרהיטן די צײַטשריפֿט וועט מיינען, אַז די דאָזיקע טענדענץ וועט זיך פֿאַרשטאַרקן. מיר באַדאַנקען אַלע מחברים, וואָס האָבן אונדז פֿאַרטרויט זייערע מאַטעריאַלן, און אַלע קאָלעגעס פֿון דער גאַנצער וועלט פֿאַר פּאָזיטיווע און קריטישע אָפּרופֿן, וואָס די צווי פֿאָריקע נומערן האָבן זוכה געווען.

פֿאַר דער הויפּט־טעמע פֿון דעם באַנד האָבן מיר אויסגעקליבן די געשיכטע פֿון אַנטיסעמיטיזם און חורבן. די ריי אַרטיקלען צו דער טעמע הייבן אָן צוויי אַרטיקלען, געווידמעטע דעם 110־סטן יאָרטאָג פֿונעם קעשענעווער פּאָגראָם. דאָס זײַנען דער ישׂראלדיקער פֿילאָלאָגין ב. וואַלדמאַנס אַרטיקל "קעשענעווער פּאָגראָם. אויפֿן סמך פֿון דער רוסישער־ייִדישער פּרעסע (1903-1904)" און וו. מיכעדקאָס אַרטיקל וועגן פּאָגראָמען אין ווײַסרוסלאַנד אין אָנהייב דעם 20־סטן י"ה. אינעם באַנד ווערן אָפּגעדרוקט פֿאַרעפֿנטלעכט עטלעכע אַרכיוו־מאַטעריאַלן: למשל, דעם סאָוועטישן היסטאָריקער ש. באַראָוואָיס בריוו צו זײַן עלטערן קאָלעגע וו. פּיטשעטאַ (1939-1945), און אויך

די וויסנשאַפֿטלעכע קאָלעגיע:
פּראָפֿעסאָר נאַדעזשדאַ אַבלאָוואַ (ווײַסרוסלאַנד)
דאָקטאָר פֿעליקס אַקערמאַן (דײַטשלאַנד - ליטע)
פּראָפֿעסאָר אייל בן ארי (ישׂראל)
דאָקטאָר שמעון גאָלדין (ישׂראל)
דאָקטאָר אירענאַ ווײַשווילײַטע (ליטע)
דאָקטאָר יורגיטאַ ווערביצקענע (ליטע)
דאָקטאָר אַרקאַדי זעלצער (ישׂראל)
דאָקטאָר פּאַוועל טערעשקאָוויטש (ווײַסרוסלאַנד)
דאָקטאָר דבורה יאַלען (פֿש"אַ)
דאָקטאָר איליאַ לוריע (ישׂראל)
דאָקטאָר וויקטאָריאַ מאָטשאַלאָוואַ (רוסלאַנד)
פּראָפֿעסאָר אַלעקסיי סיווערצעוו (פֿש"אַ)
דאָקטאָר וועלוול טשערנין (ישׂראל)
דאָקטאָר יעווגעני קאָטליאַר (אוקראַיִנע)
פּראָפֿעסאָר שאול שטאַמפּפֿער (ישׂראל)

דער הויפּט-רעדאַקטאָר:
דמיטרי שעוועליאָוו (ווײַסרוסלאַנד)

די רעדאַקציע:
אַנדריי זאַמויסקי (ווײַסרוסלאַנד)
אַרטור מאַרקאָווסקי (פּוילן)
אלכּסנדרה פּאָליאַן (רוסלאַנד)
יעווגעני ראָזענבלאַט (ווײַסרוסלאַנד)
אינאַ סאָרקינאַ (ווײַסרוסלאַנד)
צייכענונג:
אַנאַסטאַסיאַ יאָקשאַ (ארמעניע)

דאָס יאָרבוך איז געגרינדעט געוואָרן אין 2011.

אינעם רעכטן אונטערשטן ווינקל פון דער הילע – א פֿראַגמענט פֿון סאַלוואַדאָר דאַליס ווערק "עקשנות פֿונעם זכּרון"

אייראָפּעיִשער הומאַניטאַרער אוניווערסיטעט
צענטער פֿאַר ייִדישע לימודים

צײַטשריפֿט

פֿאַר ייִדישער געשיכטע, דעמאָגראַפֿיע, עקאָנאָמיק,
ליטעראַטור־פֿאָרשונג, שפּראַכוויסנשאַפֿט און עטנאָגראַפֿיע

באַנד 8 (3)

מינסק – ווילנע
2013